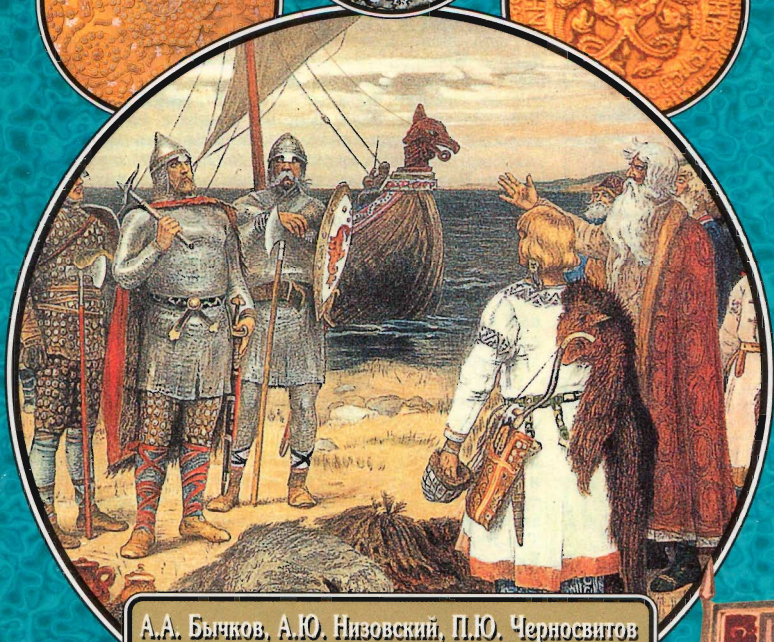

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ

А.А. Бычков, А.Ю. Низовский, П.Ю. Черносвитов

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Scan By Vitautus

А.А. БЫЧКОВ, А.Ю. НИЗОВСКИЙ,
П.Ю. ЧЕРНОСВИТОВ

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ» ● 2000

ББК 88.5
Б 95

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных серий и жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече»,
телефоны: 188-16-50, 188-88-02,
182-40-74.
E-mail: veche@mail.sitck.net

ISBN 5-7838-0687-0

© А.А. Бычков, А.Ю. Низовский,
П.Ю. Черносивов, 2000.
© Вече, 2000.

Авторы выражают глубокую признательность тем, кто способствовал доведению этой книги до печатного состояния своими материалами и нелицеприятной, но конструктивной критикой: чл.-корр. РАН, доктору исторических наук В.В. Седову, чл.-корр. РАН, доктору исторических наук А.К. Станюковичу, канд. исторических наук Г.Е. Дубровину

Введение

ИСТОРИК КАК НЕСЧАСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ НАПИСАТЬ ЧЬЮ-ЛИБО ИСТОРИЮ ДО КОНЦА

Прежде всего, считаем своим долгом предупредить читателей: мы не пишем и потому не излагаем здесь *новую историю* Древней Руси, и уж подавно — России. Это вовсе не входит в нашу задачу, да и вообще такая задача не решается «малым научным коллективом». Над историей любой страны работают поколения историков, но сказать, что всеобъемлющая, полная история какой-либо страны или какого-либо народа когда-нибудь будет написана *до конца* — вряд ли возможно. Хотя бы уже потому, что пока она *пишется*, она еще и *идет*! Но это-то очевидно. Не очевидно другое: почему, в конце концов, нельзя дописать «до конца» более ранние, и уж подавно — древние этапы истории?

Казалось бы, чего проще: собрать все исторические свидетельства изучаемой эпохи, прежде всего, документы всех видов — летописи, хроники, государственные акты правящей верхушки (какая она там была в то время), родословные всех знатных фамилий, всякие местные указы, хозяй-

ственные документы... Ну, наконец, литературу того времени, описания тогдашнего театра и прочих искусств, — если они были, конечно, описания быта и нравов современников (той эпохи, само собой), их верований, религиозных убеждений, религиозных учреждений... Ну, если и этого мало, частную переписку, в конце-то концов! А потом, практически от любой исторической эпохи остались ведь и материальные свидетельства. Это и какие-то памятники архитектуры — пусть даже в развалинах, и собственно археологические памятники — остатки давно забытых, заброшенных поселений и могильников. Стало быть, надо найти их и изучить, как и письменные документы. После чего обобщить все это, вместе взятое, дополнить одно другим, упорядочить в пространстве и времени — и вот вам, история такого-то народа (или страны) такого-то времени готова!

Разумеется, любой современный человек не настолько наивен, чтобы не понимать, какая это *колоссальная* работа, особенно когда речь идет об истории какого-либо древнего и крупного государства. Но, наверное, далеко не все понимают, что эта работа *бесконечна в принципе*. И не в том смысле, что действительно *бесконечно* количество исторических памятников какой-то *конечной* — пусть даже очень длинной — исторической эпохи, будь то письменные документы или какие-то другие исторические ее свидетельства: естественно, их число математически *конечно*. Дело тут в другом. Бесконечен наш поиск этих свидетельств. Мы никогда не можем быть уверены, что нашли *все* исторические свидетельства изучаемой эпохи, или хотя бы все самые существенные: ведь они же не лежат, «готовенькие к употреблению», все в одном месте! И никто и никогда не может сказать, где лежит тот «последний» документ, найдя который историк мог бы вздохнуть с облегчением: ну все, история Египта времен Нового Царства (Франции, Англии, Китая, Руси...) нам известна до конца!

В том-то и дело, что нет тут никакого конца! Завтра, послезавтра, в следующую пятницу, через сто лет — может

быть где-то найдено нечто — потерянная летопись, чья-то переписка, зарытый когда-то кем-то в землю тайный архив, могильник, считавшийся принадлежащим другому народу или другой эпохе, что угодно еще, — что перевернет наше представление об изучаемом народе или о стране того времени, который или которую мы считали изученным досконально. Ну, пусть даже не перевернет радикально, но заставит посмотреть на это прошедшее время другими глазами.

Тут мы плавно перешли к другой стороне вопроса о том, почему изучение истории — бесконечный процесс. Дело еще и в нас самих — людях, этим занимающихся. «Посмотреть другими глазами» — это ведь о нас, а не об истории, как текущем процессе. Что прошло, то прошло, тут ничего изменить нельзя, поскольку оно уже кончилось. Но мы-то пытаемся понять, *что именно* прошло! А исторические документы и прочие свидетельства, даже те, которые вроде бы впрямую к этому прошедшему относятся, говорят нам иногда о совершенно разном. Модельная ситуация: в «летописи А» повествуется, что в таком-то году славный Дуболом с войском доблестно завоевал Бурмундию и установил там закон и порядок, и с тех пор эта страна зажила под его мудрым руководством спокойно и счастливо. А «летопись Б» с прискорбием сообщает, что в этом же году подлый Дурослав с шайкой разбойников вероломно захватил несчастную Бурмундию и с тех пор бывшая процветающая страна на многие годы оказалась под чудовищным гнетом гнуснейшего из мерзавцев, когда-либо сидевших на троне.

Но это бы еще ладно, ведь понятно, что авторы этих летописей придерживались разной политической ориентации. Или, скажем, первый из них принадлежал к потомкам победителей, а второй — к потомкам побежденных. Главное, что само по себе событие — завоевание Бурмундии в некоем году — имело место. Все становится несколько хуже, когда из третьих и четвертых документов постепенно выясняется, что авторы указанных летописей назы-

вают дату этого события, опираясь на разные системы летоисчисления. А учитывая то обстоятельство, что и имя завоевателя передается ими несколько по-разному, да еще и то, что в начале «летописи Б» страна эта называется почему-то Бурнулия и только на последних страницах превращается в Бурмундию, то у историков невольно закрадываются сомнения: а правы ли мы, считая, что обе летописи говорят нам об одном и том же событии? А уж если учесть, что на древних географических картах можно найти как минимум две Бурмундии, из которых одна в предыдущей географической традиции обозначалась как Бурнулия, а вторая как Дурналия, то дело становится совсем плохо...

О ДОСТОВЕРНОСТИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Не нужно думать, что приведенный пример — всего лишь попытка развеселить досужего читателя. Он прямо отражает суть одной из сложнейших задач, на каждом шагу встречающихся историкам, а именно — задачи отождествления событий, описываемых в разных исторических документах. Специально подчеркнем: задачи такого рода достаточно типичны и далеко не всегда разрешимы однозначно. Более того, пополнение фонда исторических источников по мере продвижения исследований зачастую не только не помогает поиску решения, но может еще больше запутать ситуацию. Может найтись и третье, и четвертое описание вроде бы того же события, но и они могут расходиться в деталях с предыдущими, причем иногда до такой степени, что само событие в глазах исследователя окончательно расплывается, теряет свою конкретность как в пространстве-времени, так и в этнической и персонажной атрибутике «действующих лиц и исполнителей». Так, стало быть, это плохо, когда письменных источников по истории какого-то народа или государства слишком много?

Нет, это хорошо! Ибо из сказанного выше вытекает вовсе не то, о чем мог подумать читатель в первую очередь — что обилие документов только запутывает задачу восстановления *истинной* истории. Представьте себе, что вместо трех или четырех дошедших до нас летописей какого-то периода некоего государства до нас дошла бы только одна. Конечно, историку при этом становится жить проще: выбирать не из чего, вот она, готовая история, читайте на здоровье! Но вот *истинна* ли она — это другой вопрос. Ведь в тех случаях, когда летописей об одном и том же периоде истории осталось несколько, историк же видит, до какой степени они разнятся между собой! Следовательно, ни одна из них не является *истинной* в полном смысле слова, все они — лишь варианты прошедшего, и предстоит упорная работа по отысканию этой истинной последовательности событий. И если до нас дошел только один вариант летописи, можно быть уверенным, что у нас почти нет шансов добраться до *истинной* истории: мы имеем *только один взгляд* на прошедшее, и он, естественно, субъективен и не поддается коррекции с помощью других вариантов изложения тех же событий — за неимением последних!

Так что мечта историка — собрать *все* письменные документы изучаемой эпохи. Увы, этого никогда не бывает. Рукописи горят, и еще как горят! Мы даже не представляем себе действительные масштабы наших — общечеловеческих — потерь документов прошлых эпох. Конечно, всем известны некоторые грандиозные разовые потери такого рода, например пожар знаменитой Александрийской библиотеки, сгубивший сотни тысяч рукописей — интеллектуальное наследство чуть ли не всех цивилизаций доантичного и античного времени Средиземноморья и Ближнего Востока. Конечно, это — интеллектуальная, в том числе и историческая, катастрофа. Но ведь невозможно посчитать количество мелких пожаров в «письменных» странах за всю историю их существования. А грандиозные бури, наводнения. А естественная убыль документов за счет их износа —

пересыхания, гниения, грибкового разложения материала-носителя текста. Как оценить потери такого рода? Наконец, такой отвратительный момент человеческого «цивилизованного» бытия, как нарочитое, целенаправленное — иногда тайное, иногда демонстративное — уничтожение неудобных власть предержащим документов, в том числе и «неправильных» исторических. А ведь это практиковалось с глубочайшей древности — в Древнем Египте, например, когда имя фараона-отступника Эхнатона срубалось со всех настенных надписей — и практикуется до сих пор — вспомним переписывание в 1930-х годах «Истории ВКП(б)» и повсеместное изъятие и уничтожение ее предыдущих вариантов! Словом, задача — собрать все документы какой-либо эпохи — вещь совершенно неосуществимая: мы не знаем, и никогда не узнаем, сколько их было, о чем они повествовали и сколько их еще осталось.

Но не только по этой причине процесс исторического исследования оказывается бесконечным. Ведь мы не только пытаемся выяснить, *что именно* произошло, но и *понять* это происшедшее, осмыслить его, а в идеале — выявить те силы и причины, по которым история как процесс движется так, а не иначе. Именно в этом и заключается функция любой науки, в том числе и исторической. Строго говоря, неистребимому желанию понять происходящее и объяснить его другим мы и обязаны столь непохожими описаниями одного и того же события, вышедшими из-под пера разных летописцев. Они ведь тоже не просто рассказывают о чем-то, они это *объясняют* — так, как сами понимают или как это понимает *заказчик* текста, а точнее — как заказчик хочет, чтобы понимали те, кто этот текст будет читать: это его забота о «своем лице» в глазах будущих поколений, так сказать.

Иногда это приводит к курьезным результатам. Ведь заказчиками-то многих исторически значимых текстов были во все времена власть предержащие. И, естественно, тексты, по их распоряжению составленные — это в основном прославления их деяний, да еще и выполненные на наибо-

лее долговечных «носителях»: на гладких поверхностях скал — как, например, в ранней Персии, на каменных стенах храмов и пирамид — как в Египте или в некоторых индейских культурах Латинской Америки, на каменных стелах — как вообще во многих культурах древности и средневековья. Так вот, для современных историков подобные тексты ценны не только своим смысловым, событийным содержанием, но и тем, *как именно*, в каких выражениях это содержание изложено. Сама форма изложения события — великолепное свидетельство того типа мышления, который был присущ правителю, повелевшему составить данный текст. Он ведь требует не все события своего правления изложить, а те, которыми он *может гордиться*, и не только перед своими современниками, но и «в веках»! Бедняга! Думал ли он, Великий Воитель, и вообще ВЕЛИКИЙ, перед которым «трепещут народы», а подданные «семь и семь раз припадают в пыль к стопам его, семь раз на живот и семь раз на спину» (цитата), что за несколько сот, и уж подавно — несколько тысяч лет психология «читателей» текстов, повествующих о его деяниях — предмете его гордости и надежде на бессмертную славу — изменится настолько, что в их глазах он предстанет совершеннейшим мерзавцем, все свое царствование занимавшимся убийствами и грабежами своих соседей и вообще всех тех, до кого сумели дотянуться его хищные лапы!

И ведь не он один так думал! Судя по содержанию и тону изложения многих летописных документов самых разных стран и эпох, многие летописцы сами думали примерно так же. И мы не имеем никакого морального права обвинять их в пристрастности и необъективности, ведь мы и сами такие! Мы все — дети своей эпохи и присущей ей психологии, или, если угодно — идеологии. Убедиться в этом очень просто. Достаточно сравнить хотя бы «Курсы Русской истории», написанные в XIX веке, скажем, Костомаровым, Соловьевым и Ключевским, и написанные в советское время. Заметим, кстати, что и «Истории России» этих трех крупнейших и уважаемых специалистов отнюдь

не являются копиями друг друга: позиции каждого из авторов достаточно ярко выражены. Да и советские издания ощутимо разнятся между собой под влиянием колебаний в «руководящей линии партии».

Однако не только от господствующей в данное время идеологии зависит наше восприятие и интерпретация исторического материала. Дело еще и в совершенствовании самой методики исследований, в том числе — и во взаимодействии разных отраслей самой исторической науки, и в приложении к решению исторических задач методов естественных наук. Можно было до хрипоты спорить, например, о времени написания того или иного документа, несущего существенную информацию, но если у вас есть способ выяснить, в какое время произведен тот материал, на котором этот документ написан, или способ объективно датировать тот памятник археологии, из которого этот документ происходит (например, папирусы из древнеегипетских погребений или глиняные таблички с клинописью из древних городов Месопотамии), то споры такого рода прекращаются. А вот результаты этих споров могут быть неожиданными и существенно повлиять на традиционную трактовку некоего исторического события или даже на понимание целой исторической эпохи.

Меняется с годами (лучше сказать — от столетия к столетию) и отношение самих историков к достоверности содержания многих исторических документов. Одно дело, когда таким документом является, скажем, какой-то хозяйственный отчет — а такие часто попадаются среди документов, оставленных развитыми государствами любой эпохи. Более того, они и им подобные документы составляют большую часть исторических письменных источников вообще! Так вот, он может быть изложен и на глиняной табличке клинописью, и иероглифами на папирусе, и латынью на пергаменте, и как угодно еще — неважно это. Отчет есть отчет, и историк понимает, что, разумеется, тот «завхоз», который его писал, мог где-то и приврать в цифрах, причем в свою пользу: это водилось за «племенем зав-

хозов» во все времена, и во все времена их за воровство вешали, сажали на кол, рубили им головы, вырывали ноздри и т.д., в зависимости от вкусов той или иной эпохи, — о чем тоже сохранилось немало документов. Но исследователь видит, что перед ним именно *хозяйственный документ*, и ничто другое, то есть «первичный источник» — то ценнейшее для профессионального историка (и невидимое дилетантам) *объективное свидетельство* того, что во времена, когда он был составлен, в данном месте существовало то реальное хозяйство, ведение дел в котором в этом документе описывается. Специально обратим внимание читателя на это обстоятельство: именно из документов такого рода лепится «по кусочкам» профессиональными исследователями *достоверная часть* истории того или иного государства той или иной эпохи!

Другое дело, когда в руки исследователей попадает документ, претендующий на звание «История» чего-то или кого-то или на звание «Летопись». Именно такие документы становятся через какое-то время известны широкой публике, — поскольку наиболее яркую их часть публикуют в популярных изданиях — которая уверена, что они-то и являются *главными историческими документами* своей эпохи. Увы, это совсем не так, но об этом знают только профессионалы! А для этих последних к сегодняшнему дню давно миновали времена наивно-доверчивого восприятия подобных документов. В исторической науке постепенно утвердилась процедура под названием «критика источника». Она-то и является главным исследовательским инструментом, без приложения которого к материалу «типа летописного» последний — только «сырье» для дальнейшей работы. Но именно эта процедура наиболее сложна, многовариантна, зачастую субъективна, и потому результаты ее приложения к исходному материалу источников разными исследователями приводит так часто к разным результатам.

Разное понимание историками того, на какой основе должна вестись процедура «критики источника», привело к сложению в этой науке разных школ, каждая из которых

руководствуется своими принципами. Так, приверженцы одной школы считают, что «Истории» и «Летописи», писавшиеся в *любую* историческую эпоху в *любом* регионе Земли (то есть там, где они вообще писались), в своей древнейшей части, повествующей о начальных этапах истории своего народа — всегда только миф, плавно переходящий в эпос. Собственно же *история* начинается с событий, происходивших не ранее чем за три — пять поколений до времени жизни того, кто эту «Летопись» начал составлять. Приверженцы противоположной школы считают, что пусть не все, но, по крайней мере, этногенетические мифы — те, в которых говорится о ранней истории народа, — насквозь историчны, хотя и разукрашены изрядной долей фантазии. Заметим попутно, что эта школа сложилась еще во времена античности, и кое-кто из древнегреческих историков считал, что даже мифы о богах и их борьбе за власть над миром на самом деле — нормальная, но очень древняя история человечества, а сами боги — это реально жившие великие вожди былых эпох. Существует точка зрения, что лишь некоторые типы этногенетических мифов можно считать исторически правдоподобными, а остальные являются собственно мифами, и т.д., и т.п. — всего многообразия подходов нам не перечесть.

Но «критика источника» не сводится только к обоснованию исследователем своих принципов. В любом случае это тонкая аналитическая процедура, подразумевающая детальный разбор изучаемого текста, сравнение его с другими, близкими по содержанию, привлечение прочих исторических документов данной эпохи для определения достоверности излагаемых в этом тексте событий, и т.д. Как правило, это дотошная, кропотливая работа, которая может тянуться месяцами, а то и годами, и десятилетиями: все зависит от объема и сложности изучаемого текста, от понятности языка, на котором он написан, от степени его сохранности, полноты и массы прочих моментов. Но именно в этом и состоит профессиональная работа историка, абсолютно неизвестная широкой публике: ведь она видит

только *ее конечный результат* — ИСТОРИЮ некоего народа или страны! А этот самый *результат*, столь желанный и столь упорно искомый, у разных исследователей может оказаться совершенно разным!

ЗАЧЕМ НАМ НУЖНА АРХЕОЛОГИЯ

А теперь обратимся к такой стороне исторических изысканий, как исследование археологических памятников. Сегодня вряд ли надо кому-нибудь доказывать, что без изучения археологических памятников невозможно получить достаточно полную картину прошлых исторических эпох. Для дописменного периода истории это всегда было очевидным, для письменного, возможно, требует некоторых пояснений. Дело в том, что письменные документы в большинстве случаев говорят нам *о событиях* своего времени — что, когда, где и с кем произошло. Мы имеем в виду не только собственно летописи или исторические хроники. Изложения событий, пусть и частного характера, посвящена и личная переписка людей, в чем может убедиться каждый, кто сам писал кому-то письма. Описание же быта, нравов, обычаев — вещь, достаточно редко встречающаяся, и, как правило, только в тех случаях, когда автор данного текста пишет о новом для себя месте, стране, людях, то есть чаще всего — в описаниях чьих-то путешествий. Понятно, что документов такого рода существует сравнительно немного, и сегодня большинство из них историкам известны. Но как проверить их достоверность, как убедиться, что автор каждого такого документа описал реальную картину существования той страны, того народа, о котором он писал?

Именно это и помогает нам выяснить археология. В отличие от информации, получаемой из большинства письменных источников, информация археологическая *бессобытийна*. Не в том, конечно, смысле, что она ничего не говорит о *жизни* прошлого. Ведь и само по себе, например,

сооружение кургана над чьим-то погребением — тоже некое действие, *событие*. Но кто он, тот человек, который похоронен в этом кургане, кто те люди, которые этот курган насыпали? В подавляющем большинстве случаев эти вопросы остаются без ответа, независимо от того, к какой именно эпохе относится изучаемый курган. А вот саму историческую эпоху как раз археология и определяет, хотя существование курганного обряда захоронения в степной и лесостепной зонах Евразии известно не одну тысячу лет. Он появился примерно в конце IV тысячелетия до н. э. и существовал до средневековья. Более того, именно археология помогает нам понять, к какому социальному слою принадлежит погребенный, а стало быть, подсказывает нам сложность социальной структуры данного общества. И она же позволяет нам разделить курганные могильники одной эпохи по ряду черт захоронений и составу погребального инвентаря на отдельные группы, каждая из которых оставлена людьми определенной этнической принадлежности.

Понятно, что все это относится и к любым другим типам погребальных памятников, а их, самых различных, существовало (да и сейчас существует) масса. Как только не хоронили покойников! В пещерах, на вершинах гор, на деревьях, под полами жилищ, на специальных кладбищах, в ямах больших и малых, лежа на спине, лежа на боку, по отдельности каждого или в одном месте всей семьей, сохраняя тело, расчленив тело, кладя его в гроб, строя для него домик, сооружая сложную подземную катакомбу, сжигая тело, сыпая пепел в яму, сыпая его в урну — все это невозможно перечислить! И это хорошо, поскольку само разнообразие способов погребений дает возможность археологам выделять по ним определенные исторические эпохи и, опять же, определенные этносы. Но *назвать* эти этносы сама археология не может. Она должна сопоставить результаты своих исследований с данными письменных источников, найти какие-то «зацепки» в описании времени и места протекания определенных событий, времени и места существования на территории этих памятников конкретных

племен или народов — и тогда изученные могильники обретут свое «историческое лицо», хотя каждый из погребенных в них вряд ли «персонифицируется».

Или, скажем, в процессе раскопок какого-то древнего поселения или города может выявиться мощный горелый слой — несомненный след крупного пожара, уничтожившего этот город. Понятно, что это тоже след некоего события. Но что вызвало пожар древнего города — стихийное бедствие, случай неаккуратного обращения с огнем или вражеское нашествие? На этот вопрос археология сама, без обращения к письменным источникам, как правило, ответить не может.

И все-таки археология многое может в исследовательском плане. Именно она дает нам возможность изучить материальную культуру любой исторической эпохи, понять уровень экономического, социального и даже духовного развития древнего общества, интенсивность его связей с другими территориями и народами и даже узнать, с какими именно. Но за исключением тех, достаточно редких случаев, когда в самом археологическом памятнике обнаруживаются *прямые письменные свидетельства* того, как это местообитание называется — например, каменная стела со сводом законов данного города или славословия в честь его основания, — археологический памятник остается *безымянным*. И исследователи должны приложить массу усилий для его отождествления с каким-то из городов письменной истории. Зато, когда это удастся, сама письменная история обретает, наконец, зримые, вещественные подтверждения, в том числе и такие, как завоевание или разгром какого-то города в таком-то году — в виде остатков грандиозного пожара, брошенных вещей в жилищах, трупов людей на улицах и т.д.

Кроме того, археология, если обобщать результаты ее исследований в глобальных масштабах, позволяет нам получить такую незаменимую в изучении истории вещь, как *относительную хронологию культур*! Последнюю образно можно представить как сеть, «провязанную» по горизонта-

ли и по вертикали. По горизонтали — синхронными слоями различных памятников, расположенных на самых различных территориях. Сама же эта синхронность устанавливается найденными в слоях этих памятников однотипными или просто одинаковыми предметами. Дело в том, что ни одно общество, начиная примерно с эпохи энеолита (время первого появления медных или простейших бронзовых орудий), не жило в полной изоляции от других, за исключением географических изолятов — на Крайнем Севере, в высокогорных областях, на островных территориях. Все же остальные в той или иной степени всегда участвовали в обмене какими-то материальными ценностями с соседями, с соседями своих соседей и т.д. В итоге многие вещи распространяются на громадные расстояния от места своего производства, частично оседая в соответствующих слоях археологических памятников, позволяя их тем самым синхронизировать. Другой вариант: особенно понравившиеся привозные вещи начинают копироваться местными мастерами — конечно, в тех случаях, когда в данной культуре уже есть мастера, владеющие соответствующими технологиями. И вот подражания импорту начинают распространяться по новой, иногда довольно обширной территории, совсем не соприкасающейся с исходной, в культуре которой «родилась» та первая вещь-образец, вещь-эталон для подражания. Для археологии же это очень ценная ситуация, поскольку она также позволяет синхронизировать культуры, существовавшие на разных, иногда очень отдаленных друг от друга территориях, — разумеется, с учетом определенного «запаздывания» в появлении и распространении подражаний.

По вертикали же сеть относительной хронологии «проявляется» мощными многослойными археологическими памятниками типа древних и долгоживущих городов. Разумеется, раскопки последних — занятие чрезвычайно трудоемкое и методически сложное: ведь в большинстве случаев слои не отделены друг от друга стерильными прослойками. Скорее, наоборот, деятельность более позднего вре-

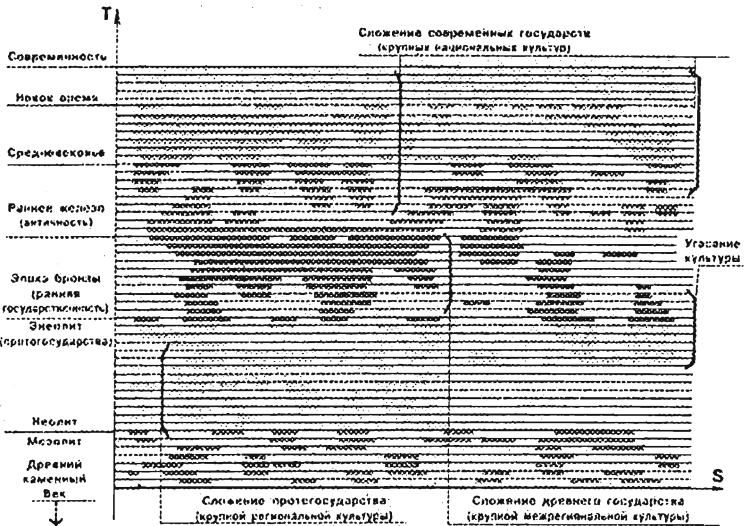

Рис. 0.1. Схема глобальной относительной хронологии, построенная как связь археологических культур мира

мени нарушает культурные напластования предыдущих эпох бесчисленными перекопами, выбросами и т.п. Поэтому археологические раскопки таких объектов — отнюдь не любительское занятие, они требуют огромного внимания и тщательности, и вообще по методическим приемам они сродни криминалистической экспертизе. Но в итоге мы можем составить вертикальную колонку сменяющих друг друга культур, каждая из которых характеризуется своим набором типичных предметов и сооружений самого разного назначения, которые могут сравниваться с таковыми, найденными на других археологических памятниках.

Так вот, сочетание вертикальных колонок с горизонтальными синхронными слоями и дает нам *глобальную сеть относительной хронологии*, проиллюстрировать которую можно следующим образом (рис. 0.1). А так как многие археологические памятники достаточно верно отождествлены с историческими городами, то построенная таким образом сеть дает возможность с помощью археологического мате-

риала откорректировать последовательность главных эпохальных событий письменной истории.

О СМЫСЛЕ ГЛАВНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Поскольку нам в дальнейшем изложении придется довольно часто ссылаться на результаты археологических исследований, мы познакомим читателя с главными понятиями, которые употребляются археологами при описании изучаемых ими объектов.

Прежде всего, это термин *археологический памятник*. Вообще само слово «памятник» общеупотребительно в среде историков. Письменный исторический документ, на чем бы он ни был написан — тоже *памятник*. Археологический памятник — памятник в этом же смысле: он носитель памяти той эпохи, от которой остался. Это может быть могильник любого времени и любой «конструкции», главное, что делает его объектом возможного археологического исследования — то, что он «вышел из употребления» живущих сегодня или живших недавно людей, «выпал» из современной жизни, из современной культуры. Он перестал быть кладбищем, он стал именно *памятником*.

Это могут быть остатки поселения любой эпохи и любого размера, от сезонной стоянки охотников или рыболовов, в виде одного жилища, до многокилометрового по периметру города. Конечно, на этом же месте и сегодня может находиться современный «живой» город или селение — и такое сплошь и рядом случается: сколько веков стоит на одном месте Рим, Париж, Прага, Москва, Новгород и тысячи других городов? Но это не мешает пониманию того, что эти города содержат в себе, «под собой» современным, археологический памятник под тем же (а иногда и под другим!) названием в виде *культурного слоя* сколь угодно большой толщины и структурной сложности. Более того, из этого слоя, с разных его глубин, сквозь со-

временную дневную поверхность могут «высовываться» — и в долгоживущих каменных городах в больших количествах! — древние сооружения, «вписавшиеся» в современную городскую структуру, но относящиеся к разным этапам существования этого города. Это, как правило, древние городские укрепления, замки-детинцы, дворцы, храмы и т.д. И тогда мы говорим о них, как о *памятниках архитектуры* той или иной эпохи. Но не нужно забывать, что одновременно они — и археологические памятники, которые могут и должны изучаться *вместе* с культурным слоем того времени, к которому относится их сооружение.

Еще один важнейший археологический термин — *культурный слой*. Надо сказать, что при всей благозвучности этого наименования, на самом деле под ним подразумевается слой, образовавшийся в результате человеческого бескультурья. Это все то, что люди поломали, разбили, нащвыряли, потеряли, выкинули и втоптали в грунт прямо там, где жили. Если бы люди во все эпохи своего существования тщательно прибирали за собой — выметали полы своих жилищ и территорию своих поселений, то археологам к нашему времени ничего, кроме остатков строительных конструкций, могильников и мусорных куч, не осталось бы. Конечно, остатки строений тоже входят в понятие «культурный слой», равно как и мусорные кучи, находимые иногда при больших городах, но синхронизировать вещи из этих последних с определенными строительными горизонтами, выявляемыми при раскопках культурного слоя городов, можно только потому, что в этих самых горизонтах находятся вещи *аналогичного* вида — те самые, брошенные, потерянные, затоптанные.

Все это касается и относительной датировки могильников. В самом деле, как определить, к какому этапу существования того или иного поселения (или города), или к какому из разновременных поселений, существовавших когда-то в этой местности, относится тот или иной могильник, найденный археологами в ближайшей к ним округе? Да именно по одинаковым вещам, имеющимся в по-

гребениях и на поселениях, в *определенных горизонтах* культурного слоя этих поселений!

А вещей, находимых при раскопках археологических памятников, существует масса, и самых различных. Это может быть все, чем пользуется человек определенного исторического времени в быту и в производстве. И вряд ли надо кому-нибудь объяснять, что именно они, точнее, их совокупность с какого-либо памятника, служит главным определителем времени его существования. Ведь не зря же археологическая периодизация истории оперирует «вещественными» наименованиями главных эпох: каменный век, бронзовый век, ранний железный век. Разумеется, рабочая временная археологическая шкала более детализирована, и большинство людей, интересующихся историей, в целом с ней знакомо. Сейчас мы напоминаем об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть важный момент: именно *комплекс* вещей, полученных при раскопках какого-либо поселения или могильника, позволяет синхронизировать отдельные археологические памятники между собой и помещать их в определенную историческую эпоху: в каменный, бронзовый или какой-то другой век.

А вот если такой *вещевой комплекс* выявляется на нескольких поселениях, или в разных слоях разных же поселений, то археолог вправе сделать вывод: слои с таким устойчивым вещевым комплексом относятся к одной и той же *археологической культуре*. И если впредь где-то будут попадаться отдельные вещи, входящие в этот комплекс, то мы вправе предположить, что они произведены в рамках этой культуры, то есть в данном месте и в данное время, а потом попали в другое место путем продажи, обмена, завоза или как-то еще. И, что самое важное: если это вещи сравнительно недолго живущие, хрупкие — такие, как стекло, керамика — то можно утверждать, что культурные слои других памятников, в которых они были найдены именно как отдельные, чужие здесь вещи, *синхронны* той археологической культуре, в вещевой комплекс которой они входят, как в «родной».

Напомним читателю: именно так и осуществляется «провязка» по горизонтали (то есть по времени) сети глобальной относительной хронологии археологических памятников, о которой мы говорили выше. Конечно, в этой «провязке» участвуют и долгоживущие вещи, например, металлическая посуда, орудия, оружие, монеты или ювелирные украшения. Они хороши тем, что могут распространяться действительно на огромные, тысячекилометровые расстояния по цепям обмена или караванным путям. Но все «неудобство» их для археологов состоит в том, что они *долгоживущие* и могут передаваться из поколения в поколение, особенно те из них, которые сделаны из драгоценных металлов. Там, куда они попадали из центров своего производства, их могли использовать — или просто хранить — по сто — двести лет: редко можно сказать точно, сколько именно. И когда они попадают в культурном слое, и уж подавно — в погребальном инвентаре чьей-то могилы как личная принадлежность погребенного, то археолог обязательно задумается над тем, приобрел ли покойный эти вещи сам, или они достались ему, скажем, в наследство от его прабабушки.

Керамика же в этом отношении — материал куда более благодатный, именно потому, что *горшки долго не живут!* Зато их веками использовали как тару для перевозки пищевых сыпучих или жидких грузов, особенно в античное время. И уж если нашли мы осколки какой-нибудь милетской амфоры хоть за тысячу верст от Средиземноморья, в культурном слое поселочка на Западной Двине, то можем быть уверены: потягивали здешние охотники-рыболовы греческое вино, и именно тогда, когда греки его произвели, пару тысяч лет назад! И не просто так попало сюда это вино, а, скорее всего, в обмен на что-то такое, что здешние охотники добыли и что можно было на это вино обменять.

Наконец, главное для нашего дальнейшего изложения археологическое понятие — *археологическая культура*. Прежде всего, читателю нужно запомнить: этот термин не имеет почти ничего общего с тем, что мы подразумеваем

под словом «культура», когда говорим: русская культура, японская культура, западная культура, восточная культура и т.д. В строгом смысле слова *археологическая культура* — это совокупность артефактов (объектов, созданных человеческими руками), обладающих устойчивым набором признаков, помогающих отличить ее от другой подобной совокупности — и все! В эту совокупность входит и способ организации поселения — тип застройки стоянок, поселений и городов — и тип жилищ, и остатки хозяйственной деятельности в виде пищевых отходов (костей, зерен), и вещевой комплекс, включая материалы, из которых эти вещи делались, и технологии их изготовления, и наиболее типичные орнаментальные мотивы на этих вещах. Сюда же относятся и всякие культовые места, — если их удастся выявить, и многие предметы, назначение которых нам непонятно и которые поэтому называются при описании памятника «культовыми», хотя они могут быть и совершенно иными по смыслу. Просто мы теперь таких не делаем — живем-то в другую эпоху и в других культурах! — и эти смыслы для нас давно потеряны.

Ну а какое объединение людей, какой тип человеческого сообщества стоит за понятием *археологическая культура*? Конечно, логика подсказывает нам, что *единая* материальная культура, скорее всего, вырабатывается у людей, живущих *единым* же коллективом. Но, во-первых, каковы должны быть размеры такого коллектива, какова должна быть «степень связности» входящих в него людей и как долго он должен существовать как целое, чтобы внутри него выработалась эта самая *единая* материальная культура? Во-вторых, археологи же понимают, что им достается лишь большая или меньшая часть этой культуры — та самая, брошенная, потерянная и забытая, о которой мы говорили выше. А что она представляла собой в целом, мы не знаем. Может быть, тех ее составляющих, которые до нас не дошли, было так много и в разных поселениях одной и той же *археологической культуры* они были так непохожи, что, увидев *живую культуру* во всей ее полноте, нам бы и в го-

лову не пришло считать ее *единой* культурой! Поэтому профессиональные археологи с большой осторожностью относятся к попыткам как своих коллег, так и историков, и этнологов, и лингвистов напрямую отождествить *археологическую культуру* с каким-либо этносом, или народом, или государством древности, известным нам по письменным или этнографическим источникам.

Из этой, вполне оправданной осторожности и вытекают наиболее употребительные названия археологических культур, — как правило, по месту нахождения того первого памятника, который впоследствии оказался типичным по совокупности признаков для целого ряда ему подобных: лужицкая, пражская, трипольская, андроновская и другие культуры. Иногда наименование археологической культуре могут дать по какой-то типичной для всех ее памятников черте, например по способу погребения. Отсюда — ямная культура, катакомбная культура, культура полей погребальных урн и т.д. Но культура может быть названа и по какому-то характерному типу вещей, встречающихся на всех ее памятниках, или даже по характерному орнаменту на этих вещах, как правило, на керамике. Так появились названия — культура шаровидных амфор, культура воронковидных кубков, культура колоколовидных кубков и т.п. Из этого не следует, разумеется, что вся керамика таких культур сводится только к этому типу сосудов: разных ее типов на разных памятниках одной и той же культуры может быть прорва. Но в ее керамический комплекс обозначенный тип керамики входит как обязательный, наиболее характерный, как говорят — *маркирующий*.

А вот и типичные названия археологических культур, данные по орнаментальному признаку: культура штрихованной керамики, культура шнуровой керамики, культура накольчатой керамики, культура ямочно-гребенчатой керамики и т.д. Но когда названия даются по такому общему признаку, то на самом деле в него вписывается целый круг родственных культур, которые могут различаться по ряду других признаков. И общий ареал, занимаемый этими

культурами в какую-то эпоху, может быть огромным. Опять-таки, мы не всегда можем сказать, соответствует ли этот ареал территории расселения какого-то этноса древности разделившемся на ряд исходно родственных племен, или этот *маркирующий* орнаментальный мотив распространился среди изначально чуждых друг другу коллективов за счет «ползучей миграции» его носителей или за счет межплеменных браков. Все это — огромная, важнейшая задача для археологов, которая решается только при комплексном изучении памятников.

Наконец, иногда названия археологическим культурам даются по имени того этноса древности, который, по мнению большинства ученых, эту культуру нам в «наследство» оставил. Например, скифская культура, сарматская культура, этрусская культура, древнеегипетская культура и тому подобные. Строго говоря, эти названия не совсем корректны, поскольку у того, кто ими пользуется непрофессионально, может создаться впечатление, что за ними действительно стоит культура того или иного народа *в полном объеме*. Но, на самом-то деле, это чисто условные названия все тех же археологических культур со всеми их «проколами» в полноте наших знаний о «живых» культурах тех народов, именами которых они названы. И, тем не менее, археологи все-таки пользуются этими названиями, поскольку в силу особых исторических обстоятельств — ну, повезло нам в этом! — мы можем быть уверены, что эти археологические культуры оставлены именно этими народами. Ибо сохранились многочисленные письменные свидетельства того, что в такую-то эпоху эти земли были населены народом с этим названием, и этот народ вел такой-то образ жизни, — скажем, кочевал со своими стадами по степям, воевал таким-то оружием, пользовался в быту такой-то посудой, таким-то образом хоронил своих знатных покойников, и т.д.

И если теперь мы в степях Причерноморья находим курганы со всеми теми признаками, которые по античным письменным источникам «числятся» за скифами, то мы

имеем некоторое научное право считать археологическую культуру с таким набором признаков именно *скифской* культурой. Правда, потом выяснится, что аналогичный набор признаков (с небольшими вариациями) имеют памятники на громадной территории — от Дуная до Монголии «по горизонтали» и от южной границы леса до среднеазиатских пустынь «по вертикали», то есть там, где ни о каких скифах античные авторы и не слышали. Но тогда в археологии (а заодно и в истории) появится понятие «скифоидные культуры» — более нейтральное, не претендующее на отождествление археологического понятия с каким-то реальным народом древности, а лишь «намекающее» на схожесть их культуры со скифской. А в общем, еще раз подчеркнем: такого типа названия археологических культур немногочисленны и не слишком популярны среди профессионалов.

О ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ

Сама по себе эта тема огромна, и то, о чем мы здесь упомянем кратко, достойно целой книги. Но совсем ничего не сказать о том, что принесли естественные науки в гуманитарную область, тоже нельзя. Иначе у читателя может сложиться впечатление, что авторы книги не придают этому направлению исследований серьезного значения. А это совсем не так. В самом деле, представим себе ту *глобальную сеть относительной хронологии культур*, о которой мы говорили выше. Понятно, что на ее создании историческая наука остановиться не может. Ведь есть же гигантский корпус письменных источников, которые многолетними (можно даже сказать — многовековыми!) усилиями историков разных стран мира приведены в хронологический порядок. Это и есть та *хронология исторических событий мира*, которую нам преподают еще в школе как ИСТОРИЮ. И пока в археологические исследования не «проникли» естествен-

нонаучные методы, археологам, для того чтобы «привязать» свою сеть относительной последовательности археологических культур к реальной шкале времени, приходилось опираться на даты, которыми их «снабжала» письменная история. Скажем, древнегреческая история, как и история Древнего Рима, неплохо известна нам именно по многочисленным письменным документам, оставшимся от той эпохи, хотя, в основном — в более поздних копиях этих документов. Но античная эпоха оставила нам и богатейшую археологию, притом не только на территории самой Греции и Италии, но и в других регионах, в виде археологических остатков греческих и римских колоний, и уж на совсем огромных территориях — в виде импорта своих вещей.

Естественно, что археология пользуется этой ситуацией для *абсолютной* датировки тех культур, на памятниках которых найдены предметы греческого или римского импорта — тех же скифоидных, например. И так же поступают со всеми культурами, которые были связаны с другими «письменными» цивилизациями древности и средневековья, начиная с древнеегипетской или шумерской. А уж потом «привязывают» к этим культурам те, которые лежат во времени «выше» или «ниже» продатированных. В результате глобальная сеть относительной хронологии археологических культур получает опору на реальную шкалу времени.

Итак, все вроде бы хорошо в истории с датами. Но хорошо-то оно тогда, когда мы *абсолютно уверены* в том, что хронология событий истории, построенная по письменным источникам, верна. Но беда в том, что такой *абсолютной уверенности* у нас нет! Еще раз напомним читателям, что большинство письменных документов той же античной эпохи дошло до нас в средневековых копиях, и мы не можем ручаться головой за точность переписчиков, как в изложении событий, так и в передаче имен, названий местностей и дат, имевшихся в исходных документах. Кроме того, библиотеки и архивы мира наполнены массой искусных подделок «под древность», созданных разными людьми.

ми в разное время, главным образом — в корыстных целях: в просвещенных странах любители древностей были готовы платить большие деньги за «антиквариат», в том числе и «документальный». Среди подобных фальшивок были и мастерски выполненные, разоблачение которых наделало в свое время много шума. Но и до сих пор у нас нет уверенности, что на сегодня выявлены все фальсификации, в том числе и среди исторических документов, ныне считающихся подлинными.

Разумеется, среди письменных памятников истории есть целый пласт таких, в подлинности которых сомневаться не приходится. Речь идет о тысячах глиняных табличек с клинописью, найденных при раскопках древних памятников Месопотамии — шумерских, аккадских, ассирийских и следующих за ними по времени. Это же относится к папирусам из памятников Древнего Египта, к бесчисленным текстам на стенах египетских храмов и пирамид и к прочим надписям самого различного содержания на «долговременных» носителях — как мы их называли выше, — оставленных нам «в наследство» культурами мира. Многие из них прочитаны, еще большее количество ждет своей очереди, но есть и такие, которые до сих пор не читаются: мы не знаем языка или не понимаем алфавита, на котором они написаны. Так вот, определенная часть документов такого рода действительно помогла историкам уточнить датировки существования известных культур древности через процедуру «перекрестного допроса», устроенного памятникам этих культур совместными усилиями историков разного профиля — археологами, историками, знатоками древних языков, специалистами по древним системам летоисчисления. В таких «допросах» каждый из специалистов применял к материалу свои профессиональные методы, а потом их результаты сопоставлялись, и после многолетних дискуссий вырабатывалась некая, более или менее общая, точка зрения на время существования памятника и всей культуры, к которой он относится.

Но беда в том, что все сказанное относится далеко не

ко всем памятникам древности! Да и полного единодушия среди специалистов относительно даже наиболее полно исследованных из них нет. Не все сведения письменных источников совпадают по содержанию, не все имена правителей, народов, местностей, упоминаемые в письменных документах разных древних стран и народов, поддаются сопоставлению и отождествлению, не все системы летоисчисления, используемые разными культурами древности, безошибочно стыкуются между собой. Что же делать?

В принципе понятно, что необходимо искать объективные, независимые от воли и точки зрения исследователей методы абсолютной датировки исторических событий и археологических памятников. И такие методы были найдены исследователями-естественниками, заинтересовавшимися проблемами истории. Еще раз подчеркнем: мы не собираемся здесь рассказывать об истории развития этих методов, и даже перечислять все, на сегодня известные. На эту тему есть богатейшая литература, к которой может обратиться заинтересованный читатель. Здесь же мы очень коротко скажем о двух самых распространенных в археологии и самых глубоко разработанных. Это *метод радиоуглеродного датирования* и *метод дендрохронологического датирования*. Читатели, следящие за исторической и археологической литературой, навсерьняка сталкивались с этими названиями.

Итак, *радиоуглеродное датирование*, или, в научном обиходе, *радиоуглерод*. Он был найден в 50-х годах XX века и принят как полностью независимый от собственно исторической хронологии. Метод основан на том факте, что после гибели любого органического объекта — растения или животного — в нем начинает убывать содержание радиоактивного изотопа углерода — C^{14} , поскольку изотоп распадается, причем время его полураспада известно: это пять с лишним тысяч лет. А пополнения им извне не происходит, поскольку этот органический объект мертв и, стало быть, питаться перестал. Поэтому если сравнить интенсивность излучения останков любого древнего органического объекта (или древних изделий из органики) с излуче-

нием органического же объекта, но погибшего сегодня, то по разности интенсивности этих излучений можно вычислить возраст исследуемых древностей.

Однако при массовом применении радиоуглеродного метода выявился колоссальный разброс в датах, причем даже на одном и том же памятнике! И это подсказало физикам и археологам, что содержание C^{14} в атмосфере (откуда он и усваивается нами) не есть величина постоянная и существенно зависит от массы факторов, что фатальным образом отражается на точности метода — причем так, что вообще ставит под сомнение целесообразность его использования. И такие панические настроения в археологии, действительно, появились.

Тут требуется некоторое разъяснение. Дело в том, что большинство археологов в силу общечеловеческой привычки относиться к Миру как к строго детерминированной «конструкции» требуют от радиоуглеродного датирования именно таких, строго детерминированных дат. А поскольку методы математической статистики все-таки постепенно проникают в археологические исследования, то археологи принимают как неизбежное зло некий разброс в определении каждой конкретной даты, выражаемый в самой дате плюс-минус какой-то допуск. Но на этом археологическое понимание того, что можно получить от радиоуглерода, как правило, и ограничивается. Между тем на самом деле все гораздо сложнее. И если почитать серьезные работы тех, кто занимается этим методом профессионально, то картина вырисовывается следующая.

Во-первых, как сказано выше, количество радиоактивного углерода в атмосфере Земли не есть величина постоянная. Она испытывает значительные колебания разной частоты и амплитуды, поскольку зависит от массы природных факторов различной интенсивности и длительности воздействия. В частности, существуют факторы, действующие как почти постоянно нарастающие или убывающие на протяжении целых геологических эпох — всего голоцена, например. Во-вторых, на содержание радиоуглерода дей-

ствуют факторы климатические, так как от них зависит скорость перемешивания разных слоев атмосферы и скорость обмена углекислого газа, содержащего радиоуглерод, между атмосферой и океаном. В-третьих, большое значение для точности датировок имеет чистота используемых образцов органики и строгость соблюдения самой приборной методики исследования.

Но самое главное, что от погрешностей в датировке, вызванных действием вышеупомянутых природных факторов, сегодня научились избавляться с помощью *дендрохронологической шкалы*, — то есть второго из упомянутых нами методов — протянутой во времени более чем на десять тысяч лет назад и которой калибруются даты, полученные радиоуглеродным методом. Таким образом, именно осмысление того обстоятельства, что метод радиоуглеродного датирования в самой своей основе «работает» не как строго детерминированный, а как статистико-математический, базирующийся на обработке широкой выборки исходного эмпирического материала, делает его строго научным по критериям тех, кто работает с большими массивами материала, требующего статистической обработки.

К таким материалам относятся и дендрохронологические шкалы. Смысл их заключается в следующем. Любое дерево, живущее в климате с ярко выраженными сезонными колебаниями температуры и влажности, имеет в структуре древесины хорошо заметные годовые кольца. Их толщина будет колебаться от года к году, поскольку климат любого региона планеты не есть что-то, совершенно неизменное. Измеряя толщину колец, можно построить на шкале времени график этих толщин. Графики, построенные для разных деревьев, из которых одно уже «умерло», а другое еще только набирает силы, можно сравнивать между собой, «сцепляя» их друг с другом участками с одинаковой формой графиков толщин годовых колец. Понятно, что если на археологических памятниках встречается достаточно много толстомерного леса, — а такое бывает на некоторых памятниках разных эпох — то можно попытаться

«сцепить» в единую шкалу весь этот лес, сначала — внутри одного памятника, затем — между несколькими, а в идеале — во всех памятниках, вплоть до самых поздних, а от них протянуть эту шкалу в современность.

И после многолетних попыток это сделать действительно удалось! Теперь эта единая шкала протягивается в прошлое более чем на десять тысяч лет. Понятно, что она дает нам даты памятников намного точнее, чем те, что можно получить радиоуглеродным методом. Очень важно и то, что с ее помощью можно проверять — *калибровать* — радиоуглеродные даты, конечно, для тех памятников, на которых имеются и те, и другие. Но любая археологическая культура — это десятки, а то и сотни памятников, существовавших одновременно, или, по крайней мере, в течение какого-то конечного отрезка времени. Поэтому, продатиrowав точно хотя бы некоторые из них, мы получаем представление о времени жизни всей культуры с определенной, а теперь и достаточно высокой точностью. Так что сегодня *в целом* та глобальная шкала относительной хронологии археологических культур, о которой мы так много говорили выше, получила хорошую опору и на абсолютные даты, и достоверность, обоснованность этой опоры растет по мере совершенствования методов абсолютного датирования. С другой стороны, отношение к радиоуглеродному датированию, как к статистико-математическому, а не строго детерминированному, избавляет нас от иллюзий относительно возможности установления абсолютных точных дат отдельных памятников, используя взятые с них единичные пробы органики. Такое не получается: нужна серия образцов, и чем она больше — тем более точной будет установленная по их совокупности средняя дата.

Наконец, последнее. Стремительное совершенствование естественнонаучных методов датировки археологических объектов, происходящее в последние годы, дает нам надежду на то, что привязка хотя бы некоторых археологических памятников, продатиrowанных дендрохронологически, к событиям, известным из письменных источников,

позволит нам, в конце концов, проверить достоверность самих этих письменных источников, уточнив приводимые в них даты. Но это — дело будущих исследований.

После всего вышесказанного читатель вправе задаться вопросом: так на каком основании авторы данного опуса заявляют, что историк — несчастный исследователь? Чем он несчастнее, чем исследователь в любой другой отрасли науки? Чего ему не хватает для получения достоверной исторической картины, по крайней мере, письменных народов мира? Ведь у него для этого *почти все* есть, авторы сами же все это изложили! И глобальная шкала относительной хронологии археологических культур, и методы, которые ее превращают в глобальную шкалу абсолютной хронологии. И избыточное количество документов разного рода по всей письменной эпохе, и привязка этих документов — пусть не всех, но основных — к главным археологическим культурам, которые уже получили абсолютную дату во времени. Чего еще-то историку надо? Пусть останутся неизвестными какие-то мелкие детали истории, какие-то малозначимые события. Но *в целом-то* история уже написана? Или еще нет? А если нет, то почему?

Если предыдущие строки не убедили читателя в том, что написать объективную историю *до конца* практически невозможно, и именно поэтому историк — несчастный исследователь, поскольку это понимает и ничего с этим поделать не может, приведем один сугубо гипотетический пример.

Представим себе, что лет этак через двести некий исследователь начал писать историю государства Российского нашей эпохи. И пытается он разобраться, скажем, в сталинском периоде нашего государства. Вряд ли читатель усомнится, что в XX веке практически *все* происходящие мало-мальски значимые события нашли отражение в письменных документах. Но кто знает, что произойдет с человечеством в ближайшие двести лет? И кто знает, какая часть документов нашего времени уцелеет? И кто знает, какая

часть этих оставшихся документов окажется доступной нашему историку?

Вот и представим себе, что достались ему, например, подшивки некоторых советских газет 30–40-х годов XX века. Чем, спрашивается, плох набор таких документов? Ведь газеты дают широчайший обзор буквально всех значимых событий в стране! Разумеется, по ним можно описать практически все стороны жизни общества: от внешней политики и международных конфликтов до полной картины экономического развития общества, вплоть до мелких подробностей жизни каких-то отдельных сельских коллективов и даже отдельных семей!

И наш историк, действительно, начинает писать историю СССР этих лет, опираясь на доставшийся ему источник. Причем, будучи хорошим аналитиком, широко образованным в нескольких областях знаний, он дает развернутый обзор роста экономики страны, детальный анализ военных действий во время Великой Отечественной войны, выявляет причины успехов и поражений воюющих сторон по ходу военных действий, причины победы в ней СССР, описывает успехи послевоенного строительства и т.д. — поскольку его источник позволяет все это сделать. В результате, после многолетнего упорного труда, его «История СССР в период 1930–1940-х годов» написана и опубликована. Все довольны, и автор — тоже.

Но как истинный профессионал он, осознавая неполноту своих источников, продолжает «рыться» в том, что осталось от архивов XX века, находит, наконец, еще один ценный источник: подшивку нескольких газет времен перестройки, скажем, конца 1980-х — начала 1990-х годов. И, предположим, досталась ему подшивка «Известий» и подшивка «Советской России». Нужно ли объяснять *современному* российскому читателю, что именно прочтет в них историк, и не только о самой эпохе перестройки, но и о той исторической эпохе, которая его, как профессионала, интересует больше всего — 30–40-е годы XX века? И, если предположить, что наш историк — человек молодой и

эмоциональный, может ли поручиться читатель, что он не сойдет с ума, или не повесится, или хотя бы не бросит раз и навсегда заниматься историей, как таковой, прокляв ее на веки вечные?

Но, предположим, наш историк человек опытный и уравновешенный и подобных несчастий с ним не произойдет. Что он должен делать как профессионал? Конечно же, *искать дополнительные исторические источники!* И он будет это делать, потому что он должен, *обязан* понять, что это такое *на самом деле* — история СССР 1930–1940-х годов: время небывалого расцвета государства, каковой расцвет порожден энтузиазмом свободного трудового народа, строящего светлое будущее под руководством Коммунистической партии и ее бессменного руководителя — величайшего вождя всех времен и народов Иосифа Сталина? Или это эпоха жесточайшего в мире тоталитарного режима, при котором действительно величайшие стройки века осуществлялись либо на голом энтузиазме одних, либо с использованием каторжного труда других, а Иосиф Сталин — одна из крупнейших и мрачнейших властных фигур мировой истории вообще?

Так вот, мы не можем предвидеть, к какому выводу придет наш несчастный историк в результате своих изысканий. И не только потому, что истинный объем производимых в наше время документов грандиозен и уже поэтому практически недоступен каждому человеку и даже большой профессиональной группе. И не только потому, что никто не может предвидеть, какая часть этих документов останется целой через двести лет и в какой форме. И не только потому, что невозможно предвидеть, какая доля этой сохранившейся части будет доступна тем или иным людям через двести лет, но еще и потому, что историк — тоже *живой человек*, со своими взглядами на жизнь и со своими пристрастиями, и это не может не повлиять на его собственную оценку прошедших событий и на его доверие к правдивости тех или иных исторических сведений.

Представим себе, что ему ничего не известно об архи-

вах НКВД интересующего его времени с их «тройками» и бесчисленными «расстрельными» делами. На основании чего он сможет решить, справедливы ли обвинения в адрес руководства СССР 1930—1940-х годов в массовом государственном терроре, задавившем всю страну и осуществляемом непосредственно по приказу Вождя? Или, предположим, ему попали материалы этих архивов, но вместе с ними — и «искренние» признания обвиняемых в совершении ими государственных преступлений. А попались ли ему данные, которые заставили бы его усомниться в том, что это — период острой «классовой борьбы», спровоцированной враждебным окружением нашей страны, желающим во что бы то ни стало подорвать «изнутри» растущего конкурента на мировой арене? А попадут ли ему документы, доказывающие, что все эти процессы о предателях и «наймигах мировой буржуазии» — чудовищная «липа», сфабрикованная для того, чтобы подавить малейшие проявления свободомыслия и самостоятельности населения в масштабах всей страны? И, наконец, самое главное: как он сам оценит *правдивость* тех документов, которые ему все-таки достанутся в результате его изысканий?

Пусть читатель не думает, что этими рассуждениями авторы пытаются втравить его в политические дискуссии о важнейших событиях нашей эпохи. Еще раз подчеркиваем: это *нормальная модельная ситуация* в исторических исследованиях любой эпохи со времени появления первых государственных образований на Земле. Простейший и широко известный большинству читателей пример из средневековой истории — борьба короля Франции Филиппа Красивого Капетинга с орденом Тамплиеров (храмовников). Это — типичный *политический* процесс, проведенный как процесс *идеологический*, как борьба за чистоту христианской идеи, как борьба с сатанизмом, расцветшим в ордене под маской христианского благочестия и грозящим самим устоям христианства во всей Европе.

Результатом этой борьбы стал арест практически всей верхушки ордена — от его Великого Магистра до рядовых

рыцарей, — допрос их всех с пристрастием. Большинство из допрошенных (хотя далеко не все — крепкие были люди!) признались во всех смертных грехах, которые были предъявлены обвинением. В итоге орден был распущен, а основная масса обвиняемых, начиная с Великого магистра, казнена по обвинению в ереси.

Так вот, большинство историков, занимавшихся этим вопросом профессионально, уверены, что истинный смысл этого процесса — хорошо продуманная Филиппом и беспощадно проведенная практически задача по устранению сильнейшего конкурента, обладавшего в то время действительно огромной, хотя внешне и не очень заметной, властью в Европе, в том числе и во Франции. И, что не менее важно, — громадными богатствами, колоссальными земельными наделами. Все это было конфисковано в пользу короны (и отчасти — в пользу церкви), что в немалой степени способствовало обогащению и укреплению и той, и другой. Само же обвинение ордена в недопустимой ереси большинство историков считает чистой «липой», чрезвычайно эффективной с точки зрения царивших в то время в Европе умонастроений, ибо она была *понятной* людям и потому — *правдивой!*

Но это лишь одна точка зрения, хотя и самая распространенная. Другая же, тоже поддерживаемая частью историков, заключается в том, что обвинение тамплиеров в ереси, и даже сатанизме, было *абсолютно справедливым*. Есть определенные исторические документы, косвенно указывающие на то, что тамплиеры познакомились на Ближнем Востоке с какой-то эзотерической школой гностического толка, далекой от ортодоксального христианства, и превратили ее в свою внутреннюю, сугубо орденскую, совершенно закрытую для непосвященных идеологию. Разумеется, смысл этой идеологии был мистическо-магический и потому дающий посвященным незримую, но и необоримую власть над миром — в той степени, в которой в это верил посвященный, естественно. Именно эта вера и помогла им добиться вполне реальной, хотя и не афиши-

руемой власти в Европе. Так вот, если считать, что все это верно, то разгром ордена Филиппом — действительно благое дело, и в первую очередь, именно потому, что таким образом была устранена угроза постепенного подчинения всей Европы поистине страшной, почти сатанинской, тайной диктатуре, сравнимой, образно говоря, с пришествием Антихриста. И с этой точки зрения, обогащение французской короны и христианской церкви за счет конфискации орденского имущества — лишь *побочный*, а не самый важный результат разгрома ордена.

Предоставляем читателю право самому судить о том, какая из приведенных точек зрения является истинной. Со своей же стороны надеемся, что читатель понял, почему авторы считают, что историк как исследователь — человек несчастный, и чем он добросовестней — тем несчастней. И теперь, обращаясь к загадкам древнерусской истории, мы попробуем показать, чего историку не хватает для того, чтобы дописать историю Древней Руси «до конца».

СЛАВЯНЕ, КТО ВЫ И ОТКУДА?

ОТКУДА МЫ УЗНАЕМ О СВОЕЙ ИСТОРИИ

Пусть читатель не думает, что вопрос, вынесенный в заголовок этой главы — чисто риторический. Происхождение славян действительно до сих пор является исторической загадкой. Сразу скажем: мы вовсе не собираемся предложить какое-то новое ее решение — у нас нет для этого своих доводов, отличных от тех, которые предлагались и предлагаются сейчас в исторической науке. Просто на примере этой задачи мы хотим показать читателю, что это такое — найти строго доказательное решение какой-то крупной проблемы в истории.

Начнем с напоминания о том, что вопрос о происхождении любого народа мира может быть поставлен именно так: откуда он взялся? Ну, не было его раньше, и вдруг он появляется на исторической арене и начинает действовать, «творить» свою историю. Но, чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала спросить себя: а откуда *мы*-то знаем, что он появился? И тут выясняется, что мы узнаем о его появлении из *исторических свидетельств*, то есть из письменных источников, которые сохранились в том или ином виде до нашего времени. Опять-таки возникают вопросы: в

каком именно виде и что это значит — до нашего времени? До кого именно «в нашем времени»?

Если мы говорим просто о массе людей нашего времени, то для подавляющего большинства из них единственным «историческим свидетельством» любого события прошлого, в том числе и появление некоего народа на исторической арене, является школьный учебник истории. А поскольку читаются такие учебники, как правило, в детстве, то запомнившаяся с тех пор ИСТОРИЯ становится догмой, не подлежащей осмысленному восприятию и критике. С тем большинство людей и живет всю жизнь. Для профессионального же историка такими «историческими свидетельствами» является весь корпус исторических документов, в которых так или иначе освещается интересующий его вопрос. Насколько полно он знает все имеющиеся по данному вопросу документы — дело его профессиональной подготовки, и сейчас речь идет не об этом. Важно подчеркнуть другое. «Весь корпус документов» — это крайне неоднородный их массив. Попробуем понять, что этот массив может включать в себя.

Прежде всего, это подлинные документы той эпохи, в которых впервые упомянут под каким-то именем народ, историю происхождения которого он пытается восстановить. Это могут быть всякие тексты на «долгоживущих носителях», о которых мы говорили во «Введении», в которых могут упоминаться, например, победы какого-либо правителя, одержанные над этим народом; надписи на могильных камнях, где упомянута национальная принадлежность похороненного человека; просто надпись на языке этого народа — если это был уже «письменный» народ и мы знаем его язык и понимаем систему его письма.

Далее, это могут быть летописи самого этого народа, более или менее полные, летописи-хроники и летописи-компиляции, сделанные на менее устойчивых носителях, но в силу каких-то особых, исключительно благоприятных условий хранения сохранившихся до нашего времени. На практике же неизмеримо чаще встречаются более поздние

копии этих летописей, и чем ближе к нашему времени, тем больше становится этих копий и тем больше, как правило, они расходятся с оригиналом, — если, конечно, у нас есть возможность их сравнить, а такое, естественно, бывает нечасто. Сюда же можно отнести документы, написанные теми, кто лично побывал в землях интересующего нас народа и составил о нем некое мнение, описал его с какой-то степенью подробности, а может быть, даже — его историю со слов своих собеседников. Но, как правило, если речь идет о временах античности или еще более ранних, от документов такого рода нам достаются тоже копии со всеми их недостатками.

Наконец, это написанные конкретными авторами «Истории» разных времен и народов. Пожалуй, если говорить о периоде европейской истории со времени античности и до наших дней, именно этих «Историй» будет больше всего в «корпусе исторических документов», относящихся к какому-либо европейскому народу, — если иметь в виду документы именно *этого типа*, а не все письменные документы вообще. Напомним: во «Введении» мы говорили, что основную их массу составляют те, которые к описанию *истории как процесса* не имеют никакого отношения, но сейчас речь идет не о них. Такие авторские «Истории», по-видимому, выросли из летописей-компиляций, и интересны они тем, что, в отличие от летописей-хроник, содержат определенное *осмысление* событий прошлого времени. Иначе говоря, это не «исторические записки», это — «исторические сочинения», совсем другой жанр! Беда, однако, в том, что и эти «Истории», принадлежащие авторам античного времени, тоже в подавляющем своем большинстве дошли до нас в более поздних копиях, за достоверность которых ручаться очень трудно.

У документов этого жанра есть и еще одно свойство, которое обязан учитывать — и обязательно учитывает — современный историк-профессионал. Все эти «Истории» — *вторичные документы*! В подавляющем большинстве случаев их авторы пишут не о событиях, личными свидетелями

которых они были сами, — хотя есть и такие, и для нас они просто бесценны, — а о событиях либо более ранних времен, либо происходивших на других территориях. То есть они в свое время решали ту же задачу, что и современный историк, и, естественно, тоже пользовались доступным для них «корпусом исторических документов», включая устные рассказы о других странах путешественников своего времени, исторические легенды и мифы интересующего их народа, записки и сочинения своих предшественников, о которых мы иногда не имеем ни малейшего представления, и т.д. И так было во все времена — с тех пор, как человечество стало вообще интересоваться своей историей и научилось писать!

А теперь еще раз зададимся вопросом: так что это значит — на исторической сцене появился новый народ? Из всего сказанного выше следует: это означает, что современный историк нашел некий документ любого из перечисленных выше типов, в котором *впервые* этот народ упомянут — и *ничего больше!* Сам же этот народ мог жить себе преспокойно сотни, тысячи лет до того, как удостоился внимания какого-то историка страны, в которой уже существовала *история как род занятий*, или изобрел собственную письменность и начал оставлять тексты. Но вот что самое интересное: мог жить до этого, а *мог и не жить!* Он мог жить сотни лет, не замечаемый историками соседних стран, потому что никак существенно с этими странами не соприкасался, не входил в их «сферу геополитических интересов», а мог и действительно сложиться именно как целостное новое социально-политическое образование, резко обозначив *свою* сферу «геополитических интересов», и потому немедленно замеченное соседями: еще бы, кто-то вдруг наступил им на хвост!

А бывает и так: до нашего времени доходит чья-то «История», в которой впервые упомянут некий народ — для нас впервые! — и мы, зная из других источников время жизни ее автора, невольно считаем, что этот самый народ

появился на исторической арене примерно в его время. А потом выясняется, что «История» этого автора — тоже компиляция сочинений его предшественников, составленная по сведениям за последние двести — триста лет! И к моменту составления этой компиляции этнополитическая ситуация в мире была уже совсем другой: какие-то народы из упомянутых в ней просто растворились в другой этнической среде, какие-то, ранее малозаметные социально-политические объединения превратились в мощные государства, какие-то уже переместились на другую территорию и т.д. Так, спрашивается, как мы должны трактовать его сообщения об интересующем нас народе? Он еще жив к моменту появления его «Истории», или его уже нет? Или он живет уже на другой территории? А может быть, он только появился к этому времени? Или ко времени написания его «Истории» он уже известен под другим именем? Ведь все это требует проверки!

Но бывает и другое. Представим себе, что средневековый переписчик какой-то античной «Истории» натывается, предположим, на упоминание племени бойев, живущих, судя по географическим названиям, на территории, которую он знает как Баварию. Но он-то точно знает, что на этой территории живут *бавары*! И он, посстовав на неточность в воспроизведении этнонима античным автором, хладнокровно впишет на место бойев баваров. Ему, возможно, и в голову не придет, что за семьсот — восемьсот лет до него не было никаких баваров в принципе! А было, действительно, кельтское племя бойев, лишь со временем под влиянием германцев сменившее и язык, и культуру, и собственное наименование. Нам же, в итоге, достается исторически искаженный документ, который заставляет нас думать, что распространение германских племен на эту кельтскую территорию началось еще до начала нашей эры — то есть во времена, о которых писал античный автор.

Ну, и как все это можно проверить? У нас есть только один путь: сопоставить с информацией письменных источников по данному вопросу результаты археологических ис-

следований, а также данные лингвистики, топонимики, и, если возможно, антропологии по интересующему нас народу (этносу, государству). Иначе говоря, сегодня полноценное исследование истории сложения и развития какого-либо человеческого сообщества — этноса, нации, государства — это *комплексное исследование*, ведущееся с привлечением всех исторических дисциплин, включая естественнонаучные методы датирования памятников, исследования эволюции древних экосистем под влиянием человеческой деятельности, древних технологий — мест и времени их зарождения и путей распространения по миру и т.д.

ЧТО ТАКОЕ ЭТНОС

Так вот, все, сказанное выше, относится и к истории сложения и появления на исторической арене славян. Еще раз подчеркнем: история *сложения* этноса — это одно, история его *появления на исторической арене* — возможно, совсем другое. Похоже, что к славянам это относится в большей степени, чем ко многим другим народам Европы, и в этом состоит главная сложность их изучения.

Но прежде, чем начать разговор о славянах, как таковых, мы вынуждены сделать еще одно отступление на тему: что такое *этнос*? С сожалением приходится констатировать, что точного определения этого термина в научной среде до сих пор нет, хотя применяют его очень давно и широко. Всем понятно, что при этом подразумевается некое сообщество людей, объединенных какой-то совокупностью общих признаков, позволяющих отличить его от другого человеческого сообщества. Но что должно входить в эту совокупность? В результате каких исторических процессов эта совокупность могла сложиться? Сколько времени необходимо, чтобы она сложилась? Вот тут мнения ученых расходятся, и мы рискуем завязнуть в этом вопросе надолго, если начнем перечислять все точки зрения [Бромлей, 1983; Гумилев, 1990]. Так что лучше остановимся на том, с чем

согласны почти все специалисты. Так вот, этнос — это сообщество людей, *как минимум*, владеющих общим языком и обладающих этническим самосознанием, то есть каждый член такого сообщества может сказать о себе: я — русский, или я — китаец, или я — француз и т.д.

Однако это действительно минимум. Большинство специалистов считает, что у людей, входящих в единый этнос, должна быть еще и общая «картина мира». То есть в этническое сознание должно входить понимание общности своего происхождения — хотя бы чисто мифологическое, например от одного легендарного предка или даже тотема; общности ранних этапов своей истории — пусть, опять-таки, фантастической; общности космогонических мифов. Отсюда — общность некоторых, наиболее важных черт материальной культуры, таких как общность погребального обряда, общность орнаментальных мотивов на различных изделиях, общность в конструкциях жилищ.

Поясним: орнаментальные мотивы в древности — это не украшательство в нашем понимании. Это — священные (сакральные) сюжеты, играющие роль оберегов либо самих предметов, либо людей, которые этими предметами пользуются. В свою очередь, жилище — тоже сакральное пространство. Разумеется, в первую очередь оно должно отвечать требованиям реальной жизни — защищать людей от непогоды, от нападения зверей и прочего. Поэтому конструкции жилища во все исторические эпохи, с древнейших времен, эти требования выполняли — насколько можно судить по археологическим материалам. Но в понимании древнего человека оно выполняет эти функции не столько в силу реальной своей конструкции, а главным образом потому, что оно «правильно» организовано в высшем смысле, то есть правильно моделирует «устройство» мира. Поэтому внутри него все и всегда должно быть неизменно: очаг должен находиться там-то, спальные места — там-то, пищу можно готовить там-то, мужчины должны находиться там-то, женщины — там-то, и так далее. Вот почему тип жилища, как и тип погребения, — оно ведь

тоже сакрально — достаточно устойчивая этническая черта, *маркер* этноса.

Любопытно, что именно по типу жилища (или способу погребения) иногда можно сказать, в какой экологической или климатической зоне изначально сложился тот этнос, который эти жилища строил, хотя археологически оно может быть обнаружено за сотни километров от места первоначального своего зарождения. Но именно в силу сложившейся этнической традиции, смысл которой, может быть, уже давно потерян ее носителями, люди *этого* этноса будут продолжать строить именно *такие* жилища на новых местах своего расселения до тех пор, пока они еще чувствуют себя к этому этносу принадлежащими: «у нас так принято!» Или пока условия жизни не изменятся настолько круто, что строить «как у нас принято» станет совсем невозможно: ну, нельзя строить срубы в голой степи — леса нет! И обычай сжигать тела покойников тоже в степи не появится — опять же, леса не напасешься. А обычай насыпать над могилами большие курганы не появится в лесу — нет такого большого открытого пространства, на котором можно было бы набрать столько грунта. Да и все равно не видно этого кургана в лесу, да и зарастет он быстро, — зачем вообще его тогда насыпать? А в степи все это смысл имеет: большой курган видно за километры, его не забудут многие поколения потомков, к тому же он прекрасный маркер своей племенной территории.

Мы не зря так много говорим на эту тему. Устойчивость, — как правило, многовековая — этнических традиций в материальной культуре — это вещь, без которой археологический поиск предков любого народа был бы *в принципе* невозможен. Как мы говорили во «Введении», археологам очень редко достаются памятники, содержащие письменные свидетельства языка, на котором говорили люди, оставившие какую-то археологическую культуру. Такое встречается либо на памятниках древних цивилизаций, либо на средневековых *городских* памятниках более поздних государств. Но в целом их ведь меньшинство! А как,

не зная языка людей, оставивших большую часть археологических памятников мира, судить об этнической принадлежности их создателей? Да только по *устойчивым признакам материальной культуры!*

Именно устойчивость «этнического стереотипа поведения» позволяет археологам пользоваться так называемым *ретроспективным методом*. Суть его в следующем. Этнографические исследования любого современного народа выявляют комплекс этноопределяющих, присущих именно ему признаков. Археолог же, выделив ту часть этих признаков, которая касается материальной культуры, пытается отследить хотя бы главные черты этого комплекса, исследуя археологические памятники в последовательности от самых поздних к самым древним. И если круг памятников, охваченных исследованием, достаточно широк, то археолог в принципе может «отловить» все сохранившиеся компоненты этого комплекса, как бы широко они ни «растекались» по территории и как бы глубоко ни уходили в древность. Он может также выявить место и время, когда части этого комплекса еще входили в другие комплексы, которые, в свою очередь, со временем распадались, образуя новые комбинации признаков — и так до тех пор, пока в глубине веков не растворятся окончательно малейшие признаки зачатков культуры того народа, историю которого он пытается восстановить. Двигаясь же в обратную сторону, из древности к нашему времени, он может найти то место и время, когда все признаки материальной культуры этого народа слились наконец в ту комбинацию, которая уже по всей совокупности исторических источников принадлежит ему, и только ему. Тогда археолог может считать свое исследование законченным.

Именно таким методом изучает историю славян один из самых сегодня компетентных специалистов в этом вопросе, археолог-славист В.В. Седов, к трудам которого мы будем чаще всего обращаться в дальнейшем изложении. Объективности ради заметим, что не все специалисты согласны

с этим подходом. Есть, например, известные лингвисты, которые полагают, что комплекс материальных признаков какой-либо культуры не есть собственно этнический признак, и нельзя его считать сцепленным с языком, на котором говорят его носители, то есть это два независимых признака человеческой культуры. Главным же этноопределяющим признаком является язык, поэтому в первую очередь надо искать именно древние следы интересующего нас языка, а не материальной культуры [Нидерле, 1956, с. 26; Филин, 1962, с. 65–75; Попов, 1973, с. 16].

Такие следы, как правило, есть. Это *топонимы* и особенно *гидронимы*: названия местностей и водных объектов. Доказано, что они могут сохраняться на местности тысячи лет, хотя население, здесь живущее, может неоднократно сменяться, а каких-то народов, живших здесь в древности, теперь вообще уже нет. Для сохранения топонима нужно только одно условие: чтобы вновь пришедшее население застало здесь хотя бы часть предыдущего и имело с ним разговорный контакт. Конечно, если пришельцы огнем и мечом освобождают территорию от аборигенов, вырезая их поголовно, тут уж не до вопросов: «Скажите, ребята, а как у вас называется эта речка?» Но такое, по-видимому, случалось в истории не очень часто. Поэтому до наших дней дожили топонимы, «присвоенные» некоторым местностям, рекам, озерам и морям много тысяч лет назад на языке народов, которых там уже давно нет. Их выявление и определение языковой принадлежности — огромная и постоянно ведущаяся лингвистами работа, которую можно было бы назвать «лингвистической археологией».

Так вот, В.В. Седов, как и многие другие специалисты, проводит комплексные исследования, то есть считает, что для восстановления истории славян нужно максимально использовать все типы исторических источников и ни в коем случае не пренебрегать археологическими, доводы в пользу значимости которых практически совпадают с приведенными нами выше [Седов, 1994, с. 60–61]. Иначе говоря, он широко использует ретроспективный метод в ар-

хеологии. При этом свое движение в глубь веков он начинается с археологических культур, оставленных населением заведомо славянской этнической принадлежности, то есть позднесредневековым, о котором нам практически почти все известно по массе достоверных исторических документов. А дальше он продвигается до тех пор, пока от комплекса признаков материальной культуры, который можно считать *этноопределяющим славянским*, не остается ничего. Параллельно с собственно археологическим исследованием В.В. Седов тщательно отслеживает продвижение в древность лингвистических признаков славянского присутствия на тех или иных территориях в разные исторические эпохи по топонимическим данным. Одновременно им привлекаются данные по разновременным следам контактов славянской языковой группы с носителями других языков, которые он сопоставляет с археологическими данными, говорящими о смешении на памятниках определенных территорий носителей разных археологических культур. Понятно, что сведения такого рода — взаимодополнительны и позволяют с разных сторон вносить коррективы в датировки времени и места таких межэтнических контактов, а заодно и помогать выяснить, каков был их характер.

О САМЫХ ДАЛЕКИХ ПРЕДКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Но свое изложение славянской истории для удобства читателя мы начнем по порядку — из древности к нашему времени. В первую очередь, напомним о том, что славянский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье, в которую входят практически все языки современной Европы, кроме баскского в Испании, чья «семейная» принадлежность до сих пор не установлена, венгерского, относящегося к финно-угорской (уральской) семье, и языков других финно-угров, живущих в Восточной Европе — финнов, эстонцев, карелов, пермяков, мордовцев, а также

ненцев — самодийцев. В индоевропейскую семью входят также армянский язык, иранские (персидский, таджикский) и многие языки Индостана — потомки древнего санскрита. Но это — сегодня. В средневековье же, и в особенности в древности, было много таких языков, которые до нашего времени не дожили, и мы не можем даже сказать, сколько именно на каждом из исторических этапов. Да и о том, сколько людей говорило на каждом из них, тоже нам мало известно.

С другой стороны, чем глубже мы будем погружаться в древность, тем меньше там будет современных языков. Ведь большинство из них — результат огромного количества слияний, перетасовок, трансформаций и разделений древних языков. И вообще из только что сказанного вовсе не вытекает, что чем глубже в древность, тем больше будет языков в какой-то языковой семье. Ведь все они восходят к какому-то единому праязыку, на котором говорил некий пранарод, праятнос. И был он, конечно, когда-то *единым коллективом* — одним племенем, например решавшим общую задачу выживания. Иначе не понадобился бы ему общий язык как средство общения. Но постепенно, нарастая числом и расходясь по все большей территории, он начал разделяться на отдельные коллективы, решавшие задачу выживания самостоятельно и теряя постепенно связь с исходным «материнским» коллективом. И язык при этом начал дробиться на диалекты, все дальше расходившиеся друг от друга и набором слов (лексикой), и их структурой (морфологией), и способом их связывания в предложения (синтаксисом), и манерой произношения (фонетикой). Так зарождались новые языки в одной семье.

Не нужно думать, что этот процесс касается только древних этапов человеческой истории. Он идет всегда, непрерывно, в том числе и сейчас. И начинать историю образования любой группы родственных языков можно с любого момента истории, взяв за основу любой из существующих на тот момент язык. Его история может быть сколько угодно сложна и разнообразна. Он может исчезнуть, ра-

створившись в других, исходно родственных или совсем неродственных языках, оставшись в них (в утешение лингвистам) в виде набора каких-то лексем. Может впитать в себя чужой язык и дать тем самым новый диалект на какой-то части своего ареала, что можно считать началом образования новой языковой группы. Наконец, он может просто начать распадаться на диалекты, расплываясь по огромной территории и тесня или «подминая под себя» (впитывая в себя) другие языки. Понятно, что все это зависит от конкретных исторических условий, в которые попал народ (этнос) — носитель данного языка, и отслеживая эту историю по разного рода историческим свидетельствам, в том числе и по археологическим, мы можем понять, почему та или иная языковая семья или входящая в него группа исчезла совсем, или, наоборот, заняла огромную территорию. С другой стороны, собирая данные «лингвистической археологии» — древней топонимики — мы можем корректировать исторические свидетельства о перемещении различных народов по территории, где они «наследили», давая свои наименования различным ее объектам.

Естественно, все это касается и народов, входящих в индоевропейскую языковую семью. И, как всегда, нет единого мнения о том, где и когда она изначально сложилась и какими путями распространялась по ныне занимаемой ею территории. Причем разногласия по этому вопросу имеются как между археологами и лингвистами, так и между самими археологами и между самими лингвистами. И, разумеется, каждый из специалистов привлекает в первую очередь данные своей профессиональной отрасли, а затем, по мере надобности — данные из смежных исторических областей.

Лингвисты отталкиваются от показателей «родственности» между индоевропейскими языками и пытаются вычислить время их расхождения от общей основы, а по данным топонимики определить, на какой территории имели место эти «языковые события». Археологи пытаются определить, какую из археологических культур древности можно

считать принадлежащей индоевропейскому праэтносу, а какие можно считать производными от них и, тем самым, принадлежащими народам — носителям отдельных индоевропейских языков. Приходится констатировать, что совпадений между эволюцией археологических культур и эволюцией языков по месту, длительности и времени своего протекания до такой степени, что они устраивали бы большинство специалистов, до сих пор нет [Седов, 1994, с. 40–71].

Опять-таки, мы не будем излагать здесь все точки зрения по этому вопросу, это почти бесконечное занятие. Отметим только наиболее обоснованные и потому самые известные в исторической среде. Согласно одной из них, индоевропейская языковая семья зародилась в самой Европе, скорее всего, в центральной ее части, и постепенно, увеличиваясь численно и дробясь, несколькими волнами распространилась по всей Европе, включая восточную, по Малой Азии, а затем и по Индостану [Трубачев, 1991]. Несколько иной вариант этой гипотезы: исходная территория сложения индоевропейцев — Северные Балканы и Карпатский регион [Дьяконов, 1982]. Согласно другой, эта языковая семья сложилась где-то в Закавказье — Верхней Месопотамии — Малой Азии, и оттуда, опять-таки, несколькими волнами, двигавшимися как на восток, так и на запад, постепенно распространилась по всей той территории, на которой мы ее застаем уже в историческое время [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]. Наконец, есть промежуточная точка зрения, согласно которой прародина индоевропейцев — это полоса восточноевропейских степей, откуда разновременные их волны накатывались на запад, север и юг Европы, а также в Малую Азию, Закавказье, Среднюю Азию и Индостан [Абаев, 1972], в результате чего образовывается единая циркумполярная культурная зона [Мерперт, 1988, Черных, 1988].

Специально подчеркнем: мы привели здесь «сводные» точки зрения, то есть такие, которые получились в результате согласования лингвистических и археологических дан-

ных. Иначе говоря, в каждой из изложенных позиций имеется свой «претендент» на звание «индоевропейский праэтнос — носитель исходного индоевропейского языка» в виде определенной археологической культуры. И такие же археологические «претенденты» имеются на звания носителей последующих индоевропейских языков — кельтов, греков, германцев, балтов и прочих: считается, что за каждым из них стоит определенная археологическая культура. Точнее — целый ряд последовательно сменявших друг друга культур, отражавших исторические перипетии становления каждого из этих народов, вплоть до средневекового их состояния.

У читателя, естественно, может возникнуть вопрос: если все так здорово согласуется, если к тому же на сегодня археологические культуры неплохо продатированы и в относительном, и в абсолютном смысле, то почему точек зрения на историю индоевропейцев до сих пор как минимум три, а на самом деле — еще больше?

Главная сложность заключается в следующем. Мы не можем быть уверены в том, что скорость, темпы трансформаций языка — его расхождения от единой основы, изменений морфологии, смены лексики и прочего — во все эпохи совпадают. Точнее, мы уверены, что они *не могут* совпадать на всех этапах истории, поскольку сам темп жизни людей меняется от эпохи к эпохе. О том, в какую эпоху нужно относить зарождение, собственное существование и последующий распад индоевропейского праязыка, а затем и его потомков, у лингвистов существуют различные мнения. А вот даты существования археологических культур, пути их расхождений, слияний, внутренних эволюций, угасаний — сегодня известны достаточно полно, по крайней мере, для Ближнего Востока, Европы, Северной Африки и Средней Азии, где археологические исследования ведутся не одно столетие. Так вот, если лингвисты считают, например, что эпоха индоевропейского единства приходится на эпоху неолита, то археологическим «претендентом» на «индоевропейский праэтнос» можно считать

одни культуры из «подходящего» региона — такого, откуда можно археологически обоснованно предположить их дальнейший исход. А если это единство приходится на эпоху энеолита, то «претенденты» будут уже другие, и пути их первичного расхождения — тоже другие. Если же все это начинается только в эпоху бронзы, то и археологической основой для рассуждений на эту тему будут третьи культуры, и так далее, пока не исчерпаются все возможные варианты.

Разумеется, для всех этих вариантов есть достаточные научные основания. Есть территории, на которых прослеживается индоевропейская топонимика, которую можно связать с определенными стадиями развития этой языковой семьи и ее отдельных языков. На каждом из исторических этапов существовали археологические культурные общности, оставившие после своего распада «археологических культурных потомков», которых можно отождествить с определенным этносом и, стало быть, языком. Но если добросовестно пользоваться ретроспективным методом в археологии, о котором мы говорили выше, то историю почти любого европейского народа средневековья нельзя будет проследить глубже, чем до рубежа эпохи бронзы и начала железного века, то есть до начала I тысячелетия до н. э.

Исключение — это народы древнейших цивилизаций Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, от некоторых из которых остались письменные документы аж с середины III тысячелетия до н. э. Именно благодаря им ученым удалось найти древнейшие индоевропейские «письменные» народы, первые из индоевропейцев создавшие государства на Ближнем Востоке — Хеттскую державу и Митанни. К этому же времени относится, по лингвистическим показателям, отделение армянского языка, носители которого с тех же пор живут в Закавказье. К более позднему времени — среднему бронзовому веку (первая половина — середина II тысячелетия до н. э.) относятся ранние государства индоевропейцев — древних греков (лучше даже сказать — прагреков), создавших государства

на Крите и юге Балканского полуострова, археологически известные как крито-микенские (минойские) культуры нескольких этапов. Это тоже «письменные» народы с очень раннего времени.

Так вот, относительно всех этих «раннеписьменных» народов археологи и лингвисты пришли к согласию. И те, и другие согласны в том, что народы этого круга первыми отделились от общей индоевропейской массы и «зауклились» в устойчивые раннегосударственные общности. По-видимому, только так и можно стабилизировать какой-то язык: сделать его коммуникативным средством внутри замкнутой саморегулирующейся системы типа «государство» — пусть даже это всего лишь город-государство вроде древнегреческих полисов — и ограничить проникновение носителей других языков через его границы. Все же остальные индоевропейцы, где бы они ни жили, пребывали еще в довольно примитивном социальном состоянии. Они составляли на разных этапах истории несколько крупных археологических культур, постепенно дробящихся и перемещающихся с места на место. Но только некоторые из них, переместившиеся на самый юг Европы и в Малую Азию, образовали под влиянием более культурных соседей государства и свою письменность в начале эпохи раннего железа: это италики и греки — дорийцы и ионийцы. Примерно в это же время «изобрели» свою письменность и образовали ранние государства народы, расселившиеся на севере Индостана и к юго-востоку от Каспия: это арии — индийцы и южные иранцы. Все остальные индоевропейские народы еще долго оставались бесписьменными и «безгосударственными». И именно из этой среды постепенно этнически оформились известные нам по письменным источникам античности и средневековья народы Европы — носители индоевропейских языков: кельты, италики, иллирийцы, фракийцы, германцы, славяне, балты, североиранцы.

О КОРНЯХ, ИЗ КОТОРЫХ «ВЫРОСЛИ» СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

Вот теперь мы добрались, наконец, до той эпохи и до того круга археологических культур, из которого должны «вырасти» искомые нами славяне. Но, чтобы увязать сказанное нами выше с тем, что будет сказано далее, приведем на рисунке 1.1 наиболее общую схему сложения древних европейских этносов, как она представлена в статье В.В. Седова [Седов, 1993]. В ней эти этносы увязаны с кругом археологических культур эпохи бронзы, то есть с той основой, из которой они «растут». От себя в эту схему мы добавили только ось времени, даты на которой указывают основные рубежи между эпохами существования этих культур. Чтобы читателю было легче представить себе, где все

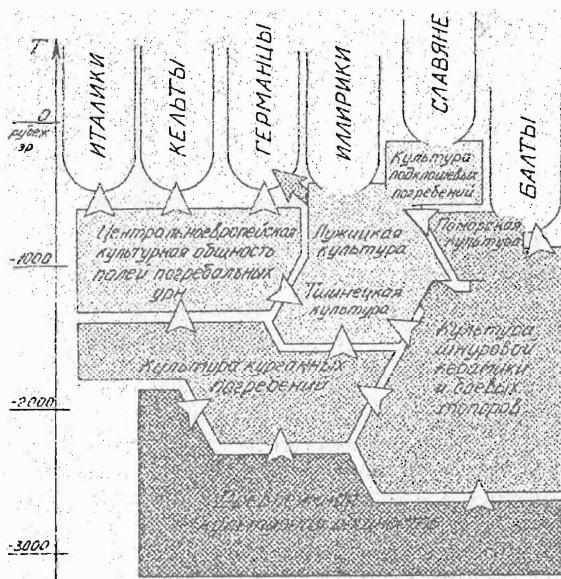

Рис. 1.1. Схема сложения древних европейских этносов, участвовавших в сложении славян, по археологическим данным (по Седову В.В., 1993)

это размещалось в пространстве, ему полезно будет по ходу чтения возвращаться к рисунку 1.2, где приведена карта Европы с ареалами главных из названных в схеме культур.

Заранее предупреждаем читателя: все, сказанное нами в этом тексте — большое упрощение истинной картины вза-

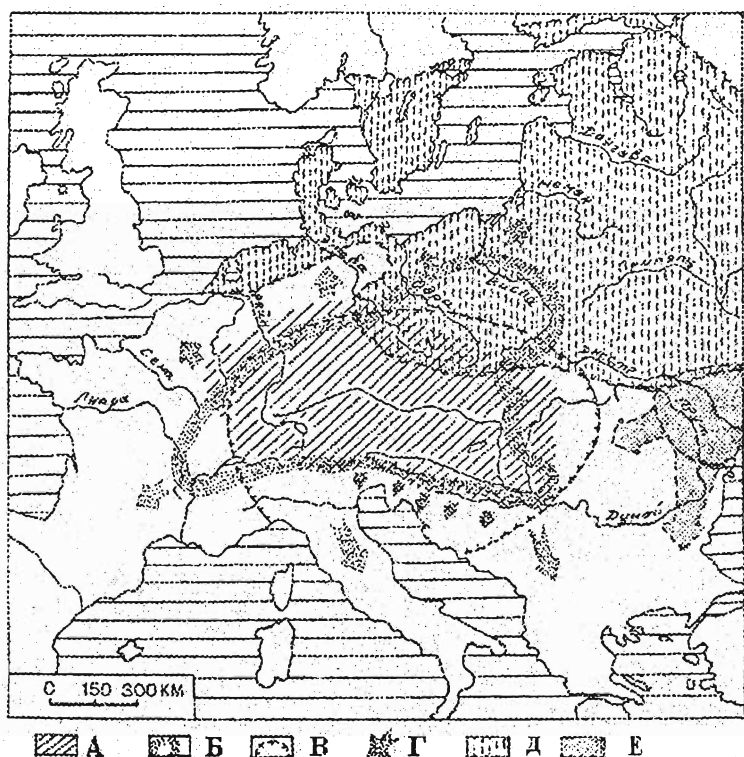

Рис. 1.2. Главные археологические культуры эпохи бронзы, участвовавшие в этногенезе европейских народов

- А — ареал культуры курганных могил; Б — основной ареал среднеевропейской общности полей погребальных урн; В — центральноевропейский культурный регион, определяемый О.Н. Трубачевым по лексическим данным; Г — направления расселения племен среднеевропейской общности полей погребальных урн; Д — культурная общность штрихованной керамики и боевых топоров; Е — ареал древнеямной культурной общности и направления ее миграции

имодействия археологических культур, а стало быть, и истории их носителей. На самом деле об этом написаны библиотеки. Но если мы хотя бы вкратце эту историю не изложим, у нас не будет возможности нащупать корни, из которых «выросли» славяне. Придется начать с эпохи энеолита — ранней бронзы.

Итак, *ямная культура*. Строго говоря, это целая общность близкородственных археологических культур степного пояса Восточной Европы, к тому же имеющих «культурных родственников» даже в степях Южной Сибири и на Алтае-Саянском нагорье (афанасьевская культура), но так далеко мы не пойдем. В Европе же это первые по времени люди, которые начали насыпать курганы над могилами своих погребенных, причем иногда — огромные, в которые последующие поколения степняков дохоранивали своих покойников. Сегодня большинство археологов и очень многие лингвисты согласны с тем, что «ямники» (рабочий археологический сленг, в специальной литературе употребляется без кавычек) — ранние индоевропейцы, или, как минимум — арии, то есть еще не разделившиеся между собой индоиранцы [Мерперт, 1974]. Увы, все это недоказуемо строго: народ бесписьменный. Время существования — IV — рубеж III—II тысячелетий до н. э. Археологически — энеолит, вплоть до перехода в раннюю бронзу. Хозяйство — подвижные скотоводы, пасли в основном крупный рогатый скот. Известны практически целиком только по курганным могильникам.

Культура шнуровой керамики и боевых топоров. Это тоже целая археологическая общность, постепенно распространившаяся на громадной территории. Не очень понятно, откуда она взялась. Есть мнение, что это — один из вариантов ямной культуры, благо самые ранние памятники «шнуровиков» соприкасаются с северной границей ареала «ямников» на Днестре и Днепре, а по времени приходится тоже на III тысячелетие до н. э. Некоторые специалисты считают, что именно «шнуровики» — первые индоевропейцы [Брюсов, 1961]. Другие же, в том числе В.В. Седов,

полагают, что это лишь отделившаяся от них часть, ставшая предками балтов и отчасти — германцев. Основания для этого есть: в отличие от «ямников», «шнуровики» — не только степняки-скотоводы: в степи от них осталась только *катакомбная культура*, которая на самом деле — тоже целая общность, жившая на территории степей от Дуная до Нижнего Подонья и Предкавказья. Другие же ветви этой общности на протяжении всей эпохи средней бронзы (почти все II тысячелетие до н. э.) несколькими волнами расходились по всей европейской лесостепи и лесу, на восток — до бассейна Волги, на запад — до бассейна Рейна, на север — до территории Финляндии, Прибалтики и даже Южной Скандинавии. Понятно, что заселяли они не пустыню, и сейчас трудно сказать, до какой степени их появление «индоевропеизировало» местные языки, принадлежащие, скорее всего, уральской языковой семье — народ-то бесписьменный, но от их примитивного скотоводческо-земледельческого хозяйства в лесной зоне вряд ли что-нибудь осталось: они в основном растворились в среде местных охотников-рыболовов.

В Средней Европе «шнуровики» и подавно заселяли не пустыню. Они застали там доиндоевропейское население, говорившее на неизвестных нам языках, ведущее оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Скорее всего, именно это население оставило после себя известные мегалитические памятники Западной и Северо-западной Европы: колоссальные дольмены и аллеи менгиров в Испании и северной Франции и кромлехи — сооружения типа знаменитого Стоунхенджа в Англии. Вдобавок на ту же территорию Средней Европы примерно в это же время накатилась миграционная волна с запада (возможно, из Испании и Северо-западной Африки), археологически известная как *культура колоколовидных кубков*. Это — совершенно определенно не индоевропейцы, но понятно, что в сложении будущих европейских народов они также приняли участие. В итоге культура шнуровой керамики растворилась среди прочих культур другого происхождения.

Нельзя к тому же забывать, что начиная еще с глубокого неолита на Северных Балканах и Южных Карпатах существовал мощнейший культурный очаг в эпоху, когда никаких индоевропейцев и в помине не было: они еще не выделились из какой-то более древней языковой общности. Здесь сложилась своеобразная и технологически продвинутая цивилизация с могучей меднообрабатывающей индустрией, развитым сельским хозяйством, с хорошо укрепленными поселениями — «почти» городами, но без письменности [Черных, 1978, 1988]. Совершенно неизвестно, на каких языках говорили эти люди: есть только предположение, что они относились к кавказской языковой семье, от которой сегодня из живых языков остались только абхазо-адыгские. От этого круга культур сохранилась масса памятников, некоторые из них распространились по европейскому югу на восток до правого берега Днепра (трипольская археологическая культура). Но ко времени появления и распространения на Балканах и Карпатах ранних индоевропейцев (эпоха бронзы) от них там уже ничего не осталось! Их поселения были заброшены, и куда делось население — неизвестно. Да и трипольская культура на территории Украины, хоть и жила очень долго, в итоге тоже растворилась практически без остатка, не дав «культурных» потомков.

И вообще история этих культур, столь древних — ведь они ровесники Шумерам и Древнему Египту! — столь мощных, с многочисленным народом, лишь «чуть-чуть не дотянувшим» до уровня древнейших «письменных» цивилизаций и вдруг исчезнувших — сплошная загадка. Однако именно в этих местах сформировалась в бронзовом веке индоевропейская группа *фракийских* народов, с юга соседствовавшая с древнегреческими, впитавшая в себя предыдущее балканско-карпатское население и активно мигрировавшая на территории южных «шнуровиков», вплоть до бассейна Днепра. В результате и здесь «шнуровики» оказались ассимилированными более мощным культурным этносом.

У читателя может возникнуть естественный вопрос: для

чего мы столько времени тратим на описание древней, да еще и не слишком достоверной истории народов, которые никак не участвовали в сложении славян? Да нет, участвовали, конечно, но — не на ранних стадиях формирования славянского этноса. Ведь нетрудно заметить, что в нашем тексте мы практически не уходим с будущей славянской территории, в том числе — и будущей Руси, каковой она сложилась к средневековью. И ни один из упомянутых выше народов не остался в стороне от формирования славян, в том числе и русских, украинцев и белорусов: это читатель увидит позже. А пока вернемся к самым глубоким нашим археологическим «корням».

Курганная культура Средней Европы. Это еще одна из потомков степных культур, двинувшаяся в эпоху ранней бронзы на запад и осевшая в Средней Европе со своими курганами и скорченными погребениями в грунтовых ямах. Понятно, что с их расселением культурная пестрота и теснота в Европе еще больше увеличилась, и это хорошо видно на материалах археологии. И вообще, нам трудно себе представить, как там жили люди в это время. Мы не знаем, на каком языке или, точнее — языках — они говорили: это все еще бесписьменный период европейской истории. Мы не представляем себе, как могли складываться отношения между отдельными маленькими, но довольно плотно жившими группками разнотульного населения: никаких четко очерченных границ между ними не наблюдается, да и естественных труднопроходимых границ в Европе нет — разве что Альпы да Пиренеи. Но и там, и там есть вполне проходимые перевалы, а Альпы можно обойти по долине Дуная. Северную же Европу вообще свободно можно пройти от Пиренеев до Урала. Так что ничто не препятствовало перемещению людей по всему континенту.

Но, похоже, люди не могли подолгу жить неупорядоченно. И в итоге к концу бронзового века произошла культурная интеграция почти всего среднеевропейского населения: от Рейна до Карпат. На всей этой территории распространился обычай хоронить людей в курганах и прочие

общие культурные признаки [Седов, 1994, с. 95–97]. Естественно, возникает вопрос: это что — первое североевропейское государство? С единым правящим слоем, с единым хозяйством, с *единым языком*, наконец?

Отвечаем: не знаем! Некоторые *материальные* признаки этого есть: судя по разнице в размерах курганов и разнице в богатстве погребений, определенно можно сказать, что общество уже основательно расслоилось по имущественному признаку. Можно предположить, что носители пришедшей с востока курганной культуры постепенно «оседлали» остальные мелкораздробленные этносы тогдашней Европы и навязали им какую-то систему податей (правильнее сказать — поборов), как это делали, например, в более позднее и достоверно известное нам время скифы царские по отношению к скифам-пахарям (заметим в скобках — тоже претендентов на звание славянских предков). Но как скифы не образовали *государства* в том смысле слова, в котором мы привыкли его употреблять по отношению к таким древним странам, как, скажем, Египет или Вавилон и т.п., так и носители *культуры курганных погребений* Европы не образовали *государства* на своей территории. Слишком велика была эта территория, чтобы на ней мог сложиться некий единый коллектив, даже насильно: не те еще были времена, не та плотность населения. Да и этническая пестрота была еще очень велика. Так, культура курганных погребений, распространившись по такой огромной территории, тут же породила целый ряд локальных вариантов, из которых нам будет интересен один, самый восточный.

Тишинецкая культура. Она интересна тем, что сложилась как симбиоз двух волн выходцев из «индоевропейской» степи: «шнуровиков» и носителей культуры курганных погребений. Время ее существования — середина II тысячелетия до н. э. Место распространения — севернее Карпат, от Варты (приток Одера) на западе до верховьев Горыни (приток Припяти) на востоке. Нетрудно убедиться, что это — тоже будущая территория славянских государств, так что какой бы этнос ни жил здесь в бронзовом веке, что-то

от него должно было остаться при формировании собственно славянского этноса. По-видимому, так оно и есть — что будет ясно из дальнейшего [Седов, 1993].

А дальше произошла очень интересная вещь. *Весь* ареал культуры курганных погребений за какие-нибудь одну-две сотни лет, ну, может быть, чуть больше — точно мы не знаем — вдруг резко изменил погребальный обряд! И на огромной территории, от восточной Франции до Западной Украины, утвердилась единая культура.

Культура полей погребальных урн. Конечно, это не культура, а культурная археологическая общность, в которую входит масса локальных культур. Но их всех объединяет общность погребального обряда: все перестали зарывать покойников в землю, а начали их сжигать, собирать пепел и пережженные кости в урны, и урны эти ставить в небольшие ямки и засыпать землей безо всяких курганов, может быть, как-то отмечая место погребения — маленькой насыпью, памятным знаком — теперь это невозможно проверить [Седов, 1994, с. 97–100]. Понятно, что за этим стоит радикальная смена идеологии, смена «картины мира»! Можно себе представить, что это было результатом деятельности каких-то пророков, которым открылось, что душа, «очищенная» от плоти посредством огня, легче и быстрее достигает неба, или переселяется в другое тело — тут огромное поле для домыслов. А, может быть, это вообще результат просветительской деятельности одного человека — Великого Пророка, имя которого история до нас не донесла — это же все еще бесписьменный период европейской истории!

Одно только можно сказать определенно, не без некоторой иронии в адрес «идеалистического» подхода к истории: за этой сменой идеологии стоит и чисто экологическая, географическая целесообразность. Вся территория культуры полей погребальных урн географически — *лесная зона*! Как мы говорили выше, курганный обряд погребения мог быть *привнесен* в нее из степи, но не *зародиться* в ней. В ней было достаточно тесно жить и скотоводу, и земледельцу: приходилось отвоевывать у леса пространства для

пастбищ и пахоты, да еще и не имея к тому же железных орудий. И занимать с таким трудом отвоеванные места курганами, да еще сгребая для их сооружения верхний плодородный слой почвы — верх нерациональности! А вот сведенного леса при расчистке полей оставалось довольно много, и не весь он годился для домостроительства. Так что с чисто рационалистической точки зрения сжигать покойников и хоронить урны с их прахом в таких условиях было гораздо практичнее, чем насыпать над ними огромные курганы. Заметим попутно, что кремация покойников прижилась и в Индии, в стране с влажным и жарким климатом и богатой субтропической и тропической растительностью, и уже с древности плотным (по сравнению с Европой) населением. Там за этим можно усмотреть еще и инстинктивно сложившуюся гигиеническую меру, предохраняющую население от распространения через разлагающиеся трупы эпидемических заболеваний, столь характерных для этих широт Земли.

О НАШИХ ПРЕДКАХ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Но вернемся к нашей главной теме. Итак, мы отметили, что культуры полей погребальных урн — последняя по времени культура бронзового века средней Европы — покрыла огромную территорию. И важна она для нас тем, что именно из нее начали «расти» те культуры раннего железного века, которые мы уже с достаточным основанием можем считать принадлежащими этносам, дожившим до наших дней, или хотя бы до того времени, когда они попадали, наконец, в поле зрения античных авторов. Это италийки, кельты, иллирийцы, славяне, германцы. Но так просто и одномоментно появление этих этносов выглядит только на нашей схеме (рис. 1.2). На самом деле реальная история, даже в своем «археологическом» проявлении, гораздо богаче схем.

Начнем с кельтов. Сегодня многие люди, особенно не живущие в Западной Европе, вообще могут не знать такого этнического названия. И, действительно, народа с таким названием теперь просто нет. Немногие знают, что современные ирландцы, шотландцы, уэльсцы в Англии — кельты, то есть говорят на кельтских языках. В материковой Европе к ним относятся бретонцы во Франции, галисийцы в Испании и валлийцы в Бельгии. И это — все! А вот в раннем железном веке, примерно к IV—III векам до н. э., кельтские народы, носители так называемой *латенской археологической культуры*, занимали гигантскую территорию: от атлантического побережья в Испании, сплошной полосой через всю среднюю Европу вплоть до Вислы, всю Ирландию и Британские острова. И далее, отдельными большими и малыми вкраплениями, северо-восточнее Карпат, до верховьев Днестра и Южного Буга. И это не все: отмечено массовое вторжение кельтов по Дунайской долине на Балканы, а оттуда — на северное побережье Малой Азии [Седов, 1994, с. 103–105]. Только один этнос того времени занимал территорию большую, чем кельты: это североиранцы — скифы, савроматы, сарматы, саки, массагеты, короче — кочевые народы Евразийской степи. В начале железного века они занимали ее всю, от Дуная на западе до Монголии на востоке, и все степи и полупустыни Средней Азии.

Именно кельты — первый в Европе народ, освоивший массовое производство железа, то есть поставивший это дело на уровень почти промышленного производства. Не одно столетие они разрабатывали рудники в Силезии, на склонах Судетских гор. Так и хочется этот металлургический район назвать первым в мире ВПК — военно-промышленным комплексом. И есть за что: по некоторым подсчетам, за время его существования там было произведено около четырех тысяч тонн сыродутного высококачественного железа [Седов, 1994, с. 168]! Этим железом кельты снабжали всю тогдашнюю Европу. И использовалось оно в основном для изготовления оружия, так как чисто бытовое

потребление железа в те времена было минимальным: наральники для пахоты, топоры, ножи, серпы, косы, тесла, долота — вот и все, пожалуй. Конечно, и другие европейские народы умели выплавлять железо к этому времени, но никто не выплавлял его столько и такого качества.

И вообще *латен* — высокоразвитая культура. Это великолепное гончарное искусство, масса прочих ремесел, включая цветную металлургию, производительное пашенное земледелие и придомное многовидовое скотоводство. Это крупные сельские поселения и защищенные поселения — «протогорода», то есть места, приспособленные для обороны, а возможно, и центры общественной жизни [Седов, 1994, с. 149–158]. Это, по-видимому, довольно сложная общественная структура, и все-таки, все-таки так и не давшая письменности, и не построившая государства! Даже самый многочисленный кельтский народ, хорошо известный нам по римским источникам — галлы, населявшие почти всю территорию современной Франции — тогдашнюю Галлию, много и иногда весьма успешно воевавший с Римом, и то не построил сложной социальной структуры выше развитого вожества — последней стадии военной демократии. Также и кельты, занявшие Британские острова: они создали целый ряд крошечных королевств с военной верхушкой во главе, то есть с королем, иногда еще выборным, и его дружиной. Остальной народ — свободные земледельцы-скотоводы, ремесленники и небольшая прослойка несвободного населения, скорее всего — из числа военнопленных.

А что же другие индоевропейские этносы, потомки культуры полей погребальных урн? Они тоже постепенно распространялись по Европе, местами вклиниваясь в кельтский ареал и везде соседствуя с ним. Италики из средней Европы двигались на юг, на Аппенинский полуостров, на некоторые острова Средиземного моря, ассимилировались с исконным доиндоевропейским населением, давая симбиотические культуры, с которыми потом столкнулся Рим,

завоевывая Италию. В итоге к рубежу эр они все «латинизировались», и отдельные этнические черты сохранились лишь как несущественные провинциально-римские. И средневековая Европа италиков как самостоятельный этнос уже не знала [Седов, 1994, с. 112–114].

Иллирийцы двигались на юг Европы восточнее италиков. Они заселили побережье Адриатического моря, Северные Балканы, долины Среднего и Нижнего Дуная. Отдельные их группы шли на север через Карпаты и расселились чуть ли не до побережья Южной Балтики. Какое-то время они занимали территорию, сопоставимую по величине с кельтской, но их археологически маркирующие черты довольно быстро исчезли на севере и на Дунае. По-видимому, носители этой культуры быстро перемешались с местным населением и растворились в нем. Собственно иллирийцы с этим этническим именем попали в письменную историю только как обитатели побережья Адриатики и отчасти — запада Северных Балкан.

И вот тут мы, наконец, вплотную приближаемся к собственно *славянской проблеме*. Запомним такие моменты. Во-первых, то, что какие-то группы иллирийцев, судя по археологическим следам их культуры, появились севернее Карпат. Во-вторых, в римской исторической литературе с I века н. э. впервые появился этноним *венеды*, относящийся к народу, жившему именно в этих местах — в бассейне Вислы, возможно — до самых ее низовий. В-третьих, на Среднем Дунае, на будущих местах расселения западных славян вперемежку с германцами, но через которые проходилидвигающиеся на север иллирийцы, существует древний город Вена. Наконец, в-четвертых, в месте компактно проживавших исторических иллирийцев, на северо-итальянском побережье Адриатики, находится древний город Венеция. Уже в средневековой исторической литературе существовала традиция связывать понятия «ранние славяне» и *венеды*. Так вот, с тех пор, как ряд археологических памятников севернее Карпат стал отождествляться с иллирийской культурой, у некоторой части исследователей по-

явилось желание считать ранних славян потомками северной ветви иллирийцев. Не будем здесь обсуждать этот вопрос, но мы к нему вернемся в свое время.

А теперь о германцах. Как ни странно, с ними все более или менее ясно, как исторически, так и археологически, и вот почему. С одной стороны, они известны еще в римской исторической литературе, то есть весьма рано. И это потому, что на рубеже эр они активно вмешивались в «геополитические интересы» Римской империи, постоянно наседа с севера на ее рубежи. С другой же стороны, римские авторы, говоря об истории германцев, локализуют их родину в местах, где с конца бронзового века развивались одни и те же археологические культуры — потомки «шнуровиков» и культуры полей погребальных урн. Эти культуры почти не испытывали давления извне — остальные в Европе не очень стремились на север — и плавно эволюционировали в культуру раннего железного века — *ясторфскую*. Она тоже имеет несколько местных вариантов, но главное, что позволяет считать ее безошибочно собственно германской — то, что она занимала территории, где никого, кроме германцев, не было со времен прихода в Европу индоевропейцев! Это юг Скандинавского полуострова, Ютландия и прилегающие к ней прибрежные земли Южной Прибалтики и Северного моря. Иначе говоря, германцы как самостоятельный индоевропейский этнос осваивали эти места еще с эпохи бронзы, до поры до времени никуда оттуда не выходя, и только самыми южными границами своего ареала как-то соприкасаясь с балтским этносом на востоке и с кельтским на западе [Седов, 1994, с. 114]. А на юге? Вот тут-то и начинается самое для нас интересное.

Так вот, с юга к ареалу ясторфской культуры примыкала культура, своими корнями также уходившая в эпоху бронзы, в те ее культуры, которые мы связывали с древнеевропейским населением — *тишинецкую* и ее прямого потомка — *лужицкую*, которая считается восточной ветвью культуры полей погребальных урн. И именно эти культуры

В.В. Седов и ряд других исследователей считают *прямыми предками славянского этноса*, точнее — праэтноса, поскольку неизвестно, на каком языке говорили эти люди и как далеко этот язык «ушел» от общего языка всех тех, кто оставил культуру полей погребальных урн, а ведь это — предки и кельтов, и германцев, и италиков, и иллирийцев. Иначе говоря, именно потому, что лингвисты расходятся во мнении относительно скорости разделения этой общности на отдельные языки, никто не сказал точно, можно ли считать, что потомки носителей культуры полей погребальных урн, в том числе и носители лужицкой культуры, уже говорили на *отдельных, самостоятельных языках*, или их языки были еще только диалектами одного общего языка.

Прямым потомком лужицкой культуры эпохи раннего железа, то есть с начала I тысячелетия до н. э., была *позднелужицкая культура*. Она занимала ту же территорию, и немаленькую: все северное Прикарпатье, от верховьев Одера на западе (это уже предгорья Судет), через верховья Вислы, Западного Буга — до верховий Прута, Днестра, Южного Буга. Соседи у нее — в высшей степени разнообразные. С северо-запада — *ясторфская культура* — германцы. С севера и северо-востока, по южному побережью Балтийского моря — *поморская культура* — западные балты. С запада — *латенская культура* — восточные кельты. С юго-востока — *фракийские культуры*, но только в самом начале I тысячелетия до н. э. А уже с VII века до н. э. фракийцев из этого района вытеснили ранние скифы — степные североиранцы. И они как-то взаимодействовали с носителями лужицкой культуры: предметы скифского вооружения, хорошо известные по скифским памятникам, находят и на лужицких памятниках. Но других признаков культурного воздействия со стороны скифов нет, поэтому вряд ли оно было сильным. Скорее всего, это отдельные военные стычки с целью грабежа, как это во все времена водилось у кочевников.

Гораздо существенней было воздействие со стороны за-

падных балтов. С середины VI века до н. э. носители поморской культуры вдруг начали двигаться на запад, на ареал лужицкой культуры. Они расселились по всему бассейну Вислы и даже дошли до Одера. Но при этом носители лужицкой культуры не были вытеснены со своих мест! По-видимому, это был не военный захват чужой территории, а просто «ползучая миграция», ведущая к смешению пришлого и аборигенного населения. И это хорошо прослеживается именно на археологическом уровне, то есть на остатках материальной культуры, особенно в погребальном обряде, который, как мы говорили выше, является устойчивым этническим маркером. Так вот, на той части ареала лужицкой культуры, куда пришли носители поморской культуры, постепенно складывался в результате симбиоза новый погребальный обряд — погребения остатков трупосожжений в грунтовых ямах под большими перевернутыми вверх дном глиняными сосудами. Такие сосуды по-польски называются *клошами* (а все это — на территории современной Польши). Отсюда — и название этой новой культуры, потомка лужицкой и поморской культур — *культура подклошевых погребений*. Это не значит, что все погребения внутри этой культуры совершались только таким образом: абсолютного однообразия в ритуалах никогда и нигде не было, особенно в культурах многокомпонентных, распространенных на больших территориях. Но это был *ведущий* погребальный обряд, давший название всей культуре. Если же говорить о других ее составляющих, то ее керамика, как один из главных археологических маркеров, унаследовала в основном лужицкие традиции, и лишь частично — поморские.

Так вот, самое важное. По мнению В.В. Седова и целого ряда других специалистов, именно *культура подклошевых погребений* и является *собственно раннеславянской культурой* [Седов, 1994, с. 127–130, 136–146]. Главный довод в пользу такого заключения: ретроспективный анализ всех основных компонентов заведомо славянских культур позднего средневековья показывает, что они эволюционно

развивались именно из культуры подклошевых погребений. Эта последняя существовала как отдельное образование примерно с начала IV по начало I века до н. э. Она складывалась в бассейнах средней и верхней Варты и Вислы, а затем распространилась на запад до Одера и на восток до Припятского Полесья и Волыни.

Но вот что интересно. Западная часть ареала лужицкой культуры не была задета влиянием поморской культуры и просуществовала без заметных изменений до последних веков нашей эры. И если судить именно по археологическим признакам, то это были все те же древнеевропейцы — прямые потомки культуры полей погребальных урн. Но к какому этносу они принадлежали? Если судить по античным авторам, начиная с Плиния Старшего (I век н. э.) и Тацита (I—II века н. э.), то в те времена эту территорию населяли венеды, о чем мы упоминали ранее. А теперь вспомним, что мы говорили о следах расселения иллирийского этноса от берегов Адриатики через среднее Подунавье до северного Закарпатья. Так, может быть, это — иллирийцы, знакомые нам как венеды? В.В. Седов считает, что это вполне возможно, хотя и не утверждает это категорически [Седов, 1994, с. 147–148]. Но этим теснейшим контактом на территории лужицкой культуры с культурой подклошевых погребений — она ведь всего лишь вариант той же лужицкой культуры! — можно объяснить, почему германские авторы средневековья называли славян венедями: для них, «глядящих со стороны», это был один и тот же народ. Понять бы только, на каком языке он говорил!

А вообще, если исходить из Тацита [Тацит, 1969], не знавшего понятия *славяне*, зато утверждавшего, что венеды находятся между германцами на западе и сарматами на востоке, венеды все-таки славяне, и вряд ли на том этапе истории, о котором мы сейчас говорим, они делимы по языку с иллирийцами — если, конечно, считать, что последние — тоже носители позднелужицкой культуры. Сам Тацит не знал, кто они, в чем честно признавался: то ли германцы, то ли сарматы — других вариантов он просто не

представлял. А вот характеристику он им дал интересную. Он считал, что они все-таки ближе к германцам, так как жили в домах, а передвигались и сражались пешими, а сарматы всю жизнь проводили на коне и в кибитке. Но *главное* их занятие, по его сведениям — грабеж тех, кто живет в горах и лесах! Прямо скажем, лестная характеристика! Особенно если учесть, что примерно в этом же духе средневековые авторы, главным образом — восточные, характеризуют народ *русов* — *росов*, которых мы, естественно, ассоциируем тоже с восточными славянами, то есть с самими собой. Но к этому мы еще вернемся в следующей главе нашей книги.

ОБ ИСТОРИИ РАННИХ СЛАВЯН

Увы, это по-прежнему пока — чисто археологическая история. Ни один из упомянутых нами выше ранних европейских этносов — соседей славян — на рубеже нашей эры, да и в первых ее веках, еще не создал своей письменности, равно как и не создал государства, хоть отдаленно сопоставимого с существовавшими в Средиземноморье античными. И если с балтами, германцами, западными кельтами, фракийцами и скифо-сарматами в языковом смысле все более или менее ясно — хотя бы потому, что они с древности и до средневековья продолжали жить на территориях, включавших в себя их основной, древнейший ареал — то со славянами все гораздо сложнее. Как мог убедиться читатель, их древнейший ареал — зона контакта чуть ли не всех остальных европейских народов, ну, разве что, кроме греков и италиков! И вообще то, что мы, следуя за В.В. Седовым, назвали здесь их древнейшим ареалом — культуру подклошевых погребений — это лишь одна из гипотез, представляющаяся сегодня наиболее обоснованной. Чтобы считать эту культуру собственно славянской, мы должны доказать, что ее носители говорили на славянском, ну или хотя бы на протославянском, языке,

то есть обладали важнейшим этноопределяющим признаком. А сделать это строго невозможно — народ бесписьменный и в античных источниках даже не упомянутый!

Единственное, что могут в этом отношении сделать лингвисты — и, действительно, делают — это выявить в славянских языках следы контактов с носителями других языков в виде лексических заимствований, проникновения некоторых посторонних грамматических форм, чужих фонем и прочего. И все это выявлено в славянских языках и подтверждает, что его носители на разных этапах своего существования плотно контактировали и с балтами, и с германцами, и с фракийцами, и с кельтами, и с североиранцами. Иначе говоря, лингвистические исследования подтверждают, что территориально славянский этнос действительно занимал контактную зону, то есть граничил со всеми вышеупомянутыми народами. Но вот когда это было — тут единого мнения среди специалистов нет. Более того, приведенная нами на рисунке 1.2 схема эволюции культур далеко не всеми лингвистами признается безоговорочно. Не менее популярна схема, согласно которой славяне и балты принадлежали одному отдельному языковому стволу, достаточно поздно разделившемуся, и стало быть, имели в своей основе *единую* археологическую культуру [Седов, 1994, с. 19–20, с. 41, 44]. В другой схеме единой группой считается германо-балто-славянская — следовательно, и в этом случае подразумевается, что за этим должна стоять единая когда-то археологическая культура [Седов, 1994, с. 39]. И все это осложняется еще и тем, что разные специалисты по-разному оценивают время расхождения таких исходных объединений — от эпохи ранней бронзы до эпохи Великого переселения народов.

Но вернемся к «археологической истории» славян, благо, ничего другого нам не остается. Пусть читатель не тешит себя надеждой, что по прохождении этого условного рубежа — Рождества Христова — в истории славян и их окружения что-то стало определеннее и яснее. Да, для тех

народов Европы, которые попали в поле зрения позднеримских историков, некая ясность наступила. Правильнее сказать — это для *нас* относительно них появилась некоторая определенность — в той мере, в которой до нас дошли документы этого времени. Упоминаются в них народы и события, с ними связанные, в связи с положением Римской империи. Это народы Испании, Галлии, Британии, южные германцы, народы Балканского полуострова — греки, иллирийцы, фракийцы (геты, даки, карпы), и кочевники причерноморских степей, которые с позднеримского времени фигурируют чаще всего под именем сарматов. И опять-таки, никаких славян и балтов в них нет! Правда, у Птолемея (I–II века н. э.) упоминаются восточные соседи венедов — галинды и судины, которых можно считать балтами (голядью русских летописей, например), и южные их соседи — бастарны, аланы, роксоланы, сарматы. Но тогда мы *обязаны* считать венедов славянами, и только ими, так как никакого другого места для тех и других просто нет на карте, а у нас твердой уверенности в их тождестве нет!

А уж если мы обратимся к археологии этой территории, где в качестве раннеславянской культуры приняли культуру подклошевых погребений, то тут же убедимся, как далеко нам до времени, когда славянские народы обрели, наконец, известную нам из *нашей* истории территорию и привычный облик. И ничего удивительного в этом нет. История — это кипящий котел, в котором перемешиваются, переплавляются народы, языки, культуры и их ареалы. И так продолжается до тех пор, пока не появятся, наконец, *устойчивые государственные границы*, которые жители этих государств, ощутив себя связанными задачей самосохранения как единой целостности, начинают защищать. Пока же этого нет, возможны любые перемещения людей с более плотно заселенных территорий на менее плотно заселенные и, судя по археологическим данным, очень часто — почти бесконфликтно.

Разумеется, тут не надо строить идиллическую картину: вот, на чью-то землю пришли семьей или родом новые

поселенцы, а их местные встречают хлебом-солью: здравствуйте, гости дорогие, будьте как дома, селитесь как хотите! — особенно, если пришельцы являются большой массой, со своим скотом, да еще и говорят на незнакомом языке. А у местных все поляны в лесу расчищены под пахоту, поделены пастбищные угодья, покосы, да и вообще тесновато. Но, судя по тому, что на огромных территориях мы встречаем вперемежку остатки синхронно существовавших поселений явно разных культур, а на следующем этапе их жизни появились очевидные следы смешения этих культур — керамика разных типов в каждом доме, стоящие бок о бок постройки разных типов, могильники с погребениями разных обрядов и т.д. — пришельцы и аборигены как-то ухитрились уживаться на одной земле, да еще и «культурно перемешиваться». Значит, не так уж и тесно было. И это «перемешивание» сплошь и рядом доходило до полного слияния культурных признаков: нивелировалась разница в керамике, украшениях, орудиях, домостроительстве, погребальном обряде. В итоге получилась новая археологическая культура, за которой, несомненно, стоит и новая живая культура народа. Какого? На каком языке говорящего? Непонятно!

Еще одним признаком сравнительной бесконфликтности процессов культурного смешения можно считать незащищенность поселений вступивших в контакт культур. Не нужно думать, что отсутствие укрепленных местообитаний на какой-то территории — признак примитивности культуры живших там людей. Защищать свои поселения люди научились очень давно. Рассмотрим, например, лесную полосу Евразии эпохи поздней бронзы — раннего железа. Основная масса живших на огромных просторах по обе стороны Уральского хребта в это время — оседлые рыболовы-охотники, в среду которых из лесостепи постепенно проникали скотоводы-земледельцы. Так вот, примерно на рубеже бронзового и железного веков вдруг все аборигены лесной полосы начали усиленно строить укрепленные поселения! Причем делали это так же, как и в значительно более по-

здние времена: выбирали высокие мысы на коренных берегах рек при устьях впадающих притоков и ручьев, как правило, с крутыми обрывами с трех сторон, четвертую сторону перегораживали глубоким рвом и валом, по которому выставлялся тын. Иногда рвы и валы делались в два-три ряда. Там, где подобных мест было мало, выбирался высокий останец коренной террасы в пойме реки, или вообще высокое и от природы труднодоступное место, которое всячески укреплялось. Более того, археологи обнаружили свидетельства того, что эти городища брались противником и разрушались. Стало быть, люди не зря начали прятаться за заборами: жить стало действительно опасно!

И это — гигантские лесные просторы Восточной Европы и Западной Сибири! Там, что — очень тесно? В эпоху бронзы, в начале железного века? Невозможно поверить! А в Центральной Европе античного времени, где плотность оседлого земледельческо-скотоводческого населения, судя по археологическим данным, была намного выше, ухитрялись передвигаться на территории друг друга и мирно сосуществовать целые народы. И никто не прятался за укрепления!

Опять-таки, повторяем: никакой идиллии тут нет. Оружие здесь делали, и наверняка — не просто так. И на поселениях, и в погребениях встречаются и копья, и мечи, и наконечники стрел, и умбоны щитов, и шпоры. Причем на территории культуры подклошевых погребений все это в ощутимых количествах появилось с приходом туда кельтов, которые примерно со II века до н. э. начали активно перемещаться на восток, вторгаясь в раннеславянскую среду. Мы вообще не представляем себе, как складывались их отношения на самом деле: возможно, были какие-то военные стычки, соседские ссоры из-за владения земельными угодьями. Но *войны* кельтов со славянами не было! Как не было ее и между всеми ними и германцами, тоже в это время надвигавшимися на эти земли с северо-запада. Напротив, происходило интенсивное «перемешивание» народов, судя по интенсивному «перемешиванию» культурных

признаков по той схеме, о которой мы говорили выше. И в результате к рубежу эр на территории бывшей культуры подклошевых погребений возникло новое образование — *пшеворская культура* [Седов, 1994, с. 159–199]. В.В. Седов считает, что по следам материальной культуры ее можно отнести к славяно-кельтской. Заметим, кстати, что тот громадный «промышленный» район в Силезии, где процветала кельтская черная металлургия, входит в ареал именно пшеворской культуры. И жил он достаточно долго: от III—I веков до н. э. до III–IV веков н. э.

И все-таки кому-то на этих землях становилось тесно. Кто-то мог ужиться с пришельцами, а кто-то — нет. И часть носителей первой раннеславянской культуры — подклошевых погребений — и их соседей-балтов — поморской культуры — уходила со своей исконной земли на восток, в места, по-видимому, менее плотно заселенные. Особенно это касается тех, кто пришел в бассейн крупнейшего днепровского притока — Припяти. Это в основном глухие болотистые леса, на рубеже эр практически незаселенные. Поэтому пришельцы еще долго здесь сохраняли свой исконный культурный облик. А вот те, кто пришли на верхний и средний Днепр, смешались с местным населением: на верхнем Днепре — с местными балтами, на среднем — с потомками скифов-пахарей, как их называл еще «Отец истории» Геродот.

В археологии все три группы этого населения принято считать одной, так называемой *зарубинецкой культурой*. Она существовала как самостоятельная культура со II века до н. э. по III век н. э., и в результате разных подвижек населения, главным образом, из-за сарматских набегов из степи вверх по Днепру, ушла на север и северо-восток с насиженных за четыре века мест и растворилась в других культурах. С ней связано два любопытных для нас момента.

Первое. «Зарубинцы», много поколений жившие в условиях относительного мира еще у себя на родине — на Висле, в Южной Прибалтике — и никогда не строившие укрепленных поселений, быстро освоили это занятие, попав

на средний Днепр. Вот что значит иметь соседей-кочевников! Но и это не помогало. Мирный земледелец не хотел мириться с каждодневной угрозой грабежа и разоренья, а то и угрозой смерти или рабства. А умения дать отпор да и сил для этого еще не было! И в результате он ушел подальше от степи, в менее плодородные и климатически благоприятные районы. Но, воистину, жизнь дороже! Так что с кельтами и даже германцами ужиться было проще [Седов, 1994, с. 200–217].

Второе. Никто из специалистов до сих пор не смог однозначно определить языковую, этническую принадлежность «зарубинцев». Многие считают их раннеславянской группой. В.В. Седов, например, полагает, что невозможно ретроспективным методом связать их с более поздними славянами, заселившими эти территории, и, скорее всего, это какая-то диалектная славяно-балтская группа, не оставившая после себя прямых языковых потомков [Седов, 1994, с. 217–219]. В общем, это одна из нерешенных загадок ранней истории славян.

А теперь снова вернемся к тем, кто остался на старом месте и пережил наплыв кельтского населения — к *пшеворской* культуре. Еще один любопытный и даже загадочный момент. По уровню развития материальной культуры — технологии черной и цветной металлургии, кузнечного, гончарного и ювелирного ремесла, а возможно, и сельского хозяйства — кельты, очевидно, были выше ранних славян. И это сказывалось на материальной культуре «итогового» — пшеворского — населения: она в основном «продвинутая», кельтская. А вот само кельтское население постепенно ассимилировалось раннеславянским. Археологически это выражается в том, что на всей этой территории — а она еще и расширяется на запад вплоть до Силезии, то есть захватывает и собственно кельтские земли — кельтские поселения и могильники прекратили существование, и появились пшеворские. При всем том, что пшеворское население большинство исследователей считает

раннеславянским, хотя бы потому, что многие формы керамики и тип домостроительства получили продолжение в позднеславянских древностях, да и ареал этой культуры совпадает с позднейшим славянским, на самом деле мы не знаем точно, на каком языке говорили эти люди. И если все-таки на праславянском, то, по-видимому, именно ко времени существования этой культуры относится укоренение в нем кельтизмов и германизмов, которые выявляются в славянском языке лингвистами.

Германизмы же в славянском — результат переселения в западную часть пшеворского ареала в I—II веках н. э. германских племен с севера, из ареала ясторфской культуры. И снова повторяется та же картина, что и с кельтами: это не *война* славян с германцами, это диффузия, «ползучая миграция» германцев в земли ранних славян. И снова идет постепенное смешение населения разных этнических корней, разных культур. И снова пришлые элементы растворяются в местных, давая в итоге симбиотическую культуру. Но при этом в западных частях пшеворского ареала преобладают германские черты, в восточном — славянские [Седов, 1994, с. 170–196].

И все-таки полного смешения с германцами не произошло. Если судить по погребениям праха покойных в урнах, сопровождаемым богатым погребальным инвентарем, где много оружия — это именно германские погребения, как правило, находящиеся при поселениях с длинными наземными германскими же домами. Так вот, все это, по-видимому, принадлежало *военно-дружинному* сословию! Это не совсем рядовое население, не простые земледельцы. Они не сливались этнически с основным населением и, можно думать, как-то социально возвышались над ним, хотя вряд ли напрямую его грабили. В общем, мы не можем точно сказать, какие отношения в этот период складывались между славянским и германским этносом в той среде, которую мы связываем с пшеворской культурой. Ясно одно: это еще не было государство, в нем не было городов, сложной социальной иерархии, четко очерченных границ и, скорее всего, наследственной аристократии.

И еще один важный процесс начался в это время — во II—III веках н. э. Пшеворскому населению становилось тесно на старой территории, особенно на ее западе. И оно начало продвигаться на юг и восток. Какие-то его группы перевалили через Карпаты и осели в Среднем Подунавье. Большой поток пшеворского населения оседает в Среднем Поднестровье, на Волини, в Южном Побужье и дошел до Днепра. И везде эти люди смешивались с местным населением, в результате чего возникла масса новых симбиотических культур.

Здесь нет необходимости перечислять все сложившиеся в этом обширном регионе культуры. Но главные их этнические компоненты указать необходимо, и вот почему. Как мог заметить читатель, все территории, о которых выше шла речь — это земли будущих собственно славянских государств. Поэтому современному человеку нужно усвоить себе одну простую и очевидную для историка любого профиля истину: практически ни один из современных народов мира не является *этнически чистым*, «однокоренным». А уж те из них, которые варились в таком «этническом котле», как Европа, — и подавно. Мы постарались дать читателю представление о древнейшем этапе существования этого европейского котла, в котором зародились все важнейшие этносы Европы. Теперь нам предстоит описать тот котел, в котором «сварились» славяне, уже попавшие на страницы истории под своим собственным именем.

Итак, мы будем говорить о той части будущей славянской территории, которая первой попала в поле зрения позднеантичных и византийских авторов. На западе это Нижнее Подунавье, на востоке — Поднепровье, на севере — от Прикарпатья до верхних границ днепровского бассейна, на юге — побережье Черного моря. Интересующий нас период — со II по IV век н. э. Что же тут происходило? Это сплошное «кипение этнического котла». Кого здесь только нет и кто только сюда не двигался!

Начнем с самых ранних насельников этих мест. Как го-

ворилось выше, степная полоса от Нижнего Дуная и на тысячи километров на восток — ареал вечного обитания североиранских кочевников, из которых самые ранние, известные нам еще со времен Геродота — скифы. Но еще на рубеже бронзового и раннежелезного веков с запада от Дуная и до Днепра по предгорьям Карпат и лесостепной полосе распространялось фракийское население, отождествляемое с несколькими археологическими культурами. Естественно, население, их оставившее, к интересующему нас времени не исчезло бесследно, а сохранилось в виде более поздних культур, на которые «послойно» накладывались пришельцы на следующих этапах истории.

Наиболее ранний наложившийся на них «слой» — та часть скифов, которая перешла на оседлый земледельческий образ жизни и известна в истории как скифы-пахари. Конечно, здесь, в лесостепной полосе, обитали и какие-то другие народы, перечисленные Геродотом в его истории скифов. О них он сообщал, что эти народы во всем похожи на скифов, но говорят на других языках. Самое интересное, что археологические памятники, относящиеся к началу железного века, подтверждают это! Действительно, вся лесостепная полоса Европы в это время была заселена народами, по материальной культуре неотличимыми от скифов степей. Эти культуры принято называть скифоидными, и они смотрятся как локальные варианты той же скифской культуры, с той лишь разницей, что, помимо подвижного скотоводства, они занимались и земледелием, и потому хотя бы часть этих людей жила в стационарных поселках. А к рубежу нашей эры они уже имели хорошо укрепленные городища, которые, кстати, еще долгое время после них использовали более поздние насельники этих мест. Но, поскольку все эти народы бесписьменные, мы так и не знаем, на каких языках они говорили, то есть их этническая принадлежность нам совершенно неизвестна, хотя материальная культура воспринимается нами как североиранская.

Следующим по времени «слоем», расселившимся по лесным и лесостепным районам этого региона, наверное,

следует считать носителей зарубинецкой культуры, о которой мы говорили выше. Опять-таки, к какому языку, к какому этносу их причислять, то ли ветвь праславян, то ли смесь ранних славян с балтами — непонятно.

В первые века нашей эры на всю степную полосу, от Нижнего Дуная до Нижнего Дона, накатила волна кочевников — сарматов. Это этнические родственники скифов и живших восточнее их савроматов, то есть тоже североиранцы. О них, так же как и о савроматах, знал еще Геродот со слов скифов, которые говорили ему, что и савроматы, и сарматы — их восточные соседи, говорят на «испорченном» скифском языке. Что все они «родственники» — подтверждается и археологически: их материальная культура в главных своих чертах схожа, хотя и различима. Главная черта — сооружение курганов над погребениями. Так вот, в описываемое нами время сарматы теснили и савроматов, и скифов и занимали их территории, причем расселялись не только в степи, но и в лесостепи, где, как когда-то скифы, частично перешли к оседлому образу жизни. Любопытно, что при этом они перестали насыпать курганы! Но сами погребения при этом оставались типичными сарматскими, то есть вполне определяются археологически. Это очень интересно: по-видимому, у тех, кто перешел к земледелию, не было времени на сооружение курганов, да и места, пригодные для пашни, ценились высоко и их жалко было занимать курганами! Как бы то ни было, это еще один этнический «слой» на интересующей нас территории.

В это же самое время, как мы говорили выше, в эти же места начало активно двигаться пшеворское население с карпатских предгорий и из Повисленья. По почти общему мнению, это ранние славяне, в достаточной степени «кельтизированные» и «германизированные». Не очень понятно, что их сюда толкало. Возможно, избыток населения на их коренных территориях, но, заметим попутно, что чем южнее, тем, как правило, население плотнее, поэтому трудно себе представить, что население северного Прикарпатья уходило из более плотно населенных мест в менее

плотно населенные. Такими менее заселенными в то время местами можно считать разве что лесистый и болотистый бассейн Припяти, но никак не бассейн Среднего и Нижнего Днепра. И вполне возможно, что уходила та часть населения, которая просто не желала мириться с наплывом германцев, особенно если последние считали, что как высший слой общества могут собирать дань с местных земледельцев.

Так вот, в результате на интересующих нас землях археологически видится странная картина: вся полоса южного леса и лесостепи, от Карпат до Днепра, превращается в место встречного движения двух потоков разнокультурного и, очевидно, абсолютно разноэтнического населения: с юга — ираноязычного степного, оседающего на землю, с северо-запада — славяноязычного земледельческого, тоже оседающего на эту же землю! Самое интересное заключается в том, что эти потоки не «сталкиваются лбами» на каком-то условном рубеже, а двигаются друг сквозь друга, в результате чего часть сарматов доходит до леса и оседает аж на юге бассейна Припяти, а часть «пшеворцев» доходит до низовьев Днепра и оседает в степи.

Но и это еще не все. С Северных Балкан, с низовьев Дуная в этот же регион надвигаются в это же время (первые века нашей эры) поздние фракийцы — геты, даки, карпы (Карпатские горы — это от карпов, во времена Римской империи заселявших южные их склоны). Возможно, геты и даки пытаются выйти из-под давления Римской империи и потому двигаются на восток, в предгорья Карпат, в бассейн Прута, Днестра, Южного Буга. И здесь они сталкиваются со встречным сарматским потоком и тоже перемешиваются с ним, селясь чересполосно. Но до бассейна Днепра они все-таки не доходят.

Но и это еще не все! Чуть позже, в конце II века н. э., на всю эту территорию с северо-запада, через Припятское Полесье и дальше на юг, вниз по Бугу, через Среднее Поднепровье, вплоть до побережья Черного моря и Нижнего Дуная, катится волна так называемой *вельбарской*

культуры. Она исходит с германской территории, с юга Скандинавии, прокатывается через территорию пшеворской культуры (через славян, стало быть), частично прихватывая «пшеворцев» с собой, и интенсивно движется на юг, небольшими коллективами оседая по дороге. Заметим попутно, что, если бы они там не оседали, археологи о них ничего бы не знали.

Тут мы подводим читателя к первым рубежам письменной истории этого региона, то есть к моменту, с которого ранневизантийские (позднеантичные) авторы начали писать о землях, лежащих восточнее имперских земель, регулярно. Это понятно: с этого времени набеги оттуда на территорию империи приняли характер все растущего давления, которое вообще-то больше не прекращалось никогда, хотя временами то ослабевало, то нарастало. В результате современным историкам есть с кем из исторических этносов отождествить носителей вельбарской культуры. По мнению большинства специалистов, это *готы* и родственные им *гепиды* [Седов, 1994, с. 222–231].

И тех и других (но особенно, конечно, готов) мы все знаем еще со школьной скамьи, а также по массе исторических сочинений самого разного характера. Почти все, наверное, помнят, что огромная готская держава, занимавшая земли от низовьев Дуная до Днепра, воевала время от времени с Римом. В эпоху же Великого переселения народов, уходя от гуннского разгрома, готы двинулись большими массами на запад, а с ними и другие германские и, возможно, славянские народы, что в конечном счете и привело к падению Западной Римской империи и к расселению на Северных Балканах новых народов. Но об этом мы еще поговорим позже.

Сейчас же нас интересует период, предшествовавший эпохе Великого переселения народов. Ведь именно тогда впервые на страницах истории появились *анты* — народ, который все позднейшие историки отождествляли с большим *славянским* племенным объединением, причем пере-

жившим гуннское вторжение, хотя и пострадавшим от него. Естественно, раз уж мы следуем за теми специалистами, которые хотят восстановить славянскую историю, пользуясь ретроспективным методом, то мы должны найти какой-то археологический эквивалент народу, называвшемуся антами. Так вот, если исходить из времени и места, где анты должны были жить накануне эпохи Великого переселения народов, и если помнить, что у них были военные столкновения с готами, место обитания которых мы тоже знаем по античным источникам, то приходится признать, что археологически этому соответствует только одна территория — та самая, перипетии заселения которой мы описали выше — территория *черняховской культуры* [Седов, 1994, с. 233–286].

Итак, что же такое *черняховская культура*? Это одно из самых странных и археологически пестрых образований на земле будущей Руси, Украины и частично Белоруссии. Как мы могли убедиться, это огромная территория, простирающаяся от низовьев Дуная до низовьев Днестра, от Карпат до днепровского правобережья, а местами и до Северского Донца, и от верховьев Днестра до побережья Черного моря. И, несмотря на свою поразительную археологическую, а стало быть, исходную этническую пестроту, это — единая культура, в чем археологи убедились, раскопав на этой площади более четырех тысяч памятников, ей принадлежащих. Это огромное количество открытых, ничем не защищенных сельских поселений, от маленьких, в 7–10 жилых строений, до огромных, где более сотни жилых и хозяйственных построек. Во многих из них стоят вперемежку и наземные дома — срубы, и полуземлянки разных строительных традиций, явно занесенных сюда разными народами. Это и ремесленные центры, также неукрепленные, и усадьбы, напоминающие крымские, греческие, традицию сооружения которых позаимствовали у греков осевшие на земле скифы. Это грунтовые могильники, где на одном могильнике можно встретить и погребения — кремации, по-разному оформленные, и погребения — тру-

поположения, также отличающиеся друг от друга обрядом. В общем, это — «дикая смесь» народов. Причем если на ранних этапах сложения культуры эти народы жили хоть и рядом, но все-таки особняком, то на поздних этапах — а речь-то идет всего о сотне-другой лет! — все уже перемешались *на одних и тех же* поселениях, и *на одних и тех же* могильниках. Конечно, на какой-то части территории можно заметить преобладание одних культурных черт, на какой-то — других. Но в целом — везде смесь.

Так что же все-таки делает население столь обширного региона *единой* культурой? Главное — это «покрытие» его целиком *провинциально-римской культурой*. Мы ранее не вводили этого понятия, поэтому следует его расшифровать. Это не значит, что этот регион является территорией Римской империи. Он с ней граничит на юго-западе. Но римская, по крайней мере, материальная культура на ней явно присутствует и этим нивелирует те этнические культурные черты, которые были присущи всем поселившимся здесь народам. По всей видимости, изначально она была занесена сюда гето-дакийским населением, пришедшим из восточно-римских провинций. И выражается она, главным образом, в широчайшем распространении *профессионально-ремесленного производства*. Иначе говоря, все доморощенное ремесло, принесенное сюда разными народами, вытесняется продукцией крупных ремесленных центров: изготовленная на гончарном круге и прекрасно обожженная керамика, с формами, присущими римской провинции, черная и цветная металлургия, кузнечные и ювелирные изделия, оружие, ткани и т.д.

Почему это важно? Да потому, что говорит о налаживавшейся на этой огромной территории *регулярной системе связей*, которая превращала живущее на ней население из странного конгломерата в общем-то чуждых друг другу людей разных культур, разных языков, в единый народ, связанный как минимум торгово-обменными отношениями. Здесь уже есть четкое разделение труда между сельскими хозяевами, ремесленниками и воинами. Скорее всего, есть

и профессиональные торговцы, налаживающие обмен продукцией, и не только внутри этой территории, но и с Римской империей: на поселениях найдены импортные амфоры и клады римских монет (датирующий материал, между прочим!). Воинское сословие тоже выделяется своими погребениями с оружием, но жило оно, судя по всему, еще в тех же поселениях, что и все остальные.

Это не значит, однако, что все этнические черты вошедших в черняховскую культуру народов стерлись за те два века, что она существовала (конец II — конец IV века н. э.). Погребальный обряд, домостроительство, домашняя лепная керамика — то есть все то, что имело еще традиционно-ритуальный смысл — сохранилось, хотя и существенно перемешалось на одних и тех же поселениях. Повидимому, люди этого времени жили достаточно мирно между собой, да и со стороны их особенно никто не беспокоил. Смешение разных этнических черт на одном памятнике — довольно точное свидетельство налаживания брачных межэтнических отношений. Правда, совершенно непонятно, на каком языке общались между собой эти люди. Вспомним: здесь вперемешку жили славяне («пшеворцы»), германцы (двух разных волн), западные балты (верхнеднепровские), балто-славяне («зарубинцы»), скифы, сарматы, фракийцы (ранние и геты-даки-карпы).

Двуязычие одного народа — вещь довольно известная, и, как правило, являлась нормой в империях любого исторического времени. Один язык — общеимперский (латынь в Риме, например), второй — собственный, внутриэтнический. Но черняховская культура — не империя! Может ли в таком случае выработаться некий общий язык — «койне» — как называли такие языки древние греки? Не знаем! Но некое предположение на этот счет сделать можем, исходя уже из данных письменных источников.

А последние, как мы говорили выше, утверждают, что, во-первых, юго-западная часть этой территории — Готская держава, во-вторых, где-то здесь, между Карпатами и Днепром, жили анты — союз славянских племен. И между

собой готы и анты время от времени воевали с переменным успехом. Заметим, что археологически лесостепная часть черняховского ареала, от верхнего Днестра до Среднего Днестра, несколько выделяется явным преобладанием пшеворского культурного компонента и наложившегося на него сарматского. Этот район называется подольско-днепровским. Именно его логичнее всего считать антским — то есть признать, что местный «койне» — *славянский язык*. А южную часть черняховского ареала естественно отождествить с Готской державой и считать, что ее местный «койне» — *готский язык*. Однако выявить археологически какую-то границу между возможным ареалами употребления славянского и готского «койне», естественно, невозможно. Археологически все этноразличимые составляющие черняховской культуры мозаично распределены по всей ее территории, и можно говорить лишь о *преобладании* различных культурных признаков в том или ином ее районе.

Короче, ни Готская держава, ни антский союз племен не были государством в том смысле слова, который мы вкладываем в это понятие, говоря, например, о той же Римской империи. На всей территории черняховской культуры известны всего три небольших укрепленных каменных городища, фактически — наследие скифских времен. То есть нет столь характерной для государства системы «город — деревня» с разделением функций между ними. Нет и намека на столицу. Нет больших культовых центров, и непонятно, можно ли говорить о какой-то единой вере всего этого жившего вперемешку населения, хотя культовые предметы — каменные идолы, например — были найдены на некоторых памятниках. Нет выделения воинского сословия в замкнутую касту, жившую обособленно от остального народа. Нет продуманной системы обороны своих рубежей, поскольку нет, по-видимому, еще четкого осознания «государственный рубеж». Люди еще не чувствовали себя членами единого государства, и даже непонятно — когда речь идет о таком полиэтничном образовании, как черняховская культура — чувствовали ли они себя принадлежа-

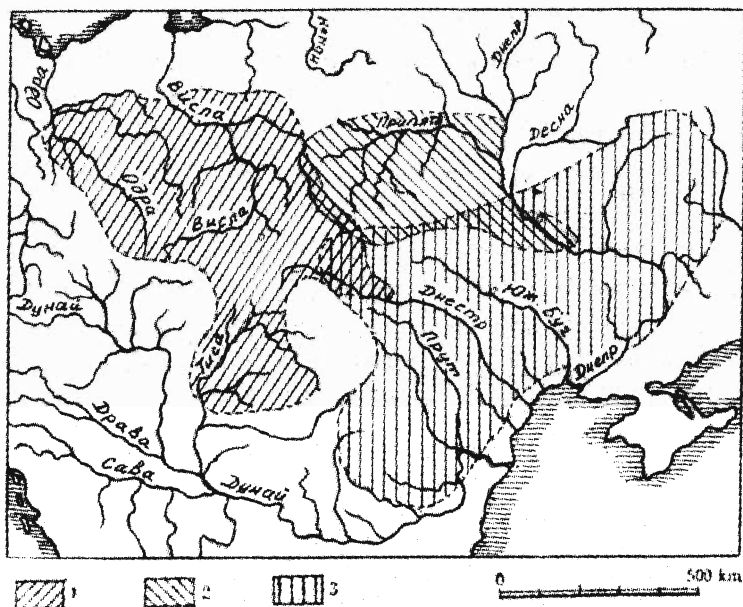

Рис. 1.3. Карта взаимного расположения археологических культур, участвовавших в сложении славянского этноса
 1 — пшеворская культура; 2 — зарубинецкая культура;
 3 — черняховская культура

щими какому-то этносу! Последний вопрос — сплошная загадка для нас.

Чтобы читателю было легче представить себе пространственно, о чем речь шла выше и пойдет дальше, приводим карту взаимного расположения культур, прямо участвовавших в сложении славянского этноса в Восточной и Центральной Европе к V веку н. э. (рис. 1.3).

КОНЕЦ СЛАВЯН РАННИХ — НАЧАЛО СЛАВЯН СРЕДНЕВЕКОВЫХ

Так что же дала в итоге черняховская культура? Кто стал ее «культурным потомком»? Увы, напрямую — никто!

Вся эта налаживавшаяся культурная система, у которой был явный шанс образоваться если не одно, то хотя бы два соседствующих и достаточно высокоразвитых государства — славянское (антское) и южногерманское (готское) — не просуществовала и трех веков. Все это было разгромлено в конце IV века н. э. гуннским нашествием. С него началась эпоха Великого переселения народов, и им кончилась черняховская культура. В этом сообщении позднеантичных источников и данные археологии совпадают. И из тех, и из других вытекает, что все Причерноморье было разгромлено беспощадно [Седов, 1994, с. 287–289]. Разгрому подверглись вся степная и лесостепная зоны черняховской культуры, и даже южная часть ареала пшеворской культуры. Перестали существовать все ремесленные центры этого обширного региона. Жители крупных поселений были или перебиты, или угнаны в плен — наверное, было и то, и другое. Факт тот, что и поселения, и могильники перестали функционировать. Понятно, что уцелевшие люди ушли кто куда смог.

Ну а что же Готская держава, что воины антского союза племен? Неужели никто не оказал вооруженного сопротивления захватчикам? Конечно, пытались — так утверждают письменные источники [Иордан, 1997]. Но с плачевным результатом: готы были разгромлены, частично погибли, частично покорились гуннам. Если исходить из сведений Иордана, римлянина готского происхождения, жившего в VI веке и написавшего историю готы, то получается, что в это время анты, ранее воевавшие с готами, выступали здесь как союзники гуннов и способствовали готскому разгрому.

А вообще с исследовательской точки зрения тут все очень сложно. Как уже говорилось выше, не только черняховская культура, но и пшеворская содержит заметный германский компонент, как ясторфский — южногерманский, так и вельбарский — южноскандинавский, готский. И в черняховской, и в пшеворской культуре именно германский компонент остается, по-видимому, воинским,

дружинным, судя по богатым погребениям с оружием. Хотя и тут не все понятно: мы ведь не знаем наверняка, является ли наличие оружия в погребениях того времени *этническим* признаком или *социальным*. Известно, что погребение умершего с оружием и в более позднее время для славян было не характерным. Но если это уже в черняховское время — социальный признак, выделяющий таким образом воинов-дружинников, то говорить о том, что это были погребения германцев, нельзя: ведь дружинником мог сделаться в таком полиэтничном объединении кто угодно. Или все-таки не кто угодно, а только германец, гот? Не знаем!

Так, спрашивается, кто составлял воинскую силу у антов, которых многие исследователи считают в основном «ославянившимися» сарматами [Седов, 1994, с. 273–274; Абасев, 1965]? Возможно, что все те же готы, что и в самой Готской державе — южной части того же черняховского ареала. Только ославянившиеся, сменившие, так сказать, свое «этническое лицо». А может быть, это более ранний германский пласт, потомки носителей ясторфской культуры, тоже ославянившиеся. И для них вторгшиеся на территорию пшеворской культуры с севера и прошедшие ее «насквозь» готы были враждебным народом. В самом деле, еще до гуннского нашествия готы враждовали с антами — так утверждает тот же Иордан, который написал историю готов с момента их вторжения на материк из Южной Скандинавии и до своего времени, то есть до VI века. Так вот, он утверждает, что эта вражда, в конце концов, закончилась победой готов над антами в битве на Днепре под руководством короля Винитария. И это произошло еще до гуннского вторжения. Так надо ли удивляться, что анты стали союзниками гуннов в борьбе с готами?

А ведь с археологической точки зрения, и те, и другие — единая черняховская культура! Стало быть, наблюдающаяся на археологическом уровне исследования небольшая разница между северной и южной частью черняховского ареала на самом деле *имеет этноопределяющее*

значение! И хотя очень вероятно, что и там, и там военнo-дружинный слой, исходно — германцы, — это *разные люди*, считавшие себя принадлежащими *разным этносам*.

Не правда ли, картина получается довольно смутная? Но ведь мы говорили во «Введении», что постараемся показать читателю, что мешает историку дописать историю любого народа и любого периода «до конца». И чтобы читатель убедился в честности наших намерений, мы сейчас покажем, что все только что сказанное может трактоваться и по-другому.

Многое зависит от того, как относиться к сочинению Иордана — важнейшему письменному источнику по рассматриваемой эпохе, между прочим. Дело в том, что это — весьма своеобразное сочинение. Оно названо им не «Готика», как можно было бы ожидать, а «Гетика», то есть «История гетов». И сделано это не случайно. Его главная задача — показать необычайную древность готов как могущественного народа, сыгравшего значительную роль в истории Европы, бог знает, с каких времен, не уступавшего по древности ни грекам, ни латинянам. И он это делает, сливая историю готов с историей гетов — фракийского северобалканского народа, действительно известного античным авторам задолго до Рождества Христова. Да и саму историю гетов он «загоняет» в глубь веков, привязывая ее с помощью сведений Геродота и других авторов о скифах, амазонках, о Троянской войне, о подвигах Геракла ко временам совсем уж мифическим.

Так вот, в результате всех этих псевдоисторических «происков» сочинение Иордана приняло характер невообразимой смеси собственно исторических сведений о готах с момента их вторжения на южнобалтийское побережье с «историями», упомянутыми выше. И современному исследователю бывает не так уж просто отделить одно от другого: на эту тему написано немало работ, и выводы разных авторов относительно достоверности тех или иных сведений, сообщаемых Иорданом, отнюдь не совпадают между собой [Иордан, 1997, с. 9–59].

Это касается и сведений об антах, столь важных для историков славянства. Сложность заключается в следующем. Одни исследователи считают, что Иордан, говоря об истории готов *до* вторжения гуннов (то есть о событиях III — начала IV века), правильно называет антами их соседей — они действительно так назывались уже в то время. И тогда все приведенные нами выше историко-археологические реконструкции, касающиеся черняховской культуры, достаточно обоснованы: ведь, по Иордану, те и другие — непосредственные соседи. Другие же исследователи считают, что, описывая этот период готской истории, Иордан «перетаскивает» туда этническую терминологию, а частично, и события *своего* времени (то есть VI века). Не было до Великого переселения народов этнического понятия «анты». Оно появилось у других авторов поздней античности только при описании событий короткого промежутка времени — с 550-х по 630-е годы — после чего снова и навсегда исчезло со страниц истории [Древняя Русь в свете зарубежных источников, 1999, с. 79–90].

Если это так, то тогда мы напрасно считаем черняховскую культуру принадлежащей сразу двум этносам — антскому и готскому. «Черняховцы» — чистые готы, а описанные Иорданом их столкновения с антами либо относятся к борьбе с «пшеворцами», которых антами тогда никто не называл, либо к столкновению с действительными антами, союз которых сложился уже *после* Великого переселения народов на территории погибшей черняховской культуры, то есть на бывшей готской территории. При той путанице, которую устроил Иордан на страницах своего сочинения, это вполне возможно! «Пшеворцы» же — это «бывшие» венеды или их потомки, которые во времена после Великого переселения народов стали известны как *склавины*, то есть собственно *славяне*. Их родственность антам подчеркивается всеми позднеантичными и раннесредневековыми авторами и убедительно доказывается археологически. Вот такая история получается!

А теперь еще об одном весьма важном последствии гуннского нашествия. После того как оно переросло в Великое переселение народов, археологически отмечается интересная вещь: мало того, что погибли все ремесленные центры черняховской и пшеворской культур, погибли их крупные поселения. При этом еще и исчез весь *военно-дружинный компонент в обеих культурах* — возможно, он же этнически — германский [Седов, 1994, с. 197]! Так кто же остался на всей территории и черняховской, и пшеворской культур? А похоже, только исконные земледельцы, пахари и скотоводы, *крестьяне*, одним словом! И если говорить об их этнической принадлежности, то это — славяне, может быть, частично «ославяненные» балты и сарматы, давно ушедшие из степи и потерявшие кочевнический дух. И хотя мы говорим сейчас об очень страшных, кровавых временах, о массовой гибели людей разных языков, о гибели огромной державы — Западной Римской империи — о крушении установившегося в Европе за предыдущие столетия порядка, мы одновременно говорим и о начале *царствования славянского языка в Центральной и Восточной Европе!*

Представляется, что тут мы сталкиваемся с *главной славянской загадкой*. Судите сами. До рубежа эр античные источники — и греческие, и раннеримские — никаких славян вообще не знали. Это нас не очень удивляет, поскольку понятно, что круг интересов и тех, и других в основном замыкался на своих ближайших соседях — народах Средиземноморья и Причерноморья, то есть на тех, с кем они сталкивались «в жизни». И если у того же Геродота (V век до н. э.) в его истории есть большой раздел, посвященный скифам и их соседям, то это отнюдь не случайно: со скифами постоянно контактировали несколько столетий подряд обитатели греческих причерноморских колоний — Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и пр. Понятно также, что круг народов, с которыми сталкивалась Римская империя на рубеже эр — еще шире, поэтому возрос и массив

сведений о них у авторов римских «Историй». Здесь все закономерно, о чем мы говорили еще в начале этой главы. И тогда же мы говорили о том, что отсутствие упоминания о каком-то народе в документах некоей эпохи вовсе не означает, что этого народа не было: просто он мог обитать за границами «сферы геополитических интересов» государства, в котором писались «Истории» того времени.

Далее. У римских авторов I—II веков н. э. впервые появились некие *венеды*, которые затем несколько веков не сходили со страниц «Историй», и со времен средневековья устойчиво ассоциировались со славянами. Тут тоже все более или менее понятно: венеды «привязаны» территориально к землям, на которых потом жили славяне под своим собственным именем до нашего времени и никто другой. Так что венедов кроме как славянами трудно кем-либо еще считать, ну разве что еще — ветвью иллириков, чей язык, возможно, был близок праславянскому. Как все это выглядит *археологически* — мы рассказали выше. Как мог убедиться читатель из этого рассказа, территория, которую в начале железного века — то есть от первых веков до н. э. до первых веков н. э. — можно считать раннеславянской, не слишком велика и периферийна относительно рубежей Римской империи. К тому же она не слишком устойчива. На нее все время кто-то покушался: то кельты, то германцы, то западные балты, то скифы, то сарматы, то фракийцы (геты, даки). «Куда же славянам податься»?

Тем не менее, из этой же археологии видно, что им «было, куда податься». На будущую территорию черняховской культуры. Тут они неплохо прижились, но, опять-таки, не одни. Им опять докучали, и со всех сторон, и все те же, вышеперечисленные. Но это еще, куда ни шло. Как мы убедились, люди времен пшеворской и черняховской культур, несмотря на этнические различия, неплохо уживались друг с другом даже в одних и тех же поселениях. Большие совокупности этих поселений начали собираться в целостные системы — антскую и готскую — не всегда мирно сосуществовавшие.

Но тут наступили совсем уж страшные времена — гуннское нашествие, Великое переселение народов. Процветавшие черняховская и пшеворская культуры погибли, население было вырезано, угнано в плен, разбежалось. Изгнанный с насиженных мест германский (и иже с ним) военно-дружинный слой, разгромленный в боях, катился на запад, увлекаемый — а точнее, подгоняемый — степняками. И, естественно, именно все эти народы в первую очередь попадали на страницы позднеримских «Историй», поскольку эпоха Великого переселения народов — это и позднеримская история, как таковая.

Казалось бы, в таких условиях славяне, едва мелькнув на страницах «Историй» под именем *венедов*, должны были вообще кануть в небытие. Их и так-то было немного, где-то на северо-востоке от римских окраин, да и были ли они вообще — кого в Римской империи это интересовало? А уж при наступлении страшных, апокалиптических времен — что от них должно было остаться?!

Не тут-то было! К VI веку, когда в Европе сложился некий «новый порядок», не очень, прямо скажем, устойчивый, но по сравнению с предыдущей эпохой все-таки *порядок*, и образованные люди уцелевшей, хотя и потрепанной, Византии снова взялись за перо, вдруг оказалось, что чуть ли не вся Восточная Европа — как ее представляли себе тогда византийские авторы — это *сплошные славяне*! Более того, они жили и в Центральной Европе, у самых границ Византийской империи: и на Северных Балканах, и на Нижнем Дунае, и на Среднем Дунае, и на Карпатах, и в Закарпатье, вплоть до берегов Балтийского моря. Жили они попеременно с другими народами, но из-за своей многочисленности не растворились среди них [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 79–90].

Более того, византийские историки даже могли их отделять по каким-то им известным признакам друг от друга: не зря же они утверждают, что анты — это отдельная группа славян! На востоке и северо-востоке их было еще больше — они ведь оттуда все шли и шли! — но там их не

очень легко отделить от сарматов, и ранневизантийские авторы их часто путают или отождествляют. Поэтому в историко-географической литературе раннего, да и развитого средневековья вся Восточная Европа зачастую называется «Сарматией», а иногда даже «Скифией». И даже Балтийское море, а потом и Северный Ледовитый океан на картах вплоть до XVI века называется Скифским, или Сарматским, морем. И лишь много позже, в позднем средневековье, вся эта территория — и по тем же причинам — стала называться «Тартарией».

Вот такая интересная получается история. Не было, понимаете ли, никаких славян, когда были фракийцы, иллирийцы, кельты, германцы, скифы, сарматы. Ну, были еще какие-то веныды — что-то среднее между германцами и сарматами: жили как германцы, грабили как сарматы. И вдруг оказывается, что славян этих видимо-невидимо! Откуда они взялись — и сразу столько! ЗАГАДКА!

Сегодня существуют сотни исторических сочинений, как специальных, так и популярных, посвященных ранней истории славян. Их писали и пишут историки и России, и других стран не первый век. В их основу ложатся более или менее полные подборки исторических документов предыдущих исторических эпох, собранные авторами каждой очередной славянской «Истории». И все-таки, насколько нам известно, никто не ставил вопроса о появлении славян в такой форме, в которой предложили его мы в данной книге. Если читатель взялся за нашу книгу — значит, он интересуется историей Руси, а стало быть, и славян: одно от другого неотделимо. И наверняка он знает, что во всех сочинениях на эту тему обсуждается вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Знает он также, что точного ответа на этот вопрос до сих пор нет, а точек зрения существует достаточно много. Это же касается и *времени* появления и славян, как самостоятельного этноса, и Руси, как государства, на исторической арене (о Руси мы будем говорить в следующей главе).

Мы предлагаем читателю посмотреть на славянскую историю несколько с другой стороны. Если считать, что корни славянского этноса продуктивнее всего искать с помощью археологических данных, а именно это мы и пытались показать выше, то вопрос о славянской прародине становится более ясным. Зато на передний план выступает другой вопрос, порожденный описанными выше археологическими материалами: как получилось, что небольшой, сравнительно поздно зародившийся в контактной зоне и вечно затираемый своими соседями этнос, едва не уничтоженный в эпоху Великого переселения народов, вдруг оказался доминирующим на огромной территории и начал играть активнейшую роль в мировой истории на всем ее дальнейшем протяжении? Мы считаем, что *главная славянская загадка* состоит именно в этом.

И, на наш взгляд, та же археология, и именно она, поможет нам с этой загадкой разобраться. В.В. Седов, на труды которого мы в данном случае в основном опирались, почему-то не сформулировал ее именно как *загадку*, как *проблему*, которая порождена его же материалами. Но он же практически и подошел вплотную к ее разрешению, вернее, подвел нас к нему. Нам остается «огласить» здесь это решение.

Итак, снова вернемся на территорию пшеворской и черняховской культур, во время, следующее после гуннского погрома. Зрелище, прямо скажем, грустное: «Усе побито, поломато» — как поется в одной народной песне. Но не безнадежное, вот что важно! На севере лесостепной и в лесной зонах жизнь продолжается. Правда, она достаточно убога по сравнению с догуннским временем. Но *самое-то главное*, на что нужно обратить особое внимание: те осколки, обломки предыдущих культур, из которых к VI веку оформятся достаточно устойчивые последующие — это тихие, бедные, скромные земледельцы [Седов, 1994, с. 290, 293]. И если считать, как это утверждает В.В. Седов, что подквадратные полуземлянки со срубными или плетено-мазаными стенами, двускатной соломенной крышей, обма-

занной глиной, с глиняными очагами или печками в углу — это этнический признак *славян*, то *именно они* и остались почти нетронутыми после гуннского погрома! Именно их в первую очередь видят археологи в качестве основной части населения в огромном ареале культур, к IX веку ставшими собственно средневековыми славянскими!

Так, спрашивается, почему именно они выжили во времена гуннского погрома? Ответ напрашивается сам собой, хотя в первый момент он может показаться унижительным гордому славянороссу. Они выжили потому, что оказались *никому не нужны*. Их незачем было грабить, поскольку у них почти нечего было взять кочевнику. Ну, разве что, скот порезать или угнать. Гнать их на рынок рабов — некуда: у самих гуннов этого рынка не было, а до европейских рынков они еще не добрались, да и не за тем они шли в Европу. Самим захватчикам крестьянин-земледелец не был нужен — они еще были кочевниками. Скорее, они захватили бы ремесленника, и наверняка захватывали. В итоге славянин-крестьянин, хоть и обобранный, и, возможно, побитый, *остался жив, а именно это и главное!*

А дальше вот что еще важно понять. Оседлый земледелец-скотовод, причем любой этнической принадлежности, поразительно живуч потому, что он хозяйственно *самодостаточен*. Если у него останется хотя бы пару мешков зерна — он выживет. Единственное, что его может подкосить — это устойчивый неурожайный период года в два или три, или беспардонный регулярный грабеж. Все же, что ему необходимо для хозяйства, он в конечном счете сделает себе сам. Особенно, если уцелела семья и хоть какой-то соседский коллектив.

Именно так и оказалось после гуннского погрома. Вся эта кочевая масса — гунны, аланы, угры — и побитая или вытолкнутая со своих мест воинская масса готов и прочих людей, в том числе и часть славян, конечно, двинулась дальше в Европу. В степях Причерноморья остались только гунны-акациры [Седов, 1994, с. 289]. А в северной лесостепи и в лесу остались те, кто вроде бы *никому не был нужен*.

И, что называется, слава Богу! Это население, сильно опустившееся, лишившееся пополнения своего хозяйственного инвентаря, керамики и всего прочего, быстро сумело наладить изготовление всего необходимого само. Археологи отмечают, что все то, чем они пользуются в быту, кустарно, примитивно, но вполне жизнеспособно. И в этих условиях вся эта масса «бедных крестьян» начала активно «плодиться-размножаться» и в силу этого активно распозаться по Европе во всех направлениях. И в результате к VII веку славяне заняли пространства, площадь которых сопоставима разве что с площадью занятой кельтами в период их активной экспансии, или с площадью сармат-кочевников в период их расцвета!

Особенно хорошо это видно, если совместить данные тогдашних письменных источников, которые приводят наименования — правда, не всегда понятно, самоназвания это или нет — массы славянских племен в Южной и Центральной Европе, и данные археологии того периода, которые выявляют славянские культуры в регионах, не попавших в сферу внимания историков того времени. Так вот, сведение воедино всей этой информации показывает нам, что славяне жили:

- на севере Европы — от Эльбы на западе до районов озера Ильмень на востоке, то есть от своей исходной зоны — в обе стороны, на западе тесня германцев, на востоке — балтов;

- в средней полосе Европы (условно говоря — в лесостепной полосе, на востоке переходящей в южную лесную) — от бассейна Среднего Дуная на западе до бассейна Северского Донца, и далее, отдельными большими очагами, в верхнем Подонье, в бассейне Оки и даже в Среднем Поволжье — на востоке; то есть они везде активно проникали в чуждую этническую среду и плотно там приживались в «режиме взаимоассимиляции»;

- на юге Европы — от Балканского полуострова вплоть до его юга — Пелопоннеса, через Нижнее Подунавье, вплоть до Черноморского побережья — на востоке.

Конечно, мы сильно упростили бы картину, считая, что все это широкое распространение славян есть результат движения в разные стороны избыточного славянского населения, бурно расплодившегося в период после гуннского нашествия. На самом деле все намного сложнее. Прежде всего, на Нижний и Средний Дунай и на Балканы ушла часть славянского населения, увлеченная бурным потоком Великого переселения народов, которая влилась в многоплеменное войско гуннов. В годы правления Атиллы — короткий и мощный взлет гуннской державы как единого государства — присутствие славян среди нового населения на Среднем Дунае отмечено Приском Панийским [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 80]. И вообще не нужно считать, что Великое переселение народов — это целиком движение людей разных этносов с востока на запад. Это — лишь самое общее, суммарное направление. На самом деле оно сопровождалось массой более частных и мелких по масштабам перемещений и с севера на юг, и с юга на север, в зависимости от конкретной ситуации, сложившейся в данном месте в данное время. Так и со славянами. Часть их вместе с гуннами, аланами, готами и всеми прочими двинулась в Подунавье с востока на запад — это «черняховцы», которые, возможно, анты, а не только готы, о чем мы говорили выше. А часть — «пшеворцы», то есть «склавины» латиноязычных авторов — пересекла Карпаты с севера на юг и тоже осела на Среднем Дунае.

На севере Европы тоже было все сложно. В.В. Седов отмечает, что эта эпоха совпадает с сильным похолоданием и увлажнением климата, продолжавшимися с конца IV по начало VI века, что было замечено по всей Европе, но особенно задело ее север. Низины северных европейских рек были сильно подтоплены и огромными паводками, и поднятием грунтовых вод [Седов, 1994, с. 296–297]. Именно этим можно объяснить бурные миграции североевропейского населения. Часть германского и славянского населения низовьев Эльбы, Одера, Вислы мигрировала на юг, на более высокие и сухие места, вызывая цепную реакцию

подвижек обитателей Прикарпатья еще южнее, хотя там и так было беспокойно. Часть же славянского населения двигалась на восток, в лесную зону Восточной Прибалтики, издревле заселенную балтами, а еще восточнее — финнами. Причем мигранты старались двигаться и селиться на высоких местах — на бывших моренных грядах, оставленных последним оледенением. Именно так, по мнению В.В. Седова, возникла в балтской среде большая группа славянского населения в районе озера Ильмень, оставившая в этом регионе первую славянскую археологическую *культуру длинных курганов*. Из нее в последующие века выросла северорусская народность — Новгородско-Псковская Русь. Конечно, не из нее одной: приток населения с запада продолжался, какие-то группы славян подходили и с юга — все это археологически зафиксировано. Так же, впрочем, как и ассимиляция местных балтских и финских культур славянской культуре [Седов, 1994, с. 298–304].

Но все-таки на юге и в центральной полосе Европы было еще сложнее. Здесь совершенно нет необходимости (да и возможности) подробно описывать все происходившие там процессы, даже если говорить только о славянах. Поэтому скажем в самом общем виде о главном, что нашло убедительное археологическое подтверждение.

Во-первых, в последующие за гуннским нашествием века происходил мощный наплыв на центральноевропейские, придунайские и балканские земли народов самых различных этнических корней. Наиболее массовые участники этих процессов — германцы, славяне и подталкивающие их с востока новые волны степняков-кочевников — *аваров* (*обров* русских летописей), пришедших с небольшим временным отрывом вслед за гуннами. Этническая карта Европы продолжала перекраиваться, государственная — тоже. В итоге Западная Римская империя превратилась в ряд готских королевств, которые впоследствии тоже погибли, но здесь мы эту историю рассматривать не будем. Заметим только, что готские королевства на самом деле — тоже полиэтнические образования, которые можно было бы

назвать не готскими, а просто «варварскими» королевствами. И славянский компонент в них тоже присутствует. В частности, до сих пор нельзя считать твердо доказанным, что знаменитые *вандалы*, разгромившие Рим и прорвавшиеся даже в Северную Африку — германцы, а не «огерманенные» славяне — веныды. Такое мнение высказывал средневековый автор Мауро Орбини, опираясь на более ранних авторов [Орбини, 1722].

Во-вторых, происходил не менее бурный процесс прорыва и оседания новых этносов на Балканский полуостров, вплоть до самого его юга, то есть на территорию Восточной Римской империи. Любопытным тут является то обстоятельство, что это *не привело к крушению государства!* Византия так и осталась Византией, со всей своей государственной структурой. Вторгшиеся же народы — богатая смесь нескольких славянских племен, входивших в антский союз с аварами — постепенно оседая на землях империи и «ославянивая» язык местного населения, быстро втягивались в эту структуру и имперскую культуру. В результате через какое-то время пришельцы, если судить о них по археологическим памятникам той эпохи, «культурно» почти растворились в местной среде и отличались от нее лишь некоторыми чертами в керамических формах и украшениях [Седов, 1994, с. 304–306]. А если вспомнить, что большинство племен антского союза — «ославяненные» сарматы и аланы, то картина получается совсем запутанная.

Заметим попутно, что сам этноним *анты* не славянско-го происхождения и не является их самоназванием. Некоторые исследователи считают, что это сарматское слово и его значение — «крайний», «порубежный» [Вернадский, 1996]. В таком случае можно предположить, что так сарматы или аланы называли своих же соплеменников, живших на северной границе их основной территории. Но так же они могли называть и славян, живших на южном рубеже своей территории, граничившей с аланской. В любом случае, это жители контактной зоны, что, как говорилось выше, прекрасно подтверждается археологически материалами чер-

няховской культуры. Другие же исследователи считают, что этот этноним происходит из тюркских языков и его значение — «товарищ», «союзник» [Попов, 1973, с. 34–37]. В таком случае нужно предположить, что он дан гуннами своим союзникам в борьбе с готами, то есть, опять-таки, обитателям контактной славяно-алано-готской зоны — «черняховцам». В итоге у нас нет каких-либо веских доводов в пользу того или иного происхождения имени *анты*.

В-третьих, как мы отмечали выше, происходили еще и многочисленные перемещения народов «по вертикали», то есть по оси «север — юг». В результате какие-то германские племена вторгались в Южную Европу, какие-то, наоборот, уходили на север. И все это, естественно, задевало и славянские народы, то заставляя их перемещаться по этой же оси, то сдвигаться по широте. В общем, до наступления какого-то этнического равновесия и уж подавно — образования устойчивых государств, известных нам по истории средневековой Европы, было еще далеко. Лишь к IX веку можно будет говорить о *славянских государствах* Южной Европы, как о чем-то состоявшемся.

В-четвертых, и для нашего изложения — в главных, на «развалинах» пшеворской и черняховской культур удивительно быстро, за какие-то полтора века, выросли мощные и территориально крупные культурные общности — раннесредневековые славянские, непосредственно давшие начало всем известным славянским народам развитого средневековья, то есть письменного периода истории Восточной Европы. На наш взгляд, именно они и позволяют разгадать *главную славянскую загадку*, о которой мы говорили выше. Потому что эта территория, разоренная гуннским нашествием, в последующее столетие *не пополнялась пришедшим населением извне*, что подтверждается археологически. Оно росло только за счет собственных ресурсов, за счет прироста собственного населения — тех бедных, никому — на их счастье! — ненужных крестьян, которые остались здесь после гуннского погрома!

А результат таков (рис. 1.4). На месте бывшей пшеворской культуры образовались две культурные общности: более северо-западная, *суково-дзедзистская* и более юго-западная, *пращско-корчакская*. Это население будущих Чехии, Словакии, Польши, отчасти — Западной Украины и Белоруссии.

На месте бывшей черняховской культуры образовалась *пеньковская культура*, которая зародилась в северной части пшеворского ареала, но очень быстро разрослась на всю бывшую территорию «черняховцев», включая Нижний Дунай. И если антов, как раннеславянское объединение, и можно было считать частью «черняховцев», то пеньковская культура точно считается антской. Как единая культура она просуществовала недолго: западная часть ее ареала находилась в слишком тесной, разноэтничной и бурной событиями зоне южной Европы и поэтому распалась на ряд культур другого облика. Восточная же ее часть — это население будущей Южной Украины, отчасти — Молдавии [Седов, 1994, с. 316–318].

Но у черняховской и пшеворской культур были и более территориально далекие потомки. Они интересны для нас

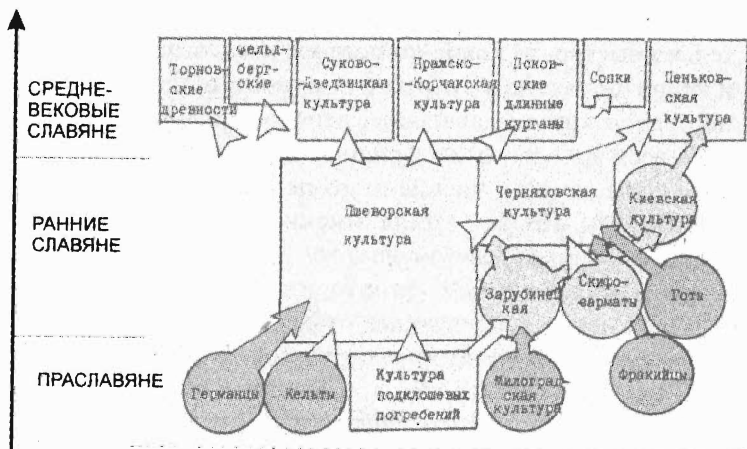

Рис. 1.4. Схема славянского этногенеза (по Седову В.В., 1993)

тем, что легли в основу великорусского населения последующих веков. Так, еще с III века н. э. из ареала пшеворской культуры в восточном направлении по зоне южного леса начали двигаться отдельные группы земледельческо-скотоводческого населения. Трудно сказать, что их туда толкало: они ведь шли в земли, заселенные людьми совсем чужих культур и языков. Может быть, они не хотели терпеть германское давление с запада, может быть, искали более свободных, мало заселенных земель.

Так вот, это движение продолжалось и в последующие века. Эти группы «пшеворцев» оседали в разных местах лесной зоны, селились довольно компактными группами, и от них до нашего времени дошли археологические памятники, благодаря которым мы и знаем теперь об этом движении. Самая крайняя восточная точка, которой они достигли — район Самарской Луки на средней Волге. Но и на северном Дону, и кое-где в Приочье они оставили свои следы. Правда, на первых порах они довольно быстро растворялись в местном угро-финском населении, но не бесследно. Смешанное население усваивало принесенные формы керамики и другого инвентаря и начинало заниматься земледелием.

Самый же крупный наплыв на восток произошел во время гуннского нашествия. Тут уж на восток побежали все те, кто уцелели в степной зоне и не захотели уйти с гуннами на запад. Удивительно, но самая крупная группа «черняховцев» оказалась в самой восточной зоне славянской миграции — именно на Средней Волге. Смешавшись с более ранними мигрантами — очевидно, тоже славянами — они довольно плотно заселили там большой район, основав массу поселений и даже укрепленных городищ. Все эти археологические памятники называются *меньковской культурой*. Она выглядит как типичная раннеславянская, но живущая в отрыве от остального славянского ареала. И вообще, она довольно странно появилась и также странно исчезла: в VII веке, когда вверх по Волге начали двигаться из степи тюркские кочевники — болгары, большая часть

именьковских поселений опустела. Народ снова бежал, но на сей раз на запад, и опять по южному лесу. При этом он не исчез бесследно. В.В. Седов считает, что он осел на обширной территории днепровского левобережья, по многочисленным днепровским притокам, положив начало предкам славян-великороссов, чьи памятники образуют *волынцевскую культуру*. Причем на сей раз пришельцы с Волги попали в этнически родственную, славянскую среду: на левых притоках Днестра в VII—VIII веках жили люди пеньковской же культуры, ассимилировавшие местное балтское население за прошедшие полтора-два века [Седов, 1994, с. 307—315].

А дальше начинается время самое для нас интересное. На обширных землях от Днестра на восток, через верховья Северского Донца и до верховьев Дона на востоке, по бассейну Оки на севере, стали распространяться «культурные потомки» волынцевской культуры — *роменская, боршевская и окская культуры*. Время их формирования и жизни — VIII — начало X века. Это типично славянские культуры — и по домостроению (все те же квадратные полуземлянки с очагом или глиняной печью в углу и двускатной соломенной крышей, которым уж тысяча лет), и по керамике, и по бытовым вещам и украшениям, и по хозяйству. И они очень быстро ассимилировали местное население — остатки балтов на верхнем и среднем днепровском левобережье и финнов окского бассейна.

Любопытный и, пожалуй, загадочный момент связан с этой ассимиляцией. Дело в том, что финские культуры лесной полосы на Верхневолжье и в окском бассейне хорошо известны, благо хронологически они везде предшествуют, а иногда археологически и прямо «подстилают» раннерусские памятники: это в основном *мощинская и дьяковская культуры*. Так вот, до прихода сюда славянского населения люди этих культур — природные охотники-рыболовы и отчасти примитивные земледельцы — жили в основном на укрепленных городищах и на мелких стоянках. А с приходом абсолютно этнически и хозяйственно чуждого им

народа жизнь в этих городищах прекратилась. Смешанное население начало жить в открытых селениях довольно крупных размеров и заниматься земледелием и скотоводством, не забывая, впрочем, и охоту с рыбалкой. И ничего страшного, никто никого не грабил, не убивал, все были при деле! На наш взгляд, не очень понятно, как это получилось. Что, наступило всеобщее замирение?

Так вот, все только что сказанное — это и есть становление будущего русского народа, *великороссов*. Это уже *почти* они сами, но не совсем, точнее, еще не все, кто стал великороссами. Дело в том, что во времена, о которых мы сейчас говорим — VI—VII века — по соседству с формировавшейся славянской, точнее даже, русской территорией, формировалась территория мощного государственного объединения, известного в истории как Хазария. Это огромный по тем временам регион: почти весь бассейн Дона с Северским Донцом (кроме их верхних течений), низовья Волжского бассейна, степи северного Прикаспия, восточная часть Предкавказья. В первых веках нашей эры этот регион был этнически довольно однородным. Его населяли различные североиранские племена — остатки скифов, савроматов, поглощенные сарматами и более поздними племенными объединениями — аланами.

С началом гуннского нашествия и сразу после него из Азии по степи туда начали двигаться различные кочевые народы тюркской языковой семьи, и отчасти — угорской (будущие венгры). Но к этому времени значительная часть североиранского населения уже осела на земле в лесостепи и Кавказских предгорьях. Собственно кочевые сармато-аланские племена ушли на запад вместе с гуннами, о чем мы говорили выше. В результате в оседлой североиранской зоне, которую мы только что обозначили как Хазарию, сформировалась единая культура, получившая в археологии название *салтово-маяцкая*. Именно ее носители — сармато-аланы — составили *основу* будущей Хазарской державы [Седов, 1999, с. 8–12]. Но ее *правлящий слой* сложился из верхушки тюркоязычного кочевого племенного объеди-

нения — хазарского, последнего по времени, пришедшего в волго-донские степи после того, как по ним прокатились авары, угры и болгары. История их взаимоотношений сложна, и мы не будем ее рассматривать. Подчеркнем только, что именно хазарам удалось после многих перипетий создать на такой огромной территории стабильную и мощную державу — *каганат*, довольно долго державший под своим контролем территорию еще более обширную, включавшую и часть восточнославянских племен. Хазарский каганат был настолько значителен, что с ним поддерживала союзные отношения Византийская империя, считая его важным противовесом арабской (мусульманской) экспансии, стремительно набравшей силу к VIII веку [Новосельцев, 1990].

Подробнее об отношениях «Хазария — Русь» мы поговорим в последующих главах. Здесь же хотим подчеркнуть только одно важное для дальнейшего обстоятельство. Даже если бы не сохранилось *никаких* письменных свидетельств об истории ранней Руси и Хазарии, на основе только археологических данных мы можем сделать вывод о том, что население, оставившее *салтово-маяцкую культуру*, постепенно было втянуто в культуру *восточнославянскую*. Это не было быстрым и безболезненным процессом. Но археологические памятники X–XI веков говорят нам о том, что население леса и лесостепи, включая Верхнюю и Среднюю Волгу и Подонье, в культурном отношении — русское или, по крайней мере, сильно русифицированное. Если в VI веке можно было говорить об островках славянского населения в массе инокультурного и иноязычного населения в этом регионе, то к X–XI векам положение изменилось на противоположное, и можно говорить об островах, правда, не очень маленьких, иноязычного и инокультурного населения в массе русского. Иными словами, то, что мы считаем великорусской национальностью и великорусской землей — это огромная масса разноэтничного народа, веку к XI ассимилированного восточными славянами и, тем самым, включенного в русский этнос.

Из только что сказанного, да и из всего того, что мы изложили в этой главе, напрашивается, на наш взгляд, любопытное заключение: история славянства содержит в себе как минимум еще *две загадки*, помимо той, *главной*, которую мы все-таки попытались разрешить.

Загадка первая. В чем заключается колоссальная ассимилирующая сила славянского языка? В том, что такой силой славянские языки обладают, читатель мог убедиться сам. Напомним: население современной Польши, Чехии, Словакии — это лишь отчасти собственно славяне — потомки пшеворской и пражско-корчаковской культур. Как мы говорили выше, это еще и кельты, и германцы, и западные балты. К средневековью — это сплошь славяне, то есть люди, говорящие на славянских языках и считающие себя славянами. Население всей полосы европейской степи и лесостепи — это много столетий подряд ираноязычные народы — скифы, сарматы, аланы, а на ее западных рубежах — еще и готы, и фракийцы (геты, даки, карпы). Но уже к VII веку — это сплошь славяне, по тем же признакам, а после гибели Хазарского каганата такими же славянами становится население и Подонья.

Далее, рассмотрим Балканы: начиная с эпохи Великого переселения народов на полуостров непрерывным потоком накатываются волны самых различных народов, из которых *собственно славян* — малая часть. Но к средневековью население всех Северных Балкан — сплошь славяне. А ведь даже в их наименованиях видна другая этническая основа: анты, хорваты, сербы — это иранские слова [Петрухин, Раевский, 1998, с. 171]! То же — и в лесной полосе Восточной Европы, то есть на территории самой Руси. В VI—VII веках в балтской и финской среде были только островки славян, пришедших кто с территории современной Польши, кто с территории современной Украины. К X же веку это сплошь славяне, в которых островами остались восточные балты, северо-западные финны и западные (относительно собственного ареала) угры. А сколько еще было втянуто в славянизацию тюркоязычных народов и в эти, и

в последующие века! В славянах растворились осевшие на землю гунны, авары, частично — хазары. Славянами стали все ушедшие на Балканы болгары

Так вот, с нашей точки зрения, все это — сплошная *загадка*. Мы не понимаем сами, почему славянские языки ухитрились стать родными для таких огромных масс самых разных народов мира — при всем том, что на ранних этапах своей истории славяне нигде не становились доминирующим социальным слоем в иноэтнической среде — и не знаем профессиональных лингвистических объяснений этому эффекту. Короче, у этой загадки пока нет разгадки.

Загадка вторая. Разгадку *главной загадки славянства* мы искали в том, что ранние *коренные* славяне — это неистребимые, *коренные* еще с эпохи бронзы, со времен ранней лужицкой культуры, упорные земледельцы, можно сказать, «крестьяне милостью Божией». И именно это, как мы считаем, не только спасло их от полного истребления кочевниками во времена Великого переселения народов, но и помогло восстановить свою традиционную культуру, увеличить свою численность и распространиться по всей Восточной Европе, втягивая в свою этническую среду другие народы. Так, спрашивается, откуда это качество у славян, у этого *индоевропейского* народа, который с глубочайшей древности был подвижным степным скотоводом, фактически кочевником? И ведь это тысячелетнее «культурное наследие» чувствуется у других индоевропейских народов! Да что там у других, ведь и у самих славян тоже! До крещения одним из главных славянских богов был «скотий бог» Волос (Велес), в самом имени которого содержится корень «вол» — бык. И вообще понятие «скот» — символ богатства, это в древнерусском эквивалентно понятию «деньги», что логично для *бывшего степняка-скотовода*!

Ну, об иранцах можно и не говорить, тут все очевидно: большая их часть так никогда из степи и не уходила до первых веков нашей эры. Но отношение к *скоту*, как *главному богатству*, красной нитью проходит в культурах даже тех индоевропейских народов, которые еще в бронзовом -

веке осели на землю, причем в зонах, где они соприкоснулись с народами, издревле земледельческими. Однако и зороастрийская (персидская), и индусская священная литература полны сюжетов, обрядов, обращений к богам, говорящих о почти священном отношении к скоту. Подобные мотивы есть даже в греческой мифологии, хотя греки одними из первых отделились от индоевропейского ствола и осели на землю. С обладанием скотом, с борьбой за скот — даже между богами (Индра с Вритрой, Аполлон с Гермесом)! — связана вся жизнь. А кельты! Дошедший до наших дней ирландский героический эпос — почти сплошь борьба героев именно за скот. Они его угоняют друг у друга и гордятся, хвастаются этим! Но ведь такова психология скотоводов-кочевников, а не оседлых земледельцев! И это притом, что и греки, и кельты создали, каждый в свое время, высочайшую *технологическую* культуру, требующую многовековой оседлости и упорнейшего труда.

Еще один показатель исконно кочевой жизни — завоевательский импульс. Тут, конечно, на каждом из древних (и не очень) этапов индоевропейской истории проявили себя многие народы этого корня: и индоиранцы, и кельты, и греки, и римляне, и германцы, и венецы — то ли иллирийцы, то ли ранние славяне. А вот *собственно* славяне — «склавины» ранневизантийских авторов — выступили на мировой арене в иной роли. Похоже, что они не завоевывали другие земли, чтобы «сесть на шею» другому народу, а *осваивали* новые для себя территории, занимаясь на них все тем же *крестьянским, земледельческим трудом*!

Вспомним ранние этапы индоевропейского расселения. И индийцы, и те, кто расселился по южной, западной и центральной Европе, уже застали там коренное земледельческое население и постепенно освоили земледелие сами. Но завоевательский импульс при этом не потеряли: в результате вся Западная (в широком смысле) Европа была занята индоевропейцами, где они стали главенствующими народами. Дольше всех этот импульс сохранился, пожалуй, у германцев. Готы в Италии и Испании, лангобарды в Ита-

лии и Франции, франки во Франции, англ и саксы на Британских островах, империя Карла Великого, Священная Римская империя германской нации, походы викингов и их захваты территорий — все это хорошо известно.

А кто знает *захватнические походы славян*? Таких вроде бы вообще не было. Были походы *русов*, были набеги ранних *русских* князей на Византию, на Волжскую Булгарию, на западные прикаспийские районы — обо всем этом поговорим в следующей главе. Но не было *славянских военных захватов территорий*! Конечно, славяне ходили в походы — в составе дружин *русских* князей — и воевали, как и все остальные. Но во всем огромном славянском регионе, сложившемся в средние века, славяне главным образом — мигранты, или пришедшие вместе с завоевателями — это в основном ославяненные сарматы и аланы, двигавшиеся на запад — или пришедшие в результате «ползучей миграции» — это те, кто осваивал Восточную Европу. Но главное: куда бы ни пришел славянин, он везде *крестьянин, земледелец*! Везде — он *созидатель*, а не завоеватель и разрушитель! И на востоке, в лесах, где он учит земледелию восточных балтов и финнов, и на западе, где он оседает в среде таких же земледельцев, как на Дунае или на Балканах. И везде он живет, как и жил у себя, на своей древней прародине: все с тем же домостроительством, с той же керамикой — почему мы его и узнаем среди других. И еще — с тем же языком, который он ухитряется навязать другим!

Так откуда у него эта неистребимая тяга к земле, к земледелию, к крестьянскому тяжкому труду, упорному и незаметному, но столь необходимому для выживания? Откуда у него этот, ни на кого больше не похожий, мифический образ пахаря-богатыря — Микула Селянинович? Он сильнее воинов-богатырей, он независим от князей, он не живет «при дворе» Владимира — Красного Солнышка (то есть не вписывается во «Владимирский былинный цикл»), он сравним по эпической мощи и древности только со Святогором-богатырем, он — сам по себе! На наш взгляд, это — *загадка*. На разгадку ее мы видим только намек, не

имеющий твердой почвы в исторической науке, в том числе и в археологии.

Нам представляется, что славяне в основе своей вообще не индоевропейцы — степные скотоводы. Напомним читателю, что выше мы упоминали о древнейшей, еще неолитической северо-балканской цивилизации, в эпоху раннего энеолита давшей несколько культур, двинувшихся по причерноморской полосе на восток. Самая восточная из них — *трипольская культура*, осевшая на Днестре, Южном Буге и Нижнем Днепре. Это — древнейшая земледельческая культура на территории Руси, очень мощная и богатая. В начале эпохи бронзы она странным образом исчезла, не оставив культурных потомков. Теперь, когда на многих ее памятниках проведены широкие палинологические исследования, стало ясно, что она не погибла в результате чьих-то враждебных действий. Она подорвала сама себя на экологическом уровне. Дело в том, что в те времена Нижний Днепр не был зоной степей. Это была лесостепь с очень мощными древесными массивами, в основном широколиственными. Так вот, за почти тысячу лет своего существования «трипольцы» этот регион превратили в степь!

Это был необратимый процесс. Вести хозяйство стало невозможно, и население постепенно оттуда ушло, уступив место подвижным скотоводам. Куда? Этот вопрос остался до сих пор без ответа: если культура гибнет именно как *культура*, в том числе и материальная, способная отложиться археологически, у нас нет возможности понять, куда делось население.

А заговорили мы здесь об этом вот почему. Мы не видим никого, кроме бывших «трипольцев», кто мог бы в районе становления праславянского этноса укоренить в его хозяйстве земледелие как непременную его основу. Нетрудно себе представить, что какая-то часть трипольского населения двинулась на север, точнее — на северо-запад, вслед за отступающей зоной лесостепи, то есть привычного для него ландшафта: от Нижнего Приднепровья к верховьям Днестра, Южного Буга, к Северному Прикарпаты,

где, возможно, и осела. Мы не беремся судить, почему эти люди утратили главные маркеры своей культуры — великолепную расписную керамику разнообразнейших форм. Возможно, в новых условиях она была невоспроизводима технологически, да и потеряла тот сакральный, культовый характер, который имела тогда, когда трипольская культура носила целостный характер. Но тысячелетнее земледелие не исчезло — почву для него они нашли. Так вот, представляется, что именно эта, переселившаяся в новое место человеческая общность, на которую вскоре надвинулась с запада культура полей погребальных урн, и дала в результате лужицкую культуру, из которой выросли праславяне. Именно поэтому они — коренные, потомственные земледельцы, люди с *психологией земледельца*, а не кочевника-скотовода. Впрочем, это не более чем наши собственные соображения. Истинная разгадка этой загадки — впереди.

В пользу своего предположения у нас есть только один довод, имеющий скорее не археологический, а экологический характер. Напомним читателю об одном нашем утверждении. Мы говорили, что некоторые черты разных культур складываются под непосредственным давлением природных и климатических условий той зоны, где данный человеческий коллектив живет. При этом приводили такой пример: нельзя научиться строить дома из деревянных срубов в степной зоне — нет для этого строительного леса. Разовьем эту мысль дальше: а из чего можно строить в степи, да и вообще в жарком климатическом поясе? Ответ давно известен: из камня, либо из глины! Так оно и есть: все древнейшие цивилизации планеты — а они складывались именно в сухом субтропическом климате — строили именно из камня или из глины. Причем, что очень важно — не из обожженной, а из сырой, которая высыхала до конца уже в самой постройке.

И все древние оседлые культуры Ближнего Востока, Малой Азии, Средней Азии, Балкан, там, где камень был труднодоступен, отлично обходились глиной в течение многих тысячелетий. Заметим, кстати, что население этих

регионов местами прекрасно обходится ею даже в нашем - веке. Одним из способов строительства глиняных жилищ был такой, который хорошо известен тем, кто бывал в молдавских и украинских селах. Это — строительство «мазанок» — хат, стены которых сделаны из столбового каркаса, переплетенного ветками, то есть из плетня, обмазанного с обеих сторон глиной. Так вот, этот способ строительства сложился не в средневековой Молдавии и Украине. Он был известен на Балканах еще в неолите, в культурах, предшествующих трипольской, и вместе с этой последней и попал в украинские степи.

Трипольская культура хорошо исследована археологически. Оказывается, носители этой культуры жили в крупных поселках и строили дома, зачастую даже двухэтажные, используя эту самую технологию — каркасно-плетневые стены, обмазанные глиной. И технология эта прекрасно прижилась в этой климатической зоне. Оно и понятно: здесь было жарко и достаточно сухо, поэтому обмазанные глиной стены успевали затвердевать до начала осенних дождей, и требовали они каждый год лишь небольшого подновления — подмазки.

В общем, с зоной степей и даже лесостепей все понятно. Но как объяснить то обстоятельство, что стены из обмазанного глиной плетня имеются у жилищ на памятниках культур и бронзового, и начало железного веков, и раннего средневековья в *заведомо лесной зоне*, севернее Карпат? А именно такие часто встречаются — наряду со срубными — на памятниках тех культур, которые мы называли выше в качестве праславянских, раннеславянских и собственно славянских. Причем в тех типах жилищ, которые считаются маркирующими для славянского этноса, начиная с его глубоких корней: подквадратные полуземлянки с глиняными очагами в одном из углов и двускатными соломенными крышами.

Ну, не могли они сложиться как *местная* технология строительства в лесной зоне! Не тот климат, не те условия! Ясно, что это привнесено сюда с юга, где леса мало, зато

тепло и сухо. И перенесено, конечно же, не кочевниками-скотоводами южных степей, которым хижины *не нужны* в силу подвижности их образа жизни, а людьми *оседлыми*, древними земледельцами в основе своей. Естественно, что и они разводят скот, охотятся, ловят рыбу, то есть ведут *комплексное* хозяйство, но именно потому, что они в первую очередь — земледельцы, они и оседлы.

Остается только удивляться, что этот способ строительства вообще смог прижиться в лесной зоне. По-видимому, этому способствовал упорный консерватизм тех, для кого данный способ был *традиционен*, то есть для оседлых, коренных земледельцев, да еще достаточно теплая и сухая фаза климата, на протяжении которой носители этой традиции перемещались в более северные лесные районы. Так вот, на наш взгляд, это могли быть только потомки северобалканских древнеземледельческих культур, в том числе — и даже скорее всего — потомки «трипольцев». Пусть и не прямые, но те, которые на протяжении последующих за гибелью этой культуры веков не потеряли самого главного культурного признака своих предков — земледелия и оседлого образа жизни.

Итак, пора подвести итог всему, сказанному здесь о происхождении и ранней истории славян. По сравнению с тем, что на эту тему имеется в научной литературе, наша глава — капля в море. За рамками нашего изложения остались горы самых различных материалов. Мы, например, практически не касались одного из исторических источников, активно привлекаемых специалистами — лингвистами в основном — для решения вопросов происхождения и распространения по миру какого-либо этноса — топонимики и гидронимики. Есть и еще один из видов лингвистических источников, о котором мы даже не упомянули: это наличие в основной, древней лексике какого-либо языка слов, обозначающих разные ландшафтные и экологические понятия. Например, горы, лес, степь, пустыня, море, какие-то породы животных или типы растений и т.д. По на-

бору этих слов лингвисты пытаются определить, на каком этапе зарождения и развития данного языка его носители жили в тех или иных природных условиях.

В общем, мы не сказали о многом. И сделали это по двум причинам. Первая очевидна: нельзя объять необъятное (хотя иногда очень хочется!). Особенно, когда огромному вопросу посвящаешь одну главу. Вторая же причина заключается в том, что обращение к материалам лингвистики *не вносит ясности в вопрос о происхождении славян* — пока, по крайней мере. Да, славянская топонимика есть на всей территории, где сегодня живут славянские народы, и еще на некоторых других, например, кое-где на современной восточногерманской, на современной греческой и еще в некоторых регионах Европы. Да, на современной славянской территории имеется масса иноязычных топонимов, в разных ее местах — разных языков. В некоторых местах иноязычных топонимов бывает намного больше, чем собственно славянских, что свидетельствует о том, что славяне не были коренными насельниками в этих землях. Но ведь об этом же говорит и археология! Однако преимущества последней состоят в том, что благодаря знанию относительной хронологии культур она точнее, чем современная лингвистика, может сказать, в какое время какая культура жила на этом месте и в какой последовательности эти культуры сменяли друг друга. В результате, скорее лингвистика получит от археологии данные, уточняющие хронологические этапы становления изучаемого языка, чем археология от лингвистики данные, уточняющие время жизни на некоей территории изучаемого народа.

И еще. Как мы не раз говорили выше, в своем изложении мы в основном опирались на труды В.В. Седова по славянской истории. Так вот, надо подчеркнуть, что его исследования по этой проблеме носят *комплексный* характер, хотя в основном строятся на археологическом материале (что естественно для профессионального археолога). И, насколько это возможно, он учитывает и данные лингвистических исследований, в том числе и топонимические.

Поэтому, приводя в этой главе главные положения его работ, мы как бы автоматически учитываем и лингвистические данные — в той их части, где они не противоречат археологическим данным.

Это не значит, что все лингвисты, да и все археологи, согласны с выводами В.В. Седова. Мы не раз говорили выше, что сегодня нет абсолютного согласия среди специалистов по истории славянства, как, впрочем, и по многим другим историческим проблемам. И мы обязательно покажем это в последующих главах: ради этого и затевалась наша книга. Мы ведь говорили во «Введении», что собираемся показать читателю, чего не хватает историкам, для того чтобы написать полную и «окончательную» историю какого-либо народа, и что при этом оказывается «лишним». И читатель это увидит, когда мы обратимся к письменным документам по истории славян и Руси. В этой же главе мы хотели познакомить его с некоей «материальной основой» этой истории, каковой является совокупность археологических данных по этой проблеме, создать некий «фон», на котором он сам сможет рассматривать предлагаемые ему ниже тексты исторических документов. Тогда он сможет оценить, какая невероятная путаница существовала в истории славянства, в том числе и истории Руси, пока этого «фона» в науке не было.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древних миграциях индоиранских народов // Древний восток и античный мир. Сб. статей. — М., 1972.
- Абаев В.И.* Скифоевропейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. — М., 1965.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М., 1983.
- Брюсов А.Я.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // Советская археология, 1961, №3.
- Вернадский Г.В.* Древняя Русь. — М., 1996.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. — Тбилиси, 1984.

- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников.* — М., 1999.
- Дьяконов И.М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. Ч. I, II // Вестник древней истории, 1982, №3, 4.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов («Гетика»). — СПб, 1997.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. — М., 1974.
- Мерперт Н.Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. Сб. статей. — М., 1988.
- Нидерле Л.* Славянские древности. — М., 1956.
- Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
- Орбини Мауро.* Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. — СПб, 1722.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М., 1998.
- Попов А.И.* Названия народов СССР. — Л., 1973.
- Седов В.В.* Славяне в древности. — М, 1994.
- Седов В.В.* У истоков восточнославянской государственности. — М., 1999.
- Седов В.В.* Этногенез славян по археологическим данным // Славянская археология. Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. I. — М., 1993.
- Тацит Корнелий.* Сочинения в двух томах. — М., 1969.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М., 1991.
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. — М. — Л., 1962.
- Черных Е.Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. — София, 1978.
- Черных Е.Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. Сб. статей. — М., 1988.

РУСЬ, ГДЕ ТЫ?

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО *РУС* ИЛИ *РОС*?

Итак, история славян преподносит нам немало загадок. К ним относится и появление Руси как государства.

Но прежде чем рассмотреть эту загадку, необходимо выяснить, что означает само это слово — рус или рос? Да и одно ли это слово вообще, изначально, так сказать? Если подходить к нему лингвистически, то да, это два варианта одного и того же, общего для большинства, если не для всех, индоевропейских языков понятия: «свет», «светлый», «ясный», или близкого к нему — «рыжий», «красный». Изначально, вероятно, все эти понятия восходили к словесному воспроизведению ощущения солнечного света и производимого им тепла. Но со временем, по мере расхождения индоевропейских языков от своей праосновы и вообще по мере расширения словесной номенклатуры, оно распалось на несколько близких по значению терминов.

Одними из наиболее важных для нас в данном случае были те, которыми люди какой-то одной группы обозначали людей другой, желая подчеркнуть наиболее заметное их отличие от себя. Как мы знаем, при этом могут быть отмечены самые разные признаки: кто-то кого-то называет «великанами», кто-то кого-то — «карликами», и понятно,

почему. Столь же понятно, что чернокожие люди белокожих зовут «белыми», а вторые первых, соответственно, наоборот. Но и внутри одного антропологического типа люди все-таки четко отличают друг друга по еще одному признаку, который сразу бросается в глаза — по цвету волос. В наше время это архаика, пережиток тех времен, когда люди разных народов, разных культур плохо знали друг друга и просто нуждались в какой-то, наиболее ярко выраженной характеристике иноплеменников. И если, давая это общее, всем *своим* понятное название для *чужих*, можно было зацепиться за такой признак, как цвет волос, резко отличный от своего, привычного, то это немедленно делалось! В результате это прозвище могло на долгие годы — если не навсегда! — закрепиться за целым народом, и даже попасть на страницы исторических документов как его название. Хотя понятно, что к *самоназванию* этого народа оно никакого отношения не имеет.

Один из исторически древнейших примеров: китайские хроники I тысячелетия до н. э. знают кочевой и воинственный народ «динлины», живший в степях и полупустынях севернее Китая. Археологи считают, что под динлинами подразумеваются ираноязычные кочевники свразийских степей, то есть какая-то племенная группировка, относящаяся к скифоидным археологическим культурам. Археологически известно, что носители этих культур действительно к середине I тысячелетия распространились очень широко, в том числе по степям Тувы и Монголии. Казалось бы, как здорово: китайские хроники донесли до нас живое имя народа, о котором мы имеем только археологические сведения! А на самом деле слово «динлин» по-китайски означает «рыжий», и, естественно, к названию народа не имеет никакого отношения: это типичное *прозвище*. Зато по нему мы можем судить о цвете волос этого народа. И, конечно, вряд ли он был *рыжим* в нашем понимании. Но с точки зрения китайцев, людей стопроцентно черноволосых, это были относительно светловолосые люди, что вполне нормально для представителей европеоидной расы, к каковым относятся практически все носители скифоидных культур.

Так вот, все сказанное имеет прямое отношение к нашей теме. Понятия «рус», «рос» вошли в название многих древних и средневековых народов Европы либо в чистом виде, либо в виде одного из корней сложного слова, либо в модифицированном виде, близком по смыслу к современному французскому «rouge» — красный, рыжий. Таковы собственно *русы* или *росы*, о которых в основном и пойдет речь ниже, но были еще *роксоланы* — по-видимому, один из степных народов, входивших в объединение аланов, *росомоны* — германское или аланское племя, тоже участвовавшее в Великом переселении народов. Таковы *ругии* — германское племя, известное в эпоху Великого переселения народов, *рутении* («рыжие») — изначально кельтское племя, известное в начале эры в Центральной Европе, территория которого была постепенно занята частично славянскими, частично германскими народами.

Таким образом, выяснение происхождения *русского* народа и по сложению *Руси* как государства включает и выяснение того, кто, когда и почему назвал этот народ и это государство именно этими терминами. Но это не все. Историки всегда пытались понять, почему этот этноним стал еще и *самоназванием* народа, а Русь — названием страны, принятым ее населением. Но историческая задача не сводится к чисто терминологической стороне вопроса. Конечно, *главной* всегда была задача выявления тех причин, которые вызвали сложение государственности на некоей территории, заселенной определенным народом, и конкретных путей, которыми этот процесс шел. Понятно, что все это касается и русского народа, и Руси.

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Ну а теперь — конкретно о русах или росах. Так кто, кого и когда так называл? И какой смысл вкладывал в это слово? Чтобы ответить на эти вопросы, нам придется рез-

ко сменить нашу источниковедческую направленность и обратиться в основном к письменным источникам, лишь изредка возвращаясь к археологии. Поясним: это объясняется вовсе не тем, что археологических материалов эпохи раннего средневековья у нас меньше, чем их осталось от более ранних эпох. Все как раз наоборот, что вполне очевидно. Но дело в том, что археологические материалы раннего средневековья показывают, какие территории из интересующих нас заселены славянскими, а какие — неславянским культурами, которые лишь постепенно «ославянились» в процессе становления единого Русского государства. Более того, археология показывает нам, в какой последовательности и какими темпами шел этот процесс. Но она не в состоянии нам сказать практически ничего о том, *как именно* называлось то или иное племя, как славянское, так и неславянское, из числа тех, которые упоминаются в письменных источниках разного рода.

Тем не менее археологи всегда пытаются привязать известные им археологические культуры к известным из письменных исторических источников этнонимам, и это желание вполне оправдано: ведь именно таким путем можно восстановить истинную историю какого-либо народа. В самом деле, если мы точно знаем, что эта археологическая культура оставлена именно этим народом, то, отслеживая эволюцию этой культуры в глубь веков, к ее истокам, мы тем самым отслеживаем и историю оставившего эту культуру народа. Собственно, это и есть тот *ретроспективный метод* в археологии, о котором мы говорили в начале предыдущей главы, как о самом эффективном, на наш взгляд.

Но тут мы сталкиваемся с одной принципиальной трудностью. Исходя из *позднесредневековых* археологических и исторических материалов, мы можем уверенно говорить о том, что вот этот круг культур, безусловно, оставлен русским населением, и даже определить, какая часть из них принадлежит прямым потомкам более раннего славянского населения, а какая — потомкам населения, скажем, балтского или угро-финского. Но вот мы «спускаемся» по вре-

мени в раннее средневековье, то есть в эпоху, предшествовавшую сложению общерусского государства и общерусской культуры, которая значительно (хоть и далеко не полностью) сnivelировала межплеменные культурные различия между составившими ее этническими компонентами. Здесь мы видим эти культурные компоненты в более «чистом» виде: это локальные варианты все тех же славянских и неславянских культур, оставленных теми племенами, из которых составитс будущий русский народ и его ближайшие этнические «родственники» — будущие украинцы и белорусы. И само собой, нам нужно понять, с какими конкретно племенами, известными нам по письменным источникам, эти локальные варианты археологических культур связаны. Только тогда мы действительно получим достоверную — и археологически, и письменно — историю народа, где данные источников одного типа проверяются данными источников другого типа.

И все это было бы просто, если бы мы имели *только одну* письменную историю народа, населяющего интересующий нас регион. Но в том-то и беда, что этих историй *несколько*, и ни одна из них не полна, и все они в той или иной степени, хотя бы в каких-то своих частях противоречат друг другу: то в датах событий, то в названиях племен и именах людей, в этих событиях участвовавших, то в названии мест, где эти события происходили, то в определении территорий, этими племенами населявшимися, и т.д., и т.п.

Так что должен делать бедный археолог? Он имеет полную номенклатуру археологических культур данной эпохи и *несколько* вариантов наименований племен и народов, живших в эту эпоху, с *несколькими* вариантами истории их расселения и *несколькими* же вариантами их размещения на данной территории в данную эпоху. Он вынужден выбирать из этих вариантов тот, который представляется ему наиболее достоверным по тому ряду признаков, которые он считает наиболее объективными. И он, действительно, *выбирает!* В результате некий локальный вариант славянс-

кой культуры у одного археолога ассоциируется, скажем, с летописными древлянами, а у другого — с бужанами (мы сейчас говорим наугад, дело ведь не в конкретных племенных названиях). И каждый из них по-своему прав: ведь он опирался на свои, с его точки зрения предпочтительные варианты письменных источников.

Поэтому и ему, и нам в данном случае не избежать обращения к письменным источникам по истории Руси.

Хотя мы только что утверждали, что главная беда археолога в том, что существует несколько историй любого народа и любой страны, в том числе — и историй Руси, на самом деле это не означает, что хорошо было бы, если бы она была *всего одна*. Это автоматически означало бы, что она не проверяема *в принципе*! А это серьезных ученых не устраивает. Поэтому мечта каждого историка — иметь массу *независимых* источников, описывающих одни и те же события «с разных сторон». Тогда их сопоставление дало бы возможность восстановить описываемые в них исторические события с желательной полнотой и достоверностью. Это и была бы искомая *одна* история народа.

В общем, это — как в юриспруденции. С одной стороны, все опытные юристы утверждают, что «никто так не врет, как очевидец», с другой — все они хотят, чтобы очевидцев было как можно больше, ибо только сопоставление массы показаний и может дать более или менее достоверное описание события — такое, которое не искажено до неузнаваемости чьим-то личным восприятием.

А вот с этим у нас на Руси как раз плохо. У нас *мало* летописей! И еще меньше — *независимых* летописей. И все они — достаточно поздние. То есть сами летописи появились тогда, когда и Киевская Русь, и Новгородская уже сложились, и летописание, как строгая погодная фиксация событий, началось, наконец, в некоторых монастырях Руси. Стало быть, все предыдущие этапы русской истории, описанные в них — это не погодные записи очевидцев этих событий, а некий свод сведений, попавший авторам

летописей из разных источников. А таких не так уж и много: это — народные сказания, да сведения источников из тех стран, в которых летописание началось много раньше, чем на Руси, и с которыми Русь «изначальная» как-то контактировала.

О том, что такое знаменитая «Повесть временных лет», в общем, знают все. Текстуально, то есть по своему содержанию, это — древнейшая из сохранившихся до нашего времени летопись русской, а точнее, восточнославянской, истории. Но именно — текстуально. На самом деле, она дошла до нас в достаточно поздних списках-копиях. Содержание же ее первой части — той, в которой описывается эта ранняя история славян и Руси — повторена чуть ли не во всех других русских летописях, в том числе и тех, которые, как реальные документы, старше сохранившихся списков «Повести временных лет». Отсюда — два грустных вывода. Во-первых, в русских документах нет *нескольких* независимых источников по древнейшей части русской истории: почти все они восходят к одному тексту — раннему списку «Повести временных лет». А те, которые вроде бы независимы от нее, имеют фантастический характер «генеалогических» мифов (пример такого текста мы приведем в конце главы). Во-вторых, даже текст «Повести временных лет» не есть погодная запись древнейших событий русской истории. Он — компиляция каких-то, не дошедших до нас более ранних документов, известных ее автору, часть из которых, возможно, была написана и на Руси. Плюс к этому — устная народная традиция, сохранившаяся в виде сказаний, эпических поэтических песен-баллад, исполняемых русскими бардами — боянами, типа тех, которые легли в основу такого знаменитого памятника древнерусской словесности, как «Слово о полку Игореве». Плюс к этому — сведения из византийских исторических документов, которые были известны автору «Повести временных лет», что неудивительно, если учитывать, что древнерусский православный монах — *гречески* образованный человек.

Все это было доказано многочисленными русскими историками. И именно от них и исходят профессиональные

жалобы на скудость собственно русских летописных, да и просто письменных источников. Но что поделать: Россия — страна издревле деревянного строительства! И уж если «каменные» с древних времен Европа и Средиземноморье жалуются на пожары, в которых гибли ценнейшие документы самых различных эпох — вспомним хотя бы сгоревшую Александрийскую библиотеку (каменное здание!) — то что говорить о России, в которой выгорали, и совсем недавно, целые города!

На счастье историков, существует масса зарубежных письменных источников, в которых со времен раннего средневековья сохранились в той или иной связи сведения о Руси. Это, в первую очередь, византийские документы, и в них этих сведений, пожалуй, больше, чем в документах других стран. Это неудивительно, поскольку именно с ней связаны многие важнейшие события русской и вообще славянской истории, а Византия — древнейшая из «письменных» стран, вплотную со славянами соприкасавшаяся еще со времен Великого переселения народов (смотри предыдущую главу). К тому же именно из Византии на Русь пришло православие, а вместе с ним — письменность, а вместе с ней — те, кто начал писать историю Руси уже на самой Руси. В некотором отношении это плохо: как не раз отмечали историки нашего времени, древнерусские летописи страдают совершенно определенной идеологической «окраской» — византийской православной, — которая заставляла русского летописца-монаха подавать некоторые исторические события, особенно относящиеся к «языческой» древности, в явно искаженном виде, а о некоторых событиях, связанных с русско-западноевропейскими («латинскими») контактами, вообще умалчивать.

Это досадное для историков обстоятельство компенсируется тем, что существуют и западноевропейские документы, касающиеся русской истории. Их общее число просто необозримо, и относятся они к самым разным этапам русской истории, в том числе и к древнейшим. Среди них нет таких, которые целенаправленно и связно излагали бы

русскую историю целиком. Большинство из них упоминает Восточную Европу, славян и Русь только в какой-то связи с событиями, происходившими в самой Европе, или с лицами, ездившими из Европы на восток или приезжавшими с востока в Европу. Но подобных кратких упоминаний о Руси столько, что и сегодня историки, специально этими сведениями занимающиеся, уверены, что им известны далеко не все документы, в которых подобные замечания имеются: документальный фонд европейских стран неисчерпаем [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 395].

Кроме того, существует огромный пласт восточных средневековых документов, в основном арабоязычных и персидскоязычных (а также — на языках Средней Азии), в которых также попадаются довольно объемистые тексты, касающиеся в той или иной степени истории Руси и соседствующих с ней стран. Эти документы тоже не все хорошо изучены, но основные все-таки известны. Среди них есть историко-географические сочинения и компиляции таких более древних сочинений, в том числе и античных: не будем забывать, что арабские мусульманские завоевания познакомили арабов с античной литературой и вызвали в мусульманском мире колоссальный всплеск интереса к европейской учености, в результате чего множество античных сочинений было переведено на арабский язык, а уже потом, через контакты с европейцами в завоеванной Испании, стали известны средневековому европейскому миру. Кроме того, сохранились описания путешествий в Древнюю Русь нескольких восточных грамотных людей, которые, конечно, представляют для истории особый интерес.

ТАК КТО ЖЕ ТАКИЕ — РОСЬ?

В целом письменных источников, в которых можно найти сведения о русах, росах, а затем и о Руси, как таковой, не так уж и мало. Самое забавное, что первое, как считают

современные историки, упоминание термина «рос» как этнонима встречается в документе с территории, с Русью ни на каком этапе истории не соприкасавшейся. Это Сирия, автор известен как Псевдо-Захария (Захария Ритор), жил в VI веке н. э. Он писал о народах, населявших северное побережье Черного моря, и среди них упоминал народ Рос (Hros), живший около Меотиды (Азовского моря) рядом с амазонками. Понятно, что сведения эти в значительной степени мифического характера, как и описание самого народа Рос у этого автора. Но, как справедливо отмечает языковед А.И. Попов, сам автор — духовный писатель, и его наименование народов вытекает из библейской традиции, в данном случае восходит к мифическому народу *Рош* [Попов, 1973, с. 54], точнее, к «Гогу в земле Магог, князю Рош», с приходом которых, согласно Библии, связан Конец Света. Еще забавнее то, что само наличие в Библии термина Рош — Рос, да еще и привязанное к каким-то северным (относительно Ближнего Востока) народам, породило в раннехристианском мире всякие спекуляции апокалиптического характера. Так, именно с ними, народами Гог и Магог, связывали гуннское нашествие и Великое переселение народов, считая, что вот сейчас и наступит Конец Света (заметим попутно, что для огромного числа людей, да и для всего европейского позднеантичного порядка в Европе, он тогда и наступил).

Тут, конечно, неплохо бы задаться вопросом: а откуда в Библии-то взялся этот самый «народ Рош», равно как Гог и Магог? Стоит ли за этим некая историческая реальность, или сами названия этих народов «взяты с потолка», из каких-то невообразимых глубин мифологического мышления? Большинство современных историков считает подобный вопрос абсолютно праздным, поскольку заниматься им — это все равно, что заниматься вопросом, почему на языке какого-то народа боги и прочие мифические фигуры назывались так, а не иначе. То есть ответы на вопросы такого рода, действительно, лежат в глубинах мифоло-

гического мышления и не являются собственно историческими.

Нам представляется, однако, что это не совсем так. Библия — произведение, родившееся на Ближнем Востоке, в среде семитских народов, по-видимому, еще с эпохи бронзы контактировавших с народами индоевропейскими, о чем говорилось в предыдущей главе. А начиная с рубежа бронзового и железного веков, то есть в начале I тысячелетия до н. э., через Кавказ и Малую Азию на Ближний Восток, в зону древнейших цивилизаций, стали прорываться кочевники евразийских степей — киммерийцы и скифы. Для оседлого населения это, как нетрудно понять, большое несчастье во все времена. Поэтому стоит ли удивляться, что подобные ситуации порождают в воображении мистически настроенного провидца представление о Конце Света, как о таком же вторжении диких народов, только в грандиозных масштабах?

Это все прекрасно понимают, и мы здесь не сказали ничего нового. Вопрос в другом: почему этот апокалиптический народ называется Рош? Как нам представляется, потому, что он, этот народ, *светловолос*, особенно на фоне стопроцентно черноволосого населения Ближнего Востока. А слово это пришло в семитические языки из индоевропейских, и, скорее всего, как прозвище степных светловолосых кочевников.

Может быть, надо смотреть на этот вопрос шире. Все коренное средиземноморское население, практически сплошь черноволосое, воспринимало всех, кто жил севернее него, как «русых» или «рыжих» (*rusos, rossos*), а тех, кто жил южнее — как «темных», «черных» (*negros*). И народ Рош — просто северные относительно Средиземноморья и Ближнего Востока люди, абсолютно безотносительно к их этническим признакам и к эпохе их существования.

Что же касается пресловутых Гога и Магога, то тут нам сказать нечего. Эти народы, «с подачи» Библии, «путешествуют» по многочисленным византийским и арабоязычным документам из века в век и, так же как и в Библии,

ассоциируются с какими-то северными, относительно Ближнего Востока, народами, а в средневековые — с народами, живущими где-то на крайнем севере обитаемого мира.

Но мы перейдем все-таки к более реальным, исторически достоверным сведениям о появлении на мировой арене людей с наименованием «рус/рос». Подчеркнем: мы сознательно сказали «людей», а не «народа», так как есть большие сомнения относительно того, кто оказался первым носителем этого имени или, возможно, прозвища. Конечно, как говорилось выше, были и племена с именами, содержащими корень, близкий по звучанию, а возможно, и по смыслу: росомоны — «светлые (белые) люди», если читать их имя в рамках германоязычных языков; роксоланы — «светлые (белые) аланы», если считать, что это ираноязычное слово. Но эти этнонимы не попали в раннесредневековые документы Европы и растворились в небытии. А остались ли в дальнейшей истории народы, их носившие, об этом мы поговорим ниже. Если же говорить о людях, с которыми в письменных документах связан термин «рус» или «рос», то нам придется переместиться на север Восточной Европы.

Это не значит, что наша задача при этом упростится: ведь к вопросу о том, кто такие русы и что понимали средневековые авторы под понятием Русь, обращались все исследователи ранней истории России. Тем не менее происхождение этого термина до сих пор является дискуссионным. По словам П.Н. Третьякова, эта проблема является одним из наиболее темных и запутанных вопросов истории.

Не углубляясь в подробности истории вопроса, отметим только, что происхождение этнонима «русь» считали финским (Татищев, 1739), хазарским, то есть тюркским (Эверс, 1814), мадьярским (Юргевич, 1867), литовским, то есть балтским (Костомаров, 1860), еврейским (Барац, 1910), кельтским (Шелухин, 1929), норманнским и славянским. Последние две версии, как потенциально самые

вероятные, обсуждались наиболее широко, так как именно на этом поле скрестились копыа сторонников *норманизма* и *антинорманизма* — двух ведущих взглядов на раннюю историю Древней Руси, господствовавших в исторической науке до последней трети XX века.

Напомним: появление этих двух течений в русской истории спровоцировано самим текстом «Повести временных лет» в той его части, которая повествует о знаменитом призывании на Русь в качестве князя варяга Рюрика с его дружиной. Смысл этого призывания — иметь независимого от местной разнородной элиты и потому (вроде бы!) объективного в своих суждениях верховного правителя и судью, который прекратил бы межплеменные распри и вообще «навел бы порядок» на Руси. И Рюрик принимает приглашение: он приходит княжить в Новгород со своими братьями и приводит с собой «всю русь». С этих пор земли восточных славян, занятые многими родственными племенами, попадают под единое руководство Рюрика и его потомков, а все это раннегосударственное объединение «прозвася Русью».

Так вот, *норманизм* в русской истории — это течение, сторонники которого считали, что, независимо от конкретных фактических деталей самого приглашения варягов, в конечном счете сложение государственности на Руси — заслуга норманнов, в чьих руках сосредоточилась высшая надплеменная власть на Руси. *Антинорманизм* же утверждал, что роль варягов (норманнов) на Руси минимальна: государство в основном сложилось здесь до их прихода, и если в какой-то момент власть и оказалась в их руках, то в принципе это ничего не изменило. На самом деле, варяги — это всегда наемные дружины русских князей, и ничего больше. Да и вообще, стоит разобраться, кто такие, эти упомянутые в летописи русы: может быть, это вообще не норманны?

Результатом дискуссии норманистов и антинорманистов стало только выявление роли и степени участия варягов (норманнов) в формировании древнерусской народности и

древнерусского государства. Этот результат полностью совпал с тем, к которому пришел относительно норманнов русский историк Н.А. Полевой еще в 1829 году: «Будучи рассеяны в малом числе, принуждены обращаться и жить со славянами, имея грубые и нетвердые понятия обо всем, кроме понятия о свободе и корысти, варяги, скорее всего, утратили свои народные отличительные черты: религию, язык и обычаи». С сегодняшних позиций, прилично зная круг скандинавских источников, касающихся деятельности скандинавов на Руси, заметим, что данная этим исследователем характеристика, при всей своей лаконичности и некоторой упрощенности, очень метко отражает суть дела в этом вопросе.

Но это все о скандинавах — норманнах или варягах. Когда же пыль, поднятая схваткой двух направлений, в основном улеглась, стало очевидным, что историческая наука все же ни на йоту не приблизилась к ответу на вопрос: кто такие «русы» и что такое «Русь»? Имеем мы право отождествлять их с норманнами или нет?

По этому поводу высказывались и другие мнения, лежащие вне плоскости «норманизм — антинорманизм». Существовала, например, версия о том, что русь являлась не этнической или территориальной группировкой, а *господствующим классом* в Древней Руси (Л.С. Тивериадский). В.А. Брим выдвигал гипотезу о двойственном, северном и южном, происхождении Руси.

Сегодня наиболее убедительными представляются следующие положения:

- «русь» — этноним неславянского происхождения;
- этим этнонимом разные источники именуют норманнов, славян, сарматов и германцев, а возможно, и балтов.

Попробуем разобраться, кто к кому относил этот термин. Для этого снова переместимся на юг, а к северным истокам термина «рус» вернемся попозже. Как мы говорили выше, первое упоминание о русах имеется у Псевдо-Захария, сирийского автора VI века, который пишет [Пигулевская, 1941, с. 165–166]:

«Соседний с ними [амазонками] народ рос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев есть еще три черных народа».

При всей, казалось бы, мифичности этого сообщения, вспомним, однако, что античные авторы тоже помещали амазонок в черноморско-каспийских степях, считая их родственными скифам. Стоит заметить, что при всей фантастичности античных историй о том, как появился тут «народ амазонок», некие исторические реалии здесь все же имеются. Женщины североиранских кочевых народов, действительно, ездили верхом и даже участвовали в сражениях. И понятно, что к Псевдо-Захарии они попали из античных источников, как позже попадали и ко многим другим авторам. Но почему именно с ними по соседству этот автор поместил библейский народ Рос? Что вызвало у него эти территориальные ассоциации?

Как мы говорили в предыдущей главе, полоса евразийских степей, а в значительной степени и лесостепей, с глубокой древности была заселена народами североиранской языковой группы. И лишь во времена Великого переселения народов их начали теснить народы тюркоязычного корня. Но не все ираноязычные племена были разгромлены и вытеснены ими на запад. По археологическим данным, бассейн Дона и Северского Донца и позже, в том числе и в VI веке, продолжали населять ираноязычные племена, входившие в алано-сарматский круг народов, но ведущих в основном оседлый образ жизни. Напомним, что их культура прослеживается как одна из составляющих черняховской археологической культуры, о которой мы подробно говорили в предыдущей главе. И они же оставили так называемую *салтово-маяцкую археологическую культуру* в бассейне Северского Донца, Нижнего Дона, и Волго-Донского междуречья. Позже, в VII веке и последующее время, именно это население составит основу знаменитого Хазарского каганата, одного из главных соперников Киев-

ской Руси. Так что неудивительно, что этнонимы русь (рос), сербы, хорваты, анты — те самые, которые появляются в ранневизантийских источниках в качестве названий племен, «давящих» на Византию из Причерноморья — североиранского происхождения. И с этим согласны многие современные исследователи [Седов, 1994, с. 278–279]. Судя по упоминанию об амазонках и прочих этнических реалиях, Псевдо-Захария знал не только Библию, но и античные источники, и совершенно не случайно поместил народ Рос в Приазовье.

Еще раз подчеркнем: «рос», «рус» — светлый, блестящий, белый — в иранских языках. Поэтому упоминаемые Иорданом роксоланы — это, скорее всего, «белые аланы». Аналог: белые угры, белые хорваты, белые сербы — столь распространенные в средневековой литературе этнонимы. И на Дунай вторглись именно эти племена «белых» людей.

«Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю... Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем».

Это — известное место из «Повести временных лет».

«Белые угры»... Не «рос-аланы» ли это — роксоланы? «Белые аланы»? Ведь настоящие угры, то есть мадьяры, да и любые угорские народы Приуралья и Зауралья, по чисто географическим причинам не могли воевать с персидским царем Хосровом. Да и термин «белые» ни по каким меркам к ним не приложим. А вот к аланам — роксоланам — равно как и к другим племенам сарматского круга — приложим!

Заметим: византийский император Ираклий действительно в 627 году одержал победу над персидским царем Хосровом II. Византийская хроника называет в числе союзников императора «угров» — видимо, тех, кого «Повесть

временных лет» именует «белыми уграми» [Истрин В.М., Т. I. 1920, с. 434]. То есть наш летописец пользуется в данном случае сведениями византийского источника. Но, согласно этому источнику, союзником Ираклия были угры, уже поселившиеся на Дунае и вошедшие, по-видимому, в состав византийского «инострannого корпуса», в который и в последующие века входили разноплеменные отряды — славяне, норманны и прочие. Это те, которые пришли на Дунай еще в эпоху Великого переселения народов в числе огромной и разношерстной массы увлекаемых и подталкиваемых гуннами племен. Но это не те угры — *мадьяры*, которые только три века спустя образовали Венгерское государство! Их хорошо знали и на Руси, и в Европе. Это, очевидно, *черные угры*: «но это было после — уже при Олеге».

Это — тоже из «Повести временных лет». Действительно, невозможно отделаться от впечатления, что цвет волос людей — один из главных поводов для присваивания соответствующего этнонима какому-либо народу!

По мнению автора «Повести временных лет»: «Был один народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь».

Славяне, которые «сидели по Дунаю», как можно предположить, исходя из этого же текста «Повести временных лет», были покорены белыми уграми — «рос-аланами». Не отсюда ли истоки руси-народа — от наложения на дунайских ранних славян рос-аланов, русов-сарматов? И тогда, возможно, текст «Повести временных лет» следует понимать буквально?

Что касается «полян, которые теперь зовутся русь», то и поляне, и русь-сарматы (рос-аланы) — части черняховской культуры, постепенно сливавшиеся в единый народ. Этот процесс, как мы знаем, был прерван гуннским нашествием. В результате «поляне, которые теперь (то есть после утверждения в Киеве Рюриковичей, как считает летописец) зовутся русь» — это *Русь Поднепровская*, весьма древняя, еще *дорюриковская*, та, которая все-таки уцелела в верхнем

Поднепровье! С VI века она постепенно расселялась по всей бывшей черняховской территории, дав известную нам *пеньковскую археологическую культуру*. Сегодня все исследователи согласны с тем, что это — славянская, «проторусская» (а еще точнее — «протоукраинская») культура, прочно ассоциируемая с антами европейских источников.

«Славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми» — это *Русь Дунайская*, то есть та совокупность славяно-аланских (рос-аланских) племен, которые стали известны как анты (самый ранний их этноним), хорваты, сербы (собры). Все эти этнонимы, как мы говорили выше, по мнению большинства исследователей, иранского происхождения.

Часть «ославяненного» иранского племени сербов и, по-видимому, хорватов, оторвавшись от основного придунайского массива, продвинулась вверх по Дунаю и Эльбе до низовьев Одера, образовав этническую группу лужицких сербов-собров. Этноним собры известен здесь с 631 года [Седов, 1995, с. 126, рис. 5].

Ну а те, кто остались в Поднепровье? Мы имеем в виду не Киевскую Русь — раннегосударственное образование IX века, а тех ранних славян — *антов* из византийских источников. К ним самим, к их территории, точнее, к той ее части, которая не примыкала к Дунаю, термин Русь относится или нет? Историки, которые считают, что это понятие пришло сюда, на Днепр, с севера и только со временем стало общенациональным, не видят причины его относить к более раннему периоду. Однако так думают не все, и у сторонников другого мнения есть свои основания.

М.Н. Тихомиров, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков убедительно доказали факт существования Русской земли в IX–XII веках в области Среднего Поднепровья, на Киевщине. Ни Новгородские, ни Смоленские, ни Ростово-Суздальские, ни Галицко-Волынские земли до XII–XIII веков Русью не назывались. Русью именовалась только довольно четко локализуемая по письменным источникам территория, лежащая вокруг трех

городов: Киева, Чернигова и Переяславля (Переяславля-Русского) и соответствующая территории летописного славянского племени полян. На севере границы Русской земли достигали Стародуба и Трубчевска, на северо-востоке — Курска, на юге в пределы Русской земли входили бассейны рек Роси и Тясмина.

При этом основная, *древнейшая* часть Русской земли располагалась в поречье Роси и Тясмина, где сосредоточена топонимика с корнями «рос-рус»: Рось, Росава, Ростовица, Русская Поляна, приток Оскола Рось, река Роска на Волыни. В современной истории эти земли принято называть Русью «в тесном смысле слова».

Б.А. Рыбаков разделял русов и полян, считая, что впоследствии поляне стали называться русами: «поляне, яже зовомая русь» — как и говорится в «Повести временных лет». Однако ни русские летописи, ни другие письменные источники ничего не говорят о славянах-русах, живших когда-либо в Поднепровье или соседних регионах, *до того как сложилась Киевская Русь как государство!* А вот о *роксоланах* известно, о чем мы говорили выше. «Русская летопись ни разу не поставила росов-русов в один ряд с восточнославянскими группировками — древлянами, полянами, вятичами, радимичами и др.», — отмечал П.Н. Третьяков.

И хотя многие историки считают, что Русь «в тесном смысле слова» — то есть первое государственное образование в Поднепровье, созданное князьями Рюрикова дома и их русами — дало наименование всему этому региону, не все с этим согласны. Лингвисты указывают, что слова «рус» и «рос» внутри русского языка не переходят друг в друга, и термин «рос» пришел в русский язык со стороны [Попов, 1973, с. 53–54]. Древнерусское название реки Рось писалось как *Рѣсь*, а ее население звалось *поршанами*, о чем говорил еще В.Н. Татищев [Петрухин, Раевский, 1998, с. 256]. Поэтому поселившаяся в IX веке в Поднепровье русь не могла способствовать своим пребыванием образованию здесь топонимов с корнем «рос». Эти топонимы

старше летописной руси, и корнями своими уходят в иранский мир, который *отчасти* стал раннеславянским — антским. А уж тот распространился вплоть до Подунавья, о чем мы говорили выше. В Поднепровье же осталась *Рось Днепровская*. И случайно ли то, что на нее потом наложилась *Киевская Русь* — это отдельный вопрос!

Обратим внимание еще на один любопытный факт. Сарматское (аланское) происхождение имеет тамга киевских князей — «Знак Рюриковичей», ныне ставший государственным гербом Украины под наименованием «тризуб». Большинство историков трактует его как символическое изображение сокола. Это правильно: Рюрик — Рерик — Рарок — это «сокол» в скандинавских языках, *но и в польском, и в чешском, и в словацком (то есть в западнославянском)* — тоже! Однако этот знак еще в начале I тысячелетия н. э. был широко известен на восточных землях Северного Причерноморья, населенных аланами. Это случайное совпадение, или нет? Может быть, он много старше, чем род Рюрика? И вообще имеет «местное» приднепровское происхождение? Тут есть, над чем задуматься. Дело в том, что иранское божество Веретрагна — воплощение духа огня — тоже имел своей инкарнацией сокола [*Мифы народов Мира*, т. 2, с. 368]. Так, спрашивается, кто, когда и куда занес этот символ: рюриковские *русы* на Днепр, или днепровские *росы* на север, в том числе и западнославянский, и варяжский?

КОМУ ЧТО НРАВИТСЯ ПОНИМАТЬ ПОД ИМЕНЕМ РОС ИЛИ РУС?

С IX века в европейских письменных источниках, относящихся к географии Восточной и Центральной Европы, начали появляться упоминания о народе русь (русы) [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 260 и далее]. При этом диапазон расселения руси оказывается чрезвычайно широким — от Северного моря до Азовского.

Можно выделить несколько зон обитания какой-то руси. Две из них мы вкратце рассмотрели выше: *днепровскую* — антскую, «докиевскую», и *нижнедунайскую* — антскую, сербскую, хорватскую. А теперь, двинувшись из Подунавья на север, в Прибалтику, мы снова сталкиваемся с этнонимом русь или близкими ему, типа упомянутых выше — рути, руйне, раны и пр.

Это — случайность? В том смысле, что совершенно независимые народы по чисто случайным причинам носят одно название или хотя бы похожие по звучанию? Или схожесть этнонимов, да если она еще и подкреплена схожестью топонимов (названий местности), свидетельствует о действительно имевшем место в истории перемещения какого-то народа по разным территориям? Причем не обязательно, чтобы весь он целиком мигрировал с одной территории на другую. Часть его могла оставаться и на старых местах поселения, давая названия тем этносам, среди которых он жил. Понятно, что здесь у историков довольно богатый выбор вариантов и они обязаны искать такой, который окажется наиболее доказательным.

И тут многое зависит от того, какими соображениями руководствуется тот или иной историк. Предположим, он считает, что, как говорилось выше, словами *рос*, *рус*, *руг*, *рут* — в разные времена и у разных народов означали людей со светлым — относительно тех, кто их видел со стороны — цветом волос. Тогда такое «расползание» по огромной части Европы этнонимов и топонимов с этим корнем вовсе необязательно говорит о проживании во всех этих местах какого-то *одного* народа: это могли быть — и были — *кто угодно!* И переходить с одного народа на другой он тоже может с течением исторического времени. Такие примеры широко известны. Скажем, в Раффельштеттенском таможенном уставе — документе X века, регулирующим торговые отношения в Баварской восточной марке на Среднем Дунае — говорится о славянах, «приходящих от рогов или богемов» торговать на Дунай. Так вот, не только в этом, но и в других европейских средневековых

документах русь очень часто продолжает называться ругами, богемами, что называется, «по привычке», хотя все давно знают, что на этих территориях живут *славяне-русы*, а не кто-нибудь другой [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 295—296]. В свою очередь, ведь сейчас никому не известно, почему предшествующие им германские рутии и кельтские рутены назывались именно так. Очень возможно, что с точки зрения более южных народов — греков, римлян — они тоже были «рыжими», светловолосыми. Но к славянам-русам они не имеют никакого отношения.

А вот пример еще более разительный. В средневековых германоязычных документах начиная с IX века распространяется этнический термин *Ruzzi/Ruzi/Ruszi*. В форме *Ruzzi* он встречается в таком известном источнике, как «Баварский географ» (конец IX века). Лингвисты же утверждают, что такая форма этого слова могла сложиться в немецких языках не позднее рубежа VI—VII веков [Назаренко, 1994, с. 29]. Спрашивается, кому он принадлежал? Обитателям Руси исторической, то есть нашей, Киевской? Но она-то, по *всей совокупности документов* — и византийских, и западноевропейских, и наших летописных — образовалась не раньше конца IX века! Именно тогда она обозначилась как *государство*! Так кто были те *Ruzzi*, которых знают южно-немецкие народы еще в VI веке? Для *славян-русов*, приходивших из Киевской Руси торговать на Дунай к границам Баварской марки — ой, рановато! Так что, скорее, правы те историки, которые, как и В.В. Седов, считают, что это *южные русы*, чей этноним восходит к иранским корням и которые двигались вверх по Дунаю под нажимом аваров еще в VI веке [Седов, 1995, с. 125].

Похоже, что в данном случае мы опять имеем дело с *Русью Дунайской*, и не той, которая была покорена уграми, как утверждает «Повесть временных лет» — то есть южнодунайской — а более северо-западной, *Центрально-европейской*. И это уже отдельное и достаточно раннее госу-

дарственное образование, более раннее, чем наша родная Русь Поднепровская (Киевская). Честь открытия Дунайской Руси принадлежит в некотором смысле А.В. Назаренко. Исследовав большое количество германских источников, ученый доказал, что постоянно упоминающаяся в них славянская племенная группа рути — это русь, о чем мы только что говорили. Под термином *gugī* в западноевропейских письменных источниках X–XI веков всегда понимается русь. К сожалению, А.В. Назаренко недооценил важности своего открытия, почему-то решив, что речь идет о купцах из Киевской Руси. На самом деле, считает В.В. Седов, к мнению которого мы присоединяемся, рути-русь — это русы Среднего Подунавья, проживавшие на территории современных Австрии и Венгрии, потомки дошедшего в VII веке до Линца антского племени русь. «Русская» топонимика долгое время сохранялась и сохраняется сейчас в Нижней и Верхней Австрии, Штирии, окрестностях Зальцбурга и Регенсбурга. Это, по мнению В.В. Седова, является несомненным свидетельством проживания в этом регионе славянского населения, ассимилированного германцами в период с XI по XIV век.

А.В. Назаренко в своей статье «Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах /IX–XIV вв./» с удивлением констатирует, при таком большом количестве сведений о Руси и Киеве «характерным примером «археологической немоты» является полное отсутствие монетных находок на торговом пути Киев — Краков — Прага — Регенсбург» [Назаренко, 1984, с. 86–87]. Сам же Назаренко считает, что этот путь активно эксплуатировался в IX веке [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 295–296]. При этом он отмечает, что в «Раффельштеттенском таможенном уставе» говорится о том, что «склавины из Ругии» явились в Баварскую восточную марку с севера, через перевалы в районе верховьев Влтавы. По его мнению, это объясняется тем, что в IX веке путь по Дунаю был перекрыт вторгшимися на Дунай венграми («черными уграми» русских летописей). Мы же вправе задаться вопросом: а

было ли кому приходиться торговать с востока в Баварскую марку из нашей, Киевской Руси, в IX веке? Ведь «наш» днепровский Киев в IX веке был еще пограничным захолустьем для германских государств Центральной Европы. Так что Киев, о котором говорят европейские документы — это вовсе не тот Киев и не та Русь. А вот с севера, действительно, было кому приходиться, причем из *разных* земель с названием Русь. Например, из Ладожской и Новгородской. А может быть, еще и из той, из которой *в это самое время* Русь с Рюриком во главе была «приглашена» княжить в Новгороде? И может быть, Ругия в документах VIII–IX веков — или хотя бы в некоторых из них — остров Рюген?

Но все это относится к IX веку и к торговле. А можно ли себе представить, что только торговые люди дали основание для того количества топонимов с корнем «рус» в самой Баварской восточной марке и в непосредственной близости от нее? Приведем лишь несколько ярких примеров, хотя А.В. Назаренко собрал их намного больше.

Левый приток Дуная, река Гросс-Мюль, в средние века именовался Русская Мюль (Ruzische Muchel). Здесь же известен топоним Росдорф (Русская деревня).

Под 902 годом известен князь Русский Иосиф, который передал фрейзингенскому епископу местечко Стиввина (современный Steifern). Титул его: «vir venerabilis». [Weigt Н «Ortsnamenbuch». Wien 1964–1975, т. 1, с. 500]. Очевидно, это не князь Киевской Руси.

В документах Регенсбурга встречается интересная запись свидетеля: «Hartwik — habitans in regio Ruscie in civitate Chiebe dicta» — «Хартвик, живущий в стране Руссия в городе Кieve». Киевлянин был прихожанином регенсбургской церкви! Конечно, можно предположить, что это наш купец, по роду занятий вынужденный подолгу жить в Регенсбурге. Но легче представить себе, что он житель Киева — Кеве (Къовью), города у устья реки Моравы, ныне в Венгрии.

Папа Иоанн XIII в 967 году запретил богослужения на

«русском или славянском языке». Кому папа мог это запретить? Ведь «наша» Русь еще не приняла христианства, как утверждают русские летописи, да и приняла она его от Византии, но Дунайская-то Русь — уже могла, и именно от Рима!

В VIII–IX веках в германских актах часто встречается упоминание страны RUSARAMARKA — то есть «русская земля». Местечко с таким названием, например, упоминается в дарственной грамоте короля Людовика II Немецкого Альтайхскому монастырю. Расположено оно на берегу Дуная, недалеко от Раффельштеттена (откуда пошел тот самый устав). Но почему она «русская»? Только из-за обилия там русских купцов, как считает А.В. Назаренко [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 297–302]? Сомнительно! Скорее, это центр Русской марки в широком смысле понятия «марка», том же, что, например, Баварская марка — то есть некая этническая территория. Судя по русской топонимике, ее предполагаемые границы — Вена, Регенсбург, юг Чехии и Моравии, возможно, север Венгрии. Да и в той же своей статье 1984 года А.В. Назаренко перечисляет массу имен людей из Баварской восточной марки и ближайших к ней мест, чье имя или прозвище образовано от корня «рус». Кого только среди них нет! Это и масса свидетелей в разных деловых документах, и рыцари, и священники, и купцы, и землевладельцы, и подневольные люди — всех не перечислить. Понятно, что подавляющее большинство из них — местные жители. Понятно и то, что жили они в основном в *германоязычной* среде: ведь если бы русы в это время на Дунае жили в сплошной *русскоязычной* среде, то в их именах и прозвищах не мелькал бы корень «рус». Назвать человека его этнонимом могут только люди другого этнического происхождения. Вот и получается, что либо русы здесь пришельцы, либо германцы, которые остатки бывшего русского населения называли их этническим именем.

В Регенсбурге при герцоге Арнульфе около 920 года торговый посад был построен на дотацию Киевского князя.

Одни из ворот города были названы по жившему близ них народу *Porta Ruzim* [*Латинские источники по истории Древней Руси*, ч. 1, 1990]. Можно ли представить себе, что во времена Олега или Игоря киевский князь — князь днепро-вского Киева — давал дотацию на строительство посада в Регенсбурге? Сомнительно, что их «цивилизованность» простиралась так далеко. Сомнительно даже, что они знали о существовании самого Регенсбурга. Проще себе представить, что это был князь Киева — Кеве в устье Моравы.

Чтобы читатель яснее представлял себе распространенность «русских» топонимов на всей территории, о которой идет речь, мы приведем карту (рис. 2.1) их распространения для раннего средневековья [по Седову, 1995, с. 126]. Пусть читатель сам решит, как надо относиться к понятию *Русь Дунайская*, точнее, *Русь Центральноевропейская*.

И еще любопытный факт. В приписываемом Генриху I Птицелову (919–936) «Уставе турниров в Магдебурге» среди феодальных владетелей империи называются *Bilmarus princeps Russiae* (Русский князь Билмар), *Radebotto dux Russiae* (Русский герцог Радеботто), *Vinslaus princeps Rugiae* (Ругский князь Винслав). Название «русский», как и «ругский», совершенно определенно связано здесь со славянской частью Германии. Но если, как считают современные историки, в понимании немцев X–XI веков эти два этнонима были равнозначны, то чем объяснить, что в данном случае они определенно используются применительно к владетелям *разных* земель? И какие это «русские» князь и герцог входили в феодальные владения Германской империи *наряду* с Ругией? Чехия — да, Моравия — да, но они — *славянские* земли, а не *русские* в нашем понимании. Значит, все-таки была еще какая-то Русь в Центральной Европе, не ограниченная Русской маркой на Дунае? Не очень понятно! Но, может быть, так и считал автор «Повести временных лет», цитату из которой мы приводили выше: «Был един народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и

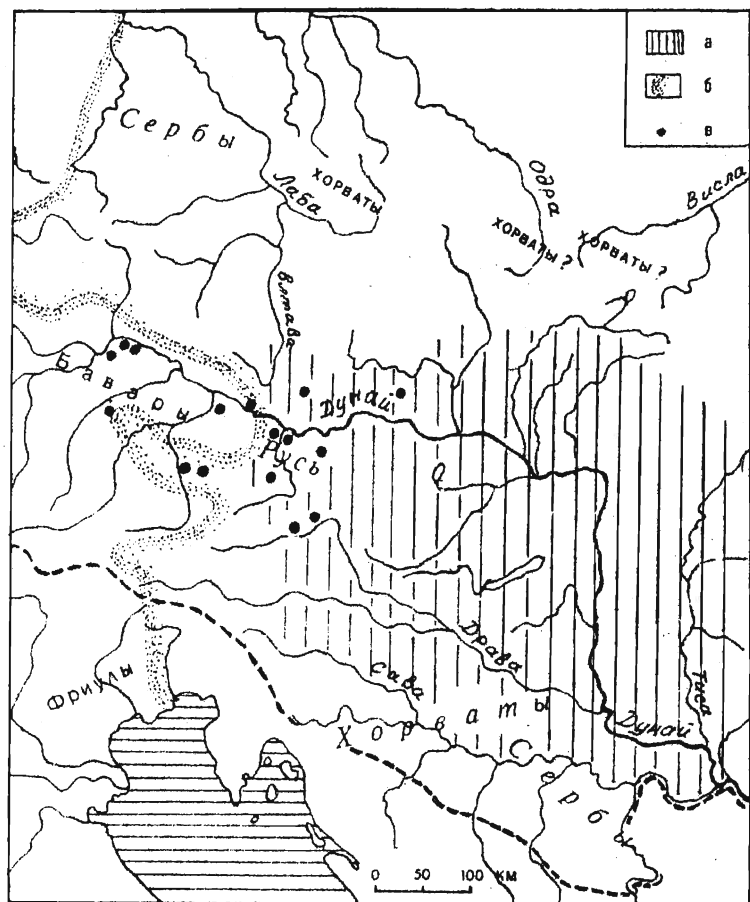

Рис. 2.1. Распространение «русских» топонимов в Центральной Европе в средние века (по Седову В.В., Назаренко А.В.)

А — ареал аварской культуры; Б — приблизительная западная граница славянского расселения в раннем средневековье; В — географические названия, производные от этнонима «русь»

поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь». И слова «которые теперь зовутся русь» относятся не только к полянам, как мы привыкли считать, а ко всем перечисленным ими славянским народам?

Наконец, есть еще один пласт документов, «намекающий» на существование Дунайской Руси. Он тоже хорошо известен историкам и порождает оживленные дискуссии [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 338–342]. Речь идет о сыновьях английского короля Эдуарда Железнобокого (1016). Их изгнали из Англии после смерти отца. Но одни источники утверждают, что их изгнали на Русь, а другие — что в Венгрию.

Так, в «Комментариях к законам Эдуарда Исповедника» (XI век) сообщается о пребывании сына короля Эдмунда Железный Бок Эдуарда при дворе короля «земли ругов, которую мы называем Руссией. Король этой страны, по имени Малескальдус, выслушав и расспросив его, кто он и откуда, с честью держал его у себя».

Наши историки (А.В. Назаренко, например) считают, что речь идет в данном случае о Руси Ярослава Мудрого, имя которого искажено на французский или норманнский манер [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 340–341]. Но нас сейчас интересует не сама эта история о сыновьях Эдуарда, а чисто географическая сторона дела. В другом документе — «Истории англо» Жеффрея Гаймара (XII век) утверждается, что воспитатель сыновей Эдуарда, узнав, что их хотят отравить, спасается с ними бегством [там же, с. 341]. Относительно же пути этого бегства говорится: «Всего за пять дней пройдя Русь, он прибыл в Венгерскую землю». Но каким образом, будучи в Новгородской или даже Киевской Руси, можно было в то время за пять дней «пройти ее всю» и оказаться в Венгрии? Если этот текст хоть чего-нибудь стоит в смысле своей достоверности, то речь в нем идет не о «нашей» Руси, а явно о Дунайской! Неудивительно, что еще Г. Гарткнох заметил, что Руссия западноевропейских средневековых документов — это вовсе не Киевская Русь.

Отметим попутно: Ал-Хваризми (Ал-Хорезми), один из ранних арабоязычных авторов (VIII век), в «Книге картины Земли» дает описание Восточной Европы, в значительной степени восходящее к Птолемеевой географии. Но славя-

не у него есть, и они у него — «жители Германии» [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 196–197]. А ведь он знает народы Восточной Европы — хазар, алан, бурджан (булгар?). Так что *его* славяне — не днѣпровские славяне и русы.

Но существовали — да и сейчас существуют — крайние точки зрения на то, почему на такой огромной территории распространена этнонимика и топонимика с корнями рос/рус и близких к ним. Таким «экстремистом» в данном вопросе был, например, всеми нами уважаемый М.В. Ломоносов — выдающийся ученый-энциклопедист своего времени. Так вот, в его «Древней Российской истории» русь, Россия — это все земли и народы, где в их названиях есть хотя бы намек на присутствие этих корней! Во-первых, по его мнению, это все прибалты — литовцы, латыши, *пруссы* (!), и в пользу этого предположения у него были свои доводы. Он знал о некотором сходстве (родстве) славянских и балтских языков, обычаев, о родстве славянского Перуна с балтским Перкунасом, что подтверждает современная лингвистика и фольклористика. Во-вторых, реки Рось (приток Днепра) и Ра (одно из древних названий Волги), по его мнению, несомненные свидетельства изначального расселения здесь славян-россов. И роксоланы — это, конечно, они же. И именно они дошли до берегов Прибалтики и обосновались там, в том числе на острове Рюген, где стали называться ранами. В результате и призванные, согласно «Повести временных лет», варяги-руссы тоже оказываются славянами-русами, поэтому считать, что именно они являются организаторами государства на Руси, просто смешно: ведь они сами из него когда-то вышли [Ломоносов, 1766].

Конечно, представить себе, что на острове Рюген оказались те самые русы-росы, которые являлись бывшими роксоланами — трудновато. Но ушла же на север часть сербов-собров и часть хорватов! Могла вместе с ними уйти и часть племени собственно русов (росов). А дальше можно представить и такую историю: оставив сербов-собров на верх-

нем Оudere, русы двинулись вниз по Оudere и остановились на побережье Балтики, заселив остров Рюген. Этноним этого народа — руяне, рути, рушане, раны. Естественно, они пришли не на пустое место. Судя и по археологии, и по топонимике, и по историческим источникам, они попали в этнически неоднородное окружение, поскольку южное побережье Балтики — издревле контактная зона славянских, балтских и германских народов. Поэтому мы не беремся судить, привнесли ли эти пришельцы что-то из своей культуры, или — только свое имя. Это слишком серьезный вопрос, чтобы пытаться его решить по ходу нашего изложения.

РУСЫ БРОДЯТ ПО ЕВРОПЕ, ПРИЗРАК НОРМАНИЗМА...

Но стоит ли вообще связывать какой-нибудь народ с этнонимом, близким к корню «рос/рус», с жизнью на острове? Это зависит от того, какими историческими источниками пользоваться. Например, восточными. Приведем несколько примеров.

Ибн Русте, персидский географ начала X века, писал, что Русь находится на острове, окружность которого равняется трем дням пути, покрыт он лесами и болотами. Росы имеют царя, который зовется Хаган-Рос. Они совершают набеги на славян. Подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который потом отправляют к хазарам и болгарам и продают там. Пашен Русь не имеет, питается лишь тем, что добывает в земле славян. Цитата из его же сочинения:

«Русы живут на острове. На коне смелости не проявляют, но храбры в пешем бою. Все свои набеги совершают на кораблях. Носят широкие шаровары и постоянно носят мечи, ибо никому не доверяют — коварство между ними дело обыкновенное».

Через 50 лет арабский географ Муккадеси писал:

«Что касается русов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером, и эта крепость защищает их от нападений. Общая их численность достигает 100 000 человек. Нет у них пашен и скота. Страна граничит со страной славян, и они нападают на последних, расхищают их добро, захватывают в плен».

Практически то же самое пишет о русах персидский историк XI века Газневи. Правда, он и русов и славян относит к тюркам, и остров их находится не на озере, а в море, но в остальном все, очень похоже. На самом деле тексты, из которых взяты эти цитаты, несколько больше, но смысл их мы передали.

Мухаммад ал-Ауфи, персидский писатель XIII века, написавший о том, как русы выбирали веру — а у него они, в конце концов, приняли ислам — тоже сообщает:

«Русы живут на одном острове среди моря; как в длину, так и в ширину остров простирается на 3 дня пути. На том острове есть деревья и леса; он со всех сторон окружен морем. Они постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч».

Но это — явный повтор сведений предыдущих авторов. На самом деле, восточных авторов, писавших о руси, достаточно много, и далеко не все они помещают русов на острове. Однако большинство современных историков считает, что если взять «островную» тему в целом, то представляется, что она на востоке восходит к одному источнику: уж очень похожи все эти описания у разных авторов [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 212–213]. Споры о том, где нужно локализовывать этот остров — или полуостров, поскольку в арабском языке он передается тем же словом — не прекращаются по сей день. У разных авторов, как русских, так и зарубежных, он «путешествует» по миру от Балтики до Черного моря. Но в целом предпочте-

ние отдается все-таки северным вариантам. Это представляется логичным, если обратить внимание на «пейзажные» детали текстов: лесистость и болотистость острова, отсутствие пашен и прочее. Да и поведение русов, грабивших славян, ассоциируется с постоянными нападениями викингов на прибалтийско-славянские территории. С учетом этого обстоятельства остров Рюген представляется не худшим вариантом для помещения на нем каких-то русов, если, конечно, не сводить к ним всех русов вообще.

Попутно заметим, немец О. Фок подтверждает (в начале XIII века) [*Латинские источники по истории Древней Руси*. Ч. 3. 1990]: «Русы живут на острове в море, и они занимаются постоянно разбоем».

Но, может быть, мы очень однобоко подходим к историческим источникам, в том числе и восточным? И в силу привычки никак не можем оторваться в своих рассуждениях от территории поздней Руси, Руси как государства с центром в Киеве, или, на худой конец, с несколькими центрами — в Новгороде, Смоленске, Киеве, на Верхней Волге? А вот современный исследователь В.В. Грицков, опираясь на *ту же совокупность источников*, в том числе и археологических, доказывает, что в «докиевское» время нужно говорить о *Руси Причерноморской*, этнически — аланской в основном, занимавшей земли от Таманского полуострова и бассейна Кубани до центрального Предкавказья включительно, и даже какие-то области Закавказья. С его точки зрения, именно о них говорится в восточных источниках и именно они совершают первые морские набеги на Византию в IX веке [Грицков В.В., 1992, ч. 1–5, 1993]. И его построения выглядят столь же доказательными, как и те, что упоминались нами выше. Так что, если не абсолютизировать рассуждения В.В. Грицкова как *единственно* верные, то, вероятно, можно говорить о еще одной Руси — *Руси Причерноморской* — как о территории, на которой проживало большое племенное объединение, носившее этот этноним.

Но вернемся к восточным авторам. Так вот, те из них, которые и не помещали русов на острове, давали им, тем не менее, тоже не слишком лестную характеристику. Анонимный восточный автор книги «Худуд-ал-Алем» описал «страну Русь» так [ЗВОРАО, т. X, вып. 1–4, СПб 1897]:

«От нее на восток — печенеги, на юг — Дунай, на запад — славяне, к северу — пустыня».

«Слово об области Русь и ее городах. Область, с востока которой гора Печенегов, с юга река Рута, с запада Славяне, а с севера от нее северные пустыни. Эта область обширная. Жители ее дурного нрава, лукавые, неуживчивые, дерзкие, своевольные и войнолюбивые. Со всеми окружающими их неверными ведут войны и одерживают верх. ...Среди них есть и племя славян, которое им служит. Из более или менее ста локтей кербаса (?) шивают шаровары и носят, заворачивая выше колена. На голове носят шерстяные шапки, спуская вниз за затылком колец... Куяне — ближайший город Русов к мусульманству».

Понятно, что в целом — если не очень придирааться к деталям — можно отождествить географически эту Русь с Поднепровской, Киевской, а, возможно, и более ранней Приднепровской и даже Причерноморской (по В.В. Грицкову) — все зависит от времени, о котором пишет восточный автор, и от того, что он подразумевает под городом «Куяне» и под «северной пустыней». Но, как нетрудно убедиться, нравы ее жителей выглядят так же, как и жителей «островной» Руси: бандиты, одним словом. Откуда этот стереотип описания? От какого-то праисточника, первичного для всех восточных авторов текста? Вполне возможно, но тогда почему территория Руси «путешествует» по всей Европе, а нравы ее жителей остаются теми же самыми?

Напрашивается такой ответ. Русы восточных авторов — это некий народ, который, селясь на разных территориях — в основном, по-видимому, славянских — неизменно

занимал среди окружающих народов доминирующее положение. И происходило это именно благодаря его неиссякаемой воинственности и абсолютного нежелания заниматься производительным трудом. Они готовы были сколько угодно воевать, торговать чем угодно, в том числе и пленниками, но не работать.

Естественно задаться вопросом: знает ли реальная история народ, который бы вел себя именно так? Да, знает, и даже не один! Прежде всего, народы, ведущие себя *примерно* так — это с античных времен кочевники Евразийских степей. Это скифы, сарматы, аланы, а также гунны, болгары, авары и прочие кочевые тюркские народы, волнами приходившие из Азии в Европу, начиная с гуннских времен. Но историография всех «письменных» народов, как европейских, так и азиатских, их-то как раз хорошо знает «поименно». И среди тех, кто попал в хроники средневековья, то есть в описание событий VIII–XII веков, *степного кочевнического* народа «рус/рос» никто не находит. И это — при всей любви византийских и западноевропейских авторов «обзывать», следуя античной традиции, всех приходивших в Европу из степи то скифами, то сарматами, то гуннами, внося тем самым изрядную путаницу в тексты своих «Историй».

Но, может быть, восточные авторы, о которых говорилось выше, знали русов именно как народ степной, точнее, бывший степной, а потом осевший в кавказских предгорьях и сохранивший при этом тягу к разбойничьему образу жизни? В принципе это вполне вероятно и археологически подтверждаемо. Степная аланская культура в V–VI веках действительно породила «оседлую» культуру как севернее степи, в волго-донском междуречье, так и южнее степи, в Предкавказье. Это — различные варианты *салтово-маяцкой археологической культуры*, сегодня неплохо изученной [Плетнева, 1967, 1982]. Тогда, возможно, прав В.В. Грицков, считая, что достаточно крупное аланское объединение с этнонимом рус жило в северо-западном Предкавказье, и именно оно, известное своими разбойны-

ми нападениями и торговыми экспедициями, описано восточными авторами.

Как бы то ни было, но средневековая Западная Европа знала другой народ, который *именно* в это время вел себя *именно* так. Это — всем известные викинги. История их появления на европейской исторической сцене прекрасно известна и хорошо прописана в документах самого разного рода, в том числе и в знаменитых скандинавских сагах. По мнению большинства специалистов, период активных викингских походов приходится на VIII—XI века [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 408—411]. А вызван он был высоким приростом населения Скандинавии — с одной стороны, и борьбой скандинавских конунгов за установление единоличной власти на максимально доступной территории — с другой. Результатом этой бурной деятельности было образование в Скандинавии трех устойчивых государств — Швеции, Дании и Норвегии, плюс захват многих европейских территорий и сложение на них своих раннегосударственных образований. Некоторые из них также оказались довольно устойчивыми: герцогство Нормандия, Англия после Вильгельма Завоевателя, в меньшей степени — Сицилийское королевство.

Так вот, зная все это, что мешает историкам отождествить пресловутых русов с викингами? Да *почти* ничто и не мешает! Именно на этом отождествлении и выросла та самая норманистская теория образования государства Русь, о которой мы упоминали выше. К несчастью для норманистов, есть, однако, большое НО, мешающее принять эту стройную версию в качестве окончательной для русской истории. Беда в том, что нет европейских исторических источников, в которых викинги, норманны *прямо отождествлялись бы* с понятиями *Русь как страна* и *русы как народ*! Западные европейцы средневековья воспринимали норманнов и Русь отдельно друг от друга.

Выше мы подробно говорили о том, что европейская историография с начала IX века знала неких руссов (они же руги) и жили они в контакте с германцами Централь-

ной Европы. Но, кто бы они ни были, это ни в коем случае не норманны. А начиная с XI века и позже Европа знала уже Русь как мощное восточноевропейское государство, которое вело свою внешнюю политику и торговлю в Европе, что отражено в массе документов той эпохи [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 259—405]. И, опять-таки, это никакие не викинги! С другой стороны, и скандинавские источники всех типов *нигде* не называют викингов русью, а в тех сагах, которые посвящены походам и приключениям викингов на востоке, Русь как страна, государство, называется Гарды, или Гардарика [то же, с. 408—556].

И для византийцев понятие «народ Рос» тоже не ассоциировалось с викингами. Как справедливо отмечали многие историки, мышление византийских историков-христиан существенно окрашено библейским восприятием мира и его грядущих событий. Для них приход под стены Царьграда (Константинополя) войска северных варваров — это *знаковое* событие, наказание «за грехи наши». Кто бы они ни были этнически — это предсказанный Библией народ Рос, который вместе с народами Гог и Магог положит конец этому миру [Попов, с. 54—56]. Иначе говоря, их приход — вестник надвигающегося апокалипсиса. Хотя со временем, к началу XI века, библейски окрашенное восприятие этих пришельцев сменяется нормальным. Византия общается с государством Русь, воюет с ним, заключает договоры, принимает оттуда послов, посылает своих, и даже приобщает этих варваров к истинной вере! И, естественно, для нее уже не важно, кто эти русы/росы этнически: в целом-то они славяне, поскольку говорят и пишут по-славянски. Для них ведь и азбуку специально придумали, и даже Священное Писание на славянский язык перевели!

Есть два любопытных европейских документа, говорящих о том, как западноевропейцы воспринимали от византийцев понятие «народ Рос». Первый — это знаменитые «бертинские анналы» — написанные епископом монастыря Святого Бертина Пруденцием. Под 839 годом сообщается о прибытии русов к императору Людовiku I Благочестивому в составе посольства византийского императора Феофила:

«Пришли также греческие послы, отправленные императором Феофилом, а именно: Феодосий, халкидонский епископ-митрополит, и Феофаний Спафарий и принесли вместе с дарами, достойными императора, письмо. Император с почетом принял их 18 мая в Ингуленгейме. Целью их посольства было утверждение договора и мира, вечной дружбы и любви между обоими императорами и их подданными... Послал он с ними также неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут RHOS и которых, как они говорили, царь их, по имени CHACANUS, отправил к нему /Феофилу/ ради дружбы. В упомянутом письме /Феофил/ просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться /в свою страну/ и охрану по всей своей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности. Тщательно расследовав причину их прибытия, император узнал, что они принадлежат к народности шведской /Sueonит/; считая их скорее разведчиками, по тому царству и нашему, чем искателями дружбы, /Людовик/ решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через упомянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял; и если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут туда отправлены с охраною; в противном же случае они с посланными будут направлены к его особе с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать».

Понятно, что если германский император и его окружение и знали вообще-то о народе Рос — что вовсе неочевидно из текста — то уж никак не представляли себе, что они — шведы, то есть норманны! Это была для них но-

вость, да еще и малоприятная. От норманнов в Европе IX века ничего хорошего не ждали!

Второй документ — это сочинение писателя и дипломата Лиупранда, епископа Кремонского, бывшего в 949 и 968 годы послом в Византии. Он подробно описывает нападение Игоря на Константинополь в 941 году [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 291]. Среди прочего он сообщает:

«Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют руссиями («рыжими»), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке nord означает север, а tap — человек; поэтому-то северных людей и можно называть норманнами».

Вот, оказывается, какая история! Норманнов немцы определенно знают, но бестолковые греки зовут их росами — «рыжими», и от этого происходит всякая путаница. Причем эта путаница усиливается еще и потому, что греки называют властителя этих росов, которые суть норманны, Хаканом (Хаганом). И грекам на эту их путаницу прямо указывают из Европы. В так называемой «Салернской хронике» (X век) приводится послание франкского императора Людовика II (844–875) византийскому императору Василию I (867–886), в котором говорится [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 290]: «Хаганом мы называем государя авар, а не хазар или норманнов».

В общем, не может такого быть, и все тут! Нет никакого отдельного народа «рос» или «рус», а на Византию нападают все те же, всем известные норманны. Это еще раз подтверждается «Венецианской хроникой» Иоанна Диакона (рубеж X–XI веков), который описывает известное и из византийских хроник, и из русских летописей нападение русов в 860 году [то же, с. 290]:

«В его время народ норманнов на трехстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к Константинополю.

Но так как они никоим образом не могли нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там большое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси».

Каков же вывод? Не знала Европа ни в конце IX века, ни даже в X веке *государства Русь* как страны *отдельного* народа с таким названием. Но есть некие государства норманнов, и какое-то из них греки называли Русь, или «народ Рос», да еще по ошибке именовали их государя Хаканом, чего быть не должно. Вот и все — до XI века!

Между тем у восточных авторов эта самая Русь ни с какими норманнами не ассоциировалась. Для них как раз росы/русы были достаточно реальны, хотя и не очень понятно, где они жили. Поэтому Русь восточных источников не только «путешествует» по каким-то неизвестным местам, но еще и «колется» на три разных! Именно так считали некоторые ученые арабского халифата X века. Наиболее известные из них — ал-Истархи и Ибн Хаукаль. У них фигурирует три группы русов. Последний, цитируя первого, писал [Новосельцев, 1965, с. 412]:

«Русы. Их три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и [третья] группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют... И вывозят из Арсы черные соболы и олово... Эти русы торгуют с Хазарами, Румом и Булгаром Великим».

Понятно, что этот текст не остался незамеченным всеми историками Руси. И если Куйаба легко отождествлялась

с Киевом, а ас-Славийа — с Новгородом Великим, то ал-Арсанийа изрядно попутешествовала по всей карте, да и сейчас не обрела своего устойчивого места на ней. Из известных и общепринятых «Русей» на территории «нашей» Руси на такое место может претендовать только Русь верхневолжская, Ростово-Суздальская. Но никто никогда не слышал, чтобы там убивали чужеземцев: и история, и археология утверждают, что она всегда была сугубо многонациональным образованием. Она сложилась в исходно мерянской земле, значительно «ославянившейся» к IX веку, на которой примерно в это же время поселилась группа скандинавов — тот «дружинный слой», который оставил после себя Тимеревский курганный могильник и Тимеревское городище близ Ростова. Следы их проживания отмечены и в Сарском городище, изначально, по-видимому — мерянском племенном центре. Поскольку эти памятники обстоятельно исследованы археологически, здесь хорошо просматриваются этапы сложения того раннегосударственного образования, которым стала Верхневолжская Русь [Леонтьев, 1996]. Но если именно она вывозила, «спускаясь по воде», черных соболей — это понятно. А вот почему олово — это непонятно. Поэтому неудивительно, что историки пытаются поместить эту самую Арсанию куда-нибудь на верхнюю Каму, поближе к Уралу. Или прав В.В. Грицков, доказывающий, что Арсания — это область на северных отрогах Главного Кавказского хребта, давно известная своими полиметаллическими месторождениями и свинцовыми и серебряными рудниками, которые разрабатывались еще в древности: это Садон в Северной Осетии [Грицков, 1992, ч. 2, с. 17–23]. Но в любом из этих вариантов, стало быть, есть еще одна Русь, о которой мы ничего не знаем до сих пор?

ГЛАВНАЯ НАША РУСЬ

Ну а теперь, изрядно побродив по Восточной Европе, пора, наконец, вернуться на ее север, ибо там, по всеоб-

щему убеждению, следует искать корни той Руси, которая и есть *государство* Древняя Русь.

Таким образом, мы вплотную подошли к традиционному документу, без рассмотрения которого не обходится ни одно историческое исследование по истории Руси — к все той же «Повести временных лет». Поэтому и нам не обойтись без цитат из этого знаменитого документа. Прямо скажем: за все годы — этак лет за двести пятьдесят — существования русской истории «Повесть временных лет» была многократно разобрана буквально «по косточкам». Каждый абзац был прокомментирован несчетное число раз со всех возможных позиций. И, тем не менее, какого-то общего мнения относительно многих сообщений «Повести временных лет» до сих пор не существует. Именно поэтому вопрос о том, кто такие русы, вокруг которых «закручены» основные моменты нашей истории, остается открытым.

Итак, цитата из «Повести временных лет»:

«В Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие языки: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летгола, любь. Ляхи же, и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку до предела Симова, по тому же морю сидят и к западу до земли Английской и до Волошской. Иафетово колено также: варяги, свеи, урмане, готы, русь, англы, галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, ти же сидят от запада до юга и соседят с племенем Хамовым...»

Первая фраза — это перечисление народов, которые принадлежат потомкам библейского Иафета, сына Ноя. В принципе оно могло бы быть и неупорядоченным вообще: это ведь просто перечисление. Однако некий географический порядок все-таки соблюдается. Если мы даже не знаем, что в данном случае подразумевается под народом *русь* — а это в данном случае *народ*, поскольку именно на-

роды здесь и перечисляются — то от руси перечисление идет с *запада на восток*, так как дальше идет чудь, меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра. То есть мы двигались по Волге и дошли до Урала. А дальше мы вдруг поворачиваем назад, и от какой-то условной точки начинаем двигаться с *востока на запад*: литва, зимегола, корсь, летгола, любь. То есть доходим по Прибалтике до восточной Польши. Так что является условным центром нашего движения сначала на восток, а потом на запад? Похоже, что точка, где сидит русь. И сидит она, по-видимому, где-то в районе Ладоги, больше посадить ее некуда.

В этом есть своя логика: Ладога (Старая Ладога, бишь) — это первый варяжский (скандинавский) центр на юго-восточном берегу Балтики, откуда начинался путь в Гарды — на Русь, точнее, в славянские земли, которые потом стали Русью. Вырос он не на пустом месте: ранние археологические слои в этом городе показывают, что до варягов здесь существовало уже в начале VIII века довольно крупное аборигенное (финское) поселение. Но для варягов это место оказалось удобным: ведь отсюда было легко контролировать весь восточный торговый путь — и они его таким и сделали! Поэтому для раннего летописца «новгородской ориентации» — то есть такого, который выводит Русь с севера и себя помещает в центр будущих событий, — точка отсчета выглядит естественной.

Следующая фраза — простое перечисление тех, кто сидит «близ моря Варяжского». Именно «близ», а не на самом море. Их перечисление идет просто с запада на восток и охватывает земли всей прибалтийской зоны, непосредственно прилегающие к будущей Руси, причем Руси Новгородской, а не всей.

Следующая фраза — о тех, кто сидят непосредственно по морю. И это, оказывается, сплошные варяги! Причем их перечисление опять ведется «отсюда» сначала «к востоку до предела Симова», а потом, по-видимому, опять отсюда, но «к западу до земли Английской и Волошской». Откуда

это — отсюда? Похоже, что опять от Ладogi! То есть соблюдается та же логика описания географии народов.

Следующая фраза летописи — перечисление тех, кто входит в Иафетово колено, но не был упомянут ранее. Это понятно: в первый раз были упомянуты только народы, ближайšie к северной Руси, и она сама, то есть народы восточной Европы. Теперь же дается весь список европейских народов.

«Иафетово колено также: варяги, свеи, урмане, готы, русь, англѣ, галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочіе, ти же сидят от запада до юга и соседят с племенем Хамовым...»

Посмотрим, есть ли тут какой-то порядок в перечислении народов. Сначала стоят *варяги*. Если считать, что для русского летописца это *все* скандинавы вообще, то тогда список совсем непонятен, поскольку дальше в нем перечисляются эти скандинавы поименно: *свеи* — шведы (южная Скандинавия); *урмане* — норманны (северная Скандинавия и Ютландия).

Глядя на этот список, начинаешь думать, что варяги для летописца — это все-таки «свои» варяги, сидящие в Ладогѣ, и именно от этой точки он в своем перечислении двигается на запад и северо-запад. Но мы только что говорили, что предыдущие свои перечисления он начинает от *руси*, и она тоже вроде бы сидит в Ладогѣ. А теперь она сдвигается куда-то на запад. Как это понять? Даже если считать, что в данном случае для летописца это варяги *вообще*, то почему теперь русь у него «уехала» на запад? Попробуем разобраться. Для этого продолжим перечисление.

Далее идут *готы*. Кто для автора XII–XIII веков готы — не очень понятно. Он ведь пишет не о своем времени и использует какие-то старые исторические источники, как, впрочем, это делали и все другие летописцы и историки. В частности, доказано, что автор «Повести временных лет» широко использовал греческие хронографы — «Хронику»

Малалы и «Хронику» Георгия Амартола [Петрухин, Раевский, с. 238–239]. И если он имел в виду исторических готов, то вполне логично их помещение в «одном пакете» с остальными южными скандинавами.

Далее идут *русы*. Естественно, для русских историков это самый интригующий момент. Это кто — тоже какие-то скандинавы? Или это вообще другой народ, к скандинавам отношения не имеющий? Понятно, что трактовки этого места «Повести временных лет» — самое дискуссионное занятие для историков Руси. И мы, конечно, не можем обойти это место равнодушно.

После русов идут *англы*. Даже если считать, что это еще материковые англы, до их переселения в Великобританию, то все равно это уже Западная Европа, то есть мы уже вышли за пределы Балтики. Заметим, что считать так мы имеем право, поскольку в этом списке фигурируют готы, хотя к X–XI векам от них в Прибалтике уже и следов не осталось. Правда, и здесь все неоднозначно: ведь летописец мог называть готами жителей острова Готланд на Балтике. Но если англы — это уже жители Англии, то есть список относится к размещению народов в Европе примерно на VIII век, то это еще «более западная» Европа, и из Балтийского бассейна мы все равно вышли.

Так вот, спрашивается, из Балтийского бассейна мы вышли «до» русов или «после» русов? Самих-то русов где мыслил себе летописец? Вот в этом и заключается главная загадка. Никто не мешает нам считать, что это — обитатели местности Рослаген в Средней Швеции. И тогда русы — действительно германцы-скандинавы. Никто не мешает нам считать также, что это жители острова Рюген. И тогда русы — они же руги, руяне, раны — «огерманившиеся» славяне. Но это могут быть и другие западные славяне, сидящие в юго-западной Прибалтике, и также в какой-то степени «огерманившиеся» — ободриты, лютичи, велеты, поморяне. Их ведь много было в этой зоне, на участке от низовьев Одера до низовьев Эльбы. И просто удивительно, что летописец их не перечисляет — ну пусть не «попле-

менно», но хотя бы в целом! Конечно, можно предположить, что он о них упомянет там, где рассказывается о славянах вообще. И, действительно, в не менее известной части текста «Повести временных лет», посвященной славянам, говорится в частности:

«Когда же волохи напали на словен дунайских, и сели среди них, и насилие творили им, словене эти пришли, сев на Висле, и прозвались ляхи, а от тех ляхов прозвались поляне, другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне».

Стало быть, все в порядке: знает летописец прибалтийских славян и с русами их не отождествляет. Но жители острова Рюген по-прежнему остаются «под подозрением», которое на сегодня, как считают многие историки, не снято до сих пор!

Но, может быть, имеет смысл искать русов западнее Балтики? Если читатель помнит, что мы говорили выше о возможном существовании Руси Верхнедунайской, Центральноевропейской, то, может быть, автор «Повести временных лет» тоже о ней знал? Она ведь вполне ложится по месту в его списке «до» англов.

Кстати, не о ней ли говорит «Баварский географ», очень известный документ, как сегодня доказано, составленный в IX веке в Швабии [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 292–294], который перечисляет громадное количество каких-то народов Центральной и Восточной Европы, большинство из которых не поддается отождествлению с известными народами других исторических документов. Так вот, в этом документе есть какие-то русы (Ruzzi), но по тексту перед ними идут хазары, а после них — Forsderen liudi, Freziti, Seravici, Lucolane, Ungare. И никто толком не знает, в каком географическом порядке этих русов надо понимать: то ли где-то рядом с хазарами — и тогда это наша, Киевская Русь, но тогда непонятно, кто такие луколяне и почему там оказались венг-

ры. Но если перевести: «Ruzzi forsderen luidi fresiti» — как «руссы, войско которых — фризы», то тогда это где-то на севере Центральной Европы.

Стоит обратить внимание на форму слов: Seravici — «серавичи», и Lucolane — «луколяне». Мы понятия не имеем о том, кто это такие, как, впрочем, и о большинстве других названных в этом документе народов. Но сама *форма* этих этнонимов — явно славянская. Поэтому нетрудно себе представить, что рядом с русами «Баварского географа» помещены какие-то мелкие ляхско-чешские племена Подунавья, южнее которых сидят венгры (Ungare). Стоит попутно отметить, что среди абсолютно неизвестных нам народов в этом документа присутствуют и такие, в имени которых имеется слог «рос»: атторосы, виллеросы, сабросы [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 293]. Конечно, если считать, что эти этнонимы имеют окончание «-ос», как в греческом, то тут и говорить не о чем. Но если здесь присутствует корень *рос* — а похоже, что так оно и есть, если исходить из немецкой формы написания этнонима рус/рос — Attorozi, Villerozi, Zabrozi — тут есть над чем подумать.

Понятно, что все сказанное нами — исторические домыслы, лишь подчеркивающие, что мы коснулись одной из *главных загадок*: «откуда есть пошла Русская земля».

ПОДХОД «С ДРУГОЙ СТОРОНЫ»

«С другой стороны» к этой загадке подходят те современные историки, которые в полной мере учитывают работы археологов по славяно-русской тематике последних десятилетий. Из них неопровержимо вытекает, что самая ранняя история сложения всех главных центров русской государственности связана с пребыванием скандинавов на Руси. И везде эти люди составляли высший социальный слой зарождающегося русского государства, в котором лишь постепенно стирались межплеменные границы и «унифици-

ровалась» общая культура. Конечно, эта «унификация» никогда не доходила до полного исчезновения всех культурных различий между народами, вошедшими в состав Руси, а затем и России. Разницу между культурами разных ее территорий можно заметить даже в XX веке. Но вот что важно: одними из первых свое «этническое лицо» начали терять на Руси именно скандинавы.

Это очень любопытный момент, прослеживаемый археологически. Самые ранние погребальные памятники дружинной знати на Руси образуют целые могильники в узловых местах главных древнерусских торговых путей — балто-днепровского («из варяг в греки») и балто-волжского (по аналогии — «из варяг в хазары»). А это район Старой Ладogi, Смоленска, Киева, Чернигова, Ярославского Поволжья. По-видимому, такой же дружинный могильник был и под Новгородом, но пока он не найден. Есть подозрение, что он был разрушен в процессе застройки новгородской территории. Почти все захоронения в них — трупосожжения, но по чертам обрядности и по вещевым находкам можно судить о принадлежности погребенного к тому или иному этносу и к определенному социальному слою. Так вот, археологические исследования показывают, что *собственно скандинавских* дружинных захоронений в этих могильниках — меньшинство. Очевидно, что дружина на Руси в IX–X веках состояла не только из скандинавов, но и из представителей коренного населения. А оно на Руси в то время — не только славянское, но и балтское, и финское. Но дело даже не только в этом. Самое интересное, что именно скандинавские этнические признаки быстрее всего растворились в «общедружинных». Остальные же сохранялись дольше, и, как правило, дольше всего сохранялись этнические признаки того коренного населения, на территории которого расположен тот или иной могильник [Седов, 1982, с. 248–256].

Конечно, позже, веку к XII, не каждый желающий, кто бы он ни был по национальности, мог стать дружинником. Сформировалась достаточно замкнутая военная аристокра-

тия, купечество, свободное крестьянство, слой зависимых людей. Но говорим об этом, чтобы подчеркнуть, что ко времени сложения устойчивой социальной иерархии на Руси скандинавы — *русь*, кто бы они ни были, *растворились* в славянском населении страны. Парадокс! Они дали имя народу, стране, а сами как народ исчезли!

Ну а все-таки, может быть, вообще не было руси *как народа*? Вот эту мысль мы здесь и назвали подходом «с другой стороны». Это не наша идея, и она отнюдь не нова в истории, но, судя по современным публикациям, посвященным истории Руси, она опять становится популярной у русских историков [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1998; Петрухин, Раевский, 1999]. Суть же идеи состоит в следующем. В восточноприбалтийских языках, в частности в эстонском, в древности шведов звали Ruotsi, Rootsi — «русы» в славянском произношении.

«Последние историко-этимологические разыскания показали, что эти названия восходят к древнескандинавским словам с основой на «gors», типа «gorsmardr», «gorskarl» со значением «гребец, участник похода на гребных судах». Очевидно, именно так называли себя «росы» «Бертинских анналов» и участники походов на Византию и именно это актуализировало образ мифического народа Рос у Фотия» [Петрухин, Раевский, с. 271].

Поясним: авторы данной цитаты хотят, по-видимому, сказать, что шведы для эстонцев и финнов балтийского побережья — это всегда были люди, приходившие на судах, дружины гребцов, которые сами себя так и называли, что и запечатлелось в прибалтийских языках словом Ruotsi. И на Русь они пришли под таким же самоназванием, как в Европу они пришли под самоназванием *викинги*. И когда они попали в составе византийского посольства к императору Людовику Благодетелю — о чем, как помнит читатель, мы говорили выше, — они тоже называли себя народом «рос», а тот выяснил, что они на самом деле шведы. И у византийского патриарха Фотия они из-за своего само-

названия вызвали ассоциацию с апокалиптическим народом Рос, несущим гибель Византии.

Итак, вроде бы найден еще один — на сей раз *главный* — смысл слова рос/рус, из-за происхождения которого было сломано столько копий в поединках историков Руси. Да, его принесли в *будущую* Русь скандинавы — варяги русских летописей, которых призвали сами же славяне и другие народы для наведения «порядка» в своей стране.

Цитата из «Повести временных лет»:

«В год 862. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англý, а еще иные готландцы. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: «...Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли... И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Итак, «те варяги прозывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англý, а еще иные готландцы». Стало быть, летописец знает, что самоназвание этого народа — русь, а не шведы или все прочие. Но ведь *народа*, а не дружины — гребцов! И если сами дружинники себя так называли, то это должно было бы быть у *всех* скандинавских народов: ведь у всех у них были дружины гребцов! Однако такое ни в каких документах не зафиксировано. Все вольные дружины скандинавов звали себя викингами, и это хорошо известно!

Знал это и наш летописец, поэтому он и вычленил их — русь — из общей массы варягов, как это делал и раньше, в своем космографическом описании народов Европы, которое мы цитировали выше. Похоже, что для него варяги — это та разношерстная масса прибалтов, в основном скандинавов, которых было полно в Ладогe, как и в любом прибалтийском портовом городе типа Щецина или Волина (Юмны). Это воины и купцы, которых европейцы называли викинги. Но русы/росы для нашего летописца —

не все варяги вообще! Это для европейцев викинги — все скандинавы вообще, да и то пока они только купцы и бандиты. Дальше, веку к XI, их тоже начали отделять друг от друга, особенно когда речь шла о том, кто именно из скандинавов в Европе захватил те или иные территории.

Конечно, удобнее трактовать слова летописца «И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь» как свидетельство того, что эти братья пришли со своими семьями и дружинами — «дружинами гребцов». Но это *мы* навязываем летописному тексту свое видение. Летописец-то русь воспринимал как целый народ наряду с прочими скандинавскими народами. Нам же почему-то представляется, что и речи не может идти о переселении на новое место целого племени, состоявшего из нескольких родов. Хотя почти что в «наше» время, при Екатерине II, в российские степи пришел *целый народ* — калмыки, и просил разрешения у царицы на вечное поселение на ее землях!

И у Людовика Благочестивого они называли себя «народ рос», а не шведы. Кстати, неплохо бы понять, как именно Людовик выяснил, что они шведы? Об этом в «Бертинских анналах» ничего толком не сказано. Но можно догадаться, что в разговоре с ними это выяснилось и по языку — скандинавскому, который наверняка при дворе Людовика кто-то знал, и по географическому положению их родины на Балтике, которая для людей Западной Европы эпохи Людовика Благочестивого вся воспринималась как шведская, если не вдаваться в подробности.

Так что если тогдашним «простоватым» эстонцам и финнам простительно было называть шведов и прочих скандинавов, налетавших на их земли грабительскими морскими шайками, единым понятием русы — «гребцы», то русский летописец такой наивностью не страдал. И вряд ли самоназвание этого народа восходило к тому же понятию «гребец»: это не звучит так гордо, как викинг.

И еще: с какой стати им говорить у Людовика Благочестивого, что «царь их по имени Хакан»? Похоже, что с

этим словом тоже произошла какая-то смысловая путаница. Сегодня все историки дружно утверждают, что Хакан, или Хаган — это другая форма тюркского слова Каган — «великий хан», высший властный титул степных народов. Все совершенно уверены, что он прижился на Руси еще в самые ее начальные времена, когда она непосредственно контактировала и даже подчинялась Хазарскому каганату. Сообщение «Бертинских анналов», к которому мы все время обращаемся, датировано 839 годом. Никакой Киевской Руси — Руси дома Рюрика — еще не было и в помине, ведь и самого Рюрика призвали, согласно «Повести временных лет», только в 862 году. А тут, понимаете ли, послы от какого-то народа Рос, у которого властитель — Хакан, то есть Великий Хан! И послы эти — шведы! Ничего не понятно

Можно, конечно, высказать несколько предположений сугубо гипотетического характера. Например, такое: в Поднепровье существовала *Рось Днепровская* (о чем мы говорили выше) — аланское (ясское) племенное объединение, дружинный слой в котором включал в себя каких-то скандинавов и глава которого по степному обычаю величал себя Каганом — Хаканом в противовес Хазарскому каганату. Именно с ним — только по времени! — можно отождествить сообщение о нашествии на Амастриду, изображенное в «Житии Георгия Амастридского» (780–840), но там росы изображены как народ совершенно варварский и бесчеловечный [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 90–91]. Под такое определение, кстати, вполне могли подойти и русы (аланы) из *Руси Причерноморской*, существование которой предполагает В.В. Грицков. Так что о каких-то послах, что от тех, что от других, в Византию, а оттуда — к Людовику Благочестивому не может быть и речи.

Более обстоятельным описанием народа рос мы обязаны византийскому патриарху Фотию, говорившему о нападении этого народа на Константинополь в 860 году, но уже к 867 году ставшим «подданным и дружественным» Византии [то же, с. 93]. И в это время в принципе можно было

бы представить себе отправку посольства из Византии на запад, в составе которого были представители народа рос. Но посольство-то, описанное в «Бертинских анналах», состоялось в 839 году. Не было тогда на Днепре или в Причерноморье «подданных и дружественных» Византии росов!

Но уже была некая Руссия — Ругия на Дунае, вполне цивилизованное по тем временам образование, торговавшее с Баварской маркой, о котором мы не раз говорили выше. Вот от них могли быть послы и к императору Византии, а от него — к императору Людовику Благочестивому. И понятно, что послы эти могли попросить, чтобы им помогли добраться до дома кружным путем, ибо на Среднем Дунае, через который им предстояло ехать из Византии на родину, бесчинствовали пришедшие в Паннонию угры. И говорить эти послы могли на «шведском» языке, так как и в этой Руси дружинный и купеческий слой состоял в основном из скандинавов. Одно тогда непонятно: почему их государь называется Хакан?

Спасти эту гипотезу может такое предположение: не надо отождествлять понятие Хакан (Хаган) с понятием Каган (Великий Хан). Это два *абсолютно разные* по смыслу слова, и роднит их только некоторое созвучие. А на самом деле Хакан россов — это скандинавское имя Хегни — Хакон — Хаген, прекрасно известное и в самой Скандинавии, и в разных вариантах — во всей германоязычной Европе, зато совершенно неизвестное до некоторых пор в Византии. У этого имени есть осмысленный перевод — «одноглазый». Это одно из многочисленных сакральных, маскирующих настоящее имя, прозвищ бога Одина, свидетельствующих о его мудрости (за которую, согласно «Эдде», он и расплатился одним глазом). Так вот, можно предположить, что в какой-то период времени среди некоторых германоязычных народов это имя превратилось в почетный титул правителя, подобно тому, как в позднем Риме таким титулом стало имя Цезарь — Кесарь. А может быть, и это предположение излишне, и просто имя правителя Руси в то конкретное время было Хакон, весьма

популярное среди скандинавских конунгов, как нетрудно убедиться, читая скандинавские саги. Византийцы же этого просто не поняли и, представляя его послов Людовику Благочестивому, нагородили бог знает что. Тогда все становится на свои места!

Ну а как быть с Рюриком и пришедшими с ним и его братьями «всеми их родами» и вообще «всей русью»? Даже если это не весь какой-то народ, то есть какое-то скандинавское или скандинаво-западнославянское племя, а только его «дружинный слой», на будущей Руси они стали, так сказать, наследственной дружинной аристократией при доме Рюрика. И у русских князей этого дома, судя по летописям, их уже не путали с варягами — скандинавами-наемниками, услугами которых продолжали пользоваться. Большинство современных историков России уже не спорит с тем, что именно русь, пришедшая в восточнославянские земли, способствовала сложению здесь раннегосударственной структуры, вытеснив или просто физически выбив бывшую племенную верхушку и тем самым разрушив традиционные родоплеменные отношения восточнославянского мира. Во главе с князем она ходила по славянским племенам «полюдьем», как об этом сообщает Константин VII Багрянородный (905–959) в трактате «Об управлении империей» [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, с. 96–98]. Если сравнить это описание с тем, что даст Снорри Стурлуссон (XIII век) в своем «Круге земном», рассказывая о ранних норвежских конунгах того же IX века, то картина получится почти точно такая же: и там конунг с дружиной всю зиму перемещается по всей подвластной ему территории, собирает дань и кормится у местного населения. И если он ведет себя в рамках традиционных правил взаимоотношений, его с почетом встречают и провожают. Похоже, что эта схема отношений прижилась на славянской земле и до поры до времени работала без сбоев.

От себя же можем добавить: имя народа и страны Русь потому так легко привилось на этой территории, что, ско-

рее всего, по *чисто случайным* обстоятельствам оказалось созвучным слову *рос* — бывшему когда-то на огромных просторах Причерноморских степей и в Поднепровье этнонимом аланского племени, или даже крупного племенного объединения времен Великого переселения народов, и не забытому там еще и в VIII–IX веках.

Так что же, только мы одни обратили внимание на это обстоятельство? Конечно, нет! Как мы говорили в начале главы, В.А. Брим выдвигал гипотезу о двойственном, северном и южном, происхождении Руси. Эту теорию развивал в своих трудах Г.В. Вернадский, который был уверен, что историческая Русь — результат слияния славян и алан-росов, а роль скандинавского влияния на это объединение была минимальна [Вернадский, 1996].

А.П. Новосельцев считал, что в тех походах на страны Средней Азии и Закавказья, о которых упоминают арабоязычные авторы как о событиях VI века и в которых упомянуты русы, имеется в виду ираноязычный народ Предкавказья, возможно, связанный с южными славянами [Новосельцев, 1965]. В принципе, об этом же говорит и В.В. Грицков. Короче, наша точка зрения не нова в истории.

КОЕ-ЧТО О ГЛУБИНАХ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Но не только современные историки с интересом относились к идее родственности славян, русов-скандинавов, степных росов, да и вообще народов Восточной Европы.

Существовал когда-то некий странный документ — так называемая «Иоакимова летопись». Из русских историков ее знал (и пространно цитировал) только Татищев. После него она пропала, поэтому многие исследователи считают, что сама эта летопись — просто фальсификация. Сам Иоаким — фигура историческая. Это первый епископ Новгородский и Псковский, родом курсунянин (то есть из Херсонеса), живший при Владимире Святославиче и скон-

чавшийся в 1030 году, то есть лет за 120 до Нестора (признанного автора-составителя «Повести временных лет»). Некоторые считают, что если эта летопись и существовала, то в любом случае это поздняя компиляция каких-то, может быть, очень древних документов неясного происхождения [Янин, 1984].

Так вот, если верить Татищеву, «Иоаким» (будем помнить о сугубой условности этого авторства) в своей летописи о начале славяно-русского государства сообщает следующее:

«По разделении сынов и внуков Яфетовых один из князей Славен с братом Скифом, многие имея войны на Востоке, обратились к Западу и тут, многие земли по Черному морю и Дунаю покорив, народ прозвали по своим именам Славянами и Скифами. Потом Славен, оставя во Фракии и Иллирии сына своего князя Бастарна, пошел на Север, где построил Великий Город, назвав его в свою честь СЛАВЕНСК, не в дальнем расстоянии от Новгорода, у озера Ильмень находящегося. По построении сего великого города он умер, оставив сынов и внуков, коих род 14 поколений продолжался [около 350 лет. — Авт.] и народом владел, а последний из этого рода князь Вандал, ходя походом на соседние народы, многие земли завоевал и, покорив себе многие народы, вернулся в свой великий град Славенск.

Заметим попутно: Словен построил город в 3099 году от Адама — по «Иоакиму», стало быть, Вандал жил около 3450 года от Адама. Если Христос родился через 5509 лет после Адама, то Словен строил город в 1510 году до н. э. Средний бронзовый век, между прочим!

Через некоторое время он послал подвластных ему князей и свойственников Гордорика и Гунигара на Запад с большим войском славян, руси и чуди, которые, многие земли завоевав, к нему не возвратились, чем Вандал был весьма раздосадован. Тогда он пошел на ослушников и по-

корил себе все ими завоеванные земли, разделив их между сыновьями своими ИЗБОРОМ, ВЛАДИМИРОМ и СТОЛПОСВЯТОМ. В их честь были построены города ИЗБОРСК, ВЛАДИМИР и СТОЛПОСВЯТОВ, из коих два первых находятся в Псковской области. Изборск и поныне сохраняет каменную стену на великом холме. А Владимир обратился уже в село Владимирец, где, однако же, древний вал и ныне виден. О месте же, где находился Столпосвятов, точно неизвестно. Но известно, что город Осташков ранее назывался Столбовым. Сам же Вандал жил в Славенске до самой кончины, когда власть перешла к Избору, а по смерти его и Столпосвята наследовал Владимир. После него княжили сыновья его и внуки до князя Буривого (в девятом поколении от Владимира).

Буривой — отец Гостомысла, должен был жить в IX веке по Рождеству Христову, а стало быть, 9 поколений от Владимира до Буривого правили в течение 29 веков, примерно с 3450 по примерно же 6300 год (от Адама). Многовато, пожалуй!

«Буривой имел тяжскую войну с варягами и умер в городе Корелы /Кексгольм/. После него наследовал сын его Гостомысл, Рюриков дед, муж храбрый и мудрый. Гостомысл имел 4 сыновей и 3 дочери, но сыновья погибли еще при жизни отца. А власть перешла к Рюрику, сыну средней дочери Умилы».

По немецким источникам, Гостомысл был князем славян-ободритов и погиб в бою с немцами в 844 году. Из-за натиска немцев часть племени по морю ушла в Ладогу и потом поселилась у озера Ильмень. Неплохой «претендент» на русь, которая «из варягов»! И не зря, между прочим, потом эту самую Ладогу у нее (у руси) пытаются отбить другие скандинавы: место для контроля за торговлей по всему Восточному пути (Аустрвегр — как он называется у скандинавов) выгоднейшее!

«Шведский писатель Лакцений в главе 40 показывает, что

славяне из Вандалии в Северную Русь около 550 лет по Христе пришли. Всю Европу повоевав безсумненно письмо имели и с собою в Русь принесли» [Татищев, т. 1, 1962, с. 96]. Дата лет на 300 старше археологически подтверждаемого, если считать, что речь идет именно о руси Рюрика, а вот если речь идет о западных славянах и их перемещении в земли Приильменя — тех, которые принесли культуру длинных курганов (см. предыдущую главу), то и археологически — самый раз! Но вновь вернемся к тексту «Иоакима»:

«Однако с бегом времени из-за болезней и войн запустел и исчез град тот Словенск Великий — заросло все лесом, а насельники разошлись по всем местам. И жили каждый, как хотел, и не имеем мы вести о том времени до времен Александра Македонского. Во времена же Александра Македонского, сына Филиппова, княжили у словен 3 князя: первый — Великосан, второй — Асан, третий Авенхасан. И послал Александр Македонский к князьям словенским грамоту, желая владеть словенским народом».

Далее много чего еще сообщает нам «Иоаким», пока не добирается, наконец, до собственно летописных времен. Ну, и как ко всему этому надо относиться? Ведь понятно, что это — фантастический сюжет. Но что за ним стоит? Только желание русского летописца («Иоакима» или Татищева — неважно) углубить историю славян и руси до библейских времен? Да, этим страдали многие историки древности и средневековья. Например Иордан, римский писатель VI века готского происхождения, которого мы вспоминали выше по этому же поводу. Он свою историю готов назвал не «Готика», а «Гетика», поскольку привязал в ней историю готов к гетам — известному фракийскому племени, чья история действительно прописана в древность гораздо глубже, чем история готов. В итоге получился очень запутанный текст, в котором трудами многих исследователей была отделена часть историческая от легендарной.

«Историй» и историков подобного рода в средневековье и даже в Новое время существовало множество. В.В. Седов в книге, на которую мы так часто ссылаемся, привел большой перечень авторов — с античности до нашего времени — писавших об истории славян. При этом он вкратце изложил точку зрения большинства из них [Седов, 1994, с. 5–60]. Читая этот перечень, убеждаешься в том, что человеческая фантазия, и вообще способность на грандиозные обобщения, исходя из весьма скромной информации, воистину безгранична. Кого только не объявляли славянами и с кем только их не роднили!

А генеалогические легенды — им же нет конца! И некоторые из них поразительно живучи. Ну, например, польский автор XIII века Богухвал утверждал, что славяне родом из Паннонии, то есть со Среднего Дуная (большинство историков тоже так считало), и уводили их оттуда три брата — Чех, Лех и Рус. Куда они «своих» привели и поселили — понятно: в Чехию, Польшу и Русь. Так вот, этот сюжет оказался поразительно устойчивым, особенно среди польских средневековых историков. Мацей Меховский, автор конца XV — начала XVI века, тоже пишет, что русы происходят от Руса, брата Чеха и Леха, и все они пришли из Иллирии.

Так что наш «Иоаким» не одинок. И в том, что углубляет историю славян в бронзовый век, и в том, что привязывает ее к истории скифов, о древности которых он знает из античных источников, и в том, что соединяет ее с Александром Македонским, делая славянских князей чуть ли не равными партнерами величайшего завоевателя античности и приобщая их тем самым к его славе. И с вандалами славян он тоже роднит не зря: они тоже прославились как блестящие завоеватели. Да и вообще с ними все не просто. Кое-кто из позднесредневековых историков уверен, что вандалы — славяне, а не германцы, или «онемеченные» венеды — венды. Вспомните приведенную выше цитату из Татищева, который, в свою очередь, цитирует Лакция.

Так же считал Мауро Орбини, ссылаясь при этом на более ранних авторов. Он приводил даже вандало-славянский словарь, из которого следует, что вандалы говорили на славянском языке. И вообще этот автор, живший в конце XVI — начале XVII века, был, наверное, первый в истории «панславист», утверждавший — опять-таки, с ссылкой на многочисленных авторов — что славяне — это и готы, и геты, и вандалы, и иллирики, и аланы, и сарматы, и скифы, и авары, и вообще все те, кто в разные периоды истории прославились своей воинственностью и покорили множество стран и народов. Его работа — грандиозная компиляция источников и не менее грандиозная спекуляция на тему о славе и величии славян [Орбини, 1722]. В этом, пожалуй, никто из известных сегодня средневековых «донаучных» историков его не «превзошел».

Заметим попутно, что в наше сутубо научное время снова появляются авторы, считающие себя учеными-историками и строящие при этом якобы научные «Истории» чего угодно, в том числе Руси и славян, на фоне «исторических» построений которых Мауро Орбини — любимый их предшественник — смотрится просто наивным мальчишкой. Но на эту тему стоит поговорить отдельно.

Итак, возвращаясь к «Иоакиму», хотелось бы понять: что дало ему, как и многим-многим другим, моральное право на такие беззастенчивые спекуляции? Или он совсем не понимал, что делает? Думается, что это не совсем так. В какой-то былинной ли, сказительской ли среде на Руси в его время ходили, возможно, какие-то сюжеты — почти мифологические, мифо-эпические — еще не стертые христианством до конца. Мы видим слабый их отголосок в знаменитом «Слове о полку Игореве», в словах о «диве», о «временах трояновых», о «готских десах», вспоминающих «время бусово». Нам это почти ни о чем не говорит — уж слишком все отрывочно, да и поминается мимоходом, как намек на то, что *знает* современный автору «Слова» слушатель. Но, значит, слушатель даже XII века что-то такое знал, о чем мы не имеем ни малейшего представления!

«Иоаким» же — тот автор, который составлял эту компиляцию — мог иметь в своем распоряжении и более древние источники. Может быть, тогда древних эпических сюжетов в народе бродило неизмеримо больше, чем мы сейчас можем себе представить? И именно из них он почерпнул нечто, уходящее в мифо-эпическое время если и не индоевропейского единства, то, по крайней мере, арийского — ирано-славяно-балто-германского? А уж потом попытался все это связать с известной ему античной литературой?

И так поступал не он один. Чуть ли не все летописцы, и не только русские, начинали свои летописи или биографии знаменитых людей древности от Адама, или Ноя, или его детей, или от Вавилонского столпотворения. Ведь Нестор, признанный автор-составитель «Повести временных лет», к которому у нас принято относиться очень серьезно, делал то же самое. Но современные историки считают, что они могут отделить легендарную часть его труда от собственно исторической. А всегда ли это можно сделать безошибочно?

Взять хотя бы уже приведенное нами его перечисление народов «Иафетова колена». Еще раз процитируем:

«...По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку до предела Симова, по тому же морю сидят и к западу до земли Английской и до Волошской. Иафетово колено также: варяги, свеи, урмане, готы, русь, англы, галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, ти же сидят от запада до юга и соседят с племенем Хамовым...»

«...Когда же волохи напали на словен дунайских, и сели среди них и насилие творили им, словене эти пришли, сев на Висле, и прозвались ляхи, а от тех ляхов прозвались поляне, другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне».

Мы уже обращали внимание читателя на присутствие в этом списке *готов* в одном ряду с другими народами и го-

ворили о том, что для времен автора «Повести временных лет» это — явный анахронизм, лет этак на 500, даже если говорить не о его собственном времени, а о том, в которое он помещает «призвание варягов». Но это не единственный анахронизм, есть и другие. Кто такие «галичане, волхва»? В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский считают, что галичане — это кельты испанской Галиции, а волхва, или волохи — это франки [Петрухин, Раевский, 1998, с. 232].

С определением галичан все верно: это одно из самых распространенных племенных наименований на кельтских территориях с древности — галлы, гэлы. Топонимы, связанные с этим этнонимом, «оконтуривают» все бывшие кельтские земли: от Галиции в Испании до Галиции в Польше. Но и волохи в славянских и германских (велхи — в скандинавских) языках тоже кельты! И тоже понятно — почему. Это распространенный кельтский этноним — валлийцы, валлоны — на материке, вэлы (уэльсцы) — на Британских островах. Именно с этим именем они вошли в некоторые скандинавские саги и в «Эдду». Так что в «Повести временных лет» они в космографическом списке стоят на своем «законном» месте, рядом с галичанами и до римлян.

Очень важно, что именно «до» римлян и *отдельно* от них. Ибо цитируемые нами выше историки утверждают, что, согласно средневековой европейской письменной традиции, волхвы-волохи-влахи если и кельты, то романизированные, или просто итальянцы, или даже романизированные балканцы — румыны. Тогда на каком основании названные авторы утверждают, что волхва, волохи — франки? Тем более что они сами говорят, что корлязи — это Каролинги, то есть опять-таки — франкская держава! А на том основании, что далее летописец говорит: «Когда же волохи напали на словен дунайских, и сели среди них и насилие творили им, словене эти пришли, сев на Висле, и прозвались ляхи».

Так вот, В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский считают, что речь здесь идет о разгроме Карлом Великим Аварского ка-

ганата на Среднем Дунае в конце VIII века, основным этническим населением которого были дунайские славяне. Но дело в том, что славянам-то это пошло только на пользу. В «Повести временных лет» с явным злорадством говорится о том, что обры (авары) в конце концов погибли, и следа от них не осталось. Франки не «сели» среди славян на Дунае, последние стали населением лишь зависимой от империи Паннонской приграничной маркой, в которую входила, по-видимому, и упомянутая выше Русская марка. Не вошли в империю и земли западных славян. К тому же летописец прямо называет своим именем римлян наряду с корлязями. Так что нет у нас причин считать, что упомянутые в «Повести временных лет» волохи — это франки.

Ну а кто же они тогда? Да все те же кельты, скорее всего. Но, чтобы согласиться с этим, надо представить себе, что в этой части «Повести временных лет» описаны события последних веков до Рождества Христова. И придунайские славяне здесь — известные именно в то время *венеды*, то ли самые ранние славяне — праславяне, то ли поздние иллирийцы, то ли на самом деле это одно и то же, о чем мы говорили в предыдущей главе. И тогда же мы говорили о том, что в это же время, судя по археологическим данным, начиналась бурная экспансия кельтов на восток (эпоха распространения латенской археологической культуры). Они занимали и Средний Дунай, и земли севернее Карпат, участвуя в сложении пшеворской культуры, которая, как читатель помнит, многими считается раннеславянской. И тогда же происходил отток населения из этих мест на восток, в Побужье, Поднестровье и даже Поднепровье (распространение зарубинецкой культуры). В общем, все прекрасно увязывается с текстом «Повести временных лет»! «Сели» волохи на Дунае, и начали творить насилие над словенами, а те и подались на восток, на Вислу. Да и вообще понятие «волох», «волхв», известно на Руси очень широко. И это неудивительно: из археологии мы знаем, что отдельные группы кельтов еще на рубеже эр проникали

глубоко на раннеславянские территории вплоть до Поднепровья и вошли даже в состав черняховской культуры (см. предыдущую главу). Если уж даже на археологическом уровне это можно зафиксировать, значит, их действительно было немало!

Примерно так рассуждал чешский историк П.И. Шафарик (1795–1861). Для своего времени он поразительно точно определил, что славяне — соседи кельтов, германцев, литовцев и фракийцев. Правда, он считал, что геродотовы скифы, нсвры, будины — тоже ветвь славян. Ныне же уже доказано, что североиранские кочевые народы внесли свой вклад в раннеславянскую культуру Приднепровья. Так вот, Шафарик считал, что в IV веке до н. э. *под давлением кельтов* славяне из Паннонии и Иллирии (то есть со Среднего и Нижнего Дуная) переселились к своим сородичам за Карпаты. И именно это и описано у Нестора в «Повести временных лет» [Седов, 1994, с. 18]. Шафарика не смущало, что эти события отстоят от времен Нестора более чем на полторы тысячи лет!

Существует и еще одна точка зрения на то, кого можно понимать под волхвами (волохами, влахами) древних летописей. Они ведь присутствуют, например, у польского автора магистра Винцентия Кадлубека (конец XII века) в его «Польской истории». Он считает, что славянская прародина — в Паннонии, но после нападения на славян *влахов* они расселились в Закарпатье вплоть до Дании и России [Седов, 1994, с. 9]. Так вот, как мы говорили выше, считается, что под влахами подразумеваются римляне. А.В. Назаренко пишет, что в древневерхненемецком понятие *walcho* означает «говорящий на романском языке, итальянец» [Назаренко, 1982, с. 89]. И тут же предлагает сравнить это со славянским словом валх/влах и напоминает о былинном персонаже Волхе Всеславиче. Правда, в другом месте этой же статьи он оговаривается, что «в регенсбургском квартале «*inter Latinos*» = «*under Wallhen*» <> обитали купцы, торгующие с Италией (или, может быть, Валлонией)» [Назаренко, 1982, с. 110]. Вот это последнее

предположение выглядит логичным. Валлония — это кельтская территория, частично входившая в территорию современной Бельгии.

Что же касается того, кто на Руси понимался под именем *волх/волхв*, то это действительно интересно. В русской народной памяти это понятие прочно связано с понятием «мудрец, провидец, колдун», причем обязательно языческий, дохристианский и даже *антихристианский*. Вспомним: после крещения Руси князья всячески боролись с влиянием волхвов на народ. Дело доходило до физического их уничтожения, ибо это влияние, особенно в северных провинциях Руси, было велико еще и в XII—XIII веках. Причем почему-то принято считать, что волхвы — это колдуны финского происхождения. Финнов, кстати, считали колдунами и скандинавы, судя по сагам. Все это вполне возможно и даже логично: христианство действительно с громадным трудом прививалось на севере Восточной Европе, особенно в аборигенной среде. Но почему в понимании русских людей это именно *волхвы*? Откуда такая связь между мудрецом, колдуном и этнонимом одного из кельтских племен?

Можно себе представить следующее. Волхвы на Руси — это «обрусевшие» кельтские жрецы-друиды, решительно не принявшие христианства и ушедшие на восток из бурно христианизировавшейся Европы. До поры до времени они чувствовали себя на своем месте в языческой славянской среде. Но христианизация настигла их и здесь. И они уходили все дальше и дальше на восток и на север, из века в век теряя влияние в народе, пока, наконец, не погибли физически или не растворились в народной среде, превратившись в деревенских знахарей, точнее, слившись с такими же местными.

Так что мешает современным историкам (в том числе и нам самим) принять всерьез версию о волохах-кельтах, «севших» на Дунае среди славян? Этому препятствуют, как минимум, два обстоятельства. Первое заключается в том,

что в целом события ранней славянской истории, описанные в «Повести временных лет», лучше всего увязываются с тем, что происходило в Европе уже *после* Великого переселения народов, то есть примерно с VI по X век. И пусть Нестор излагает все это не в строгой последовательности и изложение это преследует определенные идеологические цели — все равно в этом можно разобраться, сравнивая текст «Повести временных лет» с многочисленными византийскими и западноевропейскими хрониками. Чем, собственно, историки славянства и Руси уже третье столетие и занимаются, но, как мы могли убедиться, до окончательного успеха на этом поприще пока далеко. Тем не менее некий порядок событий, связанный с расселением народов в бассейне Дуная, все-таки просматривается. Изложим его в самом обобщенном виде, как извлечение из современных исторических работ, не претендуя на высокую точность.

Итак, вслед за славянами (антами), расселившимися по Нижнему и Среднему Дунаю в V—VI веках, на Нижний Дунай пришли «белые угры» — союзники византийского Ираклия в его борьбе с Хосровом — начало VII века. Потом сюда же пришли «от хазар» и поселились болгары — конец VII века. Примерно в это же время чуть ли не на всю славянскую территорию «навалились» авары. Их владычество распространилось на огромную территорию, в том числе на весь Средний и Нижний Дунай — VII — начало VIII века. Постепенно, в непрерывных войнах, аварский каганат слабел, и в VIII веке его добил на Дунае Карл Великий. Появилась зависимая от Каролингской империи Паннонская марка. Вот к этому моменту, как считают В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский, и нужно относить слова «Повести временных лет» о приходе на Дунай волохов и творимом ими над славянами насилии, от которого последние и ушли на Вислу.

Стало быть, волохи «Повести временных лет» — действительно, франки эпохи Каролингов? Тут не должно быть сомнений, тем более, что: «угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривши я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска».

[Цит. «Повесть временных лет» по: Петрухин, Раевский, 1998, с. 251]. Эта фраза все увязывает, так как, действительно, в IX веке в Паннонию вторглись «черные угры» — мадьяры, прогнали оттуда франков и расселились на территории, ставшей собственно Венгрией. Все абсолютно ясно!

К сожалению, не все. Беда в том, что летописец излагает всю эту историю вовсе не так последовательно, как это делаем мы. Выше мы изложили *современное* видение событий. Нестор же сообщает о них в нескольких *разных* местах летописи, и по *разным поводам*.

Так, история о том, как «спустя много времени сели словени по Дунаю... И от тех словен разошлись по земле и прозвались именами своими, от мест на которых сели. Так одни, пришедши, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие нареклись чехами... Когда же волохи напали на словен дунайских, и сели среди них и насилие творили им...» и т.д., рассказывается в том месте летописи, где рассматривается вся история расселения потомков Иафета. В сущности это «праистория», то есть ее эпическая, легендарная часть. А вот история более поздняя:

«Когда же словенский язык <...> жил на Дунае, пришли от скифов, т. е. от хазар, так называемые болгары и сели по Дунаю, и были поселенцами в земле словен. Потом пришли угры белые и наследовали землю словенскую. Эти угры появились при Ираклии царе, и ходили на Хосрова, царя персидского. В те же времена были и обры, что ходили на Ираклия царя...» — и дальше все про обров, как они «примучивали» дулебов, а потом сгинули. Это уже вроде бы определимая во времени история, как мы говорили выше — VII век. Но в ней, увы, не все в порядке. «Белые угры», то есть в сущности роксоланы, возможно, выходцы из ранней Хазарии, и союзники Ираклия в его борьбе с Хосровом, не «наследовали землю словенскую»! А сделали это «черные угры» — мадьяры, и только в IX веке, о чем мы уже говорили. Силились тут у летописца два события в одно.

А вот текст — «после обров пришли печенеги, а затем

прошли угры черные мимо Киева, уже после — при Олеге» — говорит о том, что черных угров летописец знает, и даже знает, когда они пришли — в IX веке.

Наконец, тот приведенный нами текст, в котором говорится, что «угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривши я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска», относится к другой идее летописи, которая объясняет, почему та или иная земля называется тем или иным именем. И каких именно угров в данном случае имел в виду летописец — совсем неясно. В результате, как может убедиться читатель, нельзя однозначно расставить во времени все упомянутые в летописи события, и не только те, о которых мы только что говорили, но и многие другие, особенно в той части летописи, которая повествует о временах легендарных. Именно это обстоятельство доставляет массу хлопот исследователям, в том числе и в вопросе отождествления летописных этнонимов с известными из других источников народами.

Так вот, если в первой из приведенных здесь цитат летописец *действительно* говорит о самой ранней, эпической части истории славян, то тогда волохи — это кельты. Если считать, что, говоря о том, что угры изгнали волохов и сели на славянские земли, он имел в виду «белых угров», то тогда волохи — ромеи-византийцы, поскольку никаких кельтов к этому времени в Паннонии уже не было, а франков *еще* не было. Если же он подразумевал «черных угров», то тогда волохи — действительно франки. И это самый странный вариант рассуждений, поскольку Нестор называет их при перечислении потомков Иафета «корлязи» и, кроме того, знает еще и немцев, и фрягов — то есть все известные в истории этнонимы, которые в разное время отождествлялись с франкской державой.

Но не только все эти соображения мешают нам считать несторовских волохов кельтами. Это — лишь первое обстоятельство. Второе, психологически более глубокое, заключается в том, что мы не представляем себе, как глубоко может уходить в прошедшее время память «бесписьменно-

го» народа. Мы не знаем, где кончается собственно история и начинается эпос и где эпос переходит в чистый миф. Эта загадка касается, естественно, не только славянской, но и истории любого другого народа мира.

Между тем практически любая народная традиция — там, где она зафиксирована документально — дает эту «схему строения» народной памяти. Двигаясь по истории назад, мы как-то плавно и незаметно погружаемся в эпическое время, где действующие лица укрупняются, превращаются в великих героев или мудрецов. Именно в эти времена начинают складываться народы — потомки или соратники героев-родоначальников, всех этих Эллинов, Пеласгов, Чехов, Лехов, Вандалов, Русов, Одинов, Гэсэров и прочих — несть им числа. Но и эпические времена — не конец истории, поскольку они также плавно переходят во времена мифические, и никаких жестких границ между ними нет. В эти времена главные фигуры повествований укрупняются до космических, вселенских масштабов, превращаясь в богов. Их деяния — это уже борьба за власть над миром, попытка установить в нем некий свой порядок. И это уже *понятный людям* порядок, ибо все, что было до него — хаос, то есть то, что людям непонятно и потому враждебно. Самые же ранние из великих эпических героев действуют на фоне деяний богов, и иногда прямо в них участвуют, поэтому и невозможно провести четкую границу между мифическим временем и эпическим, равно как, впрочем, между эпическим и историческим.

Приходится признать, что за такой «конструкцией» истории стоит «конструкция» человеческого мышления. С течением тысячелетий человечество копит свой опыт, опыт своей коллективной жизни, и *обобщает* его. И это правильно: в конце концов, человеческое мышление — это инструмент выживания в мире, и, чтобы этот инструмент «работал», нужно, чтобы у него была своя «модель мира». Вот эта модель и строится, корректируется из века в век. И самые ранние, древние времена коллективной жизни, *обобщаясь* коллективной же памятью, проецируются уже

на строение Вселенной, всего мира. Обобщенные фигуры древних времен, сливаясь во тьме веков в одну или несколько наиболее ярких, *типичных*, или, как говорил Карл Г. Юнг, *архетипических*, превращаются в могучие силы мира — в богов, а собственная древнейшая история — в миф о становлении мира, в *космогонию*. Короче, это, как сказали бы философы, путь от *конкретного к абстрактному*. Да иначе и быть не может: человек — плоть от плоти мира живого на Земле, и у него за спиной ничего нет, кроме опыта собственной многотысячелетней жизни. Где же ему взять другую «модель мира», как не из этого опыта!

Но историкам-то от этого не легче, вот в чем беда! Они как раньше не знали, так и сейчас не знают, где нужно проводить грань между собственно историческим и эпическим временем в сказаниях, донесенных до ранних летописцев народной памятью. Хотя, конечно, некоторый прогресс в самой исторической мысли наблюдается. Если, скажем, Геродот (V век до н. э.) мог еще обсуждать с египетскими жрецами (с изрядной долей скепсиса, впрочем) вопрос о том, как давно правление страной в Греции или в Египте перешло от богов к первым великим людям, то уже Тациту или Плинию Старшему (I–II века н. э.) такое и в голову бы не пришло. А уж Аммиану Марцеллину (IV век н. э.) или Иордану (VI в.) и подавно. Правда, средневековые летописцы века до XIV традиционно начинали свои повествования от библейских персонажей и сюжетов типа Вавилонского столпотворения и многие исторические события объясняли проявлением воли Божьей, но все-таки это были люди духовного звания — им можно простить такой подход. Однако века с XVI эта тенденция исчезает, и ход истории начинают описывать как ряд естественно протекающих процессов. Но от *эпических* персонажей в качестве главных действующих лиц отказываться еще не желают! Они исчезают только в конце XVIII — начале XIX века, да и то не у всех историков.

И это понятно. Хотя история и становится все более ра-

циональной наукой, историки как XVIII, так и XX века не знают, на какой исторической глубине человеческая память собственную историю превращает в эпос! Живой, хрестоматийный, можно сказать, пример — знаменитый Троянский цикл. Архсологи считают, что троянская война, окончившаяся разрушением Трои, действительно была, и ее время — 1200—1100-е годы до н. э. Считается также, что Гомер жил веке в VIII до н. э., и не позже чем веке в VII, то есть лет через сто, его «Илиада» и «Одиссея» были записаны. Стало быть, лет 500—600 люди события такого масштаба помнят, точнее, *тогда* помнили. Но ведь Троянский цикл — чистейшей воды эпос, прямо переходящий в миф! Что в нем *исторического*, кроме самого факта падения Трои? Да и одна ли эпопея в нем описана? Некоторые историки уже задавались вопросами: почему Троя называется то Троей, то Илионом? Почему осаждающие ее греки именуются то ахейцами, то аргивянами, то данайцами? Может быть, гомеровская эпопея — результат слияния в народной памяти как минимум двух балкано-малоазийских войн? Никакого аргументированного ответа на этот вопрос нет.

Ну а греческие этногенетические мифы? Скажем, Пеласг, прародитель пеласгов — древнейшего населения Греции, рожден самой землей, согласно ранней версии в греческой мифологии [*Мифы народов мира*, т. 2, с. 297]. Говорит ли это нам о чем-нибудь? Конечно! Это мифическое подтверждение того, что народ с таким именем был аборигенным для индоевропейских пришельцев-прагреков. А Эллин, сын Девкалиона и Пирры, внук Прометея, отец Эола, Дора и Ксуфа, мифических родоначальников главных греческих племен [то же, т. 2, с. 660]. О чем это говорит? Да о том, что греки помнили свое происхождение от *единых* предков. А если вспомнить, что Девкалион и Пирра — единственные люди, пережившие потоп, и что греческий миф о потопе в *главной* сюжетной линии повторяет библейский миф о потопе, который, в свою очередь, является вариантом древнего шумерского мифа [то же, т. 2, с. 325], то начинаешь думать о справедливости гипотезы,

согласно которой индоевропейская прародина находилась на Ближнем Востоке (см. главу 1).

К тому же можно вспомнить миф о Кадме, основателе города Фивы в Беотии, который попал на Балканы из Финикии [то же, т. 1, с. 607]. Или Даная, брата Египта, с его дочерьми — Данаидами, бежавшими на Балканы, в Аргос, от домогательств сыновей Египта [то же, т. 1, с. 349]. Понятно, что, как и все мифы такого рода, они содержат информацию о *главных* событиях своего народа, облеченную в сколь угодно замысловатую форму. И в данном конкретном случае можно говорить о достаточных мифологических (фольклорных) основаниях для предположения о приходе прагреческого этноса на Балканы с территории Ближнего Востока.

Так насколько древние события способна удержать народная память, пусть и в абсолютно мифической форме? Не будем увязать в вопросе о древности мифа о потопе. Этот миф в самых различных формах — из которых, впрочем, многие повторяются в разных частях света — известен огромному количеству народов мира, как в Старом, так и в Новом Свете [Фрэзер, 1989, с. 67–170]. На всякий случай напомним, что раскопки в Месопотамии показали, что на раннешумерийской стадии развития культуры (примерно в начале IV тысячелетия до н. э.) там действительно был грандиозный потоп, возможно, даже не один. Затопленная при этом площадь, по подсчетам археологов, составляла примерно 500×150 километров [Амальрик, Монгайт, 1966, с. 70–71]. И то, что у греков сохранился ближневосточный вариант этого мира, говорит лишь о каких-то древних контактах прагреческого этноса с ближневосточной семитической средой, где этот миф — свой «собственный». Сами же греческие этногенетические мифы сообщают о том, что греки «помнят себя» со времени прихода на Балканы. Остается выяснить, когда это было.

На этот вопрос помогает ответить археология. С XIX века ведутся раскопки на Балканах, в Малой Азии, на островах Средиземноморья. Публикации о результатах этих раскоп-

ках составляют библиотеки, и нам нет смысла на них останавливаться. К нашей теме относятся раскопки тех городов, с которыми связаны события и действующие лица, известные из греческой мифологии. Это — все та же Троя, критские Фест и Кносс, где правил знаменитый царь Минос, Микены, где правил не менее знаменитый Агамемнон, и многие другие города. Так вот, археологические исследования показывают, что так называемая крито-микенская культура, ко времени которой можно отнести главные события греческой мифологии, существовала примерно с 3000 по 1100 год до н. э. Ее конец связывают с периодом нашествия на Балканы новой волны мигрантов — дорийских племен [Блаватская, 1976].

Но ведь вот что для нас особенно интересно: до нас-то греческие мифо-эпические произведения дошли именно из культуры поздней, дорийской! А она, как мы говорили выше, «научилась писать» примерно в VII веке. И записывала она не только и не столько собственные, дорийские мифы, сколько мифы предыдущего этнического поколения — ахейского. И если считать, что ахейские этногенетические мифы, «помнящие» их приход на Балканы — об Эллине, о Данае, о Кадме и ряде других — связаны с началом крито-микенской культуры, то получается, что народная память способна хранить события более чем двухтысячелетней давности, что, прямо скажем, немало. А в эпос, как мы уже отмечали, начинают превращаться события уже 500—600-летней давности!

Такую скорость мифологизации исторических событий можно списать на архаичность мышления людей трехтысячелетней давности. Но рассмотрим мифо-эпическое наследие германских народов, особенно хорошо сохранившееся в письменных памятниках скандинавских стран. Древнейший из сохранившихся памятников — так называемая «Старшая Эдда» — собрание мифических и эпических текстов германцев. Как утверждают исследователи, если откинуть собственно мифологическую ее часть, то эпическая —

героическая — часть этого собрания имеет под собой реальную историческую основу и, что самое интересное, восходит ко временам не древнее, чем первые века нашей эры! А наиболее достоверная часть эпоса описывает времена Великого переселения народов и столкновения германских племен с гуннами. Поскольку считается, что запись этих текстов начинается века с IX—X, то, следовательно, можно утверждать, что народная память людей раннего средневековья способна удержать *главные* события своей истории в сравнительно достоверном изложении как минимум лет 500—600. А события большей давности из эпических начинают превращаться в почти мифические, то есть в дела героев начинают вмешиваться боги, да и сами герои тысячелетней давности рассматриваются уже как дети богов. Похоже, что средневековые германцы недалеко ушли по стилю мышления от древних греков!

Ну а как к этому народному наследию относятся сами средневековые историки германских народов — современники наших летописцев? Наиболее известный и яркий из них — исландец Снорри Стурлуссон, *живший* в XII—XIII веках. Он автор «Младшей Эдды» и «Круга земного». Собственно, историческим произведением можно считать это последнее, так как в нем излагается история Норвегии «с самого начала» и примерно до его времени. Так что, это не летопись, а именно «История», сопоставимая с первой частью несторовской «Повести временных лет».

Так вот, свою историю Снорри начинает тоже с мифических времен. Для него это не библейская мифология, хотя он и христианин. Но он без особых сомнений предполагает, что боги германцев — Асы и Ваны, и история их войны и захвата власти в мире — это искаженная передача *очень древних*, но реальных исторических событий, касающихся предков германских, точнее, скандинавских народов. И именно так, вполне «приземленно», он излагает историю «народа Асов», жившего когда-то за Доном, на востоке, и долго воевавшего с «народом Ванов», жившего западнее Дона. В конце концов, воевать им надоело, они

помирились и обменялись заложниками. А некоторое время спустя часть Асов во главе с их великим вождем, могучим магом и чародеем Одином, переселилась со старой родины на юг Скандинавии. Все главные вожди этого народа — позже обожествленные народной памятью — в конце концов, умерли, но народом стали править их потомки, считавшиеся родоначальниками нескольких династий скандинавских конунгов. И что особенно интересно: сохранились списки конунгов, начинающиеся от Одина и Фрейра, родоначальников разных династий, и — через тридцать поколений — до конунгов X века!

Ну, и чем такая история хуже разных славянских, ведущих свое начало от Чеха, Леха, Руса, Вандаля и прочих? Пожалуй, она даже лучше, поскольку Снорри, в отличие от средневековых авторов славянских «Историй», не придумывает имен родоначальников германских народов в духе «народной этимологии», а просто *рационализирует* германский мифологический цикл, выбрасывая из него почти все (но не все!) сверхъестественное и приводя все события древнейшей истории в соответствие с известной ему географией. Правда, тут возникает замечательная, волнующая загадка: что заставляет его выводить германских обожествленных предводителей именно из задонских степей? Ведь это же — прямое попадание в «десятку»: предки германцев, как и все индоевропейцы, кроме наиболее давно отколовшихся, *действительно* пришли в Европу из евразийских степей в начале эпохи бронзы, о чем мы говорили в предыдущей главе.

Спрашивается, Снорри Стурлуссон *сам* до этого додумался? Или он это вынес из каких-то мифических источников, которые до нас не дошли? Ни в «Старшей Эдде», ни в «Младшей» — его же собственном произведении — такого сюжета нет. Так откуда это взялось? Или они где-то были, и это чистая случайность, что до нас они не дошли: «Старшая Эдда», как известно, памятник далеко не полный. А если это действительно так, то, спрашивается, ка-

кова же истинная глубина народной памяти? Тут ведь речь должна идти о добрых трех тысячах лет!

Для полноты картины стоит упомянуть, что в «Младшей Эдде» представлен иной вариант этой же истории, причем весьма замысловатый. Там Асы под руководством Одина выходят из Трои, которая объявляется старейшим городом мира и вообще центром всех земель — Европы, Азии и Африки — а заодно и прародительницей всей мировой цивилизации. Асы здесь — мудрейшие из людей, которым при их движении на север сами покоряются все народы, а они несут им мир и благоденствие. Однако через какое-то время один из прямых потомков Асов — конунг Швеции Гюльви — решает выяснить, на чем зиждется могущество Асов на земле: может быть, на покровительстве богов, которым они поклоняются? И он тайно отправляется в Асгард (жилище Асов), чтобы разобраться в этом вопросе. Однако по дороге Асы насылают на него видение своих чертогов, в которые он якобы попадает и где видит их, восседающими на тронах. Он задает им вопросы, в ответах на которые излагается, по существу, вся основа германской мифической картины мира, известная отчасти и по «Старшей Эдде». В итоге Гюльви снова оказывается в чистом поле и возвращается в свое государство, где и рассказывает людям эту мифическую историю.

Но самый интересный пассаж Снорри заключается в последних словах истории: после ухода Гюльви Асы спешно решают, что же делать со всем тем, что они ему нагородили? И делают следующее [Стурлуссон, 1970, с. 96]:

«...и дали они те самые имена, что там упоминались (в историях, рассказанных Гюльви. — Прим. авт.), людям и разным местностям, что там были, с тем, чтобы по прошествии долгого времени никто не сомневался, что те, о ком было рассказано, и те, кто носил эти имена, это одни и те же Асы. Было тогда дано имя Тору, и это Аса-Тор Старый».

Воистину, замечательная трактовка того, *что есть мифология!* Это то, что людям рассказывают о себе их обоженных предки, — которые, по-видимому, не боги, но бессмертны и доступны некоторым из своих потомков! Они *сами* придумывают свою «праисторию», причем — истинно божественную, в которой они — творцы мира (!). А чтобы люди в ней не сомневались, тут же начинают эту выдумку «реализовывать на местности» в виде соответствующих топонимов и собственных имен. Похоже, что ничего подобного до Снорри Стурлуссона никто не придумал!

А может быть, не стоит уходить в такие глубины истории и искать пути и причины ее мифологизации человеческим мышлением? Может быть, все гораздо ближе по времени? История знает степной индоевропейский народ с именем Асы. Это — аланское племя, жившее в степях и в позднем средневековье, хорошо известное на Руси под именем *ясы*. Русь даже воевала с ними время от времени. Так, может быть, речь идет именно о них? И их войны с Ванами — это войны степняков с оседлыми венедами-славянами? Ведь не зря финны и эстонцы еще в наше время зовут русских *Vana*. И именно с ними воевали степняки-кочевники — скифы, сарматы, аланы — еще в первых веках до нашей эры. Правда, ясы — иранцы, а не германцы. И ни история, ни археология не имеют данных о том, что где-нибудь на рубеже эр какой-либо народ из степного пояса проникал в район Прибалтики, и уж подавно — в Скандинавию.

Однако есть странные археологические параллели между германцами — готами, принесшими с севера в ареал пшеворской и черняховской культур вельбарскую культуру, и иранской (скифо-сармато-аланской) культурой того же времени. Она, как читатель, может быть, помнит из предыдущей главы, тоже внесла свой немалый вклад в черняховскую культуру II–IV веков н. э. Так вот, В.В. Седов отмечает, что скифо-сарматская составляющая черняховской культуры выражается, помимо прочего, в том, что погребальный обряд у этих иранцев — трупоположение с се-

верной ориентировкой покойников, а не трупосожжение, как у пшеворцев — славян, но тут же добавляет, что такие же погребения есть и у готов — вельбарцев! И еще: погребения с подогнутыми или перекрещенными ногами — тоже иранская черта, но она же встречается и в Южной Скандинавии, и на Готланде, и на Нижней Висле, то есть на тех территориях, откуда вышли вельбарцы [Седов, 1994, с. 254–256]. Как тут не подумать, что на самом деле в германской (южноскандинавской) культуре есть пласт, занесенный из степи, и не в бронзовом веке, а значительно позже, незадолго до рубежа эр!

Так что, можно, конечно, попробовать «омолодить» народную память германцев до начала железного века, но нужны более серьезные доводы, чем те, что мы только что привели. Зато без этих доводов она уходит в эпоху бронзы, как и у древних греков, и ничего с этим не поделаешь! Впрочем, есть другой путь — считать, что «попадание в десятку» Снорри Стурлуссона — чистая случайность. И вся его «рационализация» германской мифологии с целью сведения ее до уровня этногенетического мифа — такая же беспочвенная фантазия, как и все прочие попытки такого рода.

Так как же после всего вышесказанного выглядят сообщения русских летописцев о начале русской или даже общеславянской истории? Похоже, что можно ручаться за достоверность *главных* событий ранней истории этих народов в пределах примерно 500–700 лет до времени составления первых записей этих событий. Все более древнее можно считать мифологическим обобщением, в котором проглядываются только общие контуры событий, а фигуры действующих лиц абсолютно вымышлены. В итоге, для нас все упирается в вопрос: когда, где и кем были сделаны первые записи событий славянской истории, которые попали в руки первых русских летописцев — того же Нестора, например. Но именно этого-то мы и не знаем! Мы знаем византийские источники, которыми он пользовался, но

мы не знаем, кто были его информаторами в собственно русской, славянской среде и как далеко зашла мифологизация тех событий ранней славянской истории, о которых он сообщает в своем произведении.

Надеемся, читатель понимает, что предположений, подобных тем, что мы высказали в адрес германской ранней истории, можно нагородить массу и в адрес славянской, и историческая ценность у них будет примерно одинакова. Поэтому не будем тратить на это время. Подведем итоги сказанному в этой главе. Они будут кратки. Мы до сих пор не имеем полностью аргументированного ответа на вопрос летописца «откуда есть пошла Русская земля», хотя сам летописец считал, что он же на него и ответил. Увы, это не так. Ранняя русская история, как мог убедиться читатель, не менее загадочна, чем история славян. И еще не одно поколение историков поседает, пытаясь эти загадки разгадать. Так что у всех нас есть время обо всем этом подумать.

ЛИТЕРАТУРА

- Weigt H «Ortsnamenbuch». Vol. 1. — Wien, 1964–1975.
- Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. — М., 1966.
- Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. — М., 1976.
- Вернадский Г.В. Древняя Русь. — М., 1996.
- Грицков В.В. Русы. Ч.1–5. — М. Изд. центр Русского исторического общества, 1992.
- Грицков В.В. Русы. Отдельные главы. — М. Изд. центр Русского исторического общества, 1993.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999.
- Записки восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Т. X, вып. 1–4. — СПб, 1897.
- Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I, с. 434. — Пгр, 1920.
- Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. Ч.1, 2, 3. — М.—Л., 1989–1990.

- Леонтьев А.Е.* Археология мери. — М., 1996.
- Ломоносов М.В.* Древняя российская история. — СПб, 1766.
- Мифы народов Мира. Т.1, 2. — М., 1994.
- Назаренко А.В.* Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX—XIV вв.). Бавария — Австрия // Древнейшие государства на территории СССР, 1982. — М., 1984.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX—XI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991. — М., 1994.
- Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965.
- Орбини Мауро.* Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. — СПб, 1722.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М., 1998.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. — М., 1967.
- Плетнева С.А.* Хазары. — М., 1986.
- Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. — М. — Л., 1941.
- Попов А.И.* Названия народов СССР. — Л., 1973.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. Археология СССР. — М., 1982.
- Седов В.В.* Славяне в древности. — М., 1994.
- Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. — М., 1995.
- Стурлуссон С.* Младшая Эдда. — Л., 1970.
- Татищев В.Н.* Собрание сочинений в восьми томах. Т.1. — М., 1994.
- Фрэзер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. — М., 1989.
- Янин В.Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев: о возможном источнике Иоакимовской летописи // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 7. — М., 1984.

КТО ВЫ, РУССКИЕ КНЯЗЬЯ?

Прежде чем начать разговор о русских князьях, хотим еще раз напомнить читателю о главных задачах нашего сочинения. Во-первых, мы хотим показать, что история Древней Руси полна загадок самого разного характера. Во-вторых, что историк, пытающийся эти загадки разрешить — несчастный исследователь, поскольку точно знает, что большинство из них так до конца разрешены и не будут. Наконец, в-третьих, мы хотим показать, *что именно* в исторических источниках делает некоторые из этих загадок неразрешимыми.

Так вот, нам представляется, что история ранних русских князей — отличный повод для демонстрации этого нашего «в-третьих». Мы сейчас покажем читателю, что это такое — «поле» исторических документов, относящихся к событиям *вроде бы* одного времени и говорящих *вроде бы* об одних и тех же исторических персонажах. Причем мы покажем, как выглядят эти персонажи, если ко всему этому «полю» относиться как к некоему объему *равноценной* информации, не подвергая ее до поры до времени процедуре под названием «критика источников».

В этом нам поможет интереснейшая книга историка XIX века Ф. Гилярова «Предания русской начальной летописи» [Гиляров Ф., 1878]. В ней автор приводит текст «По-

вести временных лет» по Лаврентьевскому списку, разбитый на смысловые фрагменты, к каждому из которых он подбирает все доступные ему тогда разночтения, имеющиеся в других русских и даже некоторых иностранных летописях. Причем эти разночтения приводятся без каких-либо авторских комментариев, и независимо от времени создания известных ему летописей. Иначе говоря, автор занимает позицию абсолютно беспристрастного публикатора источников, нарочито избегающего их критики. Но именно эта его позиция и дает нам в руки это самое «поле» — некий объем *вроде бы* равноценной информации, на котором можно городить все, что нам заблагорассудится — хватило бы собственной фантазии. Вот мы и решили, что грешно было бы не воспользоваться такой возможностью.

Разумеется, мы не в состоянии были использовать всю информацию, собранную Гиляровым: в противном случае наше сочинение растянулось бы на еще один объемистый том. С другой стороны, мы использовали для своих гипотетических реконструкций названных ниже персонажей и другие исторические документы, показавшиеся нам в данном случае подходящими, коль скоро они давали возможность взглянуть на эти персонажи с несколько иной стороны. Наконец, мы хотим предупредить читателя: все, излагаемое в этой главе, не есть плод нашей фантазии в полном смысле слова — это было бы совсем неинтересно. Это — вполне допустимая трактовка исторических событий и персонажей, получающаяся в случае отсутствия жесткой критики источников, легших в основу предлагаемых реконструкций. Итак, приступаем...

КТО В КИЕВЕ ПЕРВЕЕ НАЧА КНЯЖИТИ?

Из школьных учебников и популярной литературы некоторые из нас помнят, что начало русской государственности на юге было положено некими Кием, Щеком, Хо-

ривом и сестрой их Лыбедью. В честь старшего из братьев, Кия, два других брата основали город Киев — столицу Киевской Руси и мать городов русских.

Уже во времена Нестора-летописца личность Кия была легендарной, и сам Нестор на страницах своей «Повести временных лет» даже спорил с какими-то неизвестными нам оппонентами, считавшими Кия простым перевозчиком на Днепре [«Повесть временных лет». М.—Л., 1950, с. 9]:

«И быша 3 братия: единому имя — Кый, а другому Шек, а третьему Хорив, а сестра их Лыбедь. И сидяше Кый на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Шек седяше на горе, идеже ныне зоветься Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И сътвориша градъкъ въ имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему — Киев. И бяше около града лес и бор велик и бяху ловяще зверь. И бяху мужи мудри и съмысли и нарицахусе Поляне. От них же суть поляне Кыеве и до сего дъне... Ини же несведуще, реша, яко Кый есть перевозник был. У Кыева бо бяше перевоз тѣгда с оной страны Дънепра — темь глаголаху: «на перевоз на Киев»... Аще бы Кый перевозник был, то не бы ходил Цесарюграду. Но се Кый кѣняжаше в роде своемъ и приходившю ему к цесарю, которого не съвемы, но тѣкмо о семъ веми, якоже съказуютъ, яко велику честь принялъ есть от цесаря, при которомъ приходивъ цесари. Идушю же ему вспять, приде к Дунаеву и възлюбилъ место и срубилъ градъкъ малъ и хотяше сести с родѣмъ своимъ и не даша ему ту близъ живущии. Еже и донныне наречють дунайци «городище Киевецъ». Кыеву же пришедшю в свой градъ Киев, ту животъ свой съконецъ; и брата его Шекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту съконецъчашася. И по сихъ братьяхъ держати почаша родъ ихъ княжене в Поляхъ».

Из приведенного отрывка следует, что изыскания Нестора основаны на современном ему историческом фольклоре. Нестор знал, что когда-то на месте Киева существо-

вал Киев перевоз — переправа через Днепр, которую содержал некий перевозчик (паромщик) Кий. Такое «низкое» происхождение названия стольного града Киева Нестора явно не устраивало. Где-то он услышал малоизвестную ему историю о том, как некий князь Кий ездил в Царьград (Цесарьград) к какому-то византийскому императору («цесарю»), имя которого Нестор не знает («не съемы, но тъкмо о сем вемы»). Возвращаясь домой, этот Кий построил Киев-град («Киевец») на Дунае, после чего его род начал княжить «в Полях».

Из каких слов Нестора следует, что Кий с братьями основал свой город Киев именно на Днепре? Мы, признаемся честно, не понимаем. Вероятно, кто-то умеет читать между строк, мы — нет. Весь вышеприведенный отрывок настолько противоречив, что из него можно понять только одно: название Киева связано с личным именем Кий. И все!

Судя по приведенной Нестором топографии местности, никакого отношения к реальному Киеву на Днепре она не имеет. Нестор утверждает, что род Кия «почаша... княженъе в Полях», то есть Кий стал родоначальником княжеской династии, управлявшей славянским племенем полян. Но двумя строчками выше тот же Нестор пишет, что Кий, Щек и Хорив жили на горах, вокруг которых были «лес и бор велик». Какие «Поля»? Какие поляне?

То, что Нестор плохо представлял себе раннюю историю Киева, не отрицает даже академик Б.А. Рыбаков [подробнее см.: Рыбаков Б.А. *Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982, с. 90–93]. Но Кий, Щек (правильнее — Чех) и Хорив действительно, основали город Киев в 430 году, на Дунае, у устья реки Морава. Этот Киев благополучно существует до сих пор и стоит там, где и стоял — в Венгрии, и называется у венгров Кёвё.

Кий стал впоследствии родоначальником западнославянского племени куявов (жили на территории современной Польши), Чех (Щек) — чехов, а Хорив — хорват. Чех прожил долгую жизнь и умер в 661 году. У этой троицы

был еще один брат — Лех (вероятно, Лыбедь нашей «Повести временных лет»), но он прошел дальше — на Вислу, «в поля», и там стал родоначальником полян-ляхов. Это заселение Висло-Одерского междуречья произошло в 470 году, спустя 40 лет после основания Киева на Дунае.

А что касается полян днепровских, то и о них пишут старинные хроники [Рукопись П Б F IV № 218, л. 90]:

«В лето по Р.Х. 570 пришельцы и обитатели суть седоша по Днепру; старейшина же у них в то время бе именем Полемон, и во имя того старейшины прозвашася Полемоняне, а оттуду паки начаша зватися поляне, потом поляцы».

Но, вообще говоря, Киев, Щеков и Хоривов было много. В самые разные времена эта неразлучная троица, иногда с сестрой своей Лыбедью, появлялась в самых разных местах, сооружала очередной Киев, а потом куда-то расточалась...

854 год:

«В лето 6362 бяху три брата, единому имя Кый, второму Щек, а третьему Хорив, а сестра у них бе именем Лыбедь... Бяху же неверни и много тщание имуще к идолу».

982 год [Рукопись С Б № 908, л. 31, об. — 32]:

«В то время быша в Великом Новгороде три брата Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь. И се братеники и с сестрою их люти разбойницы великую пакость Невгородцем творяще. Новгородцы же яша их 30 человек, вси храбри и мочни вельми, осудиша их повесити. Кий же с братию своею моляша князя Ольга со слезами, дабы их отпустил, и обещахся ити, иде же несть вотчины и державы. Олег же умилосердися над ними, отпусти их. Они же идоша от великого Новаграда 2 месяца и при-

идоша на реку Непр... и нача землю пахать своими руками и славно жить, и к ним прихажашу многие и трудихуся тут. И потом созда градец, имя ему Киевец. В лето 6490 по убиении Кия великий князь Олег пришед и заложи град Киев Великий и по начальному имени и».

Нечто похожее сообщает и армянский историк Зеноб Глак в «Истории Тарона» (VII—VIII века; это сообщение *намного старше* сообщений русских летописей):

«Три брата — Куар, Мелтей, Хореван — основали 3 города в стране Полуни, а через некоторое время создают город на горе Керкей, где был простор для охоты и обилие трав и деревьев, и ставят там двух языческих идолов».

Страна Полунь — страна полян, то есть поляков.

Вероятно, что на Днепре было несколько Киевов. А всего в Восточной и Центральной Европе известно 16 населенных пунктов с названием Киевъ (Киев, Киево) [подробнее об этом см.: Брайчевский М.Ю. *Когда и как возник Киев*. Киев, 1964, с. 92—93].

Известный лингвист О.Н. Трубачев, упоминавшийся нами ранее, нашел их еще больше (рис. 3.1). Если считать, что Кий с братьями — славяне, то можно представить себе, что распространение этих топонимов как-то коррелируется с расселением славян или какой-то их племенной группы. Это, вероятно, носители этнонимов «кияне» — «куявы» и (или) «поляне». Соблазнительно предположить, что это и есть то самое массовое расселение славян в первые века после Великого переселения народов, о котором мы говорили в конце первой главы. А соблазнительно потому, что таким путем можно связать археологические, топонимические и собственно исторические данные с данными почти мифическими или эпическими — то есть со всеми этими вариантами легенды о Кие с братьями. Да, Кий основал Киев — какой-то и где-то. О начале какого из них попытался нам рассказать Нестор-летописец? Неизвестно.

Рис. 3.1. Распространение топонимов, производных от слова Киев (по О.Н. Трубачеву)

1 — Киев, Киево; 2 — Киевец, Киевичи; 3 — возможные направления расселения славян в VI–VIII вв.

Ясно только одно: легендарный Кий с родственниками, скорее всего, не имеют никакого отношения к последующим киевским князьям.

О РОДОНАЧАЛЬНИКЕ РУССКОМ ГОСТОМЫСЛЕ

Памятник Тысячелетия России, сооруженный более ста лет назад в Новгороде, недвусмысленно напоминает нам о том, «откуда есть пошла Русская земля» — из Новгорода. Разбирать и спорить, так это или не так — любимое занятие норманистов и антинорманистов, а мы этим заниматься не будем: мы не спорщики... Раз стоит, к примеру, памятник на Куликовом поле — значит и Куликовская битва была именно на этом месте (впрочем, мы этого памятника еще вскользь коснемся). Стоит памятник Тысячелетию России в Новгороде — значит и Русь отсюда пошла.

А родоначальником русского народа, как известно, был Гостомysl — личность настолько легендарная, что никто ничего вразумительного о нем не знает. Мы попытались отыскать что-нибудь об этом, бесспорно, заслуживающем внимания персонаже, и оказалось, что, несмотря на краткость и противоречивость сведений о нем, следы Гостомысла явно ведут в Западную Европу. Судите сами.

Об отце Гостомысла, князе Буриное, русские летописи почти ничего не сообщают. Известно лишь — если верить Татищеву и его изложению Иоакимовой летописи — что он

«имел тяжкую войну с варягами и, многожды их побеждая, владел всей Бьярмией, то есть Корелиею до реки Кюмени, напоследок же при сей реке быв побежден и все почти войско потеряв, ушел в город Корелу, нынешний Кексгольм и тут умре, а по нем наследовал сын его Гостомysl».

В иностранных известиях имеются сведения о некоем Буриное, но он явно не российский князь, ибо правил у западных славян.

Вот что сообщает об этом Козьма Пращский:

«Gostivit autem genuit Borivoy, qui primus dux baptizatus est a venerabili Metudio episcopo in Moravia sub temporibus Arnolphi imperatoris et Zuatopluk eiusdem Moravia regis. ADI DCCCLXXXIV. Borivoy baptizatus est primus dux sancte fidei catholicus.»

(«Гостивит породил Боривоя, который первый из князей был крещен достопочтенным Мефодием, епископом Моравии, во времена императора Арнульфа и короля Моравского Святуплука. Год от воплощения Господа 894. Крестился Боривой, первый князь святой католической веры».)

Католической — значит, христианской, так как это происходило еще задолго до разделения церкви, и тогда еще все были «католиками» («кафоликами»), что по-латыни означает «православные».

Западные источники сообщают нам и кое-что о Гостомысле: авторы *Annales Fuldensis* [*Monumenta Germaniae Scriptores* t.1 Hannoverae, 1826, p.364] пишут о гибели князя славян-ободритов (живших на территории нынешней Восточной Германии) Гостомысла и начавшейся у славян смуте и распрях в 844 году. Гостомысл ободритов и Гостомысл новгородский — это два разных лица или одно и то же? Мы не знаем.

В книге Marmier X. «*Letters sur le Nord*» [Paris, 1857], приведена весьма любопытная легенда, которую мы пересказываем по книге В. Чивилихина «Память» (1984):

«Другая традиция Мекленбурга заслуживает упоминания, поскольку она связана с историей великой державы. В VIII веке племенем ободритов управлял король по имени Годлав, отец трех юношей, одинаково сильных, смелых

и жаждущих славы. Первый из них звался Рюриком Кротким (Rurik-paisible), второй — Сиваром Победоносным (Sivar-victoriex), третий — Трувар Верный (Truwar-fidele). Три брата, не имея подходящего случая испытать свою храбрость в мирном королевстве отца, решили отправиться на поиски сражений и приключений в другие земли. Они отправились на восток и прославились в тех странах, через которые проходили. Всюду, где братья встречали угнетенного, они приходили ему на помощь, всюду, где вспыхивала война между двумя правителями, братья пытались понять, кто из них прав, и принимали его сторону. После многих благих деяний и страшных боев, братья, которыми восхищались и которых благословляли, пришли в Руссию. Народ этой страны стонал под бременем долгой тирании, против которой больше не осмеливались восставать. Три брата, тронутые его несчастьем, разбудили в нем усыпленное мужество, собрали войско, возглавили его и свергли власть угнетателей. Восстановив мир и порядок в стране, братья решили вернуться к своему старому отцу, но благодарный народ упрямил их не уходить и занять место прежних королей. Тогда Рюрик получил княжество Новгород, Сивар — Плесков, Трувор — Билезеро. Спустя некоторое время, поскольку младшие братья умерли, не оставив детей, Рюрик присоединил их княжества к своему, и стал главой династии, которая царствовала до 1598 года».

Самое интересное, что сегодня у археологов нет сомнения в том, что древние новгородцы — это западные славяне, очень рано отделившиеся от основной массы западнославянского населения. Их путь с берегов Вислы на Ильмень-озеро четко прослеживается по многим характерным признакам: типам курганных насыпей, керамике и др.

А из недавно изданной книги «Древненовгородский диалект» А.А. Зализняка [Зализняк А.А., 1995] можно узнать, что древние новгородцы говорили на западнославянском наречии, близком западнославянским диалектам,

легшим в основу современного польского языка. Язык новгородских берестяных грамот указывает на западнославянские корни новгородцев.

Еще в XII веке новгородские славяне поддерживали связи с городом Волин в западнославянских землях. Придя из земель ободритов, они принесли с собою и руническую письменность, общую у ободритов и датчан. Об этом, кстати, пишет и Татищев: «Шведский писатель Лакцений в главе 40 показывает, что славяне из Вандалии в Северную Русь около 550 лет по Христе пришли. Всю Европу повоевав безсумненно письмо имели и с собою в Русь принесли». [Татищев В.Н. *История Российская*, 1962, т. 1, с. 96].

Предметы с руническими надписями известны в археологических памятниках Северо-Западной Руси. Часть из них читается на древнегерманском, часть не читается сегодня вообще [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 417–418]. Заметим в качестве частного предположения, что, возможно, руны, которыми написаны эти тексты, лишь внешне напоминают нам известные, а на самом деле являются другой системой письма. Но, разумеется, все это требует профессиональной проверки.

Из русских источников о Гостомысле новгородском известно, что у него было 4 сына и 3 дочери. Старший сын — Вадим Храбрый, предводитель новгородцев, убитый Рюриком. Имя младшего — Словен, он отошел от отца в Чудь и там основал город Словенск. Все сыновья умерли еще при жизни Гостомысла.

Вот что по этому поводу сказано в «Изборнике» А.Н. Попова по списку хронографа 1679 года:

«О пространстве земли Руссия и о княжении князя Гостомысла. И тако нача расширяться страна Руская вельми и общим именем прозывахуся старейшаго князя Гостомысла сына его младшаго Словена. Сей убо отъиде от отца своего в Чудь и тамо постави град во имя свое над рекою на месте, нарицаемом Ходницы, и нарече имя граду Словенск, и княжи в нем 3 лета и умре. Сын же его

Избор змием уяден умре. Земля же русская тогда сверже с себе ризы сетованныя и паки облечеса порфиру и виссон, и к тому уже не вдовствуя, ниже сетуя, но паки по сем и дети расплоди, и на многа лета опочивая пребывши с премудрым Гостомыслом. Егда же сей в глубоку старость прииде и не могий уже разсуждати, ниже владети таковыми многочисленными народы, ниже уменьшити многмятежных кровопролитий в роде своем; тогда убо сей премудрый муж, седый умом и власы, призывает к себе вся властеля русския, иже под ним, и рече к ним ослабленным лицом: «О мужи и братие единокровницы, се аз уже состарился вельми, крепость моя исчезает, и ум отступает, но токмо смерть приближается. А се вижу, яко земля наша добра и всеми благами изобильна, но не имать себе властодержица и государя от роду царскаго; сего же ради в вос мятеж велик и неутешен и междуусобица зла; молю убо вас: по смерти моей идите за море в Прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже от рода Кесаря Августа, кровницы суще, да идут к вам княжити и владети вами; несть вам срама таковых покориться и в поддании у них быти». И возлюбивша вси речь старейшинску, и егда сей умре, то всем градом проводиша до гроба честно, до места, нарицаемаго Волоотово, и погребоша его. По смерти же Гостомысла послаша всею русскою землею послы своя в Прусскую землю; они же шедше и обретоша тамо курфистра или князя великаго, именем Рюрика, рода суща Августа, и молиша его, да идет княжити к ним; и умолен бысть князь Рюрик и поиде на Русь с двема братома с Трувуром и с Синеусом, а третий с ними Олег, и от того времени начаша княжити первый великий князь Рюрик».

По сообщению Иоакимовской летописи — той самой, цитируемой Татищевым, в своей «Истории»:

«Гостомysl имел 4 сына и 3 дочери. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому измроша, и не остана ни еди-

ному им сына, а дочери выданы были суседним князем в жены. И бысть Гостомыслу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомысл в Колмогард вопросити богу о наследии и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложеси его. Но Гостомысл не ят сему веры, зане стар бе и жены его не рождаху... Единою снясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщере его Умилы произрасте древо велико плодовито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: «От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его». И вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дщери, зане негож бе».

Эпизод со сном Гостомысла очень напоминает сон Рагнхильд, о котором пишет Снорри Стурлуссон в «Круге Земном» («Сага о Хальфдане Черном»):

«Рагнхильд снились вещие сны, ибо она была женщиной мудрой. Однажды ей снилось, будто она стоит в своем городе и вынимает шип из своего платья. И шип этот у нее в руках вырос так, что стал большим побегом. Один конец его спустился к земле и сразу пустил корни, другой же конец его поднялся высоко в воздух. Дерево чудилось ей таким большим, что она едва могла охватить его взглядом. Оно было удивительно мощным. Нижняя его часть была красной, как кровь, выше ствол его был красивого зеленого цвета, а ветви были белы как снег. На дереве было много больших ветвей, как вверху, так и внизу. Ветви дерева были так велики, что распространились, как ей казалось, над всей Норвегией и даже еще шире. Рагнхильд родила сына. Мальчик был окроплен водой и назван Харальдом. Он скоро стал статным и очень красивым. Так он рос и рано стал человеком во всем искусным и умным.

Мудрые люди говорят, что Харальд Прекрасноволосый был самым красивым, могучим и статным из всех людей, очень щедрым и горячо любимым своими людьми. В юности он был очень воинственен. И люди думают, что это предвещалось тем, что нижняя часть того большого дерева, которое его мать видела во сне перед его рождением, была красной, как кровь. А то, что ствол этот выше был красивым и зеленым, знаменовало расцвет его государства. А то, что верх дерева был белым, предвещало, что он доживет до глубокой старости. Сучья и ветки дерева указывали на его потомство, которое распространится по всей стране. И действительно, с тех пор конунги Норвегии всегда были из его рода».

Из всего вышеприведенного в принципе можно соорудить несложную схему: Гостомysl был князем ободритов, его сыновья — Рюрик, Сивар, Трувар, Словен, Вадим или кто-то там еще — осели в Новгороде и от старшего из них, Рюрика Гостомысловича, пошла русская княжеская династия. Что же касается пресловутых Трувора и Синеуса, братьев Рюрика, то давно уже доказано, что это просто устойчивые шведские словосочетания «truvar» и «sinehus» — «дом» (в значении «семья», «хозяйство») и «верная дружина». Из всей этой троицы реален только Рюрик, а об остальных можно забыть. Хотя у Гостомысла, действительно, были еще какие-то сыновья и один из них, вероятно — Вадим Храбрый.

Вадим, по легенде, был не то сыном, не то внуком Гостомысла, князем новгородских славян. В 863 году он встал во главе восстания новгородцев против Рюрика и его варягов и пал от руки Рюрика [Новгородская 1-я летопись, 16]:

«863 год... того ж лета оскорбишася новгородцы, глаголюще, яко быти нам рабом, и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того ж лета уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев съветников его».

РЮРИК

Кто такой Рюрик?

Варианты ответа:

а) Варяжский конунг, «находник», силой захвативший Новгород (или Ладогу).

б) Сын Гостомысла, князя ободритов — Рюрик Гостомыслович.

Впрочем, по другим сведениям, Рюрик был сыном дочери Гостомысла — Умилы (то есть внук Гостомысла), как о том сообщает юбилейная книжка, изданная в Новгороде к 1000-летию Руси (рис. 3.2). Татищев рассказывает об этом Рюрике (опираясь на Иоакимовскую летопись), что

Рис. 3.2. Рюрик. «Портрет» из юбилейного издания

«имел Рюрик неколико жен, но паче всех любяше Ефанду, дочь князя урманского, и егда та роди ему сына Ингоря, даде ей обещаный при море град с Ижорою в вено. Славяне, живущие по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюще дани тяжки и поделями изнуряюще, тии прислаша к Рюрику преднии мужи просити, да послет к ним сына или

ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же повоевав первое казар и иде к Царюграду в лодиях, но буря разби на море корабли его».

Рис. 3.3. Рюрик с сыном Игорем и воеводой Олегом.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

То есть, этот Рюрик был отцом князей киевских Игоря и Аскольда (последнего убил Олег Вещий и передал киевский престол Игорю Рюриковичу). Родился он, по сведениям русских летописей, в 780 году (у немцев он несколько моложе) и умер в 879 году в возрасте около ста лет в Корелах [Рук. Р М № 249, л. 11]:

«Ходил князь великий Рюрик с племянником своим Олегом воевати лопи и корелу. Воевода же у Рюрика Валет. И повоеваста и дань на них возложиша... Лета 6387 (879) умре Рюрик в Кореле в войне; тамо и положен бысть в городе Кореле, княжил лет 17, у него же остался князь Игорь млад, 17-ти лет».

То есть, своего сына Игоря Рюрик зачал в возрасте 82 лет! Нет, все-таки в старое время люди были крепче...

Нередко имя Рюрика связывается с основанием Новгорода: после смерти братьев своих Рюрик «пришед ко Ильмену, и сруби городок над Волховом, и прозва и Новгород, и седи ту княжа».

А через пять лет, в 867 году, «нача владети Суждальским княжением от рода Августа Кесаря Римского великий князь Рюрик Африканович».

Кто такой Рюрик Африканович, князь Суздальский? Здесь, вероятно, произошло интересное переплетение сюжетов (наверно, постарался какой-то автор XVII века). Получив в удел Суздаль (1107–1108), Юрий Владимирович Долгорукий постепенно превращает его в стольный город Ростово-Суздальской земли (княжество получает наименование «Суздальская земля»). Воспитателем Юрия и тысяцким ростово-суздальским стал киевский боярин Георгий Шимонович, сын Шимона Африкановича, выходца из Скандинавии. Шимон, в свою очередь, был связан с Ростовом и Суздалем, являясь, видимо, там тысяцким в правление Всеволода Ярославича. С его редким именем ассоциируются существующие донныне села во Владимировской области — большое и малое Шимоново. При помощи золотого пояса варяга Шимона была рассчитана «мера широты и долготы, и высоты» Успенского собора Печерского монастыря, послужившего... образцом для первого каменного собора Суздаля [Седова М.В. *Суздаль в X–XV вв.* М., 1997].

В поздних русских летописях Рюрик однозначно именуется варяжским князем [Рук. П Б Q IY № 111, л. 2 об.]:

«Первый убо от тех князей варяжских Рюрик... сотвори себе едино владетеля. Роксоланию или Русу всю раздели на Великую, еже стольный град Новгород Великий, на Малую, еже стольный град Киев, на Красную, еже столица город Галич, на Белую и Черную, их же столица град Мстислав. И сподобился века своего близ ста лет, наследника по себе остави сына Игоря или Георга».

Впрочем, есть и другое мнение: Рюрик был не варягом, а пришел «от немец» [Рук. С Б № 687, с. 47]:

«сии первыи князь русскои три из немец пришли: Рюрик, Синеоус, Трубор и вероваща идолом. А Рюрик седе в Киеве и роди Игоря».

Но ведь ободриты тоже «от немец» пришли в Новгород!

О Рюрике Варяжском нам достаточно хорошо известно по западным источникам. Эти документы не раз рассматривались историками ранней Руси, и здесь мы тоже идем по проторенному пути, не выдумывая ничего нового [Александров А.А., 1997, с. 17–22]. Его именовали *Herraud-Hrogekr Ludbrandson Signjotr Thruvar* (Геррауд-Сокол Людбрандович Победоносный Заслуживающий доверия), «язва христианства». Он происходил из скандинавского рода Скъелдунгов. Отец Рюрика — Людбрант Бьерн — был изгнан из Ютландии и стал вассалом франкского короля Карла Великого, от которого получил в лен Фрисландию (это произошло около 782 года). Людбрант Бьерн женился на дочери ободритского князя Умиле (Ох, какое совпадение! Ведь у Гостомысла действительно была дочь Умила, а сам Гостомysl, возможно, был князем ободритов!), от которой имел сыновей — первенца Харальда и младшего сына — Херрауда-Рюрика. В 826 году Людбрант умер, и лен перешел к его старшему сыну — Харальду. Харальд принял в этот год крещение в Ингельхейме около Майнца вместе со всем родом. После крещения Харальд перешел под покровительство Людовика Благочестивого и получил другой лен — Рустинген во Фрисландии. По смерти брата этот лен достался Рюрику, но в 843 году лен перешел к Лотарю, сыну и наследнику Карла Великого. 40-летний Рюрик остался не у дел. Тогда Рюрик стал вольным разбойником, викингом, участвовал в набегах на север Франции (845). В 850 году 350 кораблей морских разбойников ограбили побережье Англии, затем напали на поселения в устье Рейна и на Фрисланд. Лотарь вынужден был пойти на компромисс и передать Рюрику Фрисланд на условиях защиты его земель от прочих викингов. Теперь уже Рюрик не мог грабить побережье Европы и начал посматривать на восточное побережье Балтики. В Европе было известно о том, что в 850 году датский отряд напал на Ладогу и получил от князя Ладоги большой выкуп. Возможно, что в этом набеге на Ладогу участвовал и Олег, которого многие русские летописи объявляют родственником (племянником) Рюри-

ка. После этого подвига Олег стал верным союзником Рюрика, на дочери которого он женился. В 854 году Лотарь вместо Фрисландии дал Рюрику Ютландию. Вскоре Рюрика (вероятно, не без участия Олега) призвали на княжение в Ладогу, где он правил до 867 года, когда совершил неудачную попытку возвратить свой лен во Фрисландии. Ладога ему явно не была нужна — его тянуло в Европу. В 869 году умер Лотарь, и Рюрик в поисках нового сюзерена обратился к бургундскому герцогу Карлу Смелому с предложением своих услуг. В 873 году он получил новый лен, но в следующем 874 году скончался где-то в Европе...

Вот, собственно, все, что нам известно о судьбе обоих Рюриков (или их было больше?). Невооруженным глазом видно, что их жизненные пути переплетаются — но где, как и каким образом? И кто из них стал родоначальником династии Рюриковичей?

САГА О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Об Олеге, а точнее, об Олегах, нам известно все или практически все. Только главными источниками биографических сведений об этом варяжском конунге являются не русские летописи — из них известно лишь то, что было с Олегом на Руси в последние годы его жизни, а скандинавские саги.

Ниже мы постараемся дать читателю представление о богатстве того скандинавского эпического материала, который может относиться к якобы *русскому* князю Олегу, ко всем этапам его жизни. Тот текст, который мы предлагаем, не является полным сводом текстов саг в чистом виде: их истинный объем громаден. Так что это — компиляция, составленная нами самими, в которой сделан упор на наиболее интересные для нас моменты биографии данного персонажа (или персонажей?). Кроме того, надо отметить, что большинство саг, которые нами использованы в качестве основы, скандинавская историко-литературная традиция

относит к циклу «Саг о древних временах», которые сами-ми скандинавами именовались в просторечии «Лживыми сагами». Однако, по мнению исследователей, не так-то просто четко отделить их от прочих циклов саг, поэтому степень достоверности этого типа источников всегда достаточно условна [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 423].

В детстве нашего героя звали Одд. Он был сыном Грима с острова Рафнисти, ныне Рамстад. Тесть его отца умер, и отец с матерью поехали на похороны в Вик (Христиания). В Берурьйоде, между Экерзундом и Ставангером, жена родила мальчика. Землевладельцем этого места был Ингйальд, который предложил оставить новорожденного у него в знак дружбы и породнения. Родители назвали сына Хрольвом, а приемный отец — Оддом.

Специально отметим это обстоятельство — два имени нашего героя: Хрольв и Одд. Потом читатель поймет, почему это важно.

У Ингйальда был свой сын — Асмунд. Когда Одду исполнилось 12 лет, Ингйальд пригласил колдунью по имени Гейда. С ней был хор из 15 девушек и 15 юношей. Она предсказывала судьбу и погоду, а также все, о чем ее спрашивали. Приехав ночью, она вышла и приступила к гаданию. Утром она сообщила Ингйальду о погоде и будущей зиме. Затем он спросил ее о своей судьбе.

— Ты будешь жить в большом почете до старости.

Потом подошел Асмунд.

— Далекий твой путь на земле. Не измучит тебя преклонный возраст, и станешь ты добрым молодцом.

Одд же не хотел подходить, а запрятался под шкуры. Но она заметила его и спросила, кто там спрятался под шкурами? Вылез Одд и приказал ей замолчать и не думать о его судьбе, так как он не верил ее словам, а иначе обещал щелкнуть палкой ее по носу.

— Не боюсь я твоих угроз. Широки фиорды, которые ты переедешь. Проживешь ты долгий век — 100 лет — но со-

жгут тебя здесь, умрешь же ты от своего коня Факси (имя это означает «Грива»).

— Рассказывай сказки, старая баба! — закричал Одд и ударил ее палкой по носу и разбил ей нос до крови. Колдунья приняла подарки и уехала, обидевшись на такое отношение к ней Одда.

Чтобы не дать свершиться предсказанию, Одд с Асмундом повели коня в долину, убили его и труп бросили в яму, которую завалили огромными камнями. Торфеус сообщал, что еще в его время жители той местности, где лежит Беруриод, рассказывали, что для того, чтобы спастись от предсказанной смерти, Одд утопил своего коня в болоте, но болото это со временем пересохло и в конце концов много лет спустя Одд все-таки не ушел от своей судьбы.

Придя домой, Одд заявил: «Никогда больше не возвращусь сюда!» Воспитатель ответил: «Это будет прискорбно для меня». Одд сказал: «И поделом тебе, зачем надо было приглашать колдунью?!» И Одд уехал с побратимом к своим родителям. Здесь он узнал, что его младший брат Гудмунд и племянник Сигурд собираются в набег на Биармию.

Одд попросил взять и его. Но те не согласились, сказав, что не намерены ожидать его сборов. Однако в течение двух недель им так и не удалось отплыть, и тогда они сами уже предложили Одду идти с ними, отдав ему один из двух кораблей.

Отправляя сыновей в путь, отец дал Одду три волшебные стрелы его деда Кетиля, которые, пущенные, возвращаются обратно к пустившей их тетиве. И братья ушли в поход.

И вот как-то затемно прибыли они к берегам Финляндии. Из-за отсутствия ветра, которого не было три дня, пришлось задержаться здесь. На берегу были лишь землянки финнов. Утром Гудмунд со своими людьми отправился в набег. Грабили и насиловали женщин, так как мужчин не было в стойбище — все они ушли на охоту. Одд отказался грабить землянки, заявив: «Никакой славой не кажется мне насиловать женщин. Вы же еще примете вознагражде-

ние за ваши поступки. Завтра утром я отплываю». И как только поднялся ветер, корабли ушли в устье Двины. Поднявшись вверх по Двине, причалили верстах в 30 выше современного Архангельска и увидали большую избу, в окнах которой виден был яркий свет. Одд подкрался к избе. В избе шел пир горой, но виночерпий постоянно выходил на крыльцо, где стояла бочка с хмельным напитком. Одду показалось, что виночерпий не финского племени, а норвежец. Тогда, дождавшись, когда виночерпий снова вышел за напитком, Одд схватил его и утащил на корабль.

На корабле его допросили. Он действительно оказался норвежцем, уже семь лет живущим в этих местах. Одд потребовал, чтобы тот указал добычу. И пленник поведал, что выше по реке есть курган — Холм Обетов — за каждого покойника и за каждого народившегося ребенка надо отнести туда горсть земли и горсть серебра. Одд послал Гудмунда грабить курган, сам же остался стеречь корабли и пленника. К вечеру Гудмунд вернулся, неся серебро на носилках. На следующий день Гудмунд и Сигурд остались стеречь корабли и пленника, а Одд и Асмунд пошли с людьми к кургану. Там они спешно стали набивать серебром заплечные мешки, в спешке — прямо с землею. Набрали столько, сколько могли свободно нести, и не более, так как боялись прихода местных жителей.

Пока они шли к кургану, Гудмунд и Сигурд пили и рассуждали о добыче. Воспользовавшись их невнимательностью, пленник прыгнул в воду и поплыл к берегу. Гудмунд бросил в него копье, ранив в ляжку, но пленнику удалось уйти. Он обо всем сообщил местным жителям, которые и напали на викингов. Но корабли успели сняться и уйти, а отряд Одда был вынужден принять бой.

Перед боем Одд предупредил, что если кто-либо будет убит, то того немедленно надо будет бросить в воду, ибо если труп попадет к врагу, то их всех заколдуют. А они в это время были на берегу реки, на косе, которую перегородили своим строем. Начался бой. И победили викинги местных воинов, не показавших большого умения в бою.

После этого они забрали оружие павших, отделили серебро от земли, ибо торопиться и бояться кого-либо уже было не нужно, и пошли к кораблям.

Придя на место стоянки, викинги обнаружили, что кораблей нет. Тогда Одд поджег дерево, загоревшееся, как огромная свеча. Увидав сигнал, корабли вернулись и подобрали отряд Одда. Оба корабля, захватив добычу, пошли в Финляндию.

Здесь им снова пришлось остановиться в той же бухте, где они ранее грабили землянки. Потом отсюда они пошли домой, но финны, в отместку, завязали на ремешке три узла, произнесли проклятие и развязали один узел — поднялся ветер. Затем финны развязали второй узел — и поднялся сильный ветер. Затем развязали третий узел — начался ураган. Двадцать дней не прекращалась буря, и все думали о своей гибели. Так финны отомстили за своих поруганных женщин.

Тогда Одд сказал брату: «Выброси за борт все награбленное у финнов, иначе нас ждет смерть».

— Зачем выбрасывать то, что после этого никому не пригодится?

— Выброси, ибо иначе ветер не стихнет.

И выбросил брат его все награбленное в землянках. И все выброшенное собралось в одну кучу и понеслось навстречу ветру — к родным берегам. И в тот же день буря прекратилась. А корабли оказались далеко от родных берегов, в стране Ризаланд (в Стране Великанов).

Как только туман рассеялся, увидел Одд берег. Все выбились из сил и лишь Одд и Асмунд еще держались. Асмунд помогал Одду во всем и делил с ним все опасности.

«Судя по рассказам мудрых людей, — подумал Одд, — это страна великанов Ризаланд. Но наши люди столь утомлены, что нам остается только добраться до берега и отдыхать где бы то ни было». Приблизившись к берегу, увидели они, что против них выступает мыс, либо большой остров. Одд велел кораблям пристать. Нашлась и удобная гавань. После того как устроились, Одд велел грести вдоль берега,

чтобы узнать, каков он собой. Тогда убедились, что пристали к большому острову, плодородному, но невозделанному. В лесу было много зверей, у самого острова много китов и моржей, а также птиц. Одд приказал своим людям быть настороже:

— Двенадцать человек должны бодрствовать каждую ночь на острове. Охотой мы добудем себе припасов и, по возможности, подкрепимся.

На острове они выстроили хижину. Однажды в лесу они встретили огромного бурого медведя. Одд выстрелил и убил его. Затем он велел набить шкуру и раскрыть так, чтобы можно было стрелять изо рта, стоя сзади. В рот чучелу положили каменную плитку, чтобы там мог гореть огонь. Потом поставили чучело на скалу, которая смотрела в сторону материка, а голову медведя повернули так, чтобы и она тоже смотрела в глубь материка.

Обитателей острова было мало, но они были такого большого роста, что решили, что они действительно великаны, хотя и мелкие. Однажды вечером Одд увидел, что толпа великанов собралась на мысу противоположного берега, по другую сторону пролива. Одд и Асмунд решили разведать их замыслы и тихо погребли к тому берегу. И слышали как разговаривают великаны.

— Вы знаете, какие-то дети прибыли на наш остров и убивают наших зверей и дичь. Я вас просил прийти сюда, чтобы посоветоваться относительно их истребления. Вот это кольцо я дам тому, кто их убьет.

Так говорил их царь по имени Бади. Женщина по имени Гнейп ответила:

— Мы обязаны исполнять все твои приказы, но приятнее всего, когда ты предлагаешь такие подарки. (Бади не мог принять участие в уничтожении пришельцев, так как у него в это время были раздоры с его братом — Бьйолем.)

Вдруг Бади сказал:

— Видите ли, как эти двое бородатых детей прислушиваются к нашему разговору здесь под горой на лодке? Вот я им пошлю поклон!

И бросил в викингов огромный камень. Одд приказал скорее отгребать от берега. Затем полетел другой камень, от падения которого пошла большая волна. Одд приказал спешить к острову.

Спустя немного времени женщина стала перебираться на остров. Она была в кожаной юбке, большого роста и очень свирепа. Она подошла к кораблям и трясла их с такой силой, что чуть было не сломались мачты. Одд подкрался к чучелу медведя, разжег огонь в пасти и затем пустил в женщину стрелу. Женщина подставила руку и стрела не проникла в нее, как будто рука была из камня.

Тогда Одд вынул подарок отца — волшебные стрелы. Опять женщина подставила руку, но стрела прошла сквозь кисть и, попав в глаз, вышла из затылка, после чего возвратилась к своей тетиве. Гнейп сказала: «Это нехорошо, но я должна идти вперед». Одд выстрелил второй раз, и произошло то же самое со второй рукой и вторым глазом. Ослепнув, она удалилась. Одд решил пойти за ней и посмотреть, где же она живет.

Он долго шел за ней по горам. Наконец он увидел огонь и забрался в пещеру. Над огнем висел огромный котел. Вокруг сидело много народа, а на почетном месте — страшное чудовище. Оно было все черное, кроме глаз и зубов. Нос был большой, горбатый и сгибался вниз над ртом. Губы толстые — нижняя свисала над грудью, а верхняя скручивалась под носом. Волосы жесткие, как ус кита, покрывали всю его грудь. Глаза были как две кадки. Такого же вида была и жена его.

Чудовище сказала:

— Убить нам Одда не удастся, так как ему присужден гораздо больший век, чем другим людям. Я знаю также, что финны пригнали его сюда, чтобы мы его убили. Но так как это невозможно, то я дам, пожалуй, попутный ветер, ничуть не меньший, чем тот, каковой финны дали для пути сюда. А за то, что он стрелял в мою дочь, я дам ему прозвище Одд Стрела (Oddr Oervar).

Услыхав это, Одд выстрелил в великана. В суматохе

люди повскакивали со своих мест и стали убивать друг друга, а Одду удалось благополучно скрыться в темноте. Пока он добирался назад к кораблям, великаны опять собрались на мысу, выражая удивление, что им не удалось убить пришельцев.

— У них зверь, который дышит стрелами и выпускает пламя изо рта. Не могу понять, кто их послал к нам. Впрочем, я хочу спать и ухожу.

Они бросили камни в возвращавшихся на лодке Одда и Асмунда и разошлись.

Одд рассказал ожидавшим все то, что с ним произошло, и велел поднять парус, так как поднялся ветер, который был, пожалуй, сильнее прежнего. Началась страшная буря и метель, ударил такой мороз, что волны, вздымаясь, замерзали в виде гор. Двадцать дней они плыли, постоянно выкачивая воду, и наконец снова оказались в Финляндии, где нашли гавань и отдых. Это была та же гавань с землянками. В отместку за козни финнов, викинги опять разграбили финские землянки. После этого отправились домой.

Вернувшись на родину из страны великанов Ризаланд, Одд с братьями всю зиму пировали, а весной пошли в новый поход — на Балтику.

Первой землей на пути Одда была Дания. В Дании Одд помог датскому королю Омунду в борьбе с королем Рингом, на дочери которого он женился. И хотя побежденный король Ринг был ранен Оддом, но, переступив через обиду, благословил этот брак.

В 852 году Одд, по-видимому, участвовал в набеге на Ладогу (Альдейгьёборг, Альдейгью). Получив богатый выкуп, дружина Одда возвратилась в Данию. В этот период Одд три года владел Ирландией и воевал с английским королем Ятмундом.

В Ирландии Одд потерял побратима Асмунда, с которым был очень близок. Когда Одд стал грабить страну, жители удалились в лесные дебри. Одд зашел в лесную стра-

ну так далеко, что следовать за ним мог только Асмунд. И вдруг неведомая стрела пронзила грудь Асмунда, и тот умер.

Одд решил мстить за смерть Асмунда. Вскоре он встретил группу людей. Их король, которого можно было узнать по одежде, еще держал в руках лук, из которого был убит Асмунд, и Одд убил его волшебной стрелой, а с ним еще шесть человек. Остальные бежали. Преследуя их, Одд попал в чашу. Чтобы продрасться через нее, он был вынужден вырывать кусты с корнем. В одном месте куст выдернулся неожиданно свободно, и под ним Одд увидел дверь, ведущую под землю. Спустившись в подземелье, Одд увидел семь прекрасных женщин. Это были женщины-эльфы. Вид их сразу очаровал Одда. Схватив самую красивую, он захотел ее увести. Но она пригрозила ему карами небесными и взамен пообещала сшить ему волшебную сорочку, которая предохраняет от ранения железом.

Женщина-эльф (Эльфа) обещала сделать такую сорочку за год. И Одд пока решил вернуться на родину и отвезти туда тело Асмунда для погребения.

Вернувшись в Ирландию, Одд сразу женился на дочери ирландского короля и жил с нею три года. А в назначенный срок к Одду приехала в карете Эльфа и привезла обещанный подарок.

Через три года Одд вернулся в Норвегию, где воевал с конунгами Иваром и Хлодвером. Сохранились сведения, что Одд посещал Гренландское море и достигал берегов Америки.

Затем Одд решил совершить поездку на Ближний Восток в Святую Землю. Сев на корабль, он поплыл мимо Аквитании и пристал к берегам Сицилии, где его радушно встретили братья-норманны, владевшие в это время островом. Аббат местного монастыря оказал ему гостеприимство и попросил Одда наказать морских разбойников. Эту просьбу Одд выполнил, прогнав корсаров до греческих островов.

Возвратившись в Сицилию, Одд принял святое креще-

ние вместе со всеми своими воинами и получил христианское имя Феодор.

Из Сицилии Одд-Феодор отправился в Иерусалим, но по пути буря разбила корабль. Держась за обломки, Феодор достиг берега и по суше добрался до Иерусалима. Побывав на Святой Земле, где он купался в Иордане, он морем отправился в Сирию.

На обратном пути из Иерусалима Феодор попал в Гуналанд (вероятно, пройдя через Византию и Болгарию). Вначале сразу по прибытии в Гуналанд (ныне эта земля называется Венгрией и Моравией) встретил Феодор у небольшой избы Иольфа, который рубил дрова, и Иольф пригласил Одда-Феодора переночевать у него.

За ужином Одд подарил Иольфу красивый нож. Когда Одд проснулся, Иольфа уже не было. Возвратился он лишь к полудню, принеся в дар Одду три прекрасно обработанные стрелы с каменными наконечниками. Приняв их в дар, Одд отправился к местному королю Геррауду (Рюрику) и попросил позволения остаться у короля на зиму. Чтобы его не узнали, он ходил, укутавшись в плащ, почему и получил прозвище Кофлмадрин («человек в плаще»).

Стремясь сохранить инкогнито, Одд говорил, что ни на что не способен, так как долго жил в лесу. На пирах его сажали у самых дверей — на месте, наименее почетном, а потом назначили собирать убитых на охоте зверей. Но на первой же охоте он убил больше всех. Король заподозрил, что это не простой человек.

Двое его подданных вызвали Одда на состязание в плавании, и Одд победил их. Тогда решили подпоить Одда и выведать, кто он такой. Оба молодца по очереди подходили к Одду с рогом вина и пели славу своим подвигам. Самохвалил себя в ответ и Одд, перечисляя свои подвиги, каждый раз осушая рог.

Король же записывал все, им сказанное, на дощечку и в итоге убедился, что перед ним знаменитый герой Одд. Изобличенный таким образом, Одд сбросил с себя плащ и предстал перед королем в пурпуре (одежде царей), со

светлыми волосами, убранными на челе золотым обручем. Его посадили на самое почетное место, и он посватался к дочери короля — Силькизиф.

Тем временем король Бьялкаланда отказался платить Рюрику-Геррауду дань. Геррауд пообещал свою дочь тому, кто покорит Бьялкаланд. Одд совершил поход в Бьялкаланд, где он, как христианин, разрушил языческие храмы и жертвенники.

В бой с ним вступили королева бьялков Гида и ее сын Видгрип. Одд убил Гиду волшебными стрелами Иольфа, так как обычные стрелы с железными наконечниками ей были не страшны. Первая же стрела пробила руку королевы и попала в глаз, вылетев из затылка, вторая пробила второй глаз, а третья вонзилась в туловище колдуньи, и та погибла. Затем Одд убил и ее сына.

Наутро король с остатками войска отступил в свой город. Одд громадным колом разбил ворота и им же нанес удар по голове короля Бьялкаланда Альфа Бьялки. Завладев страной, он привез к Геррауду несметные сокровища.

Вскоре после этого Геррауд умер. Одд женился на его дочери и стал королем Гунландии, завладев славянскими землями к северу от Дуная. Вот тогда-то, после смерти Геррауда-Рюрика, сделавшись наследником его владений, он, наверное, и получил почетное прозвище «Хельги» (Хельг). Заметим, что в Скандинавии — по крайней мере, ко времени составления саг — Хельги воспринимается как обычное имя, хотя еще не забыт смысл этого слова — *мудрый, вещий*. Однако, возможно, его мог получить не каждый, а лишь тот, кто проявил это качество. Таким образом, это не просто имя, а, скорее, почетное прозвище, почти титул, особенно — в *иноязычной среде*. Для Одда — это славянская среда, в которой он и становится «Хельги» — Олг по-древнерусски, Олег, притом — Вещий Олег!

Тем временем, в 844 году из-за натиска немцев на земли славян-ободритов и гибели их князя Гостомысла у славян начались раздоры. Часть племени с Вадимом, сыном Гостомысла, переселилась на земли вокруг озера Ильмень,

в страну Колбягию (Кюльфингаланд; кюльфинги — значит «копейщики», основным оружием местных жителей были копья, у варягов же — топоры). Здесь, на севере современной России, в городе Альдейгья (Ладога), проживали выходцы из Упсалы — шведы-колбяги. В деревнях же и весях проживало местное финноязычное население — чудь. Пришельцы из славянской земли ободритов поставили новый город — Новгород.

Согласно легенде, город Ладога был основан самим богом Одином. В VII веке город был покорен королем Ингваром. С тех пор город находился в зависимости от Упсальского короля [подробнее об этом см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999].

В конце IX века Ладогу захватил конунг Эйрек, в дружине которого находился берсерк Грим Эгир (Великан Моря), по силе и удали превосходивший своего господина. От руки Грим Эгира погиб ладожский конунг Хреггвид (Древо бури), великий конунг и мудрый правитель. Над ним насыпали курган, вокруг которого потом происходили чудеса.

Грим Эгир убивал людей, то исторгая огонь, то изрыгая яд, и никто не мог устоять перед ним. Против Эйрека и его берсерка и выступил Хельг Одд-Феодор-Хрольф, подойдя к Ладоге с юга по течению реки, идя через земли Смоленские.

Вот тут-то и надо вспомнить, что у Одда было второе имя, точнее — первое, родительское: Хрольв, о чем мы говорили выше. Это и заставляет (точнее, судя по развитию событий, *дает нам право*) предполагать, что герой другой саги — Хрольв-Пешеход — все тот же наш Хельги-Одд!

Произошла ужасная битва между Хрольфом и берсерком. Если отбросить сказочные черты битвы, то результат боя следующий: Хрольф-Одд убил Великана Моря, проткнув его мечом. Умирая, Грим Эгир потребовал, чтобы его похоронили в большом кургане у моря, «и каждый, кто высадится в том месте, погибнет». Хрольф-Одд и его люди

насыпали три кургана. В третьем кургане у моря был захоронен Грим Эгир. Место было выбрано так, чтобы туда не могли подойти корабли.

После победы над Грим Эгиром и смерти Эйрека, Хрольф Пешеход, он же Одд Стрела, женился на дочери конунга Хреггвида и стал правителем Гардарики. Но его резиденция располагалась уже не в Ладогe, а в Новгороде, политическое влияние которого начинает быстро расти с середины IX века. Женившись на дочери местного конунга (князя), Хрольф получил законное право называться князем. Но на Руси-то он больше известен как Вещий Олег. О смысле этого имени — почетного прозвища мы говорили выше. Добавим, что «вещий» — это русская калька со скандинавского Хельги. Так что Вещий Олег лингвистически — «масло масляное».

От своей жены Силькизиф Одд имел двух сыновей: Асмунда и Геррауда, которые были названы так в честь сводного брата и тестя Рюрика-Геррауда (Рюрик — это не имя, а прозвище, означающее «Сокол», настоящее же его имя — Геррауд).

Землями, подвластными Олегу, являлись: Славения (земля лужицких сербов и ободритов), Польша (земля лендзян), Белоруссия (земля кривичей), Ладожская и Новгородская земля, которая полностью перешла к Олегу после убийства Вадима Гостомысловича.

Известно, что Хельги Одд участвовал в сватовстве к сестре датского короля Ингелуса Хельге (Ольге), будущей княгине Ольге-Елене. Сватали ее за Хельги Ингвара (Предводителя-Младшего), якобы сына Рюрика, но более вероятно, что он был не Рюриковичем, а Олеговичем.

На руку Хельги было два претендента — Хельги Ингвар (другой вариант прочтения имени — Ингорь, в русском переводе Игорь) и Ангантир. Между ними произошла дуэль — «божий суд». Но на поединок с Ангантиром вышел не подросток Ингвар, а опытный воин — Хельги Одд. И Ангантир проиграл поединок. Так Ольга досталась Ингвару. За этот бой Одд получил еще одно прозвище: «Стерк Одд», то есть Сильный Одд.

Говорят, что сватовство Ингвара произошло в 883 году.

Почему вместо Ингвара на бой вышел не Рюрик, а Хельги Одд? Возможно — из-за весьма преклонного возраста Рюрика. Перед смертью Рюрик поручил Хельги Одду всех своих многочисленных сыновей — и ни об одном из них в истории ни слуху, ни духу. Куда же они делись? Вероятно, сгинули, как ненужные претенденты. Карамзин же утверждает, что даже старшего Рюриковича — Аскольда, Олег постарался уничтожить.

В первые годы княжения Игоря Олег постоянно воевал, «примучивая» то северян, то радимичей, то вятичей. Но вот наступил 911 год. Запечалился Олег, желая увидеть на старости родные места. Взял он дружину из 80 человек и отправился на родину — в Норвегию. Жена отговаривала его: зачем тебе остров Рафниста, когда тебе принадлежит огромное русское королевство? Но что может быть милее родины?

Приплыв в Вик, высадился Хрольф-Одд на берег и, чтобы прокормить дружину, забил чужой скот, пасшийся на лугу. Хозяева скота пожаловались королю, и тот приказал объявить банду Хрольфа (Рольфа) вне закона. И бежал Рольф во Францию, нанялся со своей дружиной к французскому королю, получив во владение земли, которые и заселил своими норманнами. С тех пор эта область Франции называется Нормандией, а сам Рольф стал основателем Нормандской династии, а стало быть, и династии английских королей.

О его смерти есть две версии: первая гласит, что Рольф-Ролло («неистовый Роланд») погиб в войсках Карла Великого в Испании от рук сарацинов. По второй версии, он возвратился на родину и, бродя по родным местам, рассказывал, как вот здесь он учился метать копье, а там любил играть с Асмундом.

И так, бродя и вспоминая, оказался он на том месте, где был похоронен его конь Факси. Протекавший там ручей подмыл берег, и кости коня оказались на поверхности земли. Увидав череп, Олег-Одд сказал, обращаясь сам к

себе: «Не моего ли коня Факси этот череп?» И с силой ударил по черепу копьём. Череп отлетел прочь, а из-под черепа метнулась потревоженная змея и укусила Олега чуть выше щиколотки.

Старый организм уже не мог справиться с ядом, нога начала опухать. И тогда Олег-Одд заявил своей дружине: «40 человек отправляйтесь за хворостом и дровами, а 40 останьтесь при мне, я хочу сложить песню о своих подвигах, и хочу, чтобы вы записали песнь, перед тем, как я умру».

Так и поступили: одни стали собирать дерево для погребального костра, другие же записывать сказание о жизни славного витязя. И когда песнь была сложена, Олег сам взобрался на кучу дров, лег и тихо скончался. Там, в Норвегии, он и был предан огню, по обычаю викингов.

С тех пор пошла немецкая поговорка: «Dem Ross soll man nicht trauen, auch wenn es auf der Stangehaengt» («Не верь коню, даже висящему на шесте»).

Скандинавы утверждают, что Хельги Одд-Феодор-Хроль-Олег умер у себя на родине — в Норвегии, немцы и франки сообщают о его смерти в Испании (неистовый Ролланд, вассал Карла Великого). Впрочем, на Руси были уверены, что Олег умер и похоронен на русских землях. Последним датированным событием, связанным с Олегом и известным по русским летописям, является сообщение Новгородской I летописи о походе Олега на Царьград в 922 году. А о его смерти от коня на Руси рассказывали так [Рукописный Синописис Ундольского, л. 83, об — 84]:

*«И нача Олг князь со Игорем веселитися, творяше пирова-
ния веселого много, и егда Олг князь на веселии рече бо-
ляром своим о себе, яко аз новый есмь царь Александр
Македонский мудростию и храбростию надеяся обладати
всем светом, да аще мог кто угонуть, от чего мне будет
смерть, тогда бы тому много имения дал. И тогда при-
лучилися у Олга князя 2 мужа кудесника и рекоша к
нему: то, господине, мы ведем гораздо, от чего тебе,*

княже, хочет смерть бы: есть, господине, у тебя любимы конь твой, от того тебе будет смерть. Князь же Олег не полюби той смерти и возвещая своим боляром на сих кудесниках и рече: послушайте вси, да скажю вам, како сии мужие прорекли мне смерть злую, яко от лучшего коня мне умерети. И по сем вопросы кудесников: и вам от чего будет смерть? Они же к нему рекоша: тебе, княже, от коня, а нам от тебя смерть будет. И рече князь Олг: «то будет по моей воли, и вас погубить не велю и на коне своем ездити не хочу, да не велю его водить перед себя». Да егда то будет, 7 лет минется. На осмое лето на пиру воспомянул Олг князь конь свои любимы и вопросы конюшего своего о коне: «Где тот конь мои любимы, от котораго мне прорекри кудесники, что умерети мне от него?» Рече же ко Олгу конюшей его: господине княже, уже 3 года минулось, как тот конь твои любимы умре. Князь же о сем посмеявся не мало и рече кудесником: ту суть неправии ваши речи. И тако князь Олг повеле их обесити на древе, и са князь всед на конь и поиде з боляры своими, и ехавши ему путем, и обрете окрест града кость лежащу, главу коневу, и рече конюшей ко Олгу князю: вот, господине княже, глава твоего любимаго коня. И князь нача смеяться и речек: брате мои и друже, и те кудесники осуждены на смерть за то, что мне от него прорекли смерть. И сам князь Олг сниде с коня своего и ступи ногою на лоб, на сухую главу коневу, и рече глумяся: с от тебе мне прорекли умерети! И выкинулася змия из главы тоя великая и тако ужали князя Олга за ногу, и оттого разболеша и умре. И тако людие начаша тужити о кудесниках, что их князь осуди без вины на смерть лютую»

(Рукописный Синописис Ундольского, л. 83, об — 84.)

Для верности даже указывали три могилы Олега: одну в Ладогe, а две в Киевe: одну у Жидовских ворот, другую — на Щекавице. У настоящего героя и могил должно быть много!

Кто же такой этот загадочный Олег, герой, на протяжении по крайней мере восьмидесяти лет потрясавший всю Европу, от запада до востока?

Да никто. Не было, скорее всего, никакого Олега как *единого исторического персонажа*. В этой явно стяжной фигуре слились образы нескольких скандинавских предводителей, удостоившихся этого имени-прозвища — «Хельгов», «Олегов». Был Хельг Одд, был Хельг Ролло-Рольф, были и другие «Олеги», и вычленив из этих преданий, какое деяние какому «Олегу» принадлежит, достаточно сложно, а в некоторых случаях — невозможно в принципе.

Самое интересное, что все могло быть и с «точностью до наоборот». Был только один реальный персонаж с очень яркой даже для смелого и удачливого скандинавского вождя судьбой. И с течением исторического времени наиболее яркие черты его биографии, в том числе «смерть от коня своего», народная молва начала переносить и на других исторических персонажей, превращая эти моменты жизни одного человека в типичный для фольклора «бродячий сюжет».

Впрочем, это относится не только к Олегу.

СКАЗАНИЕ О ХЕЛЬГЕ ИГОРЕ-ГЕОРГИИ

Опять же, напоминаем читателю, что, как и в предыдущих случаях, дальнейший текст — это наша собственная «композиция», составленная из различных источников (главным образом — русских летописных), собранных Ф. Гиляровым в указанной выше книге.

Князь Игорь, судя по сообщениям большинства источников, был сыном Рюрика и, может быть, каким-то дальним потомком Гостомысла (правнуком? внуком?). Дата его рождения приходится на 861 год («861 г. Изгнали варяг за море новгородцы и поселились варяги-россы в Абове, где родился у Рюрика Африкановича и жены его Ефанды сын, названный Ингорем»).

В 862 году, после смерти Гостомысла, произошло изве-

стное по «Повести временных лет» призвание варягов на Русь, и Рюрик с семьей прибыл в Старый город — Ладугу. Через два года Рюрик построил Новый город — Новгород, куда и перебирался вместе с семьей. Здесь, в Новгороде, и прошла юность Игоря. Как-то раз был он в Псковской земле на охоте, и по какой-то оплошности слуги оставили его одного. И увидал он на другой стороне реки желанную добычу, но не было у него возможности переправиться на ту сторону реки. И тут увидал он лодку, идущую по реке, а лодкой управляла девица (будущая княгиня Ольга). Игорь приказал ей переправить себя на другой берег. Когда же он сел в лодку, то обратил внимание на красоту и юность девушки, и разгорелось в нем желание, и стал он ей делать непристойные намеки, на что Ольга ответила: «Что попусту себя смущаешь, князь! Произносишь ты постыдные речи, позорящие меня. Не прельщайся, видя меня юной и одинокой, не надейся меня одолеть, лучше мне утопиться, чем оказаться тобою поруганной!»

Встреча эта глубоко запала Игорю в душу.

В 879 году умер отец Игоря — Рюрик, оставив на попечении своего сродственника Олега детей своих, «коих было у него много». Аскольд, старший сын Рюрика, к тому времени уже нанялся на службу к хазарам и правил в Кисе. Заметим по ходу изложения, что в большинстве летописей Аскольд (Осколд) вместе со своим поделником Диром называются просто «людьми» Рюрика, причем иногда даже — незнатными. Иногда намекается, что они — потомки Кия, попавшие на службу к Рюрику. Но есть и тот вариант предания, который мы в обобщенном виде здесь и предлагаем как вполне вероятный.

А юный Игорь вместе с Олегом правил в Новгороде, присматривая за многочисленной семьей Рюрика — да так «хорошо», что вскоре от всей семьи Рюрика в живых не осталось никого (кроме Игоря). Последним погиб Аскольд, убитый во время похода Игоря и Олега на Киев. Было это в 882 году: в этот год, упрочив свою власть в Новгороде, 21-летний Игорь с Олегом двинулись на юг, путем «из варяг в греки».

Придя к Смоленску, Игорь с Олегом «стали выше города, и шатры поставили многие разноцветные». Увидав это, вышли старейшины города и спросили человека из свиты: «Кто это пришел? Царь ли какой или князь в великой славе?» И вышел из шатра Олег, «держа на руках у себя Игоря» (21-летнего парня вынес на руках! Или Игорь был гораздо моложе? Или он страдал дистрофией и потерей веса? Или был инвалидом и не мог ходить?), и сказал смолянам: «Вот Игорь, князь Русский». И весь город признал себя подвластным Игорю. «И принял Ингорь город под свою руку и посадил там «мужи своя».

Как сами понимаете, нелепость этой сцены проистекает из разноголосицы летописей по поводу даты этого события, а стало быть, и возраста Игоря. Таких мест нам и дальше встретится масса, поэтому мы предоставляем читателю полное право самому судить о достоверности излагаемого, не оговаривая каждый подобный случай специально.

От Смоленска Игорь с Олегом пошли к Киеву, где в это время правил старший сын Рюрика, Аскольд (имя его переводят со шведского как «золотоголосый»). Придя к Киеву, воины Игоря спрятались в лодках. «И послан был вестник к Оскольду и воеводе его Диру с вестью: «Мы купцы, идем в Грецию от князя Ингоря и от князя Олега, заболели, мол, потому просим вас придти к нам, к родственникам своим». Так как Игорь действительно был родственником Аскольда, тот считал себя не в праве отказать в просьбе и вышел к лодкам без дружины, с одним только Диром. Тут выскочили спрятавшиеся воины и окружили Аскольда... Вероломство, впрочем, характерная черта не только русских князей.

Игорь убил Аскольда и Диру, сказав им на прощание, что только ему, Игорю, подобает быть князем. Так киевский стол перешел к Игорю, и отсюда, собственно, и пошла Русская земля.

Игорь сел на княжеский престол в Киеве, оставив Олегу Смоленск и Новгород. Летописцы утверждают, что был Игорь храбр и мудр. И вспомнил он о той деве, что встре-

тилась ему на реке на Псковщине, и послал он к ней послов, и обручился с ней в 883 году.

Олег же в этом же году совершил поход на древлян «и примучил их, получив с них дань по черной кунице».

Кто такие древляне? Какого рода-племени? Посмотрим, что об этом говорит русская летопись. Древляне при княгине Ольге жили на Днепре южнее порогов, куда их переселил Игорь, но при Олеге они еще жили на Волге, где назывались иначе, а именно уличами, или угличами. Их главный город — Углич — стоит до сих пор.

Об основании города Углича известно следующее [Рукопись Р М № 934]:

«Игорь послал для построения города Углича княжича некоего именуемого Яна, родом плесковитина суца, который прибысть с княгиней Олгою, юже приведе за жепу князю великому российскому Игорю в лета 6453 г. В то же время приходит и до означенных по берегу Волги жительствоющих оный княжич Ян частнорасселенных при Волге углян... при углу Волги... и поселил в нем жителей в 6460 (952 г.), потребный и лепотный град прекрасен во славу божию создав. В сей год Ян крестился вместе с Ольгой и назвался Иоанном».

Какие-то древляне жили и к северо-западу от Киева, на реках Тетерев и Припять, и их главным городом был Коростень, сохранившийся до сего дня. Получается, что везде вокруг Киева жили сплошь древляне — только в Киеве сидели потомки Рюрика, полуваряги-полу-неизвестно кто (сами себя они называли русью). И это, вообще говоря, не противоречит истине: варяжские князья-находники устроили на киевских горах разбойничий притон, куда свозили дань, собранную с покоренных и «примученных» славянских и других племен. Этот притон «руси» был островком в море иноязычных варягам народов и немудрено, что новые насельники — очень немногочисленные, но очень «пассионарные» — быстро растворились в славяно-иранской среде.

Судя по летописным рассказам, все первое время правления Игоря только Олег без конца трудился, «утирая пот за Русскую землю», то есть грабя и подчиняя себе окрестные племена. В 885 году Олег отправил послов к радимичам с вопросом: «Кому дань дасте?» (на современном жаргоне: «Кто у вас «крыша?»). Те отвечали: «Хазарам». Тогда Олег заявил: «Не давайте хазарам, но мне давайте». И радимичи, скинувшись, дали ему по шелягу (монета в 1 шиллинг по курсу того времени, оплата производилась в твердой валюте, так как славяне между собою при торговле пользовались старыми изношенными шкурками, которые в других странах за деньги не признавались).

Попутно заметим, что «сбор дани с радимичей и вятичей польской монетой шелягом, очевидно, домысел летописца» — так писал Д.С. Лихачев в своих комментариях к «Повести временных лет» [с. 254]. Так что вопрос с шелягами очень непростой.

Благодаря Олегу территория, контролируемая дуумвиратом, расширилась. Им платили дань ильменские славяне и лужицкие сербы, поляки-лендзяне и белорусские кривичи, финноязычная чудь и ираноязычные северяне, поляне, радимичи. Теперь от Волги и до Эльбы, от Ладоги и до Северского Донца можно было ходить с войском и собирать дань. Но, конечно, были проблемы: уличи, или древляне давать дань отказывались — их постоянно приходилось за это наказывать.

В 903 году, через 20 лет после обручения, к Игорю, наконец, привели из Пскова долгожданную «молодую» — именем Ольгу, дочь Гостомыслову (напомним, Игорь — правнук Гостомысла... Получается, что невесте было уже за шестьдесят. (Но о феноменальном долголетии Ольги мы расскажем ниже.)

Через четыре года Олег отправился грабить греков. Набрал он войско из подвластных ему племен: взял с собою варягов, славян, русь, чудь, кривичей, мерю, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов и дулебов, а также тиверцев (кто такие — неизвестно). И отправились

они на конях и на лодках, коих было у них 2000. В каждой лодке по 40 воинов. И пришли к Царьграду. И приказал Олег поставить лодки на колеса, и под парусами пошли они к городу по суку. И запросили греки мира. Тогда прибил Олег свой щит к вратам города, как символ того, что город сдается без боя. И выставил охрану, дабы предотвратить грабежи и разбои — любили его люди пошалить. И потребовал Олег по 12 гривен на корабль (то есть всего $12 \times 2000 = 24000$ гривен, что составляет 128 тонн серебром!).

Получив откуп, а по дороге еще немного пограбив, возвратился Олег на Русь. Так как в походе участвовали 80 000 человек, то на каждого (если разделить по-братски) приходилось бы по 1,6 килограмма серебра.

После 911 года Олег погиб: «Иде Олег к Новугороду и оттуда — в Ладогу... идущю ему за море и уклюну змиа в ногу и с того умре». Похоронен Олег, как мы уже говорили, был сразу в трех могилах. «Поразительна неосведомленность русских людей о судьбе Олега!» — удивляется академик Б.А. Рыбаков [Рыбаков Б.А. *Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982, с. 311]. Добавим: не менее поразительна неосведомленность русских людей о судьбе Кия, Буриvoja, Гостомысла, Рюрика, Аскольда, Игоря, Ольги... Все эти персонажи двоятся, троются, живут по 100–200 лет, одновременно совершают подвиги в самых разных концах Европы и Азии, отроками женятся на старухах и после смерти их хоронят сразу в нескольких могилах. Удивительно? Но если мы вспомним, что все без исключения письменные источники опирались на малонадежные устные сведения, на плохо понятые исторические припоминания, что они многократно редактировались впоследствии — то чему ж тут удивляться?

...С 912 года стал в Киеве единодержавно править Игорь. Первое, что он сделал в качестве самостоятельного правителя — поехал в Псков и вторично женился на Ольге: «Женился князь Игорь во Плескове, поя за себя княжну, именем Олгу, дочь князя Тмутаракана Половецкого» [Синописис Ундольского № 1110, л. 83 об. — 84]. Затем за-

нялся древлянами — дело в том, что те узнали, что их покоритель Олег сгинул без следа, и отказались платить Игорю дань, закрыв перед его людьми ворота. Пришлось Игорю в 914 году идти на них войной. Победил Игорь древлян и наложил на них дань больше прежнего — науки ради. Только город Пересечен на Днестре не сдавался, и Игорь отдал его своему новому воеводе — Свенельду, который три года осаждал его и еле одолел. Взял Свенельд с жителей Пересечена дань по черной кунице и отдал все своей дружине за труды.

Время 912–940 годы ничем особенно ярким отмечены не были. Вероятно, устав от безделья, Игорь в 941 году послал к грекам «по дань», но греки (то есть Византийская империя) почему-то денег давать не захотели. Тогда пошел Игорь на греков войной, идя на 10 000 ладьях. Много пожгли сел и церквей, грабя и разоряя страну. Собрав большое войско, греки вступили в бой, побили русских воинов, и те бежали с поля боя. Разбитые на суше, решили русы взять реванш в море, но греки применили «греческий огонь» и сожгли многие ладьи русские.

Подробный рассказ о походе Игоря на Царьград в 941 году приводит анонимный византийский историк, известный как Продолжатель Феофана [Продолжатель Феофана. *Жизнеописание византийских царей*. М., 1992, с. 175–176]:

«Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы, коих именуют также дромитами, происходят же они из племени франков. Против них со всеми дромонами и триерами, которые только оказались в городе, был отправлен патрикий. Он снарядил и привел в порядок флот, укрепил себя постом и слезами и приготовился сражаться с росами. Когда росы приблизились и подошли к Фаросу, патрикий, расположившийся у входа в Евксинский Понт, неожиданно напал на них на Иероне... Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей росов, множество их спалил огнем, остальные же обратил

в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми. Уцелевшие поплыли к восточному берегу, к Сгоре. И послан был тогда по суше им наперехват из стратигов патрикий Варда Фока с всадниками и отборными воинами. Росы отправили было в Вифанию изрядый отряд, чтобы запастись провиантом и всем необходимым, но Варда Фока этот отряд настиг, разбил наголову, обратил в бегство и убил его воинов. Пришел туда во главе всего восточного войска и умнейший domestик схол Иоанн Куркуас, который, появляясь то там, то здесь, немало убил оторвавшихся от своих врагов, и отступили росы в страхе перед его натиском, не осмеливаясь больше покидать свои суда и совершать вылазки. Много злодеяний совершили росы до подхода ромейского войска: предали огню побережье Стена, а из пленных распинали на кресте, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связывали за спиной руки и вгоняли им в голову железные гвозди. Немало они сожгли и святых храмов. Однако надвигалась зима, у росов кончалось продовольствие, они боялись наступающего войска domestика схол Куркуаса, его разума и смекалки, не меньше опасались и морских сражений и искусных маневров патрикия Феофана и потому решили вернуться домой. Стараясь пройти незаметно для флота, они в сентябре пятнадцатого индикта ночью пустились в плавание к фракийскому берегу, но были встречены упомянутым патрикием Феофаном и не умели укрыться от его неусыпной и доблестной души. Тотчас же завязывается второе сражение. И множество кораблей пустил на дно, и многих росов убил упомянутый муж. Лишь немногим удалось спастись на своих судах, подойти к побережью Килы и бежать с наступлением ночи. Патрикий же Феофан, вернувшийся с победой и великими трофеями, был принят с честью и великолепием и почтен саном паракимомена».

Факт разгрома Игоря у стен Константинополя подтверждают, помимо византийских, источники русские — «Повесть временных лет», арабские — ал-Масуди, западноевропейские — Лиупранд Кремонский. Весьма характерно, что Продолжатель Феофана в своей хронике указывает на франкское, то есть западноевропейское происхождение русов — дружины Игоря. Этому не противоречат и другие факты. Мы уже упоминали, что штаб-квартиру Игоря — Киев окружало славянское (древлянское) население, для которых «русы» были пришлыми чужаками, ненасытными грабителями. А в самой Скандинавии хорошо знали и помнили «конунга Ингвара». Согласно «Саге о Стурлауге Трудлюбивом», Ингвар был конунгом на востоке в Гардах (Гардарика — так скандинавы нередко именовали Русь), правил в Альдейгьюборге (Ладогe) и считался «мудрым человеком и большим хёвдингом». Конунг Ингвар имел дочь Ингибьёрг, к которой сватался варяг по имени Франмар, но жених отцу не понравился, и Ингвар собрал тинг, чтобы его дочь на тинге выбрала себе достойного мужа. На тинг Ингвар пришел с большим войском и многочисленными советниками. Франмар, назвавшийся другим именем, все равно был опознан Ингибьёрг, и тинг пришлось быстренько закруглять. После ряда безуспешных попыток встретиться с Ингибьёрг, Франмар уехал в Швецию и вернулся в Гардарику уже вместе с конунгом Стурлаугом. Ингвар выступил против них со своей дружиной и в трехдневном бою был разбит и погиб от руки Стурлауга. Стурлауг торжественно передал власть в Ладогe и «во всем том государстве, которым владел конунг Ингвар» Франмару и женил его на дочери покойного — Ингибьёрг [подробнее об этом см. Глазырина Г.В. *Исландские викингские саги о Северной Руси*. М., 1966, с. 158–171].

В том, что реальный князь Игорь, он же Ингвар, был скандинавом, нет никаких сомнений. Об этом говорит и направленность его внешней политики. Его походы на древлян, на Царьград — какие внешнеполитические задачи они решали? Да никаких. Цель одна: грабеж, дань —

типичная политика разбойника. Какая там «дипломатия Древней Руси»!

Да и ближайшие соратники Игоря благодаря «Повести временных лет» хорошо известны нам по именам: Карл, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулаф, Гуды, Руальд, Карн, Фрелаф, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид. То есть почти все — скандинавы (Стемид, Карн, Актеву, Труан и Фост — возможно, сарматы).

Но вернемся к жизнеописанию Игоря. Спустя год после неудачного его похода на Царьград родились два в будущем знаменитых князя — сын 83-летнего Игоря и более чем 100-летней Ольги Святослав Игоревич и сын Святослава Игоревича Владимир Святославич — будущий креститель Руси. Как так случилось — неясно (мир полон чудес, не будем забывать об этом!). Только известно, что оба эти рождения пришлись на первую половину года — с марта по июнь.

Отчасти помочь в прояснении этого вопроса могут скандинавские саги. Там ясно сказано, что Владимир был сыном княгини Ольги и, стало быть, братом Святослава, а вот кто был отцом Владимира?

В 944 году, желая отомстить за свое поражение, собрал Игорь воинов из варягов и руси, полян, словен, кривичей, тиверцев и печенегов и опять пошел на греков. Узнав о новом походе, греки предложили взять дань, откупаясь от Игоря. Заключив мир, Игорь возвратился в Киев, куда на следующий год ему доставили из Царьграда предусмотренную договором дань. Неясно, на что Игорь, собственно, польстился — сумма была мизерная. Наемникам Игоря даже нечем было, что называется, срам прикрыть, и они обиженно заявили, указывая при этом на дружинников воеводы Свенельда: «Отроки Свенельдовы разодеты, а мы наги. Идем с нами на древлян в дань — и ты добудешь, и мы!» Игорь не возражал и отправился в новый грабительский поход.

Собрав с древлян положенное и заплатив дружине, Игорь, оставив при себе лишь небольшой отряд телохрани-

телей, захотел еще немножко пограбить — «возвращуся, похожу, еще!» Это было уже через край. «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его! Так и здесь — пока не убьем его, то он всех нас погубит», — возмущались древляне. Они все же отправили к Игорю послов с вопросом: «Почто идешь опять — ведь получил уже всю дань!», но Игорь их не послушал, а принялся грабить.

Тогда древляне перебили всю его банду, а самого Игоря убили. Византийский историк Лев Дьякон рассказывает, что «германцы» (?) привязали Игоря к верхушкам двух нагнутых деревьев и разорвали на две части.

Так погиб князь Игорь. Он был похоронен близ столицы древлян Коростеня («и есть могила его у Искоростеня града в Деревех и до сего дьне»). Из черепа Игоря древлянский князь Мал Нискинин (в память о нем в бывшей древлянской земле до сих пор существует город Малин, Житомирской области) сделал себе чашу для питья, оковав «лбину» сребром: «И тако лбину князя Игоря оковавши древляне сребром и позлатиша и тако пияху и веселишася» [Рукописный Синописис XVII века Ундольского № 1110, л. 84–85, а так же рукопись Ундольского № 764, л. 83 об.].

Подробнее о гибели Игоря можно прочесть у Петра Петрея:

«Имея большое расположение к войне, Игорь сделал смотр своему войску и двинулся с ним на Гераклею и Никомидию. Однако ж все его войско было разбито и прогнано, и он принужден был бежать в печенежскую землю. Там его тотчас узнали, и князь этой земли Малдитто отрубил ему голову на месте, называемом Хоресто (Хорстово, Хорсово), где и похоронил его».

О том же сообщает и Мауро Орбини:

«Игорь убиен был от Малдитта, князя древлян, на месте, называемом Корест, где и погребен труп Игорев, которого сын Вратислав еще сый младенец».

Но это — довольно поздние средневековые авторы. К тому же по сходству имени древлянского князя и места гибели Игоря можно предположить, что сообщения обоих авторов восходят к одному источнику. На всякий случай — а вдруг читатель этого не заметил? — обратим внимание на следующий вопиющий момент. Как непосредственно следует из вышеприведенных текстов, эти самые несчастные древляне, которых так упорно «доставал» Игорь и которые, в конце концов, «достали» его — одновременно и германцы, и собственно древляне Припятского бассейна, и даже печенеги! Вот к чему ведет богатство исторических источников! И ведь это еще не все!

А арабами и хазарами последние годы жизни Игоря описаны совершенно иначе. Приведем цитаты из известной «иудейско-хазарской переписки»:

«С того дня напал страх перед казарами на народы, которые живут кругом них... А (византийский император) Роман послал большие дары Хельгу, царю Руси, и подстрекнул его на его собственную беду. И пришел он ночью к городу Самкерц и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно... досточтимому Песаху... И оттуда пошел он войной на Хельгу и воевал несколько месяцев и бог подчинил его Песаху. И нашел он добычу, которую тот захватил из Самкерца. И говорит Хельгу: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и вой с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или же буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошел Хельгу против воли и воевал против Константинополя на море 4 месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти казар».

Более распространена точка зрения, согласно которой Хельгу в этом тексте — это наш Олег. Но Олег успешно воевал с Византией, а здесь сказано о его поражении, да к тому же в морском сражении, так что, скорее всего, речь все-таки идет о «Хельгу» Игоре.

«Житие Василия Нового» также сообщает о сражении войск Игоря с греками: «и брани межю ими бывши, побезени быша русь, и биша их грецы бежащих».

Придя в Хазарию, «Хельгу» Игорь набрал войска из местных племен: ясов, северян, буртасов (приволжские аланские племена), и напал на Закавказье, разграбив город Бердаа, о чем имеются пространные сообщения у восточных авторов. Правда, имя князя русов там не называется, но по времени происхождения можно предположить, что речь идет или об Олеге, или об Игоре. Там в сражении «эмир» Игорь и погиб, но и в Киеве было почему-то сразу две могилы Игоря! Впрочем, как мы убедились, и у Олега была масса могил, так что пора нам к этому явлению привыкнуть. Отметим попутно, что на момент гибели Игоря везиром Хазарии был сын Кия, основателя Киева — Ахмад бен Куйя (годы правления 930—950), и это само по себе интересно.

952 год — дата последнего упоминания князя Игоря, как еще живущего (ему уже более 90 лет). В этом году Игорь послал для построения града Углич на Волгу некоего князя Яна, который и основал Углич — о чем мы упоминали выше. Тогда еще Игорь был язычником и «Игорь неверный еще... церковей видимых по градом ставити не позволял». Но так как известно его христианское имя — Георгий, стало быть, незадолго перед кончиной он все же принял христианство.

БАТЬКО СВЯТОСЛАВ

Киевский князь Святослав Игоревич родился в 942 году, как мы уже отмечали, одновременно со своим

сыном Владимиром. Вся жизнь Святослава прошла в боях и походах, цели которых просматриваются сквозь вуаль времени очень смутно. Уже в возрасте трех лет, в 945 году, младенец Святослав был предводителем конного войска при походе на древлян. Он первым начал сражение с древлянами, метнув копье, и по этому сигналу восводы двинули войска в бой: «Князь уже почал. Потягнем, дружина, за князем!»

Когда Святославу исполнилось пятнадцать лет, его мать, княгиня Ольга, предложила ему принять христианство, на что отрок рассудительно отвечал: «Как же я могу в одиночку принять закон? Дружина смеяться станет!» Антихристианские взгляды Святослава простирались столь далеко, что он даже убил в 971 году своего брата Улеба за принятие христианства [Татищев, с. 372]. Впрочем, это не помешало Святославу установить добрые отношения с Магдебургской митрополией (Германия): «При Святославе Игоревиче русская епархия была частью Магдебургской митрополии» [*Древнейшие государства Восточной Европы*. 1991, М., 1994, с. 80].

К двадцати годам, надо полагать, из Святослава уже вышел законченный стратег. По сообщению дореволюционного исторического беллетриста А. Нечволодова, «выросши и возмужав и собрав много храбрых, Святослав в 964 году направил первый свой поход на Волгу, где у хазар, буртасов и камских болгар изменнически погибла русская рать, возвращавшаяся в 914 году из похода по Каспию. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своих дедов» [Нечволодов А. *Сказания о Русской Земле*. М., 1997]. Да и то, пора уж и отомстить — чай, почти пятьдесят лет прошло, а память-то все жжет, все свербит, даром что как звали своих князей — не помнили, кто такой Олег — не знали... Полвека собирались мстить (раньше, вероятно, было недосуг) — вот что значит русское терпение!

Три года длился тяжелый поход. Расточил Святослав камских болгар, да так, что, по словам летописей, не осталось и следа от них (интересно, нынешние чуваши, их

прямые потомки, летописи читали?), ни от буртасов (к XIV веку они опять воскресли и пошли на Москву вместе с Мамаем), ни от хазар. Святослав уничтожил города Великие Болгары, Саркел (Белую Вежу), покорил ясов (предков осетин) и касогов (предков кабардинцев). А на обратном пути покорил вятичей.

Вятичи, как известно, жили на Оке. Ясы и касоги — южнее, в Приазовье. Куда же вел «обратный путь» Святослава? В Киев с Оки попасть трудно, гораздо легче либо в Смоленск, либо в Новгород. Уж не в Новгороде ли княжил Святослав?

Это предположение, кстати, не противоречит характеру Святослава. Похоже, что ему было все равно, где княжить. Типичный представитель архаичной, дружинной эпохи вождей и героев, странствующий предводитель вольницы, абсолютно «негосударственный» человек, полуваряг-полусармат — вот главные черты его портрета. «Ты, княже, чужой земли ищешь и блюдешь, а своей пренебрегаешь!» — пеняли ему киевляне, и были правы. Святославу были совершенно чужды интересы родной земли. Он любил войну ради войны и грабежа и в этом смысле был равно похож и на типичного ираноязычного кочевника — скифа или сармата, и на викинга — выходца из Скандинавии. Последние, кстати, были его современниками, но не будем забывать, что германцы, как и все индоевропейцы — выходцы из евразийских степей. Он много завоевывал, но мало сохранял. Святослав практически не бывал в Киеве, и считать его киевским князем можно с очень большой натяжкой — вместо него правили то Ольга, то Владимир.

Но ситуация в Восточной Европе середины X столетия уже существенно отличалась от той, какая была еще сто лет назад. Эпоха «вольных дружин» на ее юге прошла, и Святослав со своими головорезами оставался одиноким анахронизмом. Прагматичные соседи не преминули этим воспользоваться — ведь спрос на наемников сохранялся, а предложение, увы, падало: викинги этого времени занимались собственными завоеваниями в Северной Европе, и в

наемники еще не торопились. Хитроумные византийцы купили мечи Святославовой дружины и направили их против болгар. «Калокир привез Святославу много драгоценных даров, в числе которых было 27 пудов чистого золота, и просил от имени императора помочь грекам против дунайских болгар». [А. Нечволодов]. Позарившись на этот бакшиш, Святослав в августе 967 года с 60 000 воинов смело напал на болгар и за деньги принялся ручьями проливать кровь славянских братьев — впрочем, ему-то они братьями не были. «А болгарский царь Петр так огорчился этим неожиданным нападением русских, что у него отнялись руки и ноги» [А. Нечволодов]. Еще бы не огорчиться! К 968 году Святослав отобрал у болгар 80 городов. «Моя земля!» — радовался он. «Хочу жить в Переславце на Дунае, так как тут — середина земли моей, — писал Святослав Ольге, — тут все благое сходится: от греков — паволоки, золото, вино и овощи различные; из чехов и угров — серебро и кони; с руси — меха, воск, мед и рабы». Киев, Русь, какие-то там государственные задачи — все было забыто. Профессиональный грабитель, наконец, получил то, что желал — шуку бросили в реку!

В этом же году на Киев напали печенег. В городе оставалась Ольга с тремя малолетними внуками. (Впрочем, это как сказать — малолетними. Владимиру, вероятно, уже было 26 лет — а он был младшеньким. Остальные два брата, Ярополк и Олег, были старше отца — если верить русской летописи.) Киевляне послали к Святославу посольство со слезной просьбой о помощи, но великий воин только отмахнулся от них — разбирайтесь сами, не до вас!

Византийский историк Петр Диакон видел Святослава лично и оставил любопытный портрет князя:

«Вот какова его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой (то есть усами. — Прим. авт.). Голова у него была со-

вершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода. Крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Оде́яние его было белым и отличалось от одежды других только чистотой».

Длинные вислые усы, бритая голова, оселедец (хохол), белая рубаха... Не правда ли, что-то знакомое? А батько Тарас Бульба — помните? Запорожский казак! И удивляться не надо — это обычный облик степного сарматского воина еще с середины I тысячелетия нашей эры, если не раньше. И, самое интересное — он остается таковым чуть ли не до Нового времени, пока существует Запорожская сечь. Поразительный «степной консерватизм»! Святослав, вероятно, был первым из князей варяжской династии Рюриковичей, кто воспринял уже не северный, скандинавский тип дружинника, а южный, сарматский тип — ведь он родился в Киеве, в то время как все предыдущие князья были пришельцами с Севера! Но об этом напоминают только светло-синие скандинавские глаза Святослава...

Если завоеванная им земля на Дунае вызывала у Святослава восторг, то местное население — завоеванные им дунайские славяне — ничего хорошего от него не видели. Вероятно, Святослав со своей ватагой до такой степени их «достал», что они искренне желали ему смерти, и когда Святослав отправился на Русь — нанимать новых наемников в свою дружину, жители Переяславца послали к печенегам тайных послов: «пославши переяславци к печенегам, глаголюще сице: «се, идет к вы Святослав в Русь, взяв имения много у Грек и полон бесчисленный, с малой дружиной». Попав в засаду у днепровских порогов, Святослав был убит.

С нашей точки зрения, на фоне истории всех других русских князей до Ярослава Мудрого, Святослав — единственный персонаж нашей древней истории, биография

которого более или менее однозначно трактуется всеми письменными источниками — за исключением небольшого «прокола» с датой его рождения. Но по сравнению с тем, что мы говорили выше, и с тем, о чем скажем ниже, это — лишь малая историческая неувязка, оставляющая Святослава реальной исторической фигурой по сравнению с другими, почти мифическими.

ПЯТЬ ИПОСТАСЕЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Ипостась первая: Ольга-Прекраса Гостомысловна.

Дюрет в своей «Гистории о языцу общем» на с. 846 пишет:

«Игорь, сын Рюрикѡв, женат был на Ольге, дочери князя Гостомысла, жившего в Гардарике».

Более подробно об этом говорит Иоакимовская летопись (цитируемая, естественно, по Татищеву):

«Егда Игорь возмужа, ожени его Олег, поят за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашеся, а Олег преименова ю и нарече во свое имя Ольга. Име же Игорь потом ины жены, но Ольгу мудрости ея ради паче иных чтиаше».

Итак, в молодости княгиню Ольгу звали Прекрасой Гостомысловной. У Гостомысла было три дочери — Прекраса, Умила и младшая, имя которой мы не знаем. Точная дата рождения Ольги-Прекрасы неизвестна, но ее можно приблизительно установить. Понятно, что это было до рождения Рюрика, так как Рюрик — сын более младшей дочери. Годы рождения ее сестер тоже неизвестны, однако ясно, что старшая дочь родилась раньше, чем остальные.

Рюрик родился в 779 году, как о том свидетельствуют некоторые варианты русских летописей. Стало быть, мать

его родилась где-то около 760 года. Значит, Ольга-Прекраса родилась не позднее 759 года.

Жила Прекраса в селе Выдубицы (Выдубичи) в Псковской земле, где и встретилась с одним из ее будущих мужей — князем Игорем. Произошло это так [Рукопись Ундольского № 755, л. 13; Рукопись П.Б.Ф IV № 216, л. 338]:

«Игорю же юну сущу, и бывшу ему в Псковской области... яко некогда ему утешающуся некими ловитвами (в неведении же раби его оставиша единого, — добавляет Новгородская летопись) и узре об ону страну реки лов желанный, и не бе ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладийце, и призва плывущего ко берегу, и повеле себя превести за реку, и плывущим им возре на гребца онаго и позна, яко девица бе сия блаженная Ольга, вельми юна суща... И разгоресе желанием на ню, и некие глаголы глумлением претворяше к ней. Она же уразумевши глумления коварство, пресекая беседу неподобного его умышления, не юношеским, но старческим смыслом, поношая ему глаголаше: «Что всуе смущаешься, о княже! Срам претворяя ми, всякую неподобная во уме совещевая, студная словеса износиши; не прельщайся, видев мя юну девицу и уединену, и о сем не надейся, яко не имаше одолети ми».

Сколько лет было юной деве при встрече с князем Игорем? Согласно традиции, эта встреча произошла в 880 году... Да, пожалуй, к тому времени Прекраса вполне созрела для того, чтобы говорить «не юношеским, но старческим смыслом»: ведь ей было уже 120 лет или около того — самая пора мудрости! Игорь же, как известно из тех же летописей — сын Рюрика, родившегося позже Ольги-Прекрасы.

А если принять во внимание, что замуж за Игоря Ольга вышла в 903-м (а по другим данным — в 913 году), то на момент свадьбы «молодой» стукнуло то ли 153, то ли 143 года. А Святослава, как утверждает «Повесть временных

лет», она родит в 942 году, когда ей будет около 180 лет! Потом в нее, 200-летнюю старуху, влюбится византийский император. А преставилась она 11 июля 969 года «в масти-той старости». Еще бы не маститой — ведь ей было более 200 лет!

Все это так невероятно, что эти сведения ни у кого не могут вызвать доверия. Нет, Гостомысловной она никак не может быть. Но, может быть, речь все же идет о нескольких Ольгах?

Да, вероятно, так оно и есть.

Ипостась вторая: Ольга Тмутаракановна.

«Женился князь Игорь во Плескове, поя за себя княжну, именем Олгу, дщерь князя Тмутаракана Половецкого» [рукописный Синописис Ундольского № 1110, л. 83, об. — 84].

То есть, Ольга была дочерью половца по имени Тмутаракан или дочерью половецкого тархана (предводителя тысячи воинов), «а половцы Закон Магометов держали...», как о том свидетельствует «Летопись Российского Царства»; следовательно, Ольга, вероятно, тоже была мусульманкой. Как попало в псковское село половецкое семейство? Мы не знаем.

Отметим только, что утвердившееся в нашей популярной литературе мнение о том, что половцы были тюрками, скорее всего, ошибочно. Русские называли этот степной народ «половцами», то есть «половыми» — «соломенными», «соломенноголовыми», за характерный светлый цвет волос. Вам когда-нибудь приходилось слышать о «соломенноголовых» тюрках?

Впрочем, в состав половецкого объединения, действительно, входили какие-то тюркские племена, но не они «задавали тон» всей народности. Несмотря на то что половцы скорее всего были тюркоязычными, их основной массив могли составлять угро-финские народности, родственные мордве. Не стоит забывать также, что в степи продолжают жить потомки сарматско-аланского населения, пусть

давно потерявшего свой язык, но все же европейского. Так что появление «половых» («соломенноголовых») степняков в Причерноморских степях никакого удивления вызывать не может — наоборот, удивительно было бы, если бы их там не было.

На момент замужества, как о том свидетельствует «Житие» Ольги, ей было около 20 лет (если дату замужества принять за 903 год). На самом деле, ей было около тридцати — ведь еще в 880 году она, как мы видели выше, перевозила через реку князя Игоря, на тот момент, получается, прекрасной перевозчице было всего 7 лет. Выходит, Игорь приставал со своей любовью к семилетней девочке-половчанке?

И половчанке ли? Ведь Ольга, как говорят другие источники, была дочерью легендарного варяжского конунга Олега Вещего...

Ипостась третья: Ольга Олеговна.

В противовес сообщению о половецком происхождении Ольги, рукописи Ундольского № 656, л. 15 и Р.П.Б.Ф IV № 239 л. 101 называют Ольгу дочерью конунга Олега, и происходила она «от языка варяжска». А вот сам Олег Вещий хоть и был из варягов (норвежец), но служил хазарскому кагану. Правда, хазары хоть и степняки, но все-таки не половцы. И вообще до появления половцев в русских степях должно пройти с описываемого здесь времени не менее столетия. Ведь еще внук Ольги, Владимир, воевал не с половцами, а с печенегами! Но что поделаешь, не мы придумали Тмутаракана Половецкого...

Может быть, этот Олег и был половецким тарханом, то есть «Тмутараканом Половецким»?

На это косвенно указывает любопытный факт: на границе Болгарии и Византии в 904 году был установлен памятник «во времена такого-то и такого-то правителя», одним из которых указан Феодор-Олег Тракан, то есть тархан Олег (как мы помним, крестившийся в Константинополе под именем Феодор) (рис. 3.4). А в Радзивилловской летописи

ΕΤΟΥΣΑΠΟΚΤΕ, ΣΥΒΙΝΖ
 ΟΡΟΣΡΩΜΑΙΩΝΚ, ΒΟΛΓΑΡ
 ΕΠΙΣΥΜΕΩΝΕΚΟΥΑΡΒΟΛΓΑΡ

Рис. 3.4. Надпись
 на камне, поставленном
 на границе Византии
 и Болгарии в 904 году,
 удостоверяющая имя
Феодор Олг-Тракан

ΕΠΙΘΕΟΔΩΡΟΛΓΟΒΑΚΑΝ
 ΕΠΙΔΙΣΤΡΟΚΟΜΙΤΟΥ

есть миниатюра, изображающая поход Олега на Балканы — он нарисован в ладье под знаменем, на котором явственно читается арабская надпись.

Получается, что Ольга (Прекраса?) была дочерью Олега Тархана, и, вероятно, по его имени названа Ольгой...

Достоверно известно, что Ольга (Гостомысловна? Тмутаракановна? Олеговна?) все же вышла замуж за князя Игоря. Хотя есть и другое мнение: сперва она побывала замужем за Рюриком, родила от него сына Игоря, а потом вышла замуж за Игоря. Во всяком случае, мулла Шихаб-эд-дин ал-Марджани в своей книге, вышедшей в 1885 году в Казани, сообщает, что после смерти Рюрика правила жена его Ольга, а потом сын их Игорь, потом снова Ольга — жена Игоря...

Ольга, может быть, и была женой Рюрика, но тогда время ее жизни, как мы писали выше, растягивается на 200 лет. В летописях была высказана и другая версия — Ольга не дочь, а внучка или даже правнучка Гостомысла. Но ни отец, ни мать ее в этом случае неизвестны.

Но тогда получается, что было две Ольги? И могла ли Ольга, вдова Рюрика, выйти замуж за собственного сына? Если вы думаете, что это предположение невероятно, не спешите. Вспомним известный текст византийского императора Константина Багрянородного: «Однодревки Внешней Руси, приходящие в Константинополь, идут из Немо-

гарда, в котором сидел Святослав, брат Игоря, князя Руси». [Чтения ОИДР, ч. 1, 1899. Перевод Гавриила Ласкина.]

То есть Святослав (по русским летописям — сын Ольги) — брат Игоря! А кем для матери является брат ее сына? Понятно, кем — тоже сыном. То есть, Игорь и Святослав — братья!

Но ведь Игорь вроде бы муж Ольги — получается, он муж и сын одновременно? Собственно, почему бы нет, ведь писал же в IX веке Эльдад га-Дани об иудеях Хазарии: «Они разговаривают на Святом (иврите), персидском и кедарском (тюркском) языках. Соседями их являются народы, поклоняющиеся огню и женящиеся на своих матерях, дочерях и сестрах» [ТВОРАО т. 17, СПб, 1874]. Славяне действительно были соседями хазар, они поклонялись огню-Сварожичу и совершали кровосмесительные браки. Это, вероятно, те южные славяне, которые по сути дела — ославяненные сармато-аланы, то есть бывшие ираноязычные степняки — огнепоклонники, зороастрийцы. И в этой среде, как и во всей ираноязычной, в том числе и в Персии, браки такого рода были допустимы.

Раз так, то теперь вроде бы все становится на место — Ольга Олеговна еще девочкой выходит замуж за Рюрика, а овдовев, выходит замуж за Игоря. Правда, тогда приходится предположить, что Олег старше Рюрика, или, как минимум, его ровесник.

Но вот Рейнхард Гейденштейн сообщает: «In annalibus Plescovensibus, qui in Polotiensi Bibliotheca inter alios reperiti in manus nostras pervenerunt, circf annum ab orbe 6412, antiquissimamentio tst, qui Thorum filium Rurici Principis Russiae Olgam ex civitate ea in matrimonium accepisse, ex qua Sventeslaus filius natus ei sit, memorant» (В анналах Псковских, которые в Полоцкой Библиотеке среди других в руках своих держали, около года от сотворения мира 6412 древнее упоминание имеется, что Тор, сын Рюрика, князя Русского, Ольгу и ее города в супружество взял, от которой Свентеслава сына имел, как упоминается). То есть, Ольга побывала еще замужем и за неким сыном Рюрика Тором? И этот Тор был отцом Святослава?

По русским источникам, Ольга родила Святослава от Игоря, но не в 942 году, как принято считать, а в 920 году. А в 942 году она от Святослава родила Владимира, при котором и умерла в глубокой старости, дряхлой старухой, которую на пиры выносили в кресле.

Что ж, картина получается, мягко говоря, причудливая. И новые противоречия появляются, как только мы «копнем» чуть-чуть дальше.

Дело в том, что, по некоторым сообщениям, Ольга бывала еще и женой Олега Вещего, дочерью которого она вроде бы являлась. Впрочем, это может иметь отношение лишь к проблеме отцовства в отношении Игоря, но никак не может отразиться на самой Ольге. Поэтому это сообщение мы обходим с пониманием.

Но могло ли такое быть, что в начале X века Олег привел Игорю в жены свою собственную дочь? Да, и такие сообщения в русских летописях имеются. Дочерью Олега называют ее рукописи Ундольского № 757, л. 15, об., а так же МПМ № 610, л. 28 — л. 28, об., и РПБ F IV № 239, л. 101.

Кроме того, некоторые свидетельства дают такую трактовку: Олег сам был женат на Ольге, названной по его имени, и у них родился сын Игорь. После ухода Олега на родину, его жена Ольга «пояла» за себя сына своего и родила от него Улеба и Святослава — братьев и сыновей Игоря.

А в исландских сагах Ольга одновременно предстает в двух образах — мудрой старой матери Владимира и его жены! Значит, Ольга успела побывать и женой Владимира?

Деяния Ольги — правительницы Руси — приобретают сколько-нибудь внятные очертания после гибели Игоря, убитого древлянами. Начала Ольга правление свое с того, что приняла под свою руку княжества Русское, Новгородское и Киевское. А древлянам отомстила за убийство Игоря по полной программе.

Убив князя Игоря, древляне (по другим сведениям, это были печенеги, по третьим — германцы) решили, что раз боги допустили такое, то, значит, они отвернулись от

Руси, и послали к Ольге послов с наглым предложением выйти замуж за их князя Мала (Малдитта). Польский историк М. Стрыйковский приводит прозвище князя Мала — Нискиня. Другой польский историк, Ян Длугош, называет его «дукс Мискина» (герцог Мискиня). По языческим обычаям, Мал, как победитель, имел право на семью и вдову побежденного (то же самое через полтора столетия произойдет с касожским князем Редедей: убив Редедю, русский князь Мстислав заберет себе и семью побежденного). Ольга посоветовала древлянам проявить гордость и прибыть к ней завтра «в ладье». Эту историю мы все помним — Ольга приказала закопать древлянских послов живьем в яме вместе с ладьей [*Софийская летопись*, с. 102]:

«945 год. И жила Ольга при Игоре в Киеве, до тех пор, пока не убили Игоря древляне. И, убив Игоря, послали в лодии 20 лучших мужей в Киев. «И присташа под Боричевом... И поведаша Олзе, яко древляне приидоша, и возва я Олга к севе: «добри гости приидоша». Древляне же ей рекоша: «Приидохом, княгини». И рече им Олга: «Да глаголите, что ради приидосте семо?» Древляне же реша: «Посла ны Деревская земля, а рекучи сице: мужа твоего убихом, бяше бо муж твой акы волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже разделили землю Деревьску, да поиди за князь наш Мал». Бе бо ему имя Мал, князю деревьскому. Рече же им Олга: «люба ми весть ваша, уже мне мужа своего не въскресити; но хочу вы почитити заутра пред людьми своими, а ныне вы идите в лодию свою, и ляжите в лодии величающесе, и аз по вы послю, и вы же рцете: не идем ни на конех ни пеши, но понесете в лодии; и вознесут вы в лодии. И отпустиша я в лодию. Олга же повеле ископати яму велику и глубоку, на дворе теремском, вне града. И заутра Олга, сядиши в тереме, посла по гости; и приидоша глаголюще: «зовет вы Олга на честь великую». Они же реша: «пеши не идеи, ни на конех, но понесети ны в лодии». Ркоша кияне: «нам неволя; князь наш убиен, а княгини наша хочет

за ваш князь». И понесоша их в лодии. Они же сядяху гордящиеся в перегах сустугах; и принесоша их на двор ко Ольге, и несше вринуша их в яму и с лодиею. Приникши Ольга рече им: «добра ли вы честь?» Они же реше: «пуще ны Игореве смерти». И повеле засыпати их живых, и посыпаша я».

Не насытившись местию сполна, Ольга послала к древлянам за повторной депутацией, которую сожгла в бане [Софийская летопись, с. 102—103]:

«И посла Ольга ко деревлянном, и рече им: «да аще мя вы просите право, то прислете ми семо мужи нарочиты, да в велице чти поиду за вашего князя, ци да не пустять мя людие киевстии». Се слышавше древляне, и събрашеся нарочитых муж 50, иже держаху деревскую землю, и послаша по Ольгу. Деревлянном же пришедшим, повеле Ольга мовь сотворити, ркучи сице: «взмывшеся приидите ко мне». Они же сътвориша мовь, и влезоша древляне начаша мытися; и запроша с ними мовь, и повеле зажещи; и ту изгореша вси».

После этого она снова послала людей к древлянам, сказав, что идет к ним — выходить замуж за их князя, но перед свадьбой она хочет справить тризну по умершему Игорю, а потому попросила древлян приготовить над его могилой мед-пиво да закуски разные [Софийская летопись, с. 103]:

«И посла к древлянам, сице рекуще: «се уже иду к вам, да пристроите меды многи у града, иде же убисте мужа моего, да плачуся над гробом его, и створю тризну княхю своему». Они же то слышавше, свезоша меды многи зело, и възварища. Ольга же поимше бояр мало, легко идуще прииде к гробу своего князя, и плакася по нем велиим плачем. И повеле Ольга над своим князем могилу съсыпати велику, и яко ссыпаша, повеле тризну творити».

Древляне приготовили все необходимое для тризны, а Ольга, послав войска под командованием Святослава степью на конях, сама поплыла с небольшой свитой в ладье к днепровским порогам, где древляне (печенег?) оказали ей почетный прием. На тризне древляне изрядно подвыпили, и тут подроспела Святославова конница... Около 1000 человек окропили своей кровью могилу Игоря [Рукопись С Б № 964, л. 56]:

«А сама еще посла ко древляном: едет княгини Непром в лодьях наших в землю вашу, и все изрядныи сретте меня на Непре реце в порогах; на том месте по муже своем сотворю память третину. А сама поеде по Непре реце в лодьях в невелицей силе, а сына своего Святослава посла поем на конех с великим войском к порогам. Мужей лучших до тысячи, коими мужи вся земля их укреплена, и княгине Ольга повеле тех мужей всех честнѡ упоити вином да заморскими разными питиями различными. И егда быша весели и возлегоша опочивати на повеселе, а Стослав княжич прииде с поля с великим войском, и побилша всех мужей 1 000 древлян».

Истребив лучших мужей-древлян, Ольга подступила к стенам их града Коростеня (Искоростеня) и сожгла его с помощью выпущенных на город птиц с подожженными трутами (см. «Повесть временных лет»). Но другие источники утверждают, что на самом деле Ольга сожгла таким способом Константинополь, а стольный град древлян назывался Колец [рукопись С Б № 964, л. 56]:

«А сама княгиня Ольга нача пленити древлянскую землю и попленив и прииде под град их Колец и ста около его. Древляне же часто пресылашети ко княгине Ольге о миру добивати челом, дабы у них повелела княгине Ольга имати дань по вси лета по 300 златых с человека. И рекоша ко княгине: хочещи, госпожа, отомстити, что мы мужа твоего князя Игоря убили; и тебе, госпожа, свое-

го мужа не поднати. Пойди, госпожа, взяв у нас дань, в землю свою во свой Киев. И рече княгиня тогда: аз вам отмстила мужа своего смерть, когда вы прислали ко мне в Киев мужей своих дважды и егда есми творила память тризну по мужу своему. И повеле княгиня Ольга Колец град разорити и князя их Мала повеле убити, и сама Ольга с сыном своим Стославом и со всем войском поиде в Киев с великою честию, и бысть радость велия по всей земли». И по сем княгиня Ольга с сыном своим Стославом ходиша на печенегу за Дон, и много пленив печенегов, и возвратившись здраво».

Если считать, что на днепровских порогах и на Дону жили в то время одни и те же степняки — печенегу, то из вышеприведенного текста следует, что древляне — это печенегу.

Истребив тысячу лучших древлянских мужей на могиле Игоря, Ольга, наконец, спросила: а где могила Игоря [выноска на поле в рукописной книге XVII века. Р М № 413, л. 154]:

«Егда премудрая княгиня Ольга отмсти кровь мужа своего Игоря древлянном, и тогда нача вопрошати града Коростеня жителей о теле мужа своего Игоря и о месте, где положено тело его. Они же ей поведаша место сокровенно, от всхода горы на право ко езеру тайник яко 5 ступеней; в нем же положено тело великаго князя Игоря со множеством бесчисленнаго злата и сребра и жемчюгу и каменя драгоценнаго во славу имени его, а последнему роду на счастье. Блаженная же Ольга по муже своем великом князе Игоре велми восплакася и положи все в забвение и не повеле ничесому коснутися от лежащих имени и назначи место, повеле камением устие затвердити и тако отиде в Киев и царствова благоденьственно».

Всласть отомстив древлянам за убийство Игоря, Ольга возвратилась в Киев, где и жила благополучно до 955 года.

В этот год она отправилась... в столицу Древней Руси — город Москву и там приняла святое крещение (!) [пергаменный Пролог 14 ст. Типография Св. Синода № 368]:

«Олга же, отмстивши смерть мужа своего, возложи на древяны дань, поиде в царствующий град Москву и тамо в лето 6463 (955 год) при царе Иване Зимиске (то есть византийском императоре Иоанне Цимисхии, 969—976 годы. — Прим. авт.), крестися». Приняв крещение, Ольга «обходяше всю русьскую землю дани и уроки льгъкы уставляющи, и кумиры сокрушающи, яко истинная ученица Христова...»

Сам факт крещения Ольги не подлежит сомнению, однако совершенно неясно, где, когда и как это произошло. О крещении Ольги сообщают и русские, и византийские, и немецкие источники, но все по-разному. И, разумеется, ее крещение в Москве, которой вообще быть в это время не должно, выглядит особенно интересно!

Большинство источников утверждает, что это произошло в Константинополе. Ряд исследователей склонен полагать, что это все же случилось в Киеве. Впрочем, как указывают скандинавские источники, Ольга до самой смерти оставалась языческой Верховной Жрицей, обладавшей силой Фитона:

«В то время правил в Гарда-рики конунг Вальдамар с великой славой. Так, говорится, что его мать была пророчицей, и зовется это в книгах духом Фитона, когда пророчествовали язычники. Многое случилось так, как она говорила. И была она тогда в преклонном возрасте. Таков был их обычай, что в первый вечер должны были приносить ее в кресло перед высоким сиденьем конунга. И раньше, чем люди начали пить, спрашивает конунг свою мать, не видит ли не знает ли она какой-либо угрозы или урона, нависшего над его государством, или приближения какого-либо немирья или опасности, или покуше-

ния кого-либо на его владения. Она отвечает: «не вижу я ничего такого, сын мой, что, я знала бы, могло принести вред тебе или твоему государству, а равно и такого, что спугнуло бы твое счастье. Отнесите меня теперь прочь, поскольку я теперь не буду дальше говорить, и теперь уже довольно сказанного».

Крестившись, Ольга задумала совершить военный поход на Царьград [Рукопись С.Б. № 964, л. 56]:

«И помыслив княгина Ольга поитти воевати ко Царю граду и собрав войско много словянского и древлян и печенегов, и поиде ко Царю граду. И цари греческие Михайло и Константин повеле Царь град затворити, и бися о граде крепко до седми лет. И на осмое лето начаша цари ко княгине послы посылати и Олге добивати челом о миру и рекоше княгине: возложи, госпожа, на нас дань велику и поиди от града прочь. И княгина со цари греческими сотвори мир и возложи дань на них по летом; ...И еще к ним Ольга рече лестию: да вы ныне скудны, греки, велми от моей войны, что стою под вашим градом 7 лет в земле вашей своим войском; и яз у вас не хочу дани взяти за три лета со всей земли вашей, а слышали есми, что в вашей земли Царьградстей умножилось много голубей и воробьев, а в нашей земли нет тех птиц, и вы дан мне из Царя града по 3 голубя да по 3 воробья со всякого двора, и яз дани с вас за три лета не возму. Цари же цареградстии, сие слово слышав, и возрадовавшеся радостию великою: милостивая княгина Ольга Русская. И много ее похвалиша, что не хочет у них дани взяти за 3 лета... а того они не ведают, что лстяше их княгина Ольга тех хочет взяти мудростию своею Царь град. И в том часу граждане меж собою сотвориша совет и повелеша собрать вскоре по всему граду от всякого двора по 3 голубя да по 3 воробья и выслаша за град ко княгине Олге».

По Ольгиному приказу к лапкам птиц привязали зажженные трупы и отпустили их на вечерней зорьке. Полетели птицы в гнезда, и запылал великий город...

«И от тех птиц загорелся весь град Царь, и несть такого места во всем Царе граде, иде же не горит. И вступився цареградстии цари Михаило и Константин и вси людие Цареграда того и начаша плакати, глаголаше: великою прелестию прелестила нас княгина Ольга. И побегоша все людие с женами из града, плачуще и глаголюще сице: помилуй нас, княгина Ольга, умилосердись до нас до бедных. Княгина же Ольга повеле их сеи, и огонь во граде повеле угасити. И потом встречаху княгиню Ольгу гречестии цари Михаило и Константин с патриархом и со всем вселенским собором и крилосом и несоша в сретение ко княгине Ольге святии иконы и несоша чудотворную икону Образ Пречистии Богородицы Одегитрею, ея же написа Лука Евангелист» (там же).

Смилостивившись, Ольга отступила от стен Константинополя, и благодарный император Михаил даже предложил русской правительнице руку и сердце: «И посватался за Ольгу царь Михаил, занеже вдов беше».

Так закончилась беспримерная семилетняя осада Константинополя княгиней Ольгой (955–962 годы). Правда, известен этот факт только по русским источникам, да и то всего несколькими, а сами греки о том молчат — вероятно, от стыда. Или просто им об этой осаде и о гибели их собственной столицы ничего неизвестно. А рассказ о птицах, с помощью которых Ольга подожгла город, встретится на страницах русских летописей еще раз, в «Повести временных лет», там, где летописец повествует об осаде Ольгой столицы древлян Коростеня (Искоростеня)...

Но вообще-то Ольга в Константинополе была. Этот факт бесспорен. В промежутке между 946 и 957 годами Ольга посетила Царьград (может быть, даже дважды; называют 946, 954, 955, 957 годы) и была принята с почестями им-

ператором Константином Багрянородным (рис. 3.5). Этот сюжет нашел свое отражение в литературных произведениях на Руси и в Византии. О посещении Ольгой Царьграда и ее встрече с императором Константином Багрянородным пишет митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати». Сам Константин Багрянородный подробно описал прием Ольги в своем известном историческом сочинении. Другой византийский историк, Иоанн Скилица, поместил в своей хронике миниатюру «Ольга у византийского императора». В Софийском соборе в Киеве сохранились фрески «Прием у византийского императора» и «Ипподром». На обеих из них изображена женская владетельная особа в короне (стемме) и белом покрывале, но это не византийская императрица. Как установлено, эти сюжеты посвящены пребыванию княгини Ольги в Константинополе и ее приему

Константином Багрянородным: на первой фреске — в Магнавском тронном зале, на второй — во дворце Кафисмы на ипподроме. Следовательно, на Руси X—XI веков хорошо помнили о пребывании Ольги в Царьграде, и подвергать этот факт сомнению нет

Рис. 3.5. Святая благоверная княгиня Ольга. Греческая икона XIII—XIV веков, приведенная в книге князя М.П. Оболенского «О первоначальной русской истории»

никаких оснований. А большое внимание к этому факту на Руси, очевидно, говорит о несомненной важности этого эпизода русско-византийских культурных связей.

Уже упомянутый Иоанн Скилица пишет об этом событии довольно кратко [Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Berlin, 1973, 77–81]:

«И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещенная и открыто сделавшая выбор в пользу истинной веры, она, удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой».

Константин Багрянородный оставил очень подробное, чуть ли не с указанием того, где кто стоял, и кто куда перемещался, описание приема Эльги в императорском дворце:

«Другой прием — Эльги Росены (то есть Русской. — Прим. авт.). Девятого сентября в четвертый день состоялся прием по прибытии Эльги, архонтиссы России. Сия архонтисса вошла с близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок... За ней вошли послы и купцы архонтов России и остановились позади у занавесей...»

Эльгу на приеме сопровождали ее анепсий (племянник?), некий священник Григорий, 16 «ее женщин», 18 «ее рабынь», 22 посла, 44 купца и два переводчика [Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. — «Византийский временник», 1981, т. 42].

По возвращении на родину Ольга крестилась вторично — уже вместе с боярином Яном. А затем отправила в Германию послов — чтобы немцы прислали на Русь епископа и священников:

«В лето от Воплощения Господня 959-е... Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось, просили назначить их народу епископа и священников» («Продолжение хроники Регинона Прюмского»).

«К королю Оттону явились послы от народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотя отказались от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали» («Хильдесхаймские анналы»).

[Оба источника цитируются по книге *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999, с. 303–304].

Более или менее определившись с вопросами вероисповедания, Ольга малое время спустя решила навестить родные места. Из Киева она отправилась в Новгород, где правил внук (?) ее, Владимир. По пути Ольга основала город Псков.

Придя в Новгород, она осталась при Владимире доживать свой век. После 977 года Ольга скончалась. Точно известен только день ее смерти — 11 июля.

Официальная дата смерти Ольги — 969 год — не может быть признана по двум причинам: во-первых, она видела мальчиком в Новгороде святого Олафа, а это не ранее 970 года, а во-вторых, в 974 году она еще была жива: «в лето 6482 (974 год) рече Святослав ко Олге матери и ко бояром своим: не любо ми в Киеве жити...». («Повесть временных лет»). Не с покойницей же разговаривал Святослав?

На третий день после того, как Ольга умерла в Новгороде и была торжественно оплакана (рис. 3.6). Она была погребена в городе Переславе (вероятно, Переяславле-Русском), как о том сообщает Петр Петрей. Расстояние между

Новгородом и Переяславлем — более тысячи километров, и совершенно непонятно, как за три дня тело Ольги ухитрились переправить из Новгорода в Переяславль? Или это какой-то другой город? Так что с географией по-смертных перемещений Ольги, такие же нелады, как и с ее биографией.

Около 1010 года останки Ольги были перенесены в Киев во вновь построенную церковь. Летописец утверждает, что перенос мощей Ольги имел место «в десятое лето по крещении Владимира». То есть, Владимир крестился в 1000 году?

Мощи княгини были положены в деревянную раку с оконцем, чтобы все верующие могли видеть ее мощи. Но видеть их могли лишь истинно верующие, сомневающимся гроб казался пустым [Степенная книга, т. 1, с. 39–40]:

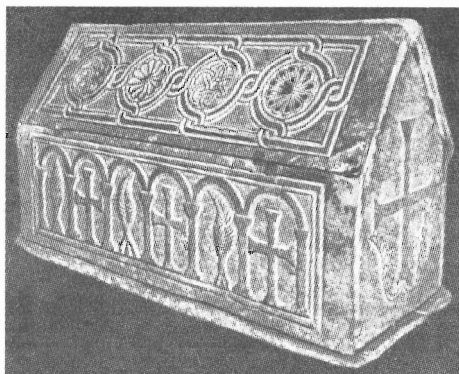
«Самодержец Владимир с первосвятителем Леонтием, и с ними же собор священный и лик иноческий, и множество народа, и вси вкупе со иконами и кресты, и со свещами, и фимиамом торжественно шествие творяху со усердием до места, идеже бе погребено тело святое блаженныя Ольги; и дошедше велеша окопати землю, и об-

Рис. 3.6. Похороны княгини Ольги.
Миниатюра из русской летописи

ретоша святую имущу уды по образу лежаща, и ничтоже от первого образа изменися, и ничем же неврежено, и бяше цело и со одежею. И благовейно касаются сим святым мощем, иже на то ученени. Равноапостольный же Владимир со архиереем и прочии с ним целоваша святыя сии мощи, от радости слез множество от очию испущающе... и преложена бысть в новую раку, и несоша ю в соборную церковь... и на уготовленное место славно и честно поставлена бысть честная рака с нетленными мощми блаженныя Ольги, от нея же многа чудеса и исцеления содевахуся благодатию Христовой. В пренесении в церковь и в положении во гроб, и в поставлении на уготованном месте, и прочая лета, от них же едино да речется. Бяше над гробом ея оконце на стене церковней, и всем приходящим ко святым ея мощам, с верою само оконце отверзается, и явно зряху целы и нетленны лежаща святыя мощи Блаженныя Ольги, светяхуся яко солнце, и яцем же кто недугом одержими бываху, ту исцеления получаху, и здравы отхожаху в дома своя... А иже кто с маловерием приходяй, и тем не отверзашеся само оконце то; аще же кто и в самую церковь внидет с таковым малодушием, сумняся в сердце своем, и ничто же не увидит святых ея мощей, точию гроб един».

В 1830 году, впрочем, был «обнаружен» некий каменный саркофаг с мощами Ольги, но даже сама церковь отказалась

Рис. 3.7. Каменный саркофаг, якобы содержащий мощи святой княгини Ольги

от него, так как вся эта история оказалась продиктованной «желанием верующих, но не истиной» (рис. 3.7).

Вот, вкратце, и вся история великой княгини Ольги.

...Нет, не вся!

Потому что все вышесказанное к настоящей Ольге не относится, а на самом деле Ольга была немкой или датчанкой.

Ипостась четвертая: Хельга Розвита-Елена.

Н.М. Карамзин обнаружил следующие сведения об Ольге — родственнице германского императора Оттона I: «Одна из династических родственниц Оттона — Hroswita Helena von Rossow (Розвита-Елена Русская) в монашеском чине побывала в Константинополе, где обучалась греческому языку, и она миссионерствовала на острове Рюген и приглашала туда миссионеров». То есть, эта Ольга была крещена в Константинополе. И это она приглашала в страну рогов немецких епископов! А князь русов Владимир, по мнению Н.А. Баумгартена, был женат вторым браком на Рихлинт — внучке императора Оттона I, дочери графа Куно из Энигена. Вероятно, это о ней писал Титмар Мерзенбургский: «Он («король Руси» Владимир. — *Прим. авт.*) взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Оттона III». Такая путаница в источниках спустя столетие была вполне возможна!

О нескольких эпизодах жизни этой Ольги поведал Саксон Грамматик:

«У датского короля Ингелмуса была сестра Хельга. За нее сватается норвежец Хельго. Но Ангантир с острова Зеландия тоже посватался за Хельгу. Но сосватана она была за Хельга. Ангантир, предводитель берсерков, вызвал Хельга на поединок, который должен был свершиться после свадьбы. Хельга советует призвать на помощь Старкада (Силача Одда), так как Хельг опасался, что на него нападут все девять берсерков Ангантира. Хельго отправился в Швецию и пригласил Старкада. Старкад

охранял двери спальни, в которой спали Хельг и Хельга. На рассвете он увидел Хельга в объятиях жены, поэтому не стал будить его, сам отправился на бой. Получив 17 ранений, он все же победил противников. Затем возвратился к проснувшимся супругам.

Загадку Хельги Розвиты-Елены мы попытаемся объяснить ниже. Пока же только отметим, что ее именуют Хельга Русская. Точно такое же имя мы встречаем у Константина Багрянородного: Эльга Росена (Русская). «Русская» — это, понятно, прозвание. А звали ее — Эльга Елена...

Ипостась пятая: Эльга Елена.

Еще раз вспомним приведенные выше тексты.

«В лето от Воплощения Господня 959-е... Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников...» («Продолжение Регинона»).

О том же самом событии, как мы уже отмечали, сообщает и другой немецкий источник — «Хильдесхаймские анналы»:

«К королю Оттону явились послы от народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали».

Анализ двух этих источников, проведенный современными исследователями (подробнее об этом см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*, М., 1999, с. 303—

308), показал, что они имеют независимое происхождение и, следовательно, факт посольства русов (ругов) к Оттону I имел место. А «королеву» русов звали, по сообщению «Продолжения Рeginона», Еленой — то есть именно тем именем, под каким киевская правительница — Эльга Росена по Константину Багрянородному — приняла святое крещение. Елена, как известно, была женой киевского правителя князя Владимира (по Титмару Мерзебургскому: «Он взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом у него восхищенную. По ее настоянию он (Владимир) принял святую христианскую веру»). Вспомним — ведь исландские саги рисуют Ольгу женой Владимира (правда, одновременно и матерью). Значит, Эльга-Елена, Эльга Русская была женой Владимира, и именно благодаря ее усилиям началось распространение христианства на Руси? Да ведь, согласно «Повести временных лет», она ему бабка!

...Но вообще-то все вышеприведенные рассуждения по поводу биографии княгини Ольги не имеют никакого смысла. Почему? Да потому, что никакой *княгини Ольги* на самом деле не было.

Вы, вероятно, уже и сами догадались, что означает имя «Ольга». Это — несколько искаженный титул «Хельга» («эльга»). Именно поэтому все наши князья скандинавского происхождения женаты на Ольгах — Хельгах: жена царя, разумеется, является царицей, жена короля — королевой, жена князя — княгиней, а жена Хельга — Хельгой. А «Хельга Русская», «Эльга Росена» просто означает «русская правительница»!

Этот вывод подтверждает и мулла Шихаб-эд-Дин ал-Марджани: он пишет, что после Рюрика правила его жена Ольга, потом сын Игорь, потом жена Игоря, Ольга... Настоящие имена этих «Ольг» — Прекраса, Розвита, Елена. И одна из них была скандинавкой или прибалтийской славянкой, другая — немкой, а третья — гречанкой. Это, разумеется, при условии, что их было три, а не четыре: вспомним еще Ольгу Тмутаракановну! И то ли первая, то

ли вторая скорее всего и крестилась в Константинополе, став первой русской правительницей («Хельгой Русской»), принявшей христианство. И вовсе необязательно, что именно она отправляла послов к германскому императору с просьбой направить на Русь священников для проповеди христианства: это могла быть и другая Ольга! А последняя — жена Владимира — по византийским источникам, звалась Анной и действительно была византийской принцессой.

* * *

В заключение еще раз напомним читателю: большинство сведений из русских летописей, приведенных в этой главе, взяты нами из книги Ф. Гилярова «Предания русской начальной летописи» [Гиляров, 1878]. Так что эти сведения, во всей своей полноте, уже были изданы, и тут мы не открываем Америку. Мы просто еще раз хотим напомнить читателю, что историк — несчастный исследователь! Хотя и живется ему нескучно, примерно так же, как следователю прокуратуры, заваленному свидетельскими показаниями по какому-нибудь уголовному делу большой давности: еще раз допросить свидетелей невозможно — вымерли уже — а дело еще не закрыто...

О ВЛАДИМИРЕ-КАВУСЕ КРАСНОМ СОЛНЫШКЕ СТОЛЬНОКИЕВСКОМ

Князь Владимир стоит особняком в ранней истории Древней Руси, ибо именно с него начался процесс институализации Древнерусского государства. От бродячих разбойничьих шаяк — к государству; от власти силы — к сильной власти: этот процесс в той или иной форме прошли все государства мира, и Россия не исключение. Причем тут «норманизм», «антинорманизм» и другие умозрительные теории, ничего общего с реальной жизнью не

имеющие? Что, князя Владимира можно считать норманном? Или норманны принесли на Русь какие-то культуру, знания, науку, ремесла? Норманнские князья были обычными бандитами (точно такими же, как Вильгельм Завоеватель, основатель английской королевской династии), но их потомки рано или поздно должны были заняться обустройством тех славянских и неславянских земель, которые платили им дань: ведь нельзя же бесконечно стричь овцу и при этом не кормить и не охранять ее. Иными словами, в княжение Владимира в Древней Руси начался качественный переход от жизни «по понятиям» к жизни по закону. Для маститых академиков XVIII — середины XX веков этот процесс непонятен по определению, но для рядовых россиян, переживших 90-е годы XX века, это — настоятельное требование повседневной жизни.

Для нас несомненен факт, что потомки варяжских князей-«находников», в свое время обложивших данью славянские, балтские, угро-финские и аланские (сарматские) племена Восточной Европы, создали на территории этих племен целостное государственное образование — Киевскую Русь. Ни к «норманизму», ни к «антинорманизму» этот факт отношения не имеет — кому вольно спорить, пусть спорит, только эти споры, на наш взгляд, абсолютно непродуктивны.

Но вернемся к князю Владимиру — Владимиру Красное Солнышко, Владимиру Стольнокиевскому. О нем много писали русские, византийские, арабские и западноевропейские источники. О нем сложены былины. И немудрено — личность князя, заложившего основы древнерусской государственности, привлекала общее внимание — современники интуицией почувствовали важность той роли, которую возложила на Владимира история. Эти многочисленные и противоречивые как современные, так и поздние мнения и оценки исказили образ Владимира до неузнаваемости, и продрасть сквозь них к реальности практически невозможно.

Вот, например, как рисуют образ Владимира два запад-

ноевропейских автора: архиепископ Бруно Квертфуртский и епископ Титмар Мерзебургский. Их сообщения относятся практически к одному и тому же времени, но как они разнятся!

Владимир в изображении Бруно Квертфуртского — доблестный и мудрый защитник христианства на восточных рубежах Европы. Бруно видел князя в Киеве, в 1008 году, когда направлялся во главе христианской миссии к печенегам, «жесточайшим из всех язычников».

«Государь Руси, — пишет Бруно, — великий державой и богатствами, в течение месяца удерживал меня против моей воли... и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был удерживать меня долее, то с дружиной два дня провожал меня до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня на землю, он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы — на другом... По окончании респонсория (молитвенного песнопения. — Прим. авт.) государь прислал к нам одного из бояр с такими словами: «Я проводил тебя до места, где кончается моя земля и начинается вражеская. Именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни, ибо знаю, что завтра до третьего часа суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти». Я отвечал: «Пусть Господь откроет тебе врата рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!»

[Epistola Brunionis Querfurtensis ad Heinricum II regem. — Monumenta Poloniae Historica. Series II, T. 4. Warszawa, 1973.]

Впрочем, несмотря на мрачные предчувствия, миссия Бруно к печенегам окончилась благополучно.

Другими красками рисует образ Владимира Титмар

Мерзебургский в своей «Хронике», написанной в 1012–1018 годы:

«Продолжу рассказ и коснусь несправедливости, содеянной королем Руси Владимиром. Он взял жену из Греции по имени Елена, ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом у него восхищенную. По ее настоянию он принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником... Имя названного короля несправедливо толкуют как «власть мира»...

Упомянутый король носил венерин набедренник, усугублявший его врожденную склонность к блуду... Он долго правил упомянутым королевством, умер глубоким стариком и похоронен в большом городе Сиіewa (Киеве) в церкви мученика Христова папы Климента...»

[«Thietmmari episcopi Merseburgensis chronicon». Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Berlin, 1935. , р. 486–490; цит. по *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. М., 1999, с. 318–319.]

Ничего удивительного в этом противоречивом образе Владимира, созданном его современниками, нет: ведь и наши с вами современники отнюдь не единодушны в оценке деятельности, скажем, М.С. Горбачева или Б.Н. Ельцина. Кстати, склонность Владимира к «сластолюбию» подтверждает и Нестор-летописец в «Повести временных лет», отметивший, что Владимир «бе женолюбец, аки прежде Соломан» (то есть израильский царь Соломон).

Мы уже отмечали удивительные обстоятельства рождения Владимира, простоудушно изложенные русской летописью: он родился одновременно со своим отцом Святославом, в 942 году. Скончался Владимир, по сообщениям русских источников, в 1015 году, в возрасте 73 лет.

Подобно всем своим предшественникам, князь Владимир — фигура *стяжная*. Академик Б.А. Рыбаков отмечал, что в его образе слились черты Владимира Святославича

(Владимира I) и Владимира Мономаха (великий князь киевский, правивший в 1113–1125 годы) [подробнее об этом см.: Рыбаков Б.А. *Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982, с. 166]. Так родился былинный герой Владимир Красно Солнышко, Владимир Стольнокиевский...

Но вот что странно. Былины, то есть — устный народный фольклор — изображают князя Владимира отнюдь не в героических тонах. Былинный Владимир довольно бесцветен. Он правит в стольном граде Киеве, но в чем состоит его государственная роль — неясно, ведь былинный Владимир постоянно проводит время в пирах и увеселениях либо отдыхает. Когда на Киев напали разбойники Чурилы Пленковича — князя дунайского городка Киевца, то Владимир даже не заметил этого, хотя разбойники грабили киевлян, разоряли их огороды, вырывая чеснок и срубая капусту, грабили пасеки, похищали скот и птицу, вылавливали рыбу (по былине — это все главные богатства стольного Киева). Князь же спокойно продолжает пировать в своем дворце, не обращая никакого внимания на творящееся зло.

При любой опасности былинный Владимир обнаруживает растерянность и трусость. Так, когда Калин-царь подступает к Киеву с ордой, то:

*«Тут Владимир князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронял слезы ведь горячие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир князь да таковы слова:
— Нет жива-то старого козака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за веру, за отечество,
Некому стоять-то ведь за церкви ведь за Божие,
Некому стоять-то ведь за Киев-град,
Да ведь некому сберечь князя Владимира... »*

[Киреевский, т. 1, с. 30.]

Последние слова особенно характерны: князь признает-

ся, что не может не только защитить отечество и Киев, но и самого себя.

При наезде на Киев богатыря Соловникова Владимир кричит от страха и на вопрос Ильи Муромца о причине такого крика отвечает:

*«Ах ты, старый казак, Илья Муромец!
Да как-то не кричать, не тревожиться?
Да на стольней-от град, как на Киев-град,
А наезжает из-за славна за синя моря
Молодой молодой сюды Соловников».*

[Гильфердинг. Онежские былины. Т. 4, с. 229.]

В былинах трудно отыскать хотя бы один случай, когда бы Владимир проявил храбрость. Зато трусость его доведена до комичности: например, когда плененный Соловей-разбойник свистит всего в «пол-свиста», Владимир испуганно ползает на карачках по гриднице.

Бессильный и трусливый, былинный Владимир унижается перед богатырями, умоляя защитить его, Киев и всю страну. При нападении Калина-царя:

*«Упал Владимир князь Илье во правую ногу,
Или бил челом ему до сырой земли».*

[Киреевский, т. 4, с. 42.]

Еще одна черта былинного Владимира — он «ласковый», но — только с царедворцами. Он раздает своим боярам — дворцовой камарилье — золотую казну, города с пригородами. В то же время он не жалует богатырей — спасителей Отечества, унижает их и пренебрегает ими (но в минуту опасности сам готов унижаться перед ними). Илью Муромца по злобному навету он продержал несколько лет в тюрьме, желая уморить его голодной смертью. И на старости лет жалуется на неблагодарного князя богатырь Илья Муромец:

*«Служил-то я у князя Владимира,
Служил-то я ровно 30 лет,
А не выслужил слова сладкого, приветливого,
Уветливого слова, приветливого,
А хлеба-соли мягкого».*

[Рыбников, т. 1, с. 94.]

А как былинный Владимир относится к Добрыне Никитичу? Во время отлучки богатыря он насильно сватает его жену за Алешу Поповича, угрожая взять ее силой, если она «добром нейдет».

Отметим и другие черты былинного Владимира: он коварен, неблагодарен, жесток, жаден, сластолюбив... Это, конечно, не князь-герой, не мудрый правитель, это — деспот с явными чертами азиатского сатрапа. И удивительного в этом ничего нет. Мы уже писали о том, что древний Киев возник в среде, преимущественно ираноязычной (сарматской, аланской), и ближайшие параллели былинному образу князя Владимира мы находим в образе Кей-Кавуса — героя иранского эпоса, о котором, в частности, пишет Фирдоуси в «Шах-намэ».

Рассмотрением былин о князе Владимире и сравнением их со сказаниями о Кей-Кавусе занимался в свое время Вс. Миллер, издавший в 1892 году книгу «Экскурсы в область русского народного эпоса». Миллер пришел в ней к следующему выводу: «Много веков тому назад, в период образования владимирова цикла, существовали в южной Руси эпические сказания с сюжетами, сохранившими в значительной свежести некоторые наиболее популярные иранские эпические мотивы» (Миллер, с. 23).

На основании анализа мотивов иранского эпоса о Кей-Кавусе и Рустаме и русских былин о князе Владимире и Илье Муромце Вс. Миллер пришел к заключению, что Фирдоуси в своей «Шах-намэ» записал по-персидски те же сказания, что сохранились и в русских былинах.

Проще говоря, Владимир и Кавус, Рустам и Илья — одни и те же *эпические* герои, сказания о которых бытовали в противоположных концах ираноязычного мира.

Например, Фирдоуси рассказывает о том, что у Кей-Кавуса была волшебная чаша, в которой можно было увидеть весь свет, если произнести специальное заклинание. Такое блюдо с наливным яблочком есть и в наших сказках. И не только в сказках: по словам Э. Ляссоты (1594), «на хорах киевского Софийского собора в одной из плит как раз над алтарем проделано круглое отверстие, размером в половину локтя, но теперь замазанное известью. Говорят, что тут в старину находилось зеркало, в котором посредством магического искусства можно было увидеть все, о чем задумано, хотя бы даже это находилось за несколько сот миль. Когда раз киевский царь выступил в поход против язычников и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрела в зеркало, чтобы узнать, что с ним случилось и чем он был занят. Но, увидав однажды его любовную связь с языческой пленницей, она в гневе разбила самое зеркало». (Вероятно, именно с тех пор повелась традиция использовать видеокомпромат на руководителей нашей страны в качестве средства политической борьбы.)

Далее Ляссота сообщает, что «в верхней части церкви находится темная комната, в которой Владимир велел замуровать одну из своих жен». Неизвестно — ту, что разбила волшебное зеркало, или какую-то другую?

Что еще нам известно о Владимире-Кавусе и его стране? Ну, во-первых, само имя «Владимир» — не только имя, но и титулатура, звание: «владеющий миром», то есть «царь царей» — это калька с персидского «шахиншах».

На одной из миниатюр Радзивилловской летописи изображен пирующий князь, которому слуги подносят вино в амфорах. В 1947 году на развалинах храма конца XI века в усадьбе Киевского Художественного института при археологических работах были обнаружены черепки таких амфор. На одном из них имелась надпись арабскими буквами, обозначающая имя хозяина амфоры — «Кавус»...

Царь царей Кавус правил в городе, ныне именуемом Киевом, но первоначально его просто называли «Катай» («Китай») — «Город». Византийцы именовали его *Kinawa*.

Это место носило и другое название — «Горы» (по-алански «Киево»). Угры (венгры) звали его Самбат (Самват) — «крепость на горе». Одна из киевских гор была священной и называлась Хараива (позднее — Хоревица).

Иранские топонимы сплошь покрывают карту окрестностей Киева, Левобережной Украины, Белгородской, Харьковской и Воронежской областей:

Дон — «река»;

Дунай (Дон Ай) — «великая река»;

Днепр (Дон Апр) — «глубокая река»;

Днестр (Дон Истор) — «стремительная река»;

Ворскла (Аорс кул) — «река аорсов» (русов);

Оскол (Яс кул) — «река ясов» (осетин);

Потудань (Футэг дон) — «лебединая река»;

Хворостань (Фэросаг дон) — «боковая река» (приток);

Созон (Сэдзэн) — «болотистый»;

Калка (Калак) — «чернейшая», «очень черная» и т.д.

Сарматские (иранские) корни современных украинцев не подлежат сомнению. Об этом свидетельствуют многочисленные языковые, археологические, антропологические и другие данные. Вот к какому заключению пришли еще в начале 1970-х годов советские антропологи, обнаружившие присутствие иранского субстрата в антропологии украинцев: «Украинцы — иной антропологический комплекс, нежели русские и белорусы» [Алексеева Т.И. *Этногенез восточных славян (по антропологическим данным)*. М., 1973]. Таким образом, во 2-й половине I тысячелетия нашей эры Среднее Поднепровье было заселено «скифами» — иранизированным населением, в котором сохранялась генетическая связь с «настоящими» скифами, но уже в достаточной мере метисизированным (с добавлением тюркского, балтского, германского, угорского и славянского элементов). Этот этнический «бульон», перекипев, и лег в основу южной группы восточных славян (то есть украинцев). «Для средневекового восточно-славянского населения характерна большая дисперсность антропологических черт, нежели

в последующие эпохи. Его антропологическая дифференциация отражает антропологический состав населения Восточной Европы до прихода славян» [Алексеева].

Таким образом, мы снова приходим к выводу о том, что и князь Владимир — фигура эпическая. В его образе переплелись реальные и эпические черты Владимира Святославича, Владимира Мономаха, иранского эпического героя Кавуса, вероятно — черты еще какого-то эпического героя (или героев), о котором рассказывали легенды приднепровские сарматы, в нем отобразились оценки и мнения его дружинников, явно считавших себя несправедливо обойденными (отсюда та негативная оценка князя в русском героическом эпосе — былинах), пристрастные мнения современников... Можно ли из этого винегрета мнений вычлениить и восстановить реальный исторический облик реального Владимира? Вероятно, можно — ровно настолько, насколько из настоящего винегрета можно вычлениить и восстановить заново... ну, скажем, нарезанную в него свеклу.

ЛИТЕРАТУРА

- Брайчевский М.Ю.* Когда и как возник Киев. — Киев, 1964.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.
Повесть временных лет («Повесть временных лет»). — М.-Л., 1950.
Рукопись П.Б.F IV № 216.
Рукопись П.Б.F IV № 218.
Рукопись П.Б.F IV № 239.
Рукопись П.Б.Q IV № 111.
Рукопись С.Б. № 908.
Рукопись С.Б. № 964.
Рукопись С.Б. № 687.
Рукопись Р.М. № 249.
Рукопись Р.М. № 934.
Рукопись Р.М. № 413.
МПМ № 610.
Рукопись Ундольского № 755.

Рукопись Ундольского № 764.

Рукопись Ундольского № 656.

Рукопись Ундольского № 757.

Пергаменный Пролог 14 ст. Типография Св. Синода №368.

Monumenta Germaniae Scriptores, t.1 — Hannoverae, 1826.

Чивилихин В. Память. — М., 1984.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. — М., 1962.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999.

Рукописный Синописис XVII в. Ундольского №1110.

Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. — М., 1992.

Глазырин Г В. Исландские викингские саги о Северной Руси. — М., 1966.

Петрей Петр

Еврейско-хазарская переписка.

Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. — М., 1994.

Нечволодов А. Сказания о Русской Земле. — М., 1997.

Константин Багрянородный. Об управлении Империей. //Чтения ОИДР, ч. 1, 1899 г. (Перевод Гавриила Ласкина.)

Софийская летопись.

ТВОРАО, т. 17. — СПб, 1874.

Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. — М., 1878.

Степенная книга, т. 1.

Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. // «Византийский временник», 1981, т. 42.

Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. — Berlin, 1973.

Thietmmari episcopi Merseburgensis chronicon. Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. — Berlin, 1935.

Epistola Brunionis Querfurtensis ad Heinricum II regem. // Monumenta Poloniae Historica. Series II, T. 4. // Warszawa, 1973.

Киреевский, т. 4.

Рыбников, т. 1.

Гильфердинг. Онежские былины. т. 4.

Миллер Вс. Экскурсы в область русского народного эпоса. — СПб, 1892.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян (по антропологическим данным). — М., 1973.

КОМУ ТЫ МОЛИШЬСЯ, РУСЬ?

КОГДА ПРОИЗОШЛО КРЕЩЕНИЕ РУСИ?

Для людей, знакомых с русской историей, такого вопроса вроде бы вообще нет. Кто же не знает, что Русь крестил Великий князь киевский Владимир в 988 году! Но эта дата приведена в русском письменном источнике — во все той же «Повести временных лет», и стала для нас канонической. А вот если судить по совокупности источников зарубежных, то все станет много сложнее, запутаннее, *загадочнее*. И не зря мы коснулись его в этой книге, посвященной загадкам древнерусской истории.

Сразу скажем: мы не придумали сами эту *загадку*. Становлению христианства на Руси работ посвящено едва ли меньше, чем всем другим темам ранней российской истории. И здесь, как и в прочих случаях, одной из главных бед для историков является нехватка русских письменных источников, освещающих эту проблему. Усугубляется эта проблема еще и тем, что сама история становления христианства на Руси была подвергнута жесточайшей целенаправленной «правке» в процессе знаменитой Никонианской церковной реформы в правление Алексея Михайловича.

Патриарх Никон задался «благой» целью: вернуть на Русь чистоту православия, сообразуясь с современным для него греческим каноном. К чему это привело — известно: на Руси произошел *раскол* веры. Никониане, поддержанные государственной властью, получили неограниченную в духовной сфере власть — всероссийскую церковную. Те же, кто Никоновскую реформу не приняли, то есть сочли ее надругательством над истинным древним русским православным благочестием — старообрядцы, — подверглись жесточайшим гонениям и государством, и церковью. С тех пор, вплоть до 1905 года, когда в России была объявлена свобода вероисповедания, старообрядцы (которых к началу XX века, по разным подсчетам, было от 10 до 20 миллионов человек!) вынуждены были вести полуполегалное существование, но в древней вере своей оказались весьма крепки.

Мы же здесь об этом напоминаем вот почему. В процессе осуществления самой Никоновской реформы была проведена варварская с точки зрения историков акция: были собрана и сожжена вся древняя духовная литература, которая, по мнению реформаторов, не отвечала требованиям истинного благочестия «по Никону». Это десятки, если не сотни тысяч книг! Все же, что уцелело, было спрятано староверами самым тщательным образом, и в итоге тоже оказалось недоступным историкам, то есть «выпало из научного оборота». Таким образом, сегодня исследователи истории религии на Руси лишены документальной базы еще в большей степени, чем историки древней Руси вообще. И такие потери в значительной степени оказались невозполнимы.

Тем не менее некоторые документальные «намекы» на то, что история становления единой религии на Руси не так проста, все-таки имеются. Однако их рассмотрению, детальному анализу, мешает еще и то, что, как отмечал М.Ю. Брайчевский: «Известный тезис о введении христианства на Руси Владимиром Святым в конце X века, освещенный авторитетом православной церкви, приобрел зна-

чение догмата, который не подлежит ни обсуждению, ни сомнению... В 1888 году в связи с 900-летием «Владимирова крещения», Ф. Фортинский проделал специальное исследование, отыскивая об этом хотя бы малейшие следы и намеки в европейских хрониках и документах [Чтения в ИОНЛ. Киев, 1888. Кн. 2]. Результат был ошеломляющий: ни в одном тексте не нашлось никаких сведений по поводу христианизации Руси в конце X века». [Брайчевский М.Ю., 1989, с. 42]. Теперь, конечно, мы лучше, чем сто лет назад, знаем европейские документы, и ниже покажем, что кое-что о крещении Руси там имеется. Однако *психологически* для нас ничего не изменилось. Что бы и где бы мы не прочли, точкой отсчета достоверности этих сведений для нас остается летописная дата крещения Руси Владимиром, и тут Брайчевский абсолютно прав.

Но и по отношению к этому «летописному факту» мы ведем себя не очень честно. Ведь «Повесть временных лет», да и некоторые другие русские летописи содержат и иную информацию о крещении Руси. Например, в «Повести временных лет» есть такая:

«Ондрейю учащую в Синопии и пришедшую ему в Корсунь, уведe, яко ис Корсуня близъ устье Днепрское, и въсхоте поити в Рим, и проиде в вустье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горе. И по приключая приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним учеником: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияет благодать божия; имать град велик быти и церкви многи бог воздвигнути имать». И вшед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помолився богу, и слез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде к словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвоются, и удивися им. И иде в варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древены, и пережьгутъ е рамяно, и совлокуться, и

будучи нази, и облекутся квасом уснианным, и возьмут на ся прутье младое, и бьют ся сами, и того ся добьют, одва вылезут ле живи, и обольются водою студеною, и тако ожить. И то творят по вси дни, не мучимы никимже, но сами ся мучать, и то творять мовение себе, а не мучение». Ты слышаще дивяхуся. Ондрей же, быв в Риме, приде в Синопию».

Страленберг в своей книге «О религии и нравах русского народа» [Страленберг, 1873, с. 1] сообщает:

«Русские хвалятся, что апостол Андрей явился в Киев, тогдашнюю столицу Руси, и проповедовал, обращал, крестил и научал всю Русь, осеняя себя крестным знаменiem. Оттуда направился в Новгородское княжество, где так же проповедовал».

Действительно, некоторые летописи утверждают, что именно Андрей

«...в 60-ти верстах вниз по реке от Новгорода жезл свой в землю погрузи, оттоль место сие Грузино, знак того, что просветится земля русская».

Олеарий (немецкий автор, посетивший Россию в XVII веке) сообщает, что Андрей в Новгороде не только учил отправлению истинного богослужения, но и наставлял в постройке церквей и монастырей.

Однако возможно, что ко Христу Андрей приводил не Великий Новгород, а Новгород Северский, как на том настаивает Георгий Каниский в «Истории Руссов» [Каниский Г., 1846, с. 4]. Христианство легко могло привиться на Руси, так как соседи Руси — сарматы были христианами, как о том сообщает Тертуллиан, но от частых войн вера пропала.

В Великом Новгороде был и еще один легендарный и очень новгородцами почитаемый просветитель — святой

Антоний Римлянин, фигура очень интересная и странная. О нем (вкратце) известно следующее:

«Антоний, преподобный, римлянин, новгородский чудотворец, родился в Риме в 1067 г. В 1106 г. прибыл он из Италии в Великий Новгород, в княжение Мстислава Владимировича и основал монастырь Рождества Богородицы... В Прологе августа 3 сказано, что Антоний, находясь еще в Италии, положил в делву церковные сосуды и разные драгоценные вещи, и бросил ее в море, а сам чудесным образом приплыл на камне в Новгород; и что рыбаки, им нанятые, закинув сети, вытащили оную из реки Волхова, где существует его обитель (в двух верстах от Новгорода)... В паперти соборной церкви Рождественского монастыря показывают вделанный в стену камень, на котором Антоний, по преданию, приплыл из Рима. На этом камне находится изображение св. угодника» .

[Словарь исторический о русских святых. СПб, 1862, с. 26–27.]

Мы здесь упоминаем о нем потому, что некоторые поздние компилятивные варианты русских летописей утверждают, что именно Антоний крестил Великий Новгород! И это притом, что, согласно канону, Русь, в том числе и Новгородская, была крещена за сто с лишним лет до появления Антония! Это мы снова — о «размазывании» дат некоторых исторических событий по времени, если некритически воспринимать *всю* совокупность исторических источников.

Ну, ладно, Бог с ним, с Антонием: святой был человек, и, как утверждают некоторые посвященные его жизни источники, очень был рад, что, попав столь чудесным образом так далеко от дома, обнаружил здесь православных христиан, среди которых и поселился.

С позиций же наших задач гораздо интереснее сообщение о крещении Руси Андреем Первозванным, приведенное в русских летописях. Как можно в этом сомневаться, если он, согласно «Повести временных лет» (см. приведен-

ную выше цитату), сам же потом абсолютно точно описал русскую баню!

Вот, оказывается, как обстоят дела, если уж напрямую пользоваться русскими летописями. Ну, примерно так же, как и с происхождением славян, руси, англов, волохов и всех прочих европейских народов напрямую от Йафета, сына Ноева. Иначе говоря, для летописцев даже XIII века расстояние во времени в тыщонку-другую лет между знаковыми, «опорными» событиями истории роли не играло: не чувствовали они этого расстояния! Что страшного в том, что апостол Андрей Первозванный был первым учеником Христа? Почему бы ему не проповедовать христианства в Киеве или Новгороде? Запросто!

Справедливости ради заметим, что в самой «Повести временных лет», как можно убедиться по приведенной цитате, не утверждается, что Андрей *крестил* славян на Днепре и в Новгороде. Просто он побывал там, где *ныне* Киев и где *ныне* Новгород, и *провозвестил* будущий великий христианский город «на горах» над Днепром. Это более поздние комментаторы и «трактователи» летописных текстов говорят о том, что он или святой Антоний *крестил* славян. Но суть дела это не очень меняет. Главное, во времена их жизни славяне *уже были* и устную традицию о *провозвестии* истинной веры на Руси сохранили.

Конечно, современный историк не может воспринять подобные утверждения иначе, как фантастические. А вот крещение Руси Владимиром хронологически *правдоподобно*, оно эпохально совпадает со временем распространения христианства во всей северной и северо-восточной Европе. Так почему бы не считать это утверждение летописи истинным? Тогда остается уточнить лишь некоторые конкретные «детали» этого события. И вот тут-то выясняется, что с «деталями» как раз дело обстоит неважно.

А теперь, хотя бы вкратце рассмотрим сведения о крещении Руси, дошедшие до нас «из-за рубежа».

Итак, для начала попробуем найти что-нибудь во време-

на до Владимира, лет так за сто — сто пятьдесят до крещения Руси, связанного в нашем представлении с именем этого князя намертво. Так вот, если обратиться к византийским документам, описывающим события IX века, то окажется, что Русь-то крестилась именно в IX веке! Об этом сообщают несколько разных византийских источников, и по разным поводам, но все они, так или иначе, связаны с нападением русов на Византию в 860 году. Об отправке на Русь православного церковного иерарха сообщает константинопольский патриарх Фотий [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 103]. Но наиболее подробно всю эпопею крещения Руси и связь этого события с нападением на Византию описывает византийская хроника под названием «Продолжатель Феофана» [то же, с. 103]. Приведем цитату из этого документа:

«Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евскинский предали огню и оцепили город (Михаил в это время воевал с измаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой — правивший тогда церковью Фотий молил Бога об этом, — а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их божьему крещению. Что и произошло».

[Продолжатель Феофана, с. 84.]

Скажем прямо, ни из этого документа, ни из других не становится ясно, каким образом связаны эти два события: никакой логики в этом нет. Ну, разве что, помогла молитва Фотия, если он просил Бога не только отвратить гибель Константинополя от руки варваров, но и о просвещении этих самых варваров в веру истинной. Но и это — не все, что нам здесь непонятно. Откуда принесло этих самых росов на Византию? Это Киевская Русь или еще какая-то? Ясно ведь, что это Русь *дoryриковская*: согласно «Повести временных лет», самого-то Рюрика пригласили на Русь только в 868 году. Стало быть, это Русь либо Приднепровс-

кая, либо Причерноморская, то есть одна из тех гипотетических «Русей», о которых мы говорили во второй главе. И куда, собственно, едет греческий церковный иерарх просвещать безбожных росов? В Киев? Это ниоткуда не вытекает, хотя нам привычнее думать именно так: мы просто не представляем себе что-либо другое. Хотя и в этом варианте не можем ответить на вопрос: кто тогда правил в Киеве? Потомки династии легендарного Кия? Не знаем, не знаем...

И «Продолжатель Феофана» никакой ясности в этот вопрос не вносит, хотя и описывает «в высоких тонах» самую процедуру принятия христианства росами, точнее — князя этого племени со старейшинами — от присланного патриархом Игнатием иерея. Все это происходило, согласно источнику, в правление императора Василия I, то есть около 874 года [то же, с. 104–105].

«...Призвали туда и иерея, только что к ним явившегося, и спросили его, что он им возвестит и чему собирается наставлять. А тот, протягивая священную книгу божественного Евангелия, возвестил им некоторые из чудес Спасителя и Бога нашего и поведал по Ветхому завету о чудотворных Божиих деяниях. На это росы тут же ответили: «Если сами не узрим подобного, а особенно того, что рассказываешь ты о трех отроках и печи, не поверим тебе и не откроем ушей речам твоим». А он, веря в истину рекшего: «Если что попросите во имя мое, то сделаю» и «Верующий в меня, дела, которые творю я, и он сотворит и больше сих сотворит, когда оное должно свершиться не напоказ, а для спасения душ», сказал им: «Хотя и нельзя искушать Господа Бога, но если от души решили вы обратиться к Богу, просите, что хотите, и все полностью ради веры вашей совершит Бог, пусть мы жалки и ничтожны». И попросили они бросить в разложенный ими костер саму книгу веры христианской, божественное и святое Евангелие, и если останется она невредимой и неопаленной, то обратятся они к Богу, им провозглашаемому. После этих слов под-

нял иерей глаза и руки к Богу и рек: «Прославь имя твое, Иисус Христос, Бог наш, в глазах всего этого племени», — и тут же метнул в пламя костра книгу святого Евангелия. Прошло немало времени, и когда погасло пламя, нашли святой том невредимым и нетронутым, никакого зла и ущерба от огня не потерпевшим... Увидели это варвары, поразились величию чуда и уже без сомнений приступили к крещению».

[Продолжатель Феофана, с. 142–143.]

Вот такая замечательная история. Главный ее недостаток, однако, заключается в том, что она ничего не сообщает нам, где именно все это произошло, а также ни имени этого прекрасного иерея, ни имени князя росов.

Зато канонического, знакового для нас события — крещения Руси Владимиром Святым — Византия «почти» не заметила. И.Г. Коновалова, подробно разбирая и сами византийские документы, и более поздние европейские, восходящие к утерянным византийским, отмечает, что в некоторых из этих поздних источников происходит интересная трансформация со сведениями о крещении Руси. Так, в одном из них, «Анониме Бандури» (середина XV века), описанный выше эпизод с неопалимым Евангелием отнесен уже ко времени Владимира и привязан к рассказу о выборе им истинной веры для Руси.

Добавим от себя: в «Анониме Бандури» изложена легенда «Обстоятельное повествование о том, как крестился народ Росов», на которую, собственно, и ссылается И.Г. Коновалова. Приведем еще одну небольшую цитату оттуда:

«...по прошествии же многих времен начальствовал над ними некоторый начальник по имени Владимир, умом и смыслом весьма много превосходивший прежних. Итак, этот, сидя наедине, часто весьма дивился и недоумевал, видя многочисленный народ оный преклоняющимся туда и сюда... поелику одни лобызали и читили веру евреев как величайшую и древнюю, а другие уважали веру персов и к

ней прилеплялись, и другие веру сирийцев, и иные веру агарян...»

Это мы к вопросу о том, какое количество разных вер царило на Руси до принятия христианства, или, скажем осторожнее — общегосударственного единоверия. Невольно задумаешься: какое количество *разных народов* жило в Древней Руси в IX–X веках и об *одной ли Руси* надо говорить, изучая то время? Но об этом — ниже. А пока заметим, что в цитированном выше документе Владимир крестится во времена Василия Македонянина, то есть в IX веке, за столетие до своего рождения!

Обращение к русским документам тоже не облегчает нашу задачу. В одной из русских летописей [ПСРЛ, т. IX, с. 64] под 992 годом читаем о крещении Руси Владимиром и о направлении на Русь Фотием нового архиерея — Лео-на. Фотий умер в 886 году.

Еще один русский документ — «Церковный устав Владимира» [*Памятники права Киевского Государства*. М., 1952, вып. 1, с. 237]:

«Се яз, князь великий Василии, нарицаемый Владимир, сын Святославль, внук Игорев и блаженныя Ольги, воспри-ях святое крещенье от греческих цареи Костянтина и Василья, и Фотия патриарха, и взях перваго митрополита Михаила на Киев и на всю Русь, иже крести всю землю Русскую».

Отсюда ясно, что Владимир жил в IX веке, до рождения своего отца, одновременно со своим прадедом! Вспомним предыдущую главу: не правда ли, эти сведения — вся эта путаница с датами жизни наших князей — прекрасно вписываются и в ее контекст?

Конечно, если относиться к анализу этого документа более серьезно, то становится понятным, что имя патриарха Фотия попало туда по ошибке, так как во времена Владимира патриархом Константинопольским был Сергий,

родственник Фотия. Имена же императоров названы правильно, это императоры-соправители из Македонской династии — Василий II Болгаробойца (976–1025), а не Василий I, правивший при Фотии, и Константин VIII (976–1028). Но из приведенного примера отлично видно, какими ошибками пестрят наши первоисточники. Воистину, доверяй, но проверяй — если есть, чем проверять, конечно. Но в том-то и беда, что чаще всего — нечем!

В другом, принадлежавшем якобы киевскому митрополиту кардиналу Исидору, а ныне хранящемся в Ватиканской библиотеке [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 108–109], есть лаконичная заметка: «В году 6496 (984) был крещен Володимер, который крестил Россию».

Это облегчает наше восприятие родословной Владимира, точнее — хронологии его жизни, но, естественно, отрывает его от императора Василия I и патриарха Фотия на век с лишним. То есть опять у нас ничего не получается!

Ниже И.Г. Коновалова приводит выдержку из еще одного позднего византийского документа (начала XVI века), в котором крещение Руси относится вообще к эпохе Комнинов, то есть «уезжает» в XII век [то же, с. 109]. В конце же цитируемой нами главы она пишет: «Итак, даже отдельные заметки, краткие и фрагментарные... могут дать существенные уточнения и дополнения, помочь разгадать исторические загадки и проститься пусть с распространенными, но нередко ложными или неточными представлениями. Это касается и вопроса об освещении в Византии христианизации Древней Руси» [то же, с. 111]. Исключительно любопытное замечание! На наш взгляд, все то, что ею приведено по этому вопросу в данной главе, как раз говорит об обратном: сведение воедино *всех* византийских «историй» о крещении Руси «размазывает» это событие во времени на добрых три века. Неслабое «разрешение загадки»! Да и в пространстве это событие только во времена Владимира можно локализовать в Киеве. А, как мы говорили выше, если считать, что оно происходило в IX веке, то

неизвестно, где. Короче, мало помогли нам в этом вопросе византийские источники, равно как и русские летописи...

А если посмотреть на эту проблему с более «западной» точки зрения? Тут дело обстоит не лучше. Так, в «Житии блаженного Ромуальда», написанного кардиналом Петром Дамиани (умер в 1073 году), описана миссионерская деятельность известнейшего в Европе архиепископа Бруно Кверфуртского (Бонифация). Последний проповедует христианскую веру «королю Руси»:

«Бонифаций отправляется к королю Руссов, желая привести народ в лоно христовой церкви. Король отвечает, что уверует не прежде, чем Бонифаций, пройдя сквозь пламя, останется невредимым. Чудо свершается, и король и народ принимают крещение. Брат же короля не хотел уверовать, а потому в отсутствие святого был убит королем. Другой брат, который жил уже отдельно от короля, с самого начала, как только к нему явился блаженный муж, не пожелал слушать его увещаний, но гневаясь на него за обращение брата, держал его все время под стражей».

Но затем Бонифация убивает другой брат короля. Убийцу после этого охватывает оцепенение, которое проходит лишь после того, как он крестится по настоянию короля [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 311–312].

Жизнь Бонифация известна довольно хорошо: он умер в 1009 году в Пруссии. Виперт, называвший себя спутником мученика, сообщает имя короля — Nethimer. Если Нети-мер — это наш Владимир, то какого брата убили из-за неприятия христианства? И кто те братья, что вынуждены были подчиниться? Конечно, это в какой-то степени напоминает отношения между братьями Святославичами — Ярополком в Киеве, Олегом в Овруче и Владимиром в Новгороде. Можно себе представить, что Ярополк крестит-

ся первым, потом, действительно, убивает Олега, а Владимир, после надругательства над Бонифацием, заболевает, но в итоге все-таки крестится и вылечивается.

Но дело в том, что в 1008 году Бонифаций действительно проезжал через Русь, конкретно — через Киев — по дороге к печенегам, которым намеревался проповедовать христианство, и был прекрасно принят Владимиром, естественно, христианином к этому времени! Об этом известно из «Послания к королю Генриху II», написанного самим Бонифацием [то же, с. 314]. Напомним читателю: в предыдущей главе мы приводили объемистую цитату из этого документа. Так что, увы, вся эта история не про Русь, а, скорее всего, про Пруссию.

И это далеко не все, о чем говорят западные источники. Есть целый пласт документов, связанный с именем епископа Адальберта. Основной из них — «Продолжение хроники Регинона Прюмского» (962–967 годы, возможно — 973 год) сообщает о том, что было в правление императора Оттона I [то же, с. 303]:

«В лето от воплощения Господня 959. Король снова отправился против славян, где гибнет Титмар. Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников...

...962... В это же лето Адальберт, назначенный епископом к ругам, вернулся, не сумев преуспеть ни в чем из того, чего ради он был послан, и убедившись в тщетности своих усилий. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты, сам же он, после больших лишений, едва спасся. Прибывшего к королю Адальберта приняли милостиво».

Еще ряд документов сообщает об этом же. Для нас важен такой, как древние «Анналы Корвейского монастыря» в Саксонии:

«В лето 959. Король Оттон послал королеве Руси по ее просьбе Адальберта, монаха нашей обители, который впоследствии стал первым епископом магдебургским».

«Хильдесхаймские анналы» также сообщают:

«К королю Оттону явились послы народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаев и принять христианскую веру. И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта, правой веры. Они же, как показал впоследствии исход дела, во всем солгали».

Попутно заметим, что Адальберт (чье жизнеописание составил упомянутый нами выше Бруно Кверфуртский), ехавший на Русь, крестил чешского князя Войтеха.

Как утверждают наши историки [то же, с. 305], все эти документы восходят к единому источнику. Поэтому можно не удивляться, что между ними нет расхождения в датах этого важного (для нас!) события. Важным является также и то обстоятельство, что эти документы увязывают все едино «послов Елены, королевы ругов», «королеву Руси» и «послов народа Руси», то есть вроде бы ясно, речь идет об одной и той же стране и ее правительнице. Это, конечно, наша Ольга. И она — уже христианка, крестившаяся в Константинополе! Тут мы снова возвращаемся к вопросу, поставленному в предыдущей главе: какая именно из Ольг? Мы ведь там уже приводили эти документы, но именно с целью понять, о какой Ольге в них идет речь.

В этой же главе у нас другая цель: мы предлагаем читателю посмотреть на проблему крещения Руси с разных сторон! Очевидно, что к ее разрешению мы ни на шаг не приблизились. Просто к тем загадкам, которые родились из рассмотрения византийских документов, прибавилась еще одна, порожденная рассмотрением немецких.

Во-первых, если считать, что еще в конце IX века Кон-

стантинопольской церковью была крещена не «вся Русь», а только княжеский дом с дружиной, то зачем было Ольге креститься вообще? Может быть, за те 70–80 лет, которые разделяют походы русов на Византию в IX веке и приезд в Константинополь Ольги (а с этим ее визитом тоже далеко не все ясно), на Руси произошли радикальные перемены — сменился княжеский дом? Это ведь совпадает с историей, излагаемой в нашей «Повести временных лет»: на Руси в конце IX века воцарились Рюриковичи. Или, как мы говорили выше, в IX веке с Византией воевала, а потом у нее же крестилась вообще «не та» Русь, то есть не Киевская?

Во-вторых, если Ольга крестилась в Константинополе, то зачем бы ей просить о «просвещении в вере истинной» европейского государя, церковно связанного с Римом, а не с Константинополем? А получивши его поддержку в этом благородном начинании, гнать потом взашей его богоугодных посланников? Это что — тонкие «политические игры», как считает А.В. Назаренко [то же, с. 305–307]? Несмотря на логичность его доводов, невозможно отделаться от впечатления, что для нравов Руси X века — каковыми они представляются по жизнеописаниям той же Ольги — это, скорее, хамство варваров, которые не очень понимают, что таким манером они рискуют рассориться и с восточной, и с западной христианскими церквами. И хотя они еще не разделились официально, но претензии на свою гегемонию в «младохристианских» странах каждая из них уже предьявляла — в противовес другой.

Или приглашает на Русь западных священников одна Ольга, а через полтора года, когда они приезжают, их выгоняет уже другая?

Наконец, в-третьих, где и когда крестился Владимир и когда крестил он Русь? Конечно, если считать текст нашей «Повести временных лет» истиной «в конечной инстанции», все эти вопросы отпадают сами собой. Но если все-таки обратить внимание на остальные русские летописи, хотя бы самые известные, то все становится еще сложнее.

Не вдаваясь в подробности, приведем список мест крещения самого Владимира, согласно некоторым, наиболее известным летописям. Итак:

1. В Корсуні, в церкви Святого Спаса. — Владимирская летопись.
2. В церкви Святого Василия. — Лаврентьевская летопись.
3. В Святой Софии. — Ипатьевская летопись.
4. В церкви Святой Богородицы. — Радзивилловская летопись.

Ну, это бы еще ладно, подобные неточности не слишком портят общую картину. Но есть такой любопытный византийский документ — «Житие Стефана Сурожского». В русском его переводе есть такой текст:

«О ПРИХОЖДЕНИИ РАТИЮ К СУРОЖУ КНЯЗЯ БРАВЛИНА ИЗ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА. По смерти же святого /Стефана/ мало лет мину, прииде рать велика рускаа из Новаграда князь Бравлин силен зело. Плені от Корсуня и до Корча. С мною силою прииде к Сурожу. За 10 дньи бишася зле между себе. И по 10 дньи вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата. И вниде в град, и зем меч свой, в вниде в церковь в святую Софию. И разбив двери и вниде идеже гроб святого, а на гробе царское одеяло и жемчюг и злато и камень драгий, и кандила злата, и съсудов златых много, все пограбиша. И в том часе разболеся — обратися лице его назад, и лежа пены точаше. Възни глаголя, велик человек свят есть иже zde, и удари мя по лицу, и обратися лице мое назад. И рече князь бояром своим, обратите все назад что есте взяли. Они же възвратиша все. И хотеша и князя пояти оттуду. Князь же възни, глаголя: не дайте мене да лежу, изламати бо мя хочет един стар свят муж, притисну мя, и душа ми изити хочет. И рече им: скоро выженете рать из града сего, да не възмет ничтоже рать, и излезе из града, и еще не възстаняше, дондеже

накы рече князь бояром сии възратити все елико пограбихом священные съсуды церковныя. В Корсунѣ и в Керчи и везде. И принесите сѣмо все. И положите на гроб Стефанове. Они же възвратиша все, и ничтоже себѣ не оставиша, но все пренесоша и положиша при гробѣ святаго Стефана, и пакы в ужасѣ, рече святой Стефан к князю, аще не крестишися в церкви моеѣ, не възвратишися и не изыдеши отсюду. И възни князь глаголя, да придуть попове и крестят мя, аще възстану и лице мое обратится, крещуся. И приидоша попове, и Филарет архиепископ, и молитву сътвориша над князем. И крестиша его въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. И обратися лице его пакы, крестишажеся и бояре вси, но еще шиа его боляше, попове же рекоша князю: обещайся богу, елико от Корсуня до Корча что еси взял пленники мужи и жены и дети, повели възвратити вся. Тогда князь повеле всем своим вся отпустиша кождо въ свояси. За неделю же не изиде из церкви, донелиже дар даде великому Стефану. И град и люди и попов почтив отъиде, и то слышавше инии ратнии и не смеаху наити, аще ли кто наидяше, то посрамлен отхождааше.

О ИСЦЕЛЕНИИ ЦАРИЦЫ КОРСУНСКИА. Анна же царица от Корсуня в Керч идущи, разболеся на пути смертным недугом на Черной воде. На уме ей прииде святой Стефан и рече, о святой Стефане. Аще мя от болезни сея избавиши, многи ти дару и почести въздам: тоеже нощи явися ей святой Стефан, глаголя, Христос истинный Бог наш, исцеляет тя, мною служебником своим. Въстани здрава, иди в путь свой с миром. В тот час преста недуг ея, и бысть здрава яко не болевши ей николиже. И почюти исцеление бывшее ей и добре похваля Бога, и святаго Стефана, и вси иже с нею възставше заутра с радостію великою идоша в путь свой.

Еще раз подчеркнем: новгородский князь Бравлин и «корсунская» царица Анна, разболевшаяся по дороге из Корсунѣ в Керчь — такая вставка есть *только* в русском

перевode «Жития». Безусловно, это «Житие» — вариант легенды о крещении Руси, причем более ранний, чем тот, который описывает корсунское крещение Владимира и его женитьбу на константинопольской принцессе Анне. Спрашивается, кто такой и откуда взялся этот князь Бравлин? «Никто не знает, молчит наука». Зато невозможно отрицать, что текстуально легенда о его крещении смотрится прямой предшественницей легенды о Владимире: вторая «списана» с первой.

После захвата Корсуни «Владимиръ-же поимъ посемь царицю и Настаса и попы Корсунские с мощами святого Климента и Фива ученика его, пойма сосуды церковные, иконы на благословение себе».

Эти слова Лаврентьевской летописи заставляют подозревать, что Бравлин и Владимир — вообще один и тот же персонаж, на которого пал выбор стать (по воле летописца) крестителем Руси. Анна же, хоть и названа в «Житии» Корсунской царицей — персонаж вполне исторический: судя по некоторым византийским документам, она — сестра императора Василия II Болгаробойцы, и родилась в 963 году. В трактовке византийского хрониста XI века Иоанна Скилицы ее брак с Владимиром — чисто политическая акция, поскольку императору нужна была военная помощь Руси, и он ее получил от Владимира, ставшего его зятем [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 110–111]. А, как помнит читатель из предыдущей главы о русских князьях, она же — Ольга-Елена, то ли третья, то ли четвертая по счету на Руси. Но мы больше не будем морочить читателю голову на эту тему — думаем, что всего этого ему хватило с избытком.

Ну а для Владимира это что — тоже политическая акция? Мы имеем в виду не только бракосочетание с византийской принцессой, но и крещение Руси. Ведь совершенно ясно, что первое без второго было бы просто невозможно: православную принцессу не отдали бы за варвара-язычника. И вся эта мистическая окраска, придаваемая «Житием» крещению самого Владимира—Бравлина в Кор-

суни, не более чем церковная попытка придать этой акции характер святости, божественного вмешательства в дело распространения православной веры на еще один языческий народ.

Так уточнилось что-нибудь для нас с точки зрения времени принятия христианства на Руси или нет? Прямо скажем, не очень. Это мы *сами*, для *собственного* удобства отождествили некоего новгородского князя Бравлина с киевским князем Владимиром, пользуясь определенным текстуальным сходством между описаниями обстоятельств их крещения в Корсуни. Но понятно же, что это — всего лишь легенда, «растянутая» сразу на двух персонажей, и мы не знаем, что за ней стоит. Просто у нас прибавился еще один претендент на звание крестителя Руси — если и не всей, то хотя бы ее социальной верхушки — князь Бравлин. Вот и все! И только те из византийских документов, которые связывают крещение самого Владимира и его брак с принцессой Анной (что попутно уточняет хронологию его жизни), в чем видится вполне рациональное зерно — политическая выгода для обеих сторон, заставляют нас видеть именно во Владимире «главного претендента на звание» первого крестителя Руси.

ПРИНЯТИЕ ЕДИНОЙ ВЕРЫ НА РУСИ — ВЗГЛЯД «С ВОСТОКА»

Ну а если попытаться прояснить вопрос о вере, глядя на Древнюю Русь «с востока»? Попробуем.

Вот что говорит о киевлянах XII века (как мы знаем — славянах, точнее, уже русских) Абу Хамид ибн абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалузи [Гарнати, 1971], побывавший в Киеве в 1131–1153 годах:

«И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той

стране под именем печенег. И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на дочери одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их хутбе, а они не знали пятничной молитвы».

Интересно, однако! Не видит он христиан в Киеве, а мусульман — печенегов, как он считает — тысячи. Правда, мусульман довольно странных, не знающих пятничной молитвы, но все-таки — мусульман! Как это он ухитрился не заметить, что находится в христианском городе? Он — что, попал в какой-то мусульманский квартал?

А, между прочим, западный автор — мерзенбургский епископ Титмар (XI век), в своей хронике говорит [*Древняя Русь в свете зарубежных источников. 1999, с. 328*]:

«В этом большом городе [Киеве], столице того королевства, имеется более 400 церквей и 8 рынков, народу же — неведомое множество. До сих пор ему, как и всему тому краю, силами спасавшихся бегством рабов, стекавших сюда со всех сторон, а более всего — [силами] стремительных данов (скандинавов — Авт.) [удавалось] противостоять весьма разорительным набегам печенегов, а также побеждать другие [народы]».

Вот ведь как интересно: в XI веке Киев со своими четырьмястами церквями и населением в основном скандинавским — вроде бы христианский город, а в XII веке — там уже тысячи мусульман — печенегов! Это что — результат «оседания» на землю подчинившихся Киеву бывших степняков-кочевников, «наших поганых», как звали их на Руси? Или просто каждый путешественник видит, что хочет?

Но обратимся в более глубокую древность. Как известно из русских летописей, Киев основан Кием, первым князем Киевским. Что же нам известно о нем? А есть подозрение, что Кий был выходцем из Хорезма (настоящее его имя —

Куйя), после переселения части хорезмийцев-мусульман в Хазарию, где они были расселены по границам государства, Куйя стал вазиром Хазарии, его должность после его смерти досталась его сыну — Ахмаду бен Куйя.

Историк X века ал-Масуди [Мас'уди, 1970] пишет:

«В этой хазарской стране мусульмане являются преобладающей силой, потому что они составляют царскую армию. Они известны в этой стране как АРСИИ (ясы русских летописей, по-видимому — Авт.), и они пришельцы из страны Хорезм. В древние времена, вслед за появлением ислама, появилась в их стране засуха и мор, и потому они пришли к хазарскому царю. Они были людьми сильными и смелыми, и хазарский царь полагался на них в своих войсках... Кроме того, им принадлежит должность везиров. В настоящее время везир один из них — Ахмад бен Куйя... Жители Арсии имеют так же мусульманских судей».

Вспомним, что мы говорили во второй главе о Руси в восточных источниках, в частности, о трех группах русов, живших в трех областях. Так вот, там АРСАНИЯ — одна из этих областей (стран), наравне со СЛАВИЕЙ и КУЯВИЕЙ! Стало быть, уже как минимум к X веку одна из этих групп русов была мусульманской — та самая, которая явно связана со степным иранским миром?

Правил Киевом и Аскольд (Аскел), который был женат на дочери хана Волжских Булгар, чьим вассалом он и являлся. Об этом свидетельствует Ибн Фадлан — еще один восточный автор, побывавший на Руси того времени и оставивший свои заметки [Ковалевский, 1956]. Аскольда (и Дира), как утверждает «Повесть временных лет», убил Олег. Оба они, как известно, варяги — русы, связанные с Домом Рюрика. Проблема, однако, в том, что Олег, если верить хазарским источникам, был подданным Хазарского государства. Существует такой набор документов под общим названием «Еврейско-хазарская переписка» [Древняя

Русь в свете зарубежных источников. 1999, с. 226–229]. В числе прочих там имеется описание истории Хазарии, в частности — византийско-русско-хазарской войны. Приведем цитату из этого документа:

«С того дня напал страх перед казарами на народы, которые живут кругом них... А /византийский император/ Роман послал большие дары Хельгу, царю Руси, и подстрекнул его на его собственную беду. И пришел он ночью к городу Самкерц и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно... досточтимому Песаху... И оттуда пошел он войной на Хельгу и воевал несколько месяцев и бог подчинил его Песаху. И нашел он добычу, которую тот захватил из Самкерца. И говорит Хельгу: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и воюй с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или же буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошел Хельгу против воли и воевал против Константинополя на море 4 месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти казар».

Большинство исследователей считает, что Хельгу — это наш Олег, а Самкерц — это Керчь. Правда, это плохо вяжется с образом Олега из нашей «Повести временных лет» и с описанием его победоносного похода на Царьград. Так что, возможно, под понятие Хельгу в данном случае попал кто-то из других русских князей. Из них, как известно, наименее удачно воевал с Византией Игорь, флот которого в 941 году был сожжен «греческим огнем» [то же, с. 115–116]. Не исключено, что в описании еврейского историка оба наших князя слились в одного. Если считать, что наши рассуждения в предыдущей главе о русских кня-

Рис. 4.1. Олег с войском воюет на Балканах. Миниатюра из Радзивиловской летописи

зьях Олегах, которые суть «Хельги», хоть в чем-то верны, то такое вполне могло произойти.

Но нас сейчас интересует другая сторона вопроса. Нам важно понять: какая вера была на Руси на разных этапах ее истории. Поэтому для нас представляет интерес такая деталь: в Радзивиловской летописи имеется миниатюра, изображающая Олега, который воюет на Балканах (рис. 4.1). Но под каким знаменем? На знамени арабская надпись «ДИН» — что означает «вера», «религия». Хотелось бы понять: почему по-арабски? Что, Олег ведет мусульманское войско? Для *подданного* Хазарии это возможно. Хазария — страна многоконфессиональная, ее аорская гвардия, как говорилось выше — хорезмийцы-мусульмане. Так, может быть, именно их возглавляет Олег в походе на Балканы?

Кстати, восточным авторам известен не только Аскольд, но и славянский государь Дир. Тот же ал-Масуди пишет:

«Первый из славянских царей есть царь ал-Дир. Он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами. Подле этого царя из славянских царей живет Аванджа [Ифранджи], имеющий города и обширные области... Затем с этим царем граничит царь Турка. Это племя, красивейшее из славян лицом, по количеству большее, а по силе храбрейшее».

Хотелось бы понять: это он о ком? Если Ифранджи — это франки, то почему они славяне? А кто такой «славянский» царь Турка? Можно, конечно, представить себе, что речь тут идет о венграх. И тогда царь Дир — это государь славян дунайских. Но почему окружающие его народы тоже славяне — все равно непонятно. В общем, этих «почему» по ходу чтения данного текста возникает еще с десяток. Кроме того обстоятельства, что ал-Масуди упоминает одного из славянских государей — Дир, которого мы знаем по своей «Повести временных лет» в роли одного из первых варяго-русских правителей Киева, ясности нет. Но, в отличие от русских летописей, где Аскольд и Дир выступают «дуэтом» в качестве киевских князей, для восточных авторов это две никак не связанные фигуры.

В принципе можно было бы и не упоминать об этом историческом курьезе в данной главе, если бы не одно обстоятельство. В книге «Тысячелетие России» — юбилейном издании, выпущенном в XIX веке, где сделана попытка изложить некую «осредненную» по совокупности источников древнюю историю Руси, имеется такой фрагмент:

«...ОСКОЛДЪ в Киеве от 863 по 882 г., в котором был убит ОЛЕГОМЪ, погребен у онаго же града на месте Угорским называемом. Сей последний между 865 и 867 г., в царствование Греческого Императора МИХАИЛА III, сильный имел из Киева кораблями поход на Грецию и приступ к Царю-граду, под которым однако же претерпел несчастье в разбитии бурею большей части кораблей своих.

В сие же время, яко в самых тесных и крайних обстоятельствах государства, Греческою церковию при Патриархе Фотии о избавлении от сего неприятеля производимо было великое молебствие в Лахернах с погружением в воду края честной ризы пресвятыя Богородицы и сочинена песнь: Взбранной воеводе победительная и проч... ныне у нас самих молебным; на противу же ОСКОЛДЪ, названный Греками князем РОССОМЪ, имел случай там принять с некоторыми из своих Христианскую веру, за что на конец пожертвовал и самую жизнь, в крещении же наречен НИКОЛАЕМЪ, и первым в России считаться может мучеником, за веру и благочестие пострадавшим».

Вот это уж точно не «взгляд с востока», а прямо-таки, наоборот — «с запада», поскольку перекликается с византийскими источниками, о которых мы упоминали выше. Именно там, как помнит читатель, утверждается, что в IX веке, после первых походов россов на Византию, они просили византийцев же окрестить их в «правую веру». А восточные авторы (Ибн Фадлан в первую очередь) утверждают, что Аскольд был женат на дочери Болгарского хана Владаваца, о чем мы тоже говорили выше. А Болгария, между прочим, приняла в начале X века мусульманство — согласно тому же Ибн Фадлану. И он к тому же называет государя Болгарии «царем всех славян». А, согласно русским летописям, Аскольд погиб еще в 882 году, и до времен путешествия в Восточную Европу Ибн Фадлана никак «не дотягивает». Так что, как ни крути, не прибавляют нам ясности восточные источники в вопросе выбора веры на Руси, да и в вопросе времени жизни русских князей тоже.

Но то, о чем мы сказали выше — еще «цветочки». Есть и «ягодки». Например, еще один восточный автор XIII века, Мухаммад ал-Ауфи [Бартольд, 1963, с. 805–809] сообщает:

«Русы... постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч. Если кто-нибудь из них умрёт и после него останутся сын и дочь,

то все имущество отдают дочери, а сыну не дают ничего, кроме меча, говоря ему: «Твой отец добыл имущество себе мечом». Так было до тех пор, пока они не сделались христианами в 300 году хиджры. Приняв христианство, они вложили те мечи в ножны. Но так как они не знали другого способа добывать себе пропитание, а прежний теперь был для них закрыт, то их дела пришли теперь в упадок, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами. Их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру. Они отправили послов к хорезмшаху. Послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул БУЛАДМИР, как туркестанский царь носит титул ХАКАН, а болгарский — титул ВЛАДАВАЦ. Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почетные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого все они сделались мусульманами. Они совершают походы на отдаленные земли, постоянно странствуют по морю на судах, нападают на каждое встречное судно и грабят его».

Вот такой разворот событий: все, что мы знаем из русских летописей о выборе веры Владимиром, оказывается, может излагаться и «с точностью до наоборот»! И ведь есть в этом логика. Действительно, христианство — религия миролюбивая в основе своей, религия, призывающая к покаянию. Мусульманство, как бы оно ни прикрывалось миролюбивыми лозунгами, на практике одобряет джихад — войну за распространение веры. И историческая практика первых веков распространения ислама доказала именно это.

А теперь вспомним: с кем же постоянно воевали русы? С христианскими странами, конечно. Мы это хорошо знаем. И византийские источники, и русские летописи сообщают о войнах с греками и болгарами, с крымскими христианскими городами, с поляками.

В этом для нас нет ничего нового. Да и вообще, кто только в мире и с кем не воевал! И христиане воевали с христианами, и мусульмане с мусульманами, и христиане с мусульманами... И викинги постоянно воевали со всей Европой, пока были язычниками, но отнюдь не стали мирными людьми, приняв христианство. Но нельзя не согласиться, что вышеприведенный текст дает весьма любопытное объяснение тому, что Русь на каком-то этапе своей истории воевала *именно* с христианскими странами, но не с *Хазарией!*

Мощнейший удар Хазарии нанес язычник Святослав Игоревич, но он же воевал и с Византией. То есть понятно, что в своих действиях он вообще не руководствовался вопросами веры. Святослав, кстати, в целом выглядит достаточно архаичной фигурой, воплощением духа древней героики, который воевал только потому, что никакого другого занятия, достойного истинного мужчины, не признавал. Но до него русы/росы, в том числе и Киевская Русь, воевала *именно* с Византией, а после него, начиная с его внука Ярослава Мудрого, Русь Византию почти не трогала — если не считать инцидента 1043 года [*Древняя Русь в свете зарубежных источников*, 1999, с. 127–132], быстро улаженного.

Более того, в Византии существовал, по крайней мере с IX века, свой «иностраннный легион» — корпус наемников, этнически весьма разнородный, но, судя по документам, еще в XII веке в значительной степени состоявший из скандинавов-варягов и русов. Да и раньше, судя по византийским документам конца IX — начала X века («Тактика» Льва VI, Псевдо-Сименон) росы участвовали в морских сражениях византийцев с арабами. Но вот на чьей стороне? Это вопрос сложный.

О том, что славяне выступали иногда союзниками арабов против Византии еще в VII веке, сообщают некоторые ранние византийские писатели. Так, Феофан под 675 годом сообщает: «20 000 славян из войска императора Юстиниана II перешли к арабскому полководцу Мухаммеду, кото-

рый при их помощи через три года берет в плен многих византийцев». Об этом же говорят и Никифор, и Леон, и Кедрин. Однако в дальнейшем, по крайней мере, с начала X века, то есть уже во времена ранних киевских князей Рюриковичей, русы выступали в составе византийских войск против арабов, что отмечают хронисты того времени (Продолжатель Феофана и др.). Впрочем, как известно, это не мешало русам воевать и с самой Византией — здесь нет нужды подробно перечислять все походы Олега, Игоря и Святослава. Надо ли объяснять такие неустойчивые отношения Руси с Византией тем, что Русь до конца X века если и не исповедывала ислам, то, по крайней мере, находилась под сильным мусульманским влиянием своих юго-восточных и восточных соседей, или даже степной части своего собственного населения? Утверждать это не беремся, но предположение такое сделать можно.

И еще одна любопытная деталь. Аль-Ауфи в приведенной выше цитате трактует имя Владимир (Буладмир) как *титул* государя русов, а не имя собственное! Так, может быть, именно этим объясняется странное смещение Владимира Святого во времена патриарха Фотия в византийских, да и в русских источниках? Может быть, это просто *не тот* Владимир? А ко времени написания «Повести временных лет» на Руси уже забыли, что когда-то Владимир было не именем, а почетным прозвищем, так же как и то, что Олег был почетным же прозвищем Хельги (мудрый, вещий) на Руси, хотя и был обычным именем в Скандинавии, где уже забыли его смысловое значение. То есть с ними произошла та же трансформация, что и с греческим титулом Базилевс, который постепенно превратился в имя Василий? А может быть, и все наоборот, как с римским именем Цезарь, которое превратилось в титул Кесарь. Тут есть над чем задуматься.

Ну, например, над тем, что на Востоке к XIII веку — как, впрочем, и на Западе — давно забыли, что до Киевской Руси в Приднепровье и в Причерноморье существо-

вали племенные объединения аланов — росов, может быть, в какой-то степени ослабленных, известных другим народам под именем Русь или Рос, о чем мы неоднократно говорили выше. Это — носители салтово-маяцкой археологической культуры, чья территория в итоге оказалась занятой Хазарским каганатом, а население в значительной степени тюркизированным. Каганат же, как известно, был не только полиэтничен, но и многоконфессионален. И Русь Причерноморская, позже вошедшая в его состав, а до этого ходившая в морские походы по всему Черному морю и успешно грабившая византийские города, вполне могла испытать влияние мусульманства еще на ранних стадиях его распространения в Малой Азии и Закавказье. Возможно даже, что она приняла мусульманство «организованным порядком», например, через специальное приглашение вероучителей из Хорезма, как это сделала волжская Болгария во времена Ибн Фадлана. А после падения Хазарского каганата в X веке это же мусульманизированное население достается «в наследство» Руси Киевской и как-то влияет на выбор веры Владимиром.

Понятно, что окончательный его выбор — христианство. Но определенный *отпечаток* мусульманской культуры, привнесенный на Русь населением степей и даже лесостепей Подонья и Поволжья, возможно, еще долго оставался на Руси и выливался в разные формы.

Заметим, что и современным русским исследователям была не чужда мысль о том, что Владимир мог принять ислам. Так, С.П. Толстов [Толстов, 1948, с. 261] пишет: «В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие... догмат борьбы за веру и перспективы союза со странами ислама сулили успешное развитие военной экспансии против старого врага — Византии». Заметьте, Византия — давнишний враг русов! Зачем же принимать веру врага?

Конечно, стоит задаться вопросом: *каких именно русов?* Киевской Руси времен Дома Рюрика? Да ведь не Византия нападала на Русь, и не только Киевскую, но и более древнюю, «дикую» — Приднепровскую или Причерноморскую.

Это Русь житья не давала Византии и в VII, и в VIII, и в IX, и в X веках регулярно нападала на нее с грабительскими целями. И Византия со времен Василия I и патриарха Фотия старалась смягчить нрав этих варваров, *крестив их в православие!* И, если верить византийским источникам и русским летописям (написанным, правда, в русских православных монастырях не раньше XIII века — не будем об этом забывать!), ей это, в конце концов, удалось. А вот если верить восточным источникам, то не очень-то!

Да и западноевропейские источники со странным подозрением относятся к *христианской* Руси.

Письмо Матфея, краковского епископа, к святому Бернарду, аббату Клервоскому, об обращении русских, которое следует предпринять [Щавелева Н. И., 1990]:

«Народ же тот русский, множеству ли бесчисленному, небу ли звездному подобный, и правила веры православной и религии истинной установления не блюдет... Христа лишь по имени признает, делами же совершенно отрицает. Не желает упомянутый народ ни с греческой, ни с латинской церковью быть единообразным. Но, отличный от той и от другой, таинства ни одной из них не разделяет».

Да, русские — странные какие-то христиане. Имя Христа чтут, а заветы религии христианской не блюдут.

«Старшая рифмованная ливонская хроника» (XIII век) сообщает:

«Дерптский епископ Герман в это время начал враждовать с русскими. Те хотели подняться против христианства, как прежде».

«Как прежде» — это когда? Во времена язычества на Руси? Но для XIII века трудно себе представить, что в Европе помнят «Русь языческую». Или имеется в виду, что

Русь *православная* «как прежде» поднимается против *католической* Европы, каковая для западноевропейцев только и является собственно *христианской*? Или они знают еще какую-то, чуждую христианству Русь, мусульманскую, например?

РЕЛИГИЯ НА РУСИ — ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»

Ну а если оставить в покое все «внешние» исторические источники и попытаться обойтись «внутренними», причем не столько письменными — они давно известны и сотни раз прокомментированы — сколько вещественными? Попробуем.

Вот, например, такой исторический источник — княжеские шлемы. Шишак князя Ф. И. Мстиславского имеет надпись по-арабски. Шапка иерихонская боярина А. Прончищева и, более того, шлем Ивана Грозного — тоже! 13 аят 61 суры Корана можно увидеть на шлеме великого князя Александра Невского. Многие думают, что это работа была выполнена восточными мастерами на заказ, или что шлем вообще был привезен из мусульманских стран. Увы! Известен мастер, выполнивший этот шлем — МИКИТА ДАВЫДОВ (рис. 4.2, 4.3, 4.4).

«Арабская надпись составляет, как мы видим, обычную принадлежность богатых русских шлемов» [Бобринский А.А., с. 321].

Спрашивается, откуда подобная «обычная принадлежность» появилась на Руси? Сам А.А. Бобринский этот факт лишь констатирует, но никак не объясняет. Шлемы Мстиславского, Прончищева, Ивана Грозного — вещи достаточно поздние, XVI века. Арабские надписи на них можно объяснить длительным влиянием на Русь мусульманизированной культуры Орды. Но шлем Александра Невского — первая половина XIII века! О мусульманском влиянии Золотой Орды на русскую культуру говорить еще просто невозможно: ведь Александр Невский — современник Батыя.

Рис. 4.2. Подробности так называемого штема Александра Невского (А.А. Бобринский)

Орда в это время была еще абсолютно веротерпима. Более того, ее татаро-монгольская верхушка — это в основном христиане несторианского толка, как, впрочем, и многие другие народы Средней Азии, причем вплоть до конца XIII века. Приведем краткие сведения на эту тему по совокупности разных источников о религиях тюркских и монгольских народов средневековья.

В 1007 году христианство приняли карaitы, после чего Мервский митрополит отправил к ним в Монголию священников.

В XIII веке хорезмийские христиане подчинялись антиохийскому патриарху. И это притом, что Хорезм в целом был страной мусульманской.

Были христианами и гузы.

Рис. 4.3. Шляпа Иерихонская (А.А. Бобринский)

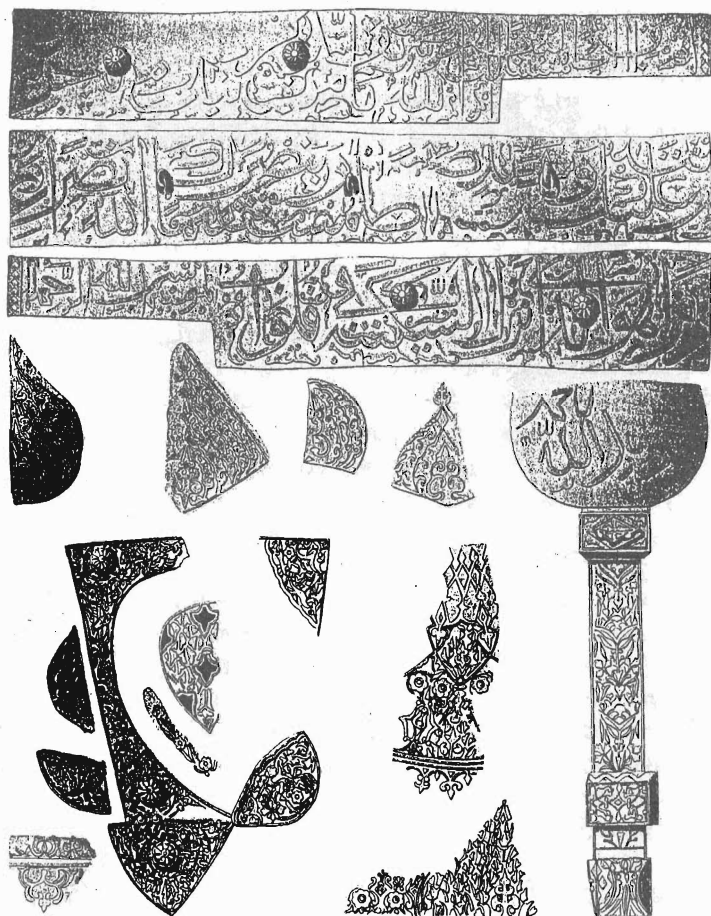

Рис. 4.4. Шишак князя Мстиславского (А.А. Бобринский)

Один из крупнейших тюркских степных народов Сельджук со своей ордой, отделившись от гузов, принял ислам и стал защитником единоверцев от своих соплеменников (турки-сельджуки, завоевавшие Малую Азию).

Кидани поклонялись Солнцу и Ангелам и исповедовали сабейскую веру. Патриарх Илья III (1176–1190) учредил несторианскую метрополию в Кашгаре у киданей.

Найманы в большинстве своем были христианами. Их хан Кушлук потребовал от мусульман отказаться от их веры и принять либо христианство, либо буддизм (начало XIII века).

Таким образом, гузы и карайты, кидани и найманы — то есть значительная часть населения Средней и Центральной Азии, были в основном христианами-несторианами. Да и вообще Золотая Орда, вплоть до времени своей собственной мусульманизации, была на редкость веротерпимой. Что, впрочем, также свидетельствует о продуманности ее завоевательной политики: она не хотела ссориться с духовенством на завоеванных территориях, так как понимала, что «пригретое» и обласканное духовенство не будет настраивать население чересчур враждебно к завоевателям.

Но мы не собираемся здесь развивать тему «Орда и Русь». И упомянули обо всем этом мы только для того, чтобы показать, что говорить об *ордынском мусульманском* влиянии на культуру Руси XIII века просто нельзя: не было еще такого влияния. Так откуда берутся арабские мусульманские надписи на шлемах ранних русских князей? Мы не знаем. Очередная *загадка*.

На сегодня, однако, она успешно решена. Современные исследования шлемов той серии, о которой писал А. А. Бобринский, в том числе и так называемого шлема Александра Невского, показали, что *все они*, в том числе и этот последний — изделия поздние, не ранее начала XVI века, и *все* — либо привозные, восточные, либо сработанные по восточным образцам, либо доработанные на Руси, возможно, по требованию заказчика. И русские мастера считали себя вправе ставить после доработки изделия свое клеймо. К ним относится и так называемый шлем Александра Невского. Известные сегодня документы показывают, что сработавший его «на восточный манер» мастер Микита Давыдов жил в конце XVI — начале XVII века и долгие годы работал на высшую аристократию того времени. В частности, именно этот шлем понравился царю Михаилу Федоровичу, и он приказал мастера наградить, о чем

имеется соответствующая запись в приходно-расходной книге Казенного приказа от 18 декабря 1621 года [Писарская Л., 1975, с. 29–32]. Увы, во времена А.А. Бобринского эти документы не были известны, что и порождало зачастую путаницу в датировках многих предметов вооружения.

Понятно, что тяга русской аристократии к дорогим восточным изделиям, и особенно — к оружию, сложилась не вдруг, а скорее всего под влиянием длительных контактов с мусульманизированной степью и идущего через нее на Русь еще со времен Хазарского каганата импорта с Востока. Это — и шелка, и пряности, и, конечно же, знаменитые дамаская сталь и индийский булат. Разумеется, приток этих вещей на Русь увеличился во времена ордынского владычества, и традиция носить дорогую одежду и оружие восточного производства укоренилась в основном тогда. Но некоторые элементы восточной, в том числе и мусульманской, культуры могли попасть на Русь и много раньше.

На наш взгляд, проводником мусульманской культуры на домонгольскую Русь могло быть купечество, еще с самого раннего средневековья перемещавшееся по Каспийско-Волго-Балтскому торговому пути. Этот путь был известен всем народам Скандинавии, Прибалтики, Поволжья, Прикаспия, Предкавказья и, по-видимому, западной части Средней Азии. Это неоспоримо, поскольку именно этим путем ислам как религиозная идея проник в Хазарию и волжскую Болгарию. Последняя, как мы помним, еще в начале X века приняла ислам в качестве государственной религии именно из Хорезма. С хорезмийской религиозной миссией, кстати, и попал на Волгу Ибн Фадлан.

А теперь вспомним, что на Верхней Волге в те же времена, что и в Приильменье, и на Днепре тоже складывается «своя» Русь — Ростово-Суздальская. И основания для ее сложения как раннегосударственного объединения были те же: она находилась на проторенном *торговом пути*, в данном случае — «из варяг в хазары». И путь этот не менее важен, чем «из варяг в греки», а по интенсивности движения и товарообороту, по крайней мере, до конца X века,

то есть до времени падения Хазарского каганата — даже важнее первого. Об этом можно судить по богатейшим археологическимкладам, как среднеазиатских серебряных монет, так и по находкам европейских изделий, обнаруженным в процессе археологических исследований на памятниках, существующих вдоль всего этого пути.

На наш взгляд, необходимо учитывать, что «накатанный» торговый путь, как в древности, так и в Новое время — это не только канал перемещения вещей, но и своеобразный «проводник идей». А в древности — это вообще единственный «проводник идей», если, конечно, не говорить о периодах массовых миграций или завоеваний, когда носители одной культуры «наезжали» на носителей другой, навязывая им свои культурные традиции, в том числе и религиозные. И какие же у нас основания считать, что *мусульманское* купечество из среднеазиатских или прикаспийских областей приносило исламские идеи, или хотя бы некоторые атрибуты исламской культуры, не далее Средней Волги, то есть не далее Болгарии? Да никаких! Все это преспокойно перемещалось и по Верхней Волге, и ничто не мешало им попадать в Ростово-Суздальскую Русь.

И вот что еще важно. Торговый путь «из варяг в хазары» активно функционировал еще *до крещения* не только всей Руси вообще, но даже Киевской Руси, если считать, что последняя была крещена Владимиром в конце X века. Мусульманское влияние могло активно распространяться в мерянской этнической среде, которое составляло основу (*пра-основу*) населения Ростово-Суздальской Руси, не встречая, вероятно, до середины XI века организованного отпора со стороны христианской церкви. Просто потому, что не было там в это время никакой церкви!

VIII–IX века — это все-таки времена языческой Руси. И в принципе любое инородное религиозное влияние, если оно не принимало организованного, целенаправленного давления на местное население, в конце концов «рассасывалось» в язычестве, может быть, оставив после себя какие-то привившиеся на местной почве культурные элемен-

ты. Этот вопрос требует специального изучения. Мы же лишь высказали предположение, что такие следы мусульманской культуры могли сохраниться на русской почве и не обязательно были вытеснены до конца после принятия Русью христианства.

Но вот что представляется очевидным — так это более позднее мусульманское влияние на Русь, пришедшее из Орды в XIV веке. Еще раз напомним: Орда в XIII веке, когда она только завоевывала Русь и сама оседло «обустраивалась» на Волге, была вполне веротерпима, многоконфессиональна и в значительной степени состояла из христиан несторианского толка. Батый *не облагал данью* монастыри на Руси. Более того, в Сарае строилась христианская церковь! Однако все круто изменилось в XIV веке, когда в Орде при хане Узбеке (1313–1341) начала явственно доминировать единая, принятая и большинством народа, и властью религия — ислам [*Энциклопедия отечественной истории*, т. 2, с. 291]. И не то чтобы Орда навязывала его Руси. Но отныне всякие поправки христианству кончились, и Русь вынуждена была считаться с тем, что является подвластной территорией государства, исповедовавшего ислам.

Это обстоятельство отразилось на разных сторонах русской культуры. Но полной картины исламского влияния на Русь мы все-таки не получим. Тема эта, прямо скажем, не популярна среди русских историков, да и вообще в России. Не любим мы эпоху татаро-монгольского ига, и ничего удивительного в этом нет. Время это для страны во многом было тяжелым, а главное, до сих пор воспринимается, как эпоха глубокого национального унижения. Мы не намерены здесь обстоятельно разбирать отношения «Орда — Русь»: на эту тему существуют горы литературы. Нас-то интересует только один вопрос: каким образом в православной христианской стране сумели укорениться довольно многочисленные признаки мусульманской культуры?

Кстати, обратимся к более позднему времени — правлению Василия III (1505–1533), когда ни о каком прямом

ордынском влиянии на Русь уже и речи не было. В это время в Москву приезжал посол Габсбургской империи Сигизмунд Герберштейн в качестве посредника в русско-польско-литовских мирных переговорах. Герберштейн неоднократно общался с самим Василием и его двором и вообще достаточно долго жил в Москве, куда приехал через несколько лет снова, и тоже с посреднической миссией. Человек умный и наблюдательный, он оставил после себя несколько серьезных трудов, в том числе объемистые «Записки о Московии», выдержавшие массу изданий на разных языках, в том числе и на русском [Герберштейн С., 1988]. Его издания были снабжены иллюстрациями, в числе которых была и та, которая нас особенно заинтересовала. На ней изображен прием посла Герберштейна Государем Московским Василием III. И государь наш изображен на этом рисунке в чалме с пером, роскошном персидском халате и с кривым то ли персидским, то ли турецким мечом на боку! (рис. 4.5).

Рис. 4.5. Прием посла С. Герберштейна Великим князем Василием III («Записки о Московии» Герберштейна)

Спрашивается, почему? Конечно, это не рисунок с натуры, а гравюра западного мастера, иллюстрировавшего немецкое издание «Записок» 1576 года. Но откуда сама эта идея, что государь Московии должен быть одет по-восточному? Это что, вытекает из текста «Записок»? Да нет, Герберштейн в своих «Записках» довольно много внимания уделяет вопросам религии на Руси, и нигде не ставит под сомнение то, что Русь — страна христианская, хоть и не католическая. Так что побуждает немецкого художника изображать русского государя «восточным» человеком?

Столь же странной русскому человеку кажется знаменитая картина Рембрандта — портрет русского купца. На ней изображен человек с европейским лицом, которое может восприниматься и как славянское, с бородой и в чалме! Почему? Не знаем. Мы вообще не понимаем, почему у западных европейцев XVI—XVII веков русский человек ассоциировался с мусульманином, или, скажем шире — с восточным человеком. Но то, что портрет Рембрандта называется «Русский купец», вызывает у нас самих странную ассоциацию с действительно известным русским купцом, хотя и гораздо более раннего времени — Афанасием Никитиным (XV век). Эта ассоциация порождена не тем, что ходил он, как известно из его же книги, «за три моря», а тем, что веры он придерживался какой-то непонятной, хотя родился и жил в Твери, то бишь в православной Руси. Причем сам он неоднократно сокрушается, что в своих «хождениях» по нехристианским странам лишен возможности соблюдать обряды православного благочестия.

Имеется в виду молитва, которой оканчивается его книга. Надо заметить, что вообще его записки порой пестрят совершенно не читаемыми по-русски словами, и истории, которые занимались их расшифровкой, пришли к выводу, что местами это просто слова восточных языков (которыми Афанасий, по-видимому, владел), местами — таинпись. Но кончаются записки именно молитвой, в которой по-русски звучит только первая фраза: «Милостию божию придох ж три моря...», а дальше идут написанные

кириллицей аяты (стихи) из разных сур Корана, но им предшествует такой арабский текст: «Нет бога кроме Аллаха, Милостивого и Милосердного, а Иисус — Дух Аллахов...» Он тоже, как и суры, записан кириллицей [*Хождение за три моря Афанасия Никитина*. с. 17]. Ясно одно — это молитва, более того — символ веры. Спрашивается, чей? Мусульманина? Христианина? По смыслу он практически *почти* един для тех и других. Непонятно!

Но, может быть, русский купец, особенно *волжский купец*, и должен был быть таким? Он же посредник, «медиатор» между Востоком и Западом, причем являлся таковым в течение нескольких сот лет, еще задолго до владычества Орды, да и при нем тоже! Когда-то, во времена расцвета Хазарии, по Волге ходили купцы варяги-русы, которых там видел и описал Ал-Гарнати (его мы цитировали во второй главе). А после крушения Хазарии и Болгарии, со становлением на Волге Ростово-Суздальской Руси купца-варяга, или *варяжского* руса, постепенно вытеснил *русский* купец, этакий «универсальный» тип, одинаково свободно чувствовавший себя в любой языковой и религиозной среде. И может быть, именно он и был тем главным «проводником» мусульманского культурного влияния на Русь, черты которой мы замечаем даже после падения владычества Орды?

Вот еще один пример такого влияния, также связанного с торговлей: русская монетная система, хорошо изученная нумизматами. В XIV—XV веках на Руси ходила монета, надписи на которой были сделаны либо по-арабски, либо одновременно и на русском и на арабском языках. А ведь это мелкая монета, предназначенная только для обращения на внутреннем российском рынке, а не для внешней торговли! Ее появление и существование понятно, когда речь идет о периоде ордынского владычества: даже московские великие князья были подданными Орды и, чеканя свою монету, то есть монету с собственным изображением, вероятно, были просто обязаны хотя бы на одной ее стороне давать легенду по-арабски — на официальном религиозном языке страны-владычицы. Но ведь таким обра-

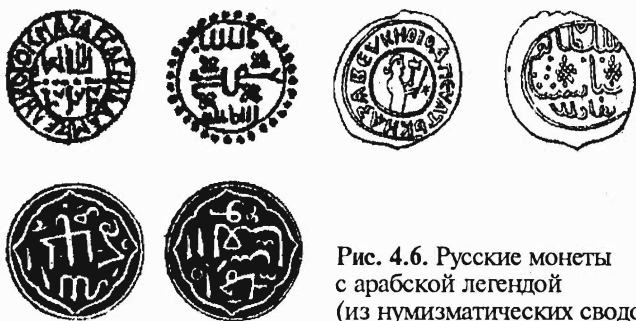

Рис. 4.6. Русские монеты с арабской легендой (из нумизматических сводов)

зом продолжали чеканить монеты и после падения Орды! И арабская надпись — это не титулатура великого князя. Так, на монетах Василия III написано: ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ — по-русски, ЛЯ ИЛЛЯХИ ЛЯ ИЛЛЯХУ МУХАММАДДУН РАСУЛЮ ЛЛЯХИ — что по-арабски означает исламский символ веры: «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад посланник его» (рис. 4.6).

Это обстоятельство воспринималось как загадочное до тех пор, пока вышеупомянутые монеты датировались *после-ордынским* временем — именно так, как мы только что сказали. Но, похоже, сегодня этой загадки уже нет. По мнению современных нумизматов, последняя серия монет с арабской легендой выпущена на Руси в начале правления Ивана III, который, как известно, и покончил с владычеством Орды. Теперь считается доказанным, что те монеты, которые ранее приписывались Василию III и Ивану IV, на самом деле чеканились при Василии II Темном и в начале правления Ивана III [Калинин В. А., 1980-е].

Заметим, что чеканка собственной русской монеты со времен Дмитрия Донского сама по себе уже была свидетельством освобождения от *тотального* подчинения Руси Орде. Поэтому вполне логичным выглядит предположение, что именно чеканка первая и отреагировала на полное освобождение от ордынского ига тем, что выкинула из легенд на монетах все признаки бывшего ордынского владычества в виде арабских надписей.

Но почему Европа продолжала видеть в «московите» восточного — читай, мусульманского — человека еще и в XVI, а то и в XVII веке? Не знаем! Но думается нам, что сегодня мы плохо представляем себе и время, и степень влияния на русскую культуру, в том числе и на русскую религиозную жизнь, культуры мусульманской. Понятно, что в условиях тесного и принудительного общения Руси с мусульманизированной Ордой такого влияния просто не могло не быть. Но есть у нас подозрение, что на самом деле началось оно еще в раннем средневековье, и первыми носителями раннего ислама на Руси были жители тех территорий, которые достались Руси в «наследство» от Волжской Болгарии и Хазарии. А может быть, ислам на еще только складывающуюся Киевскую Русь был занесен еще раньше аланами-росами из закаспийских или малоазиатских набегов, где они воевали то с византийцами против арабов, то с арабами против византийцев.

В общем, теперь судить об этом крайне трудно: слишком мало осталось следов влияния мусульманства на Русь, а главное — эти следы не носят целостного, системного характера. Они слишком разрознены, и сейчас выявляются в основном на уровне бытовых черт культуры, а не духовных. Хотя это и не совсем так. Ну, например, что означает одна из весьма распространенных форм креста на куполах многих старинных русских церквей — крест, стоящий на полумесяце? Иногда можно услышать такую трактовку этого символа: он означает победу православия над мусульманством. Пусть так. Но, чтобы победить, надо бороться. Значит, в истории становления православия на Руси был период, когда ему приходилось *бороться* с исламом? Почему же мы не знаем из нашей истории ничего об этом периоде? Или такая трактовка этого символа вообще неверна? Есть и такая трактовка: это символическое изображение «процвевшего креста» — канонического для православия. Но что его породило? Может быть, борьба с исламом? Или он много старше ислама и *вместе* с исламом восходит к общим корням?

На определенные размышления наводит и архитектура православных русских церквей, особенно ранних, созданных до XVI века, со шлемовидными и луковичными куполами. И та, и другая форма куполов, как известно, в полной мере присуща и мусульманским мечетям. Причем, как и в православных храмах, в архитектуре мечетей наблюдается историческая тенденция постепенного перехода от шлемовидных куполов к луковичным. В этом нетрудно убедиться, сравнив изображения наших церквей с синхронными им мечетями (рис. 4.7, 4.8). Что это — случайность? Или за этим сходством стоит некая общая религиозная идея? Не надо забывать, что храм как таковой всегда был «моделью Мира», архитектурным, рукотворным воплощением этой духовной «модели».

Для историков религии в этом нет загадки. История сложения ислама прекрасно известна и описана в огромном количестве трудов [*Иллюстрированная история религий*, т. 1, с. 348–408. Максуд Р., 1998]. Предельно коротко можно сказать, что проповедь Мухаммада родилась из осмысления известных ему учений иудаизма и христианства, поскольку сам проповедник и пророк новой религии вырос в той части арабской среды, которая уже перешла к монотеизму. Эта часть арабского общества была еще очень немногочисленна, основная масса арабов была языческой, но сам Мухаммад имел монотеистов среди своих ближайших родственников. Не будем здесь рассказывать историю жизни Мухаммада, в том числе историю его становления как пророка, а затем и политического деятеля. Все это также детально исследовано и многократно описано. Мы же просто хотим отметить следующее.

Проповедь Мухаммада родилась не в результате «чистого» откровения (озарения) пророка, которое дало бы ему *абсолютно новую* религиозную идею. Посещавшие его откровения — а их было много на протяжении последних двадцати трех лет его жизни — по своему содержанию были новыми интерпретациями издревле сложившейся в этом регионе монотеистической идеи, которая много веков

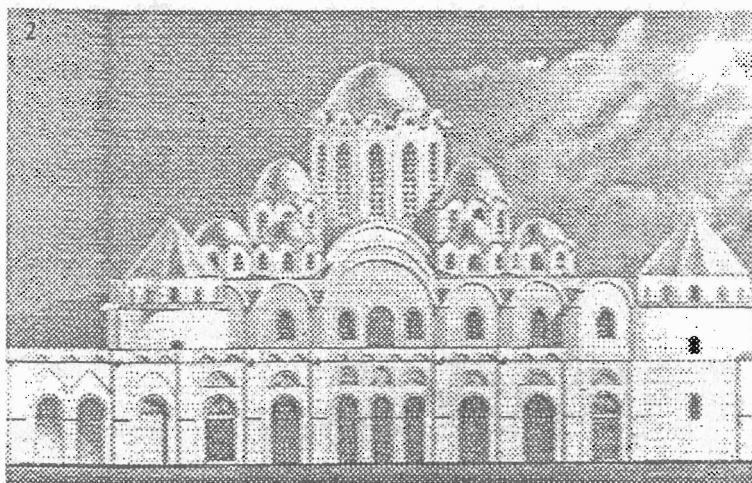
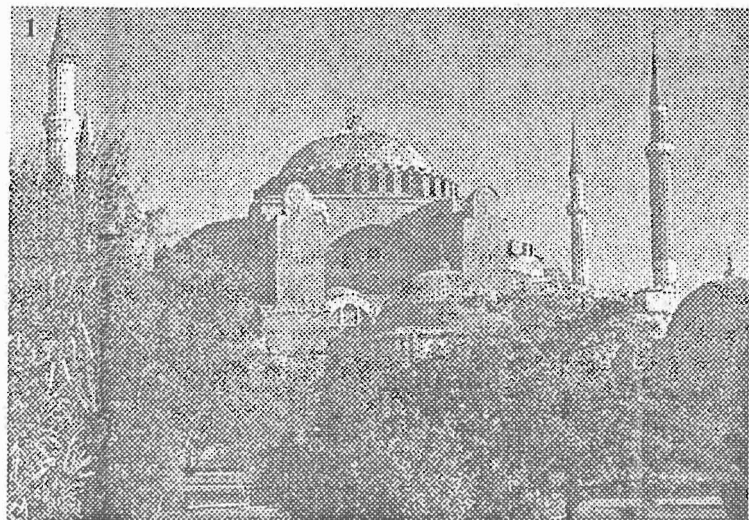
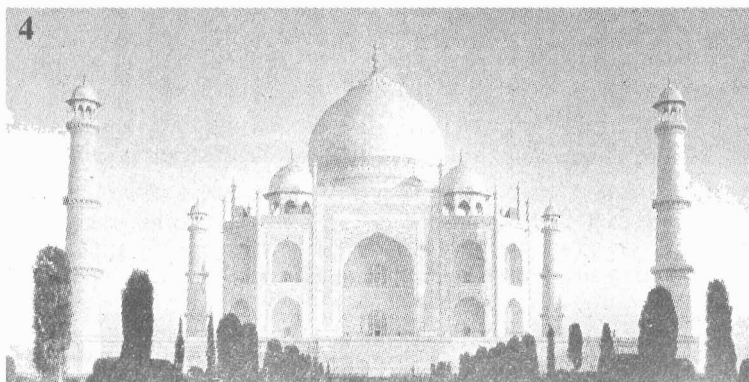
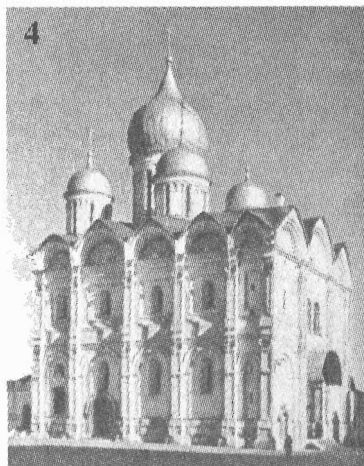
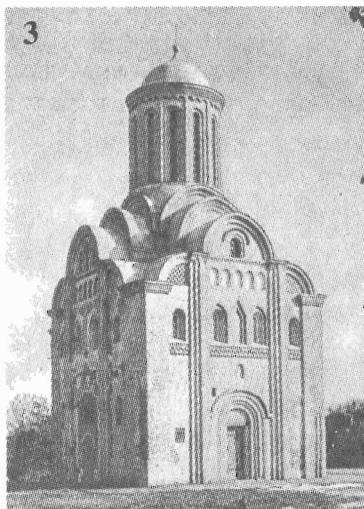
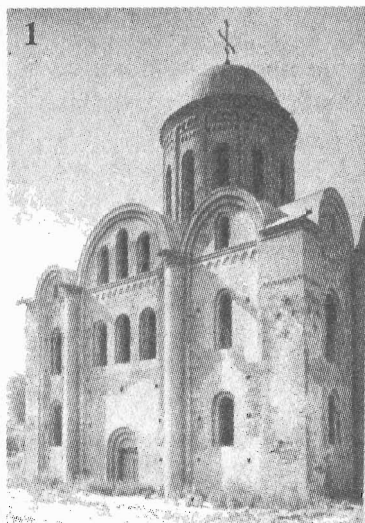

Рис. 4.7. Исламская и православная храмовая архитектура:
1 — мечеть Айя София, Стамбул (бывшая православная Святая София константинопольская); 2 — храм Св. Софии в Киеве (реконструкция вида здания в XII в); 3 — Голубая мечеть в Стамбуле; 4 — мавзолей Тадж Махал, Агра, Индия

Рис. 4.8. Русская православная храмовая архитектура:

- 1 — церковь Петра и Павла, Смоленск, сер. XII века;
- 2 — церковь Пятницы, Чернигов, рубеж XII—XIII веков;
- 3 — Успенский собор, Московский Кремль, сер. XV века;
- 4 — Архангельский собор, Московский Кремль, начало XVI века

развивалась сначала в русле иудаизма, а затем еще и в русле христианства. Сам Мухаммад это прекрасно понимал и своих предшественников глубоко чтит. Для него Нух (Ной), Ибрахим (Авраам), Муса (Моисей), Иоанн Креститель (Юнус ибн Закрийа), Иса (Иисус) — святые пророки, и из них Иса — последний по времени до самого Мухаммада и величайший.

Главное, в чем Мухаммад не согласен с христианством — это в догмате, утверждающем, что Иисус — Сын Божий. Да, Иисус — величайший пророк, наделенный свыше даром чудодейания, да, он родился в результате непорочного зачатия, и это — чудо, сотворенное Богом, да, он носитель Духа Божия и является воплощением его Слова, но все равно он — человек, и *в принципе* не может быть *единосущным* с Богом, потому что последний един и не представим в качестве Отца. Мир им *сотворен*, и в этом тварном Мире все, кто ни есть — сотворены, а не *рождены* от Бога.

И еще одно положение ислама отделяет его от ортодоксального христианства. Согласно Корану, Иисус не умирал на кресте: Бог спас его от смерти, взяв живым на небо. Миссия Его не в принятии на себя грехов людей — что бессмысленно, поскольку каждый будет перед Богом отвечать за себя сам — а в несении людям божественного послания, помогающего им найти путь к нему. Это утверждение в учении Мухаммада перекликается с докетизмом — сирийским вариантом христианства, утверждавшим, что крестная смерть Иисуса — видение, данное людям Богом в назидание. Но у докетов истинный Иисус — Бог, и его человеческая оболочка — лишь «маска», видимая людям. И в этом коренное расхождение докетизма с исламом. Православная церковь признала докетизм ересью.

А говорим мы здесь обо всем этом, чтобы напомнить читателю: Восточное Средиземноморье, или даже шире — Ближний Восток (включая Аравию), это «вечнокипящий цивилизационный котел». Здесь рождались древнейшие цивилизации планеты, и здесь возникали и яростно боролись

между собой религиозные идеи. Это, безусловно, свидетельство вечных поисков решения благороднейшей задачи, стоящей перед человеком — осознания истины о мире и о себе. Поэтому ни одно из принесенных в мир новых учений Великих Пророков не оставалось неизменным и «абсолютным» хоть сколько-нибудь длительное время.

Даже иудаизм — древнейшее из письменно зафиксированных монотеистических учений — и то страдал (судя по тексту Ветхого завета) время от времени от ересей и «отпадений от истины» некоторых его носителей. Хотя и было их, по большому-то счету, всего ничего! А что говорить о христианстве? Например, с точки зрения ортодоксальных иудеев, оно изначально — иудейская ересь, за что его Первоучителя и отправили на крест. Но ситуация была уже не та, что во времена Отца Авраама или даже Моисея. Народу стало во много раз больше, ближневосточный «котел», в том числе и идейный, кипел все-яростнее. И не прошло и пары сотен лет, как изначально христианство раскололось на массу ветвей, каждая из которых считала ересью все остальные.

Два-три столетия спустя ситуация обострилась в еще большей степени. За идейную гегемонию начали бороться не какие-то малые общины единомышленников, а *церкви* — достаточно мощные социальные организации, обладавшие вполне реальной властью в обществе. Это не значит, что разветвление изначального учения прекратилось. Но еретиков можно было уже не просто ругать и проклинать во всеуслышание, а отправлять на костер — что время от времени и делалось. К тому же все это происходило на фоне бурной экспансии христианства на новые территории и новые народы, причем *разных* ветвей христианства, в том числе и тех, которые единой государственной церковью Римской империи были признаны еретическими. Так, готы и некоторые другие германцы стали арианами, а многие тюрко-монгольские племена — несторианами, в Персии укоренилось манихейство, в Армении — монофизитство, и т.д. — всего не перечислишь. И напоминаем мы

обо всем этом вот для чего. Мы хотим показать читателю, что появление в начале VII века ислама, еще одного нового вероучения на той же ближневосточной территории — то есть в том же идейном «котле» — и на той же монотеистической основе — *нормальное*, естественное явление, лежащее все в том же русле.

Более того, ислам и вел себя так же, как и раннее христианство, только еще агрессивнее: он уже в первом же столетии от момента рождения разделился на две ветви — суннитов и шиитов, яростно враждовавших между собой. Но и на этом дело не кончается. Появилась масса новых ответвлений от первичной основы, и все это — также на фоне широчайшей экспансии на новые территории и народы.

Разумеется, задачу отыскания какой-то главной, основной истины о мире и о себе решали люди на всей Земле и во все времена. Этот поиск приводил к появлению новых религий, в том числе и мировых. Так родился зороастризм в иранской и буддизм в индийской среде. И Ближний Восток интереснее для нас в данном случае лишь в том отношении, в котором это касается становления определенной религии на Руси, превратившейся со временем в доминирующую. Так стоит ли удивляться тому, что на каких-то территориях ислам и христианство сталкивались и как-то влияли друг на друга, а точнее, на тех людей, которые слушали проповедников обеих религий?

Заметим попутно, что на самом деле столкновение византийского христианства и мусульманства в Восточном Средиземноморье было на первых порах не всегда враждебным. Прошло довольно много времени, пока носителям обеих религий не стало понятно, что их идейные, а уж тем паче, политические интересы абсолютно несовместимы [Курганов О. А., 1878]. Исторический же курьез состоит в том, что сегодня ни христианские, ни мусульманские историки не хотят вспоминать о том периоде, когда такого непримиримого раскола между этими религиями еще не было!

Еще раз подчеркнем: обе религии выросли из одной и той же базовой идеи — монотеизма. Обе они в первые же годы распространения ислама сталкивались на одной и той же территории — в Восточном Средиземноморье, Малой Азии, Севере Аравии, Закавказье. У обеих в основе лежит общая «модель мира», что естественным образом отразилось в главных элементах структуры храмов. А вот западная ветвь христианства, в отличие от восточной, византийской, соприкосновения с исламом совсем не испытала, и развитие храмового зодчества пошло там своим путем. Можно посмотреть на этот процесс и с противоположной стороны. Ранний ислам, соседствуя с византийским христианством, именно у него заимствовал первичные храмовые формы и лишь со временем пришел к своим собственным, несколько отличным от них, и впитавшим в себя архитектурные формы Востока. Но, не сталкиваясь нигде с западным христианством, ничего не принял от его храмового зодчества.

Ранняя же Русь оказалась вторичной, периферийной зоной распространения обеих религий. Исторически христианство возобладало на Руси, причем именно византийское. Но что-то привилось и от исламской культуры. В итоге здесь сложилось свое храмовое зодчество, как-то перекликающееся и с византийским, и с мусульманским. Последнего мы почти не замечаем, или не хотим замечать, а потому и не признаем существующим. Также, впрочем, как и прочих разрозненных признаков мусульманской культуры, о которых мы говорили в этой главе.

Заметим, кстати, в этом «незамечании» нам очень «помогла» никоновская церковная реформа, проведенная при Алексее Михайловиче Романове. Подозреваем, что именно тогда были тщательно уничтожены и без того не слишком яркие черты мусульманской культуры на Руси. И теперь они уже не восстановимы. Более того, эта тема никогда не была популярна у историков Руси. Нам удалось найти только одну работу XIX века историко-этнографического направления, в которой отмечалось, что в русском старообрядческом ритуальном поведении существует целый ряд

черт, которые перекликаются с чертами ритуального поведения людей мусульманской культуры [Коноплев Н., 1828, № 4, с. 249–264].

Так вот, даже с учетом того, что мы рассказали в этой главе, всего этого мало, чтобы ответить на вопрос: было ли когда-то мусульманство на Руси религией, принятой русской властью или хотя бы исповедуемой значительной частью средневекового (раннесредневекового) русского населения? Или все то, что можно считать чертами мусульманской культуры, не более чем следы влияния на Русь ордынского господства. На наш взгляд, это пока еще одна *загадка* истории Древней и средневековой Руси.

В заключение стоит сказать еще несколько слов о русской религиозной жизни. Мы специально не стали говорить о *язычестве* на Руси. И не потому, что не считаем эту тему важной для общего описания истории русской религии. Просто на тему о двоеверии, о том, до какой степени русское православие впитало в себя многие черты язычества, написано достаточно. Пожалуй, наиболее фундаментальными и популярными научными трудами на эту тему стали две книги академика Б.А. Рыбакова: «Язычество древних славян» [Рыбаков, 1981] и «Язычество Древней Руси» [Рыбаков, 1987]. Тема эта, однако, не исчерпана до сих пор, и новые работы по ней продолжают появляться и сейчас [*Древняя Русь: пересечение традиций*, 1997]. Чтобы не остаться совсем уж в стороне от нее, внесем и свою лепту. Приведем несколько примеров *живучести* язычества в православной Руси.

Итак, 988 год — официальная дата крещения Руси. Прошло 600 лет (!), и царь Михаил Федорович объявляет через глашатаев приказ: запретить на Руси молиться *Коляде, Авсению и Плуге!* И это — христианство?

Его сын, царь Алексей Михайлович, в 1649 году пишет [*Грамота царя Алексея*, 1842, № 1, с. 237]:

«...Ведомо... на Москве, и прежде всего в Кремле и в Китае, и в Белом и в Земляном городах, и за городом, и по

переулкам, и в черных и ямных слободах по улицам и переулкам в навечере Рождества Христова молились многие люди Коляде, Авсению, а в навечере Богоявления Господня кликали Плугу, да в Москве ж многие люди поют песни бесовские... собираются на сборища бесовские попы и иноки и мы указали Коляду, Авсенья и Плугу более не кликати».

Это — замечательное свидетельство того, что даже русское духовенство продолжало молиться языческим богам!

А вот 1880 год. Со времени крещения Руси прошло около 900 лет. В Одоевском уезде Тульской губернии, верстах в 25 от Одоева находится святилище Бога и Божуни, главнейших славянских божеств: Бог, быкоголовый мужчина, создатель Вселенной и богов, Бог-Отец. Божуня — его жена, женщина с головой коровы, богиня неба и хорошей погоды. Так вот, Забылин в своей книге «Русский народ, его обычаи» [Забылин, 1994] утверждает, что он сам видел богослужение на этом святилище. Верующие выходили из церкви после молитвы Божьей Матери и шли молиться Богу и Божуне, а дары и жертвы потом поступали в пользу церкви! И это — тоже христианство?

Стоит присмотреться, многое ли изменилось в этом отношении в XX веке. В начале 1900-х годов в Минске на берегу реки находилось действующее святилище бога Дзеда (Дид — Дидис — «великий»). На этом святилище стоял большой камень, из-под которого бил ключ со святой водой. Перед камнем горел неугасимый огонь, пепел и уголья этого костра тоже считались священными и использовались как лекарственные средства. А сам священнослужитель этого места гадал, чародействовал, лечил людей и животных. Это святилище просуществовало до первой мировой войны [литература]. И это — христианство?

Да, это русская религиозная действительность — православное христианство — и никуда от этого не денешься. Но, если уж мы взялись говорить в этой книге о *загадках истории Древней Руси*, то должны признать, что вышли

далеко за рамки нашей темы. Ибо, несмотря на то что продолжаем оставаться на русской почве, на самом деле соприкоснулись с *загадкой мировой культуры*. Мы не знаем главного: как на протяжении истории формируется «картина мира» целого народа. И почему, изучая даже вполне современный, цивилизованный народ, мы вдруг обнаруживаем, что его память, его поведение содержат в себе пласты такой архаики, что просто диву даешься: как это все могло дожить до нашего времени? Однако доживает и, что самое главное, *подспудно, неосознанно* влияет на наше поведение. А потому требует изучения и понимания, ПОНИМАНИЯ! Этим мы и закончим тему о русской вере.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартольд В.В. Сочинения. — М., 1963.
- Бобринский А.А. Шлем Ивана Грозного с арабской надписью. // ЗРАО, новая серия, т. X, вып. 1–2.
- Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. — Киев, 1989.
- Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) — М., 1971.
- Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. — М., 1999.
- Древняя Русь: пересечение традиций. — М., 1997.
- Забьлин. Русский народ, его нравы и обычаи.
- Иллюстрированная история религий. Т.1. — М., 1899.
- Калинин В.А., 1980-е.
- Каниский Георгий. История Руссов. // Чтения Общества Истории и Древностей Российской. 1846, № 2.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–923 гг. — Харьков, 1956.
- Курганов О.А. К вопросу о византийской противомусульманской литературе. // «Православный собеседник», 1878, октябрь-ноябрь.
- Максуд Р. Ислам. — М., 1998.
- Мас'уди. Сборник писем и стихов. // Памятники письменности Востока. Т. 30. — М., 1970.

О сходстве между русскими и восточными обычаями и о начале их в России. // «Вестник Европы», 1828, № 4.

Памятники права Киевского Государства. Вып. 1. — М., 1952. ПСРЛ, т. IX.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 1987.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.

Страленберг. О религии и нравах русского народа. // Чтения Общества Истории и Древностей Российской. 1873, № 2.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. — М., 1948.

Фортинский Ф. Чтения в ИОНЛ. Кн. 2. — Киев, 1888.

Хождение за три моря Афанасия Никитина. — Л., 1986.

Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. — М., 1990.

Энциклопедия отечественной истории. Т. 2. — М., 1996.

ЗАГАДКИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

В главе 3 мы говорили о том, что может получиться из истории Руси — как, впрочем, и из любой другой истории — если пытаться восстановить ее, пользуясь всеми имеющимися письменными документами как *равноценными*, не подвергая их процедуре под названием «критика источника». В главе 4, посвященной тоже достаточно сложной проблеме — истории религии на Руси — мы показали, что, по крайней мере, некоторые из загадочных моментов истории проявляются по мере появления новых документальных данных, или после критического рассмотрения совокупности уже известных документов.

Теперь же, на примере исторического события, очень известного на Руси, можно сказать, *знакового* для русской истории, многократно описанного со всех сторон, мы хотим показать, что это такое — настоящая «критика источников». Мы надеемся убедить читателя в том, что многие устоявшиеся, незыблемые в глазах большинства людей исторические события на самом деле вовсе не так понятны, не так *однозначны*, как привыкли думать. В них масса неясных моментов, которые выплывают на свет, если внимательно изучить источники, из которых мы об этих событиях знаем. Впрочем, пусть читатель убедится в этом сам.

ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Куликовская битва 1380 года явилась важным событием второй половины XIV столетия и сразу была оценена современниками как событие из ряда вон выходящее. О ней написаны горы популярной литературы, но, тем не менее, эта битва является фактом, наименее изученным в нашей исторической науке. До сих пор нет ни одной монографии, ни одной работы, содержащих критический разбор источников и научный анализ событий, ей предшествовавших, и самой Куликовской битвы, ее результатов и значения для России. Да, такой работы нет, и в этом есть некий парадокс: ведь Куликовская битва — одно из ключевых событий русской истории. Почему же так произошло?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, какие вообще оценки и суждения о Куликовской битве бытовали в разные периоды нашей истории.

Первым произведением, в котором нашли свое отражение события битвы, стала, как считают, «Задонщина» — поэтическое произведение, памятник древнерусской литературы, созданный, вероятно, в первые годы после Куликовской победы. «Задонщина» известна в двух редакциях — Краткой и Пространной. Краткая редакция была составлена в 1470-х годах монахом Кирилло-Белозерского монастыря Евфросином. Пространная редакция, оформившаяся в конце XV или в начале XVI века, имеет очень древнюю основу. Если из Пространной редакции исключить некоторые поздние добавления, останется текст, написанный в 80-х годах XIV века, возможно, через несколько месяцев после Куликовской битвы.

Автор «Задонщины», избравший форму подражания «Слову о полку Игореве», не стремился к точному изложению событий. «Поэты славили его (Дмитрия Донского. — *Прим. авт.*) в преувеличенных описаниях», — отмечает Н.А. Полевой [Полевой, с. 65]. Он постарался эпически

отобразить победу Дмитрия Донского, избрав в качестве антитезы неудачный поход князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Отсюда избранная форма изложения — «Задонщина» сознательно подражает «Слову о полку Игореве», прибегая к аллюзиям: князь Игорь в степь пошел на половцев в одиночку, русские князья не поддерживали его — и потерпел поражение. Князь Дмитрий пошел в степь на татар, собрав объединенную рать русских княжеств — и победил. Тем самым, главная идея «Задонщины», по словам Л.Г. Бескровного, состояла «в пропаганде полного единения всех русских княжеств в борьбе за освобождение от золотоордынского ига, душившего русский народ» [Бескровный Л.Г. *Историография Куликовской битвы*. — В сб. «Куликовская битва». М. «Наука», 1980, с. 6]. Характерно, что «Задонщина» ни слова не говорит ни о действиях Олега Рязанского, ни о действиях литовского князя Ягайло.

Поэтическое произведение неизбежно несет в себе элементы вымысла и преувеличения. Но вот ранние русские летописи довольно сдержанно оценивают события битвы. Псковская I летопись вообще ставит Куликовскую победу в один ряд с таким событием, как гибель четырех лодий на Чудском озере:

«Бысть похваление поганных Тотар на землю Роускую: бысть побоище велико, бишася на Рожество святыя боогородица, в день соуботный до вечера, омерькше биючися; и пособе бог великому князю Дмитрею, биша и на 30 верст гонячися... Того же лета во озере Чюдском истопли четыре лодии».

[Псковские летописи. М.-Л., 1941, вып. 1, с. 24.]

То, что для московского поэта — великое событие общерусского значения, для псковича — заурядное военное столкновение на степной окраине, равное по значимости потоплению четырех лодий.

Самый древний рассказ о Куликовской битве сохранил-

ся в своде, получившим название «Рогожский летописец» (список 40-х годов XV века), и в Симеоновской летописи (список второй четверти XVI века). Тот же рассказ был помещен в пергаменной Троицкой летописи, сгоревшей в московский пожар 1812 года (список ее может датироваться примерно концом второго десятилетия XV века). Рассказ этот восходит к летописному памятнику 1409 года, а возможно, и более раннего времени. Оценка Куликовской битвы в ранних летописях, как отмечает Л. Г. Бескровный, не поднимается до общерусского значения [Бескровный, с. 7]. Только Троицкая летопись, которая стала первым сводом, отразившим московскую точку зрения, представляет поход Мамай как угрозу не только Москве, но и всей Русской земле. При этом, однако, летописец ничего не сказал о союзе Мамай с Ягайло и Олегом Рязанским, но обвинил Олега Рязанского в том, что он не принял участия в отражении нашествия, «посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал» [там же, с. 8].

Второй рассказ известен по Новгородской I летописи младшего извода (извод здесь означает вторую редакцию). Этот список датируется 40-ми годами XV века, но рассказ восходит к своду 1433 года и имеет ряд общих слов и предложений с первым рассказом. Новгородская I летопись рассматривает Куликовскую битву с позиции Великого Новгорода. «Летописец пишет, что борьба с монголо-татарами — дело московского князя, на которого «люто гневался» Мамай, хотя, впрочем, указывается, что Мамай замахивался «и на всю Рускую землю». В этой летописи нет данных о призыве князя Дмитрия к объединению всех русских сил для отпора новому нашествию, а говорится лишь, что князь Дмитрий, слышав, что на него наступает сила «велика татарская и собрав многы вои и поиде протеву безбожных Татар».

Встреча с Золотой Ордой завершилась победой, «и догнани быша от крестиян и ови же от оружия падоша, а инии в реце истопошася, бешисненное их множество». В этой битве, отмечает летописец, недостаточно стойко про-

явили себя «молодые» москвичи, к которым причислялись ремесленники и другие посадские люди, не имевшие боевого опыта. «Москвичи же мнози небвалци, видевши множество рати татарской устрашишася и живота отцаявшася, а иanei на беги обратишася...» [Бескровный Л. Г., с. 7–8].

Причина того скромного места, которое отводят Куликовской битве ранние летописи, очевидна: основные политические центры Руси — Тверь, Рязань, Великий Новгород, Нижний Новгород — еще сохраняли свою политическую независимость. Они не участвовали в Куликовской битве, которая была для них только делом Московского княжества, они не желали признавать Москву лидером, а московские летописцы еще стеснялись врать до небес — ведь еще было, кому их уличить. Максимум, на что оказалась способной московская политическая мысль рубежа XIV–XV веков — это создать «Задонщину», поэму-призыв, прославляющую московского князя и пропагандирующую единение русских княжеств перед лицом золотоордынской угрозы — мысль, кстати, абсолютно здравую.

Переоценка событий Куликовской битвы началась только с середины XV века, во время образования Русского государства с центром в Москве. Новгород и Тверь сопротивляются московской экспансии, призывая на помощь польского короля Казимира. В события на Руси активно вмешиваются татары, хан Ахмат мечтает возродить империю Чингисхана. «Середина XV века характеризуется обострением феодальной войны. Она приобретает напряженный характер в связи с тем, что в нее вмешиваются татары, участвовавшие свои набеги на Русь... В результате объединения русских княжеств создались предпосылки для ликвидации остатков золотоордынского ига... Борьба с сепаратными удельными князьями вновь выдвинула на первый план идею объединения сил для полного освобождения от иноземного ига. Победа в Куликовской битве звучала как призыв к окончательному освобождению, которое могло быть осуществлено в результате объединения княжеств вокруг Москвы» [Бескровный Л. Г., с. 9]. В это время образы

Куликовской битвы начинают активно использоваться в борьбе за объединение русских княжеств перед лицом нового нашествия Золотой Орды, обоснование этой идеи являлось главной целью московских летописцев середины XV века. Именно тогда, спустя сто лет, в Московском своде 1479 года впервые (!) появилось указание на союз Мама с литовским князем Ягайло «со всею силою Литовскою и Лятьскою» [Бескровный Л. Г., с. 10].

В трактовке Московского свода 1479 года победа на Куликовом поле стала победой общерусских сил, во главе которых стояла Москва — объединительница русских княжеств. К этим же годам относится и летописный рассказ, помещенный в Софийской I и Новгородской IV летописях (списки 70-х годов XV века). Великий Новгород к тому времени уже потерял свою независимость, и оценки Новгородской IV летописи не отличаются от московских. «Новгородская летопись рассматривает борьбу с Мамаем как общерусское дело, инициатором которой явилась Москва. В этой летописи особенно выпукло показано отступничество Олега Рязанского... Летопись называет его «сотонщиком дьяволу советнику отлученному сыне божия, помраченному тмою греховною...», «поборником бессерменским, лоукавым сыном». В летописном рассказе большое место отведено освещению попыток Олега установить союз с «поганым Ягайло» и Мамаем, «душегубивый же Олег нача зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и к Ягайлоу своего си боярина единомысленного антихристова протечу» [Бескровный, с. 11].

Злобная брань в адрес жившего сто лет назад рязанского князя на самом деле адресована его потомкам — великим князьям Рязанским, последним независимым владетелям на Руси, и смысл этой брани понятен: авторы промосковских летописаний ясно дают понять, что потомкам «сотонщика», «дьяволу советника» Москва жить не даст, так как Рязань — исторический враг Москвы. Вместе с этим рассказ о походе Дмитрия Донского содержит множество новых фактов, ранее никому не известных, в частно-

сти, подробное описание марша русских войск, подготовки к битве и сам ход битвы. Вопреки предыдущим сообщениям летописей, автор Новгородской IV летописи указывает на проявленную стойкость и храбрость московских ратников, никто «не оубояся никако же, не устрашишася». Наоборот, все были готовы стоять насмерть. [Бескровный, с. 11]. На страницах Новгородской IV летописи впервые появляется рассказ о якобы паническом бегстве золотоордынского и литовского войск.

«Таким образом, летописцы этого времени развивали идею, что Москва стала наследницей Киева и Владимира. Она нашла отражение не только в Московском своде 1478 г., но и в Новгородской IV и Львовской летописях. Эта идея оплодотворяла национальное самосознание и служила важным духовным оружием в кровопролитном сражении с татарами» [Тихомиров М.Н. *Куликовская битва 1380 года*. — «Повести о Куликовской битве». М., 1959, с. 35]. Эти летописные сказания, отмечает М.Н. Тихомиров, позже «обросли поэтическими вымыслами и литературными украшениями, и за их цветистой внешностью не всегда легко увидеть истину, даже представить себе с полной ясностью настоящий ход событий, связанный с битвой 1380 года» [там же]. И наиболее известным подобным произведением стало «Сказание о Мамаевом побоище», сложившееся в своем окончательном виде не ранее 2-ой половине XV века.

Только в «Сказании» есть красочные, но не во всем достоверные рассказы о встречах князя Дмитрия Ивановича с Сергием Радонежским, о гадании перед битвой Дмитрия Боброка, о поединке Пересвета с могучим татаринном, об искусных действиях засадного полка во главе с Боброком и двоюродным братом Дмитрия князем Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Известно около 150 списков «Сказания о Мамаевом побоище», самый древний из которых относится к 1520-м годам. Списки «Сказания» представляют 10 отличающихся друг от друга редакций. Оригинал же «Сказания», по-видимому, был создан не ранее конца XV столетия, а то и

позднее — в начале XVI века. «Что касается сказаний о Мамаевом побоище в различных редакциях, то все они представляют собой сводные тексты» [Тихомиров М.Н. *Куликовская битва 1380 года*. — «Повести о Куликовской битве». М., 1959, с. 346].

Не исключено, что в состав «Сказания» вошел какой-то его очень ранний вариант, созданный в конце XIV — первой трети XV века в окружении митрополита Киевского и всея Руси Киприана [подробнее об этом см.: Греков И.Б. *О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»*. — «Советское славяноведение», 1970, № 6]. По мнению И.Б. Грекова, «Сказание» в Основной редакции, в отличие от «Задонщины» и летописных повестей о Куликовской битве, «отстаивая концепцию восстановления общерусского единства, признавало ведущей силой этого процесса кафедру митрополита Киевского и всея Руси, а также князей Литовской Руси». Именно поэтому мы видим митрополита Киприана (а не Сергия Радонежского) в роли фактического организатора победы на Куликовом поле, а князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, Дмитрия Боброка-Волынского, а также Владимира Андреевича Серпуховского, женатого на дочери Ольгерда (Елене-Марии) — такими военачальниками, которые обеспечили реальный перелом в ходе сражения на Куликовом поле. При этом, отмечает И.Б. Греков, Дмитрий Донской хотя и показан участником Куликовской битвы, но участником довольно пассивным — он не только не был политическим руководителем всей кампании, но, по сути дела, и не принимал участия на наиболее ответственных этапах сражения. Таким образом, автор раннего варианта «Сказания» выступает за союз Литовской Руси с Москвой, но за такой союз, в котором ведущей силой оказывались сам митрополит Киприан, а также князья Литовской Руси.

И.Б. Греков отмечает также ряд откровенных несуразностей, содержащихся в «Сказании о Мамаевом побоище»: целенаправленный вымысел об иконе Владимирской Богоматери, якобы оказавшейся в Москве в 1380 году (перене-

сена в Москву только в 1395 году), появление на страницах «Сказания» умершего в 1377 году литовского великого князя Ольгерда и т.п.

Несуразностей в «Сказании», действительно, очень много, и они без всякой критики попадают на страницы современных нам публикаций о Куликовской битве.

Вот, к примеру, как автор одной из «юбилейных» книжек, выпущенных к 600-летию Куликовской битвы, рисует строй русских воинов перед началом битвы: «О последнем вечере и о ночи накануне битвы подробно писал автор «Сказания о Мамаевом побоище», и древнее сказание воскрешает величественное зрелище русских полков, разворачивавшихся на Куликовом поле: «Шлемы же на головах их как утренняя заря, — с восхищением писал летописец, — доспехи как вода, яловцы же как пламя огненное...» Но «никаких «яловцев» — кожаных треугольных флажков, крепившихся на очень длинных шпильях (как и самих шпилей) — у русских шлемов этого времени не было. Их упоминание в рукописях и инкунабулах «Сказания о Мамаевом побоище» — верный признак даты текста: не ранее конца XV века, когда это украшение появилось на русских шлемах в подражание Востоку» [Горелик, с. 2].

Даже если какой-то первоначальный вариант «Сказания» и был составлен на рубеже XIV–XV веков, нет никаких сомнений в том, что его главное идейное и фактографическое наполнение состоялось только около 1480 года. При сопоставлении событий, связанных со «стоянием на Угре» Ивана III и Ахмата и событий 1380 года, бросается в глаза практически их полная идентичность — и это при том, что подробности о Куликовской битве мы впервые узнали только из московских летописей второй половины XV века и «Сказания о Мамаевом побоище»:

«Ахмат, как человек не только честолубивый, но и умный, осторожный, много лет готовился к этому походу... Он ставил своей задачей полностью восстановить власть Орды над Русью, возродить времена Батые, пре-

емником которого (и с полным основанием) он себя считал. Давно уже во главе Орды не стоял деятель такого масштаба. Политический кругозор Ахмата был широк — он вел переговоры даже с Венецией... Он мечтал о восстановлении империи Чингизидов на прежних, изживших себя, основаниях. Но это и не могло быть иначе. Наследник Чингисхана и Батыея, Ахмат был носителем традиции архаической кочевой империи, хищнической по самой своей природе, с примитивной экономикой, неспособной к восприятию явлений Нового времени. В своем лице Ахмат воплощал уходящий в прошлое идеал власти, основанной на жестком, грубом диктате над многоязычными народами Востока. Тем не менее Ахмат был очень силен и достаточно искусен как политик. Ему удалось заключить союз с королем Казимиром, чему он придавал, по-видимому, особое значение. Еще в 1472 году в переговорах с венецианским сенатом по поводу союза против Османской империи Ахмат заявлял, что может выставить в поле 200 тыс. всадников... за счет покорения народов Средней Азии и Северного Кавказа, завоевания Астрахани мощь Ахмата еще усилилась. Весной 1480 года Ахмат поднял на Русь всю Большую Орду, собрал все силы своей огромной, все еще грозной империи»

[Алексеев, с. 121–122.]

Обратите внимание на основные моменты этой характеристики: Ахмат мечтает восстановить власть Орды над Русью; он считает себя наследником Батыея; Ахмат заключает союз с польским королем Казимиром; ведет переговоры с итальянцами (Венецией); собирает для похода на Москву всю силу Орды, плюс еще воинов из Средней Азии и Северного Кавказа, с Нижней Волги (Астрахань).

А теперь сравните:

«Нечестивый же и гордый князь Мамай... вознесся во уме своем гордостью велиею и хотяще вторый Батый быти и всю Русскую землю пленити. И начат испыты-

вати от старых деяний, како хан Батый пленил Русскую землю и всеми князи владел, яко же хотел... И вознесся гордостию свыше Батыя в безумии своем... И созва многи татара от волжских орд, таже собра воинства много».

[Татищев, *История Российская*, с. 139.]

«Мамай хотел не просто удачного грабительского похода, но полного подчинения Руси. Пока Мамай собирал и готовил силы для решающего похода... Всю зиму и весну в Орде шла подготовка к небывалому со времен Батыя нашествию на Русь. Кроме кочевников, в его войсках были и наемники-генуэзцы из Крыма, где находились в ту пору владения Генуи... Одновременно... Мамай вступил в переговоры с рязанским князем Олегом и великим литовским князем Ягайло».

[Карышевский П. *Куликовская битва*. М., 1955, с. 38–41.]

«Речь шла... не о простом грабительском походе Мамай, а о большой войне, предпринимаемой Ордой с далеко идущими политическими целями... Литовский великий князь Ягайло, обеспокоенный ростом могущества Москвы, охотно присоединился к Мамаю... Мамай собрал огромное по тому времени войско; по существу, это были объединенные военные силы всей Орды... Для похода на Русь он нанял военные отряды из Крыма, подвластного тогда Орде, с Северного Кавказа, из Поволжья».

[Каргалов, с. 56–57.]

Обратите внимание: обстоятельства событий разделенных столетием, совпадают до мелочей. Но посмотрим, что было дальше.

«Медленно двигалась Большая Орда по Дикому полю. Ахмат не рассчитывал на эффект внезапности. Большое значение он придавал совместным действиям всех анти-русских сил, своему союзу с Казимиром».

[Алексеев, с. 122.]

«Более двух месяцев Иван III ждал татар на Оке, Все это время Ахмат-хан провел в полном бездействии вблизи московских границ».

[Скрынников Р.Г. *На страже рубежей Московских*. М., 1986, с. 30.]

Сравним:

«Возле устья реки Воронеж Мамай простоял не менее трех недель, поджидая, когда вернутся его послы от великого литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега. Именно в это время уточнялся план их совместного похода на Русь... Мамай медлил, не двигался от устья Воронежа к русским рубежам... В Москве узнали, что Мамай не торопится, поджидает союзников».

[Каргалов, с. 58—65.]

Дальше — еще любопытней.

«В воскресенье 23 июля в поход из Москвы к Коломне выступили главные силы русских под предводительством самого великого князя... Ахмат... решил предпринять обходной маневр. В последних числах сентября он двинулся «со всеми своими силами мимо Мценск, Любутск и Одоев» к тому месту, где в Оку впадает Угра... Угра протекала по границе Русского государства и Великого княжества Литовского... Здесь он (Ахмат. — Прим. авт.) мог рассчитывать соединиться с войсками короля Казимира».

[Алексеев, с. 122—125.]

А как действуют Мамай и его союзники?

«Место соединения ордынских, литовских и рязанских ратей было намечено в верховьях Оки, куда подходили литовские владения — в районе впадения в Оку реки Угры. По дороге вдоль реки Угры двигался на соединение с Мамаем великий литовский князь Ягайло».

[Каргалов, с. 59.]

Известно, что, когда Иван III противостоял Ахмату на Угре, архиепископ Вассиан Рыло отправил великому князю свое знаменитое «Послание на Угру». «В нем он обращается к великому князю с призывом мужественно стоять за Русскую землю, брать пример с Игоря и Святослава, Владимира Мономаха и особенно Дмитрия Донского» [Алексеев, с. 128–129].

Совершенно аналогичными обстоятельствами сопровождается поход Дмитрия Донского:

«6 сентября русские вышли к Дону... Тут привезли Дмитрию послание Св. Сергия. «Будь тверд, иди, на что пошел», — писал Сергий».

[Полевой Н.А. *История русского народа*. М., 1997, т.3, с. 62.]

Говорят, что история повторяется. Но не может же она повторяться буквально!

С нашей точки зрения, все эти совпадения говорят о том, что «Сказание о Мамаевом побоище» создавалось как пропагандистский документ в связи с событиями 1479–1480-х годов, содержащий явные, отчетливо акцентированные аллюзии между походом Ивана III против Ахмата и походом Дмитрия Донского против Мамая. Автор (или авторы) «Сказания», используя современные им исторические факты, сознательно проводили исторические параллели между этими событиями. Главный идейный смысл «Сказания» — историческая преемственность деяний государей Московских. В этом контексте становится понятным, зачем авторам второй половины XV века надо было обливать грязью Олега Рязанского и привлекать на сторону Мамая литовского князя Ягайло: Рязанское княжество к 1485 году оставалось единственным русским княжеством (не считая Пскова — он далеко, и соперником Москве никогда не был), еще не подчинившимся Великому княжеству Московскому. Показывая «исконную» склонность к предательству рязанских князей, «Сказание» тем самым обосновывало дальнейшую экспансию Москвы. А король объединенно-

го польско-литовского государства, Казимир был противником Ивана III, и «Сказание», в полном соответствии с традициями политической пропаганды, показывает, что Литва (в лице Ягайло) была исконным противником Москвы, союзником татар.

Еще одним аргументом может служить утверждение «Задонщины» о том, что якобы Дмитрий Донской после победоносной битвы с Мамаем стал называться «государем всея Руси». Подобного во времена Дмитрия не было и быть не могло. Формула «государь московский — государь всея Руси» появилась только во времена Ивана III. «Впервые мы встречаемся с историческим обоснованием новой политической доктрины. Иван Васильевич стремился мыслить в широких исторических и политических категориях, в масштабах истории всей Русской земли. Осмысление Русской земли как единого политического целого (а не как совокупности княжеств и отдельных земель) в принципе исключает удельную тенденцию... Прежде таких рассуждений летописи не знали» [Алексеев Ю.Г. *Государь всея Руси*. М., 1991, с. 75]. Величая Дмитрия Донского «государем всея Руси», «Сказание» вновь пытается обосновать легитимность власти московских князей над всей Русью.

«Сказание о Мамаевом побоище» и другие публицистические произведения о Куликовской битве, появившиеся около 1480 года, преследовали и еще одну цель: показать, что Дмитрий Донской, в отличие от Ивана III, был верным сыном церкви и победил только благодаря тому, что прислушивался к советам Сергия Радонежского и руководствовался его помощью. Дело в том, что и в «Послании на Угру» Вассиана Рыло, и в летописных повестях о стоянии на Угре, составлявшихся в церковных кругах, содержится немало грубой лжи в адрес Ивана III [подробнее об этом см.: Скрынников Р.Г. *На страже рубежей Московских*. М., 1986, с. 29–30; Алексеев Ю.Г. *Государь всея Руси*. Новосибирск, 1991, с. 127–128]. «Нетрудно установить, в каком кругу были составлены обличения против Ивана III. То были церковники, вспомнившие о временах войны с Ахма-

том в тот момент, когда отношения между великим князем и высшим духовенством были близки к разрыву. Иван III отобрал у самой богатой и древней епархии — Новгородского Софийского дома — большую часть земельных богатств, поставил в митрополиты еретика Зосиму и, следуя советам «нестяжателей» — противников безмерного обогащения монастырей, готовился наложить руку на богатства московского духовенства. Обратившись к минувшим дням, церковники постарались очернить фигуру Ивана III и доказать, что не он, а Вассиан Рыло был подлинным вдохновителем победы над Ордой» [Скрынников, с. 31].

Чем же можно считать «Сказание», «Задонщину» и московские летописные повести о Куликовской битве?

Это (в первую очередь «Сказание о Мамаевом побоище») — *национальный эпос победившего Великого княжества Московского*, окончательно сложившийся на рубеже XV—XVI вв. И рассматривать эти повести как исторический источник можно только с поправкой на то, что это — эпос, в некотором смысле подобный, скажем, «Илиаде». Конечно, «Илиаду» можно привлекать в качестве источников по истории Древней Греции: достоверность Троянской войны подтверждена археологически. Но основываться только на ней нельзя. Точно так же нельзя описывать события Куликовской битвы, опираясь на «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщину» и летописные сведения без критического разбора содержащихся в них сведений.

Характерен и еще один момент: военные и политические подвиги Дмитрия Донского на Куликовом поле и во времена, непосредственно предшествовавшие Куликовской битве, в изложении выглядят явно гиперболизированными, словно кто-то изъяснял обычное, будничное описание событий 1375–1380 годов и заменил их яркими героическими эпизодами. А после 1380 года в княжестве Московском снова воцаряется обычная, повседневная, полная трудов, лишений и всяческих перипетий, но при этом гораздо более «живая», реальная жизнь. Этот парадокс подметил еще Н.А. Полевой: «Нельзя не изумляться разительной противоположности со-

бытий до Куликовской битвы и после оной. Как? Тот самый князь, который, вступив отроком на престол, успел пере-силить опытного соперника, князя Суздальского, смело властвовал другими князьями, крепко устоял в десятилетней вражде с Тверью, не пал под силою Ольгерда, отважно вознес меч на монголов, жил мирно, братски с Владимиром, благотворил Новгороду, что являет нам потом этот князь, пришедший к крепости мужеских лет? Видим его, упавшего духом при первой беде; снова рабствующего, не смеющего стать грудью против хищников отчизны; в ссоре с верным братом Владимиром, дотоле единопутным ему; Русь, снова растерзанную своеволием князей; Новгород, угнетаемый властью Москвы! Тот ли это Дмитрий, семнадцать лет бывший опорой и отрадой отчизны? Тот самый». [Полевой, т. 3, с. 69].

На самом деле ничего странного нет. Просто Дмитрий «выполнил» свою героико-публицистическую роль, отведенную ему летописцами второй половины XV века, а его последующая жизнь их уже не интересовала, и портрет князя уже приобретает относительно объективные черты.

Когда отшумели события 1470–1480-х годов, процесс формирования централизованного Русского государства был завершен и необходимость в яростной полемике отпала, события Куликовской битвы в русских летописях стали излагаться короче и спокойнее. Летописи второй половины XVI века начинают рассматривать события Куликовской битвы с точки зрения их исторического значения в судьбе страны. «На первый план выдвигается мысль, что эта победа способствовала единению русских земель. Никоновская летопись в доказательство приводит факт, что сразу же после битвы (1 ноября 1380 года) русские князья, «сослав-шися, велию любовь учиниша между собою». Антирязанское и антилитовское звучание рассказа об обстоятельствах Куликовской битвы стало традиционным. В то же время все резкие выражения в адрес Олега и Ягайло были опущены. Больше того, в летописях сделаны попытки объяснить поведение рязанского князя желанием уберечь свое княжество от окончательного разорения» [Бескровный, с. 12].

Формирование «Куликовской легенды» совпало по времени с формированием централизованного Русского государства и окончательным оформлением русской народности. «Процесс создания Российского государства происходил одновременно с образованием русской народности; оба названных процесса шли параллельно... Язык летописей и документов XIV–XV веков, появившихся в этих землях, имеет уже те основные черты, которые характерны для русского языка, несмотря на псковские, новгородские и другие диалектные особенности» [Тихомиров М.Н. *Куликовская битва 1380 года*. — «Повести о Куликовской битве», М., 1959, с. 339].

К концу XV века жители объединенного Великого княжества Московского в основном осознавали себя как единый этнос. Памятники Куликовского цикла сыграли выдающуюся роль в формировании национального сознания русского народа. Нация, по словам Курта Хюбнера, «определяется согласно своей истории и пространству, в котором эта история отображалась» [Курт Хюбнер. *Истина мифа*. М., 1996, с. 325]. Приносить значение Куликовской битвы (как это делают М.Н. Покровский, Л.Н. Гумилев и др.) — означает, по существу, занимать антирусскую позицию.

Утратив к середине XVI столетия значение политического документа, памятники Куликовского цикла не утратили своей политической ангажированности. На протяжении последующих трех столетий они являлись, по словам Л.Г. Бескровного, «важнейшим средством идеологической борьбы правящего класса за утверждение руководящей роли в процессе становления Русского централизованного государства. Этому способствовала также церковь, канонизировавшая Дмитрия Донского» [Бескровный, с. 12]. Иными словами, на протяжении столетий героические образы Куликовской битвы служили не столько ученым-историкам, сколько пропагандистам, обслуживающим текущие политические и идеологические задачи. Идейная ценность Куликовского цикла, на сегодняшний день, вероятно, во много раз превышает научную.

В дореволюционное время власти «пытались использовать Куликово поле в интересах религиозной пропаганды, которая, внушая народу покорность «властям предержащим», должна была отвлечь его от революционной борьбы» [Куликово поле//Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. Тула, 1982, с. 5]. Как писал в 1904 году епископ Тульский и Белевский Питирим, «Древние «сказания» и летописные известия, передавая подробности всех обстоятельств Куликовской битвы и победы, содержат весьма много достославного и глубоконазидательного для православно-русского народа, а этим бесспорно отлично содействуют воспитанию в нем высоких патриотических чувств и, главное — живой искренней преданности праотеческой вере, святой церкви и своим государям» [там же, с. 54]. В советское время считалось, что «история самого Куликова поля и его памятников... помогает глубже осознать значение этих памятников для формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационалистского и эстетического воспитания советских граждан, особенно молодежи» [там же, с. 3].

Оценка значения Куликовской битвы, по мнению Л.Г. Бескровного, «определялась господствующими взглядами на исторический процесс. Во всяком случае, данная тема служила средством идеологической борьбы господствующих классов» [Бескровный, с. 25].

«Вслед за Н.М. Карамзиным, составившим ходульно-патриотическое описание русской победы на Дону, появилось менее талантливое, но столь же риторически приподнятое повествование Д. Иловайского, соединившее воедино различные редакции сказания о Мамаевом побоище без должной критики того, что в них написано. И как раз это ультрапатриотическое творение Иловайского сделалось образцом и главным источником вдохновения для авторов популярных статей и книжек о Куликовской битве» [Тихомиров М. Н. *Куликовская битва 1380 года*. — «Повести о Куликовской битве». М., 1959, с. 35–36].

Новый «выброс» произведений в жанре «куликовской мифологии» имел место в 1979–1982 годы, в связи с 600-летним юбилеем Куликовской битвы. «Как и большинство других значительных событий прошлого, сражение на Куликовом поле окружено множеством хрестоматийных легенд, полностью вытесняющих подчас реальное историческое знание. Недавний 600-летний юбилей, несомненно, усугубил эту ситуацию, вызвав к жизни целый поток популярных псевдоисторических публикаций, тиражи которых, разумеется, многократно превышали тиражи отдельных серьезных исследований» — пишет наш известный специалист-оружиевед, сотрудник ГИМ М. Горелик. [«Цейхгауз», 1991, № 1, с. 2]. Авторы этих псевдоисторических публикаций словно старались обогнать друг друга в нагромождении домыслов, старательно наполняя кусты врагами — и вот уже чуть ли не сам папа римский руководит действиями Мамаю, а сама Куликовская битва приобретает размеры вселенского события...

А ни одной серьезной научно-исследовательской работы по Куликовской битве по-прежнему нет.

Приводя ниже наш анализ Куликовской битвы, мы не собираемся, Боже упаси, возмещать этот пробел — пусть это сделают те, кто владеет проблемой лучше нас. Мы хотим показать то обилие противоречий и недоразумений, которые содержатся в существующей интерпретации куликовских событий, и не просим никого соглашаться с нами. Но кто знает — может быть, наша публикация побудит кого-нибудь к действительно научному изучению Куликовской битвы?

ЧТО ТАКОЕ КУЛИКОВО ПОЛЕ?

Что такое Куликово поле? Казалось бы, вопрос банальный и ответ на него известен всем. «Куликово поле с трех сторон было ограждено реками. С запада и северо-запада оно примыкало к правому притоку Дона — реке Непрядве,

с севера — к самому Дону, с востока и северо-востока — к речке Рыхотке... Куликово поле представляло собой обширную равнину, поросшую степными травами, прорезанную оврагами и долинами рек. Общие размеры Куликова поля достигали в ширину 8 км и 9 км в глубину...» [Каргалов В.В., *Куликовская битва*. М., 1980, с. 85].

Да нет, все, к сожалению, не так.

Поле «на древнерусском языке называлось достаточно обширное суходольное открытое пространство, освобожденное от леса, или исконная открытая степь» [Курнаев С.Ф. *Куликово поле в прошлом и настоящем*. «Природа», 1980, № 9]. «Куликовым полем» в России до XIX века именовали обширное степное пространство — «полянну», расположенную посреди верхнедонской лесостепи. Исчерпывающую справку о нем можно найти во 2-м томе «Полного географического описания нашего Отечества», изданного в 1902 году под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского: «Движение лесной стихии в степь происходило в нашей области от трех, так сказать, основных лесных масс: Брынской, Мещорской и Мордовской... Донское движение, дав ответвление к верховьям Оскола, сошлось здесь с лесной стихией из Посемья. Этим и объясняются уцелевшие здесь донные большие площади почти сплошных лесов. Между этими потоками оставались или не захваченные совсем участки степи (Куликово и Рясское поля) или уже захваченные лесной стихией: это были мелкие участки «черни» с многочисленными «переполаньями» (южная половина Тульской и восточная половина Орловской губ.)... К югу поляны становились все обширнее, превращаясь в целые «поля», как, например, Рясское, Куликово, а также обширная поляна, занимавшая весь бассейн Польного Воронежа (на которой останавливался Батый «на Онузе») и др., то есть участки луговой степи, тянувшиеся иногда на десятки верст» [с. 52—53] (рис. 5.1).

Куликово поле располагается в северной части лесостепной зоны и представляет собой холмистую равнину со сглаженными и мягкими очертаниями. Границы Куликова

Рис. 5.1. Природные зоны Центральной России
(по П.П. Семенову)

поля определялись от верховьев рек Упы и Зуши до Дона: «Куликово поле, урочище, Тульской губернии, в Епифанском уезде, простирающееся от вершин рек Упы и Зуши к востоку даже до Дона и вмещающее в себя, кроме оных рек, множество других рек, вершины и все течение реки Непрядвы, со впадающими в нее речками» [Щекатов А. *Словарь Географический Российского государства*, ч. 3 (К-М). М., 1804].

«Книга Большому Чертежу» (первая половина XVII века) приводит названия рек, берущих свое начало на Куликовом поле: «А вытекла речка Снежеть из Куликова поля... А речка Березуи вытекла из-под Болховские дороги, что лежит дорога с Орла... а от Болхова верст с 12.

А ниже Березуя версты с 4 с правые стороны пала речка Иста в Оку, а вытекла из Куликова поля от Плавы... А река Упа вытекла ис Куликова поля по Муравскому шляху... а река Солова и река Плава вытекли с верху реки Мечи ис Куликова поля от Муравского шляху» [Книга Большому Чертежу, М.—Л., 1950, с. 116–118].

«А Упа река вытекла от Куликова поля и Волово озера от верху речки Непрядвы, и реки Мечи, и реки Соловы, и Плавы» [там же, с. 59, прим. 2–2].

Таким образом, Куликово поле представляло собой степную «полянну», протянувшуюся по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток на 100 км (от верховьев реки Снежедь до Дона) и на 20–25 километров с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши) (рис. 5.2).

«Куликово поле... — пишут современные исследователи, — включает в себя пространство, ограниченное на севере и западе реками Доном и Непрядвой, а на юго-востоке и юге линией населенных пунктов Орловка-Ивановка-Шаховское-Самохваловка. Местные представления относят эту линию на 10–20 км далее, так что жители северной

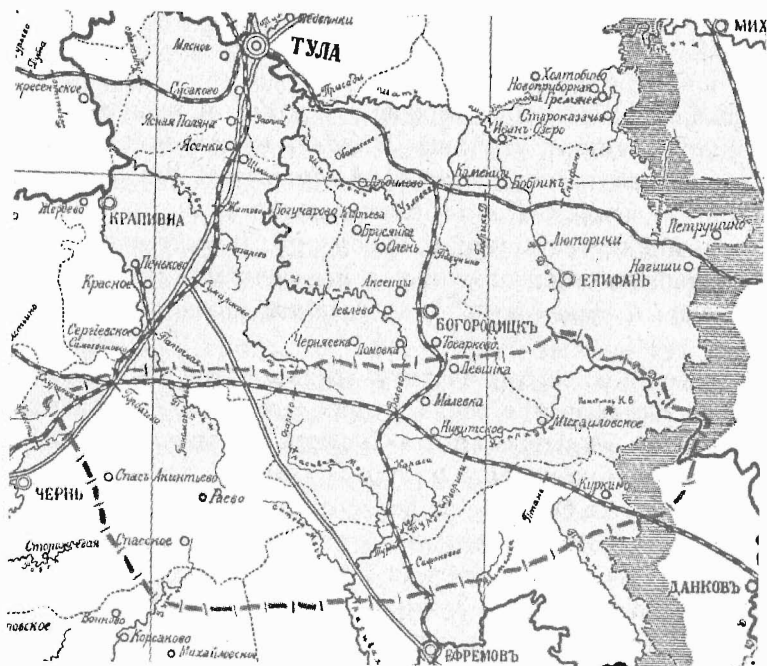

Рис. 5.2. Границы Куликова поля по «Книге Большому Чертежу»

части Данковского района Липецкой области считают, что они живут на Куликовом поле... Вопрос об исторических пределах Куликова поля разработан еще недостаточно». [Зайцев А.К., Фоломеев Б.А., Хотинский Н.А. *Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля*. — Труды ГИМ, вып. № 73. Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990, с. 5].

Иногда в источниках вместо «Куликово поле» фигурирует топоним «Куликовы поля»: «Обыкновенно царь давал известную часть земли в «Куликовых полях» в вотчину...» [Троицкий, с. 88]. В Межевой книге по «Выписи» 1675 года, сохранившейся в архиве Тульского Предтечева монастыря, прямо говорится, что монастырское село Покровское находилось в Епифанском уезде, за рекою Непрядвою, на Куликовых полях» [Троицкий, с. 90].

На обе верхнедонские «поляны» — Куликово и Рясское — выводили древние степные водораздельные дороги (шляхи, сакмы), которые издревле служили для передвижения кочевников и военных набегов.

Ногайская дорога (Большая Ногайская сакма) вела от Волги через Рясское поле на Рязань. Именно этим путем шел в 1237 году на Русь Батый.

Муравский шлях вел из степей Причерноморья прямо к тульским засекам, а ее ответвления — Дрысенская (Дрыченская) и Турмышская дороги через броды на Красивой Мече вели прямо на Куликово поле. Насколько можно судить, одну из этих дорог избрал в 1380 году Мамай (рис. 5.3).

Еще в XVI–XVII веках обе дороги активно использовались крымскими и ногайскими татарами для набегов на южные рубежи Московского государства, и броды на Красивой Мече находились под неусыпным контролем русских сторожевых разъездов:

«...11-я сторожа на Мечи у Турмышского броду, а сторожем на ней быти из Донкова, да из Епифани, да из Дедилова шти человеком, по два человека из города; а беречи им направо от Турмышя до Коня семь верст, а налево до Дрысинского броду шесть верст.

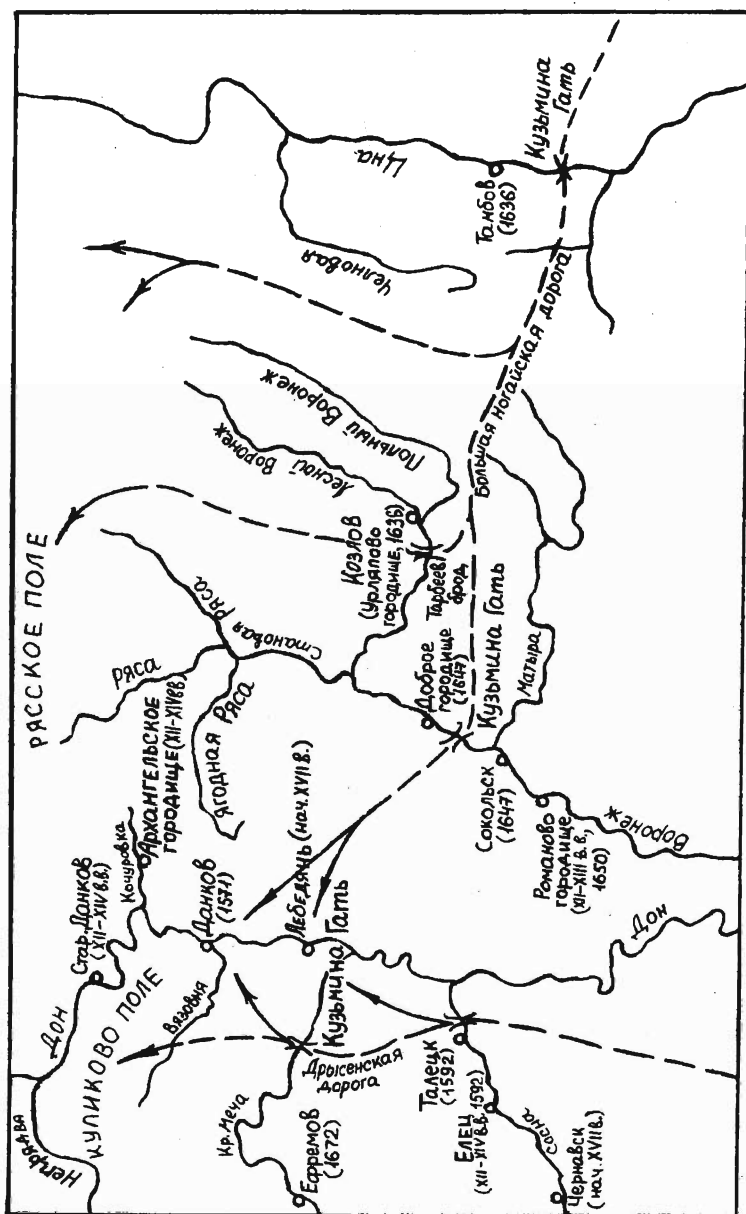

Рис. 5.3. Направления татарских набегов в XVI—XVII вв.

12-я сторожа на той же Мечи меж Зеленкова и Семенцова броду на пятнадцати верстах; а сторожем на ней стояти из Донкова, да из Епифани, да из Дедилова шти человеком из города по два человека.

13-я сторожа на Вязовке повыше Вязовненского устья на Дрысинской дороге от Донкова двадцать верст; а сторожем на ней стояти из одного Донкова четверем человеком.

14-я сторожа вверх по Вязовке на Турмышской дороге от Донкова двенадцать верст; а стояти сторожем из одного Донкова трем человеком».

[«Роспись 1571 г. сторожам из украинских городов от польские украины по Сосне, по Мече и по иным речкам». — Акты Московского государства, т. 1, акт № 8, с. 23—24.]

На протяжении многих веков Куликово поле являлось естественным, самой природой созданным «ристалищем», полем многих известных и неизвестных битв. «Со времени нашествия татар и Куликовской битвы, берега р. Непрядвы получают большую историческую известность по причине нередких, а позднее и очень частых столкновений русских с татарами (в особенности крымскими)». [Троицкий, с. 84—85] (рис. 5.4).

Вероятно, одна из первых битв на Куликовом поле состоялась в 1162 году, когда, по сообщению Никоновской летописи, сын Андрея Боголюбского князь Изяслав «с другими князьями и войски резанскими и муромскими ходили по Дону на половцев, и за Доном в поле их победили». Еще дореволюционные авторы полагали, что эта битва состоялась именно на Куликовом поле [«Россия», т. 2, с. 124]. Разбив половцев, дружинники Изяслава преследовали их далеко вниз по Дону, но половцы оторвались от преследования, обошли русскую рать, и в урочище Ржавцы — по-видимому, на Рясском поле, где известны подобные топонимы — ударили по возвращавшейся суздальско-рязанско-муромской рати, нанеся ей большие потери [«Россия», т. 2., с. 124; Иловайский, с. 30].

Известно сражение на Куликовом поле и в 1542 году. Подробно о нем повествует Александро-Невская летопись:

«О Крымских Татарех. Того же месяца (август 1542 года) 16 день приходили на Рязанские места многие люди Крымские Ишьмагмет-мурза да Битяк-мурза Адрахманов и иные многие мурзы и пришли к Николе к Заразскому (Зарайску. — Прим. авт.). И великого князя воеводы князь Петр княже Данилов сын Пронского против Крымских людей вышли и с ними ся видели и языки у них поимали. И Крымские люди от того дрогнули, пошли из великого князя Украины вон, воевав Рязанские места. И воеводы великого князя по государьскому велению многия изо многих мест ходили: с Резани князь Семен Иванович Микулинской Пунков, от Николы князь Петр Пронской, с Тулы князь Петр Куракин, с Сенкина перевозу князь Михайло да князь Александро Воротынские, из Серпухова князь Юрий Темкин, и иные многие воеводы за ними ходили до Дону. И дошли сторожи Татарских сторожей и на Куликовом поле, и многих Татарских сторожей великого князя сторожи побили, а иных переимали, а иные поутекали. И весть татаром от тех утеклцов учинился. И Крымские татарове пошли борзо, и воеводы великого князя дошед до Мечи, а их не сошли, оттоле воротились и пришли к великому князю все Бог дал здравы».
[ПСРЛ, т. XXIX, с. 143.]

Место этой битвы И.Ф. Афремов определяет как «не переходя Смолку, близ левого ее берега, при Верходубском, Липовом и Большом оврагах» [Афремов, с. 57].

Известно о приходе татар на Куликово поле и в 1571 году: в «Писцовой книге по Елифанскому уезду 1571–1572 годов» отмечается, что в 1571 году крымские татары сожгли слободу Балахнинскую на реке Сукромне:

«Слобода Балахнинская, на р. Сукромне, под Сукроменским лесом, а в той слободе был монастырь Рождество

Пречистые Богородицы, и тот монастырь и кельи сожгли Крымские люди в приход Крымского царя в 79 (то есть 7079 или 1571 году), а старцов всех Крымские люди побили, а иных в полон поймали, осталось на монастыре 1 келья да бойница рублена в 1 стену на 4 углы, вышина ее 3 сажени по кровлю, а крестьянских дворов 9 да 13 селищ дворовых сожгли Крымские люди».

[*Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877, с. 1588*].

В 1622 году, как считает С.Р. Долгова [Долгова С.Р. *Кистории некоторых населенных пунктов на Куликовом поле. Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990, с. 139–140*], в результате татарских набегов были разорены и запустели некоторые селения на Куликовом поле, в том числе «пустошь Буйцы, Куликово поле тож», которое значится среди пустошей, «что были села и деревни за помещики в поместьях». В начале 1680-х годов на месте пустоши Куликово поле уже существовала деревня Куликовка.

Документы XVIII века фиксируют начавшийся процесс «сжатия» Куликова поля. Все чаще этот топоним применяется только к пустоши Куликово поле (деревне Куликовке). В Атласе Тульского наместничества 1787 года отмечается: «В здешнем уезде (Епифанском) находится и известное по истории Куликово поле между реками Доном и Непрядвою в пятнадцати верстах от города: оно в окружности имеет около пятидесяти верст» [Маркина Е.Д. *Возникновение села Куликовки. Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. М. 1990, с. 151*]. И хотя в конце XVIII — начале XIX века бытовали еще оба понятия «Куликово поле» — «широкое» и «узкое», начиная с 1820-х годов уже решительно возобладаало «узкое» понятие.

Епифанский уездный землемер И.Т. Витовтов в 1838 году утверждал, что «Куликово поле находится в Епифанском уезде, при устье реки Непрядвы, впадающей в р. Дон; оно имеет приметную возвышенность и окружено ре-

ками, за которыми раскиданные леса и рощи представляют живописные виды» [Витовтов И.Т. *Топографическое известие о Куликовом Поле*. «Журнал Министерства внутренних дел», 1838, ч. 28, с. 49—50]. А спустя несколько лет другой посетитель Куликова поля, И. Афремов, так характеризовал пространство Куликова поля: «Поле это было тогда еще дикою, ненаселенною степью. Начиналось оно с реки Дона, от нынешнего села Куликова при устье Смолки, к селу Рождествену-Монастырщине, при устье Непрядвы, направляясь широкою полосой в угол Богородицкого уезда... всего на протяжении 18-ти верст нынешних, равных 10-ти верстам прежних, согласно летописи. Здесь за Доном начиналась уже Татарская земля» [Афремов И. *Куликово поле*. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849, с. 6, прим. 381].

Что же случилось? Отчего Куликово поле так неожиданно «сжалось»?

Все очень просто: в начале 1820-х годов начальство и общественность пожелали установить памятник на месте Куликовской битвы.

КАК БЫЛО НАЙДЕНО МЕСТО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Как уже говорилось выше, пространство Куликова поля было очень велико и отыскать на нем место знаменитой битвы можно было не только руководствуясь сведениями письменных источников (весьма приблизительных), но проведя ряд изысканий, прежде всего — археологических. Главным свидетельством Куликовской битвы, конечно же, стало бы обнаружение захоронений павших воинов Дмитрия Донского.

Но в 1820-е годы археология еще только-только делала первые шаги, да и историческая наука находилась в стадии формирования. Основную часть исследователей составляли различного рода любители, к которым относился и

С.Д. Нечаев — директор училищ Тульской губернии, тульский помещик, декабрист, член «Союза благоденствия», близкий знакомый К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева. Как и все декабристы, он проявлял большой интерес к героической борьбе русского народа против ордынских поработителей.

По инициативе Нечаева в июне 1820 года тульский гражданский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». Памятник же этот предполагалось соорудить на месте великой битвы, которое якобы сумел отыскать Нечаев.

Еще не было никаких сведений о находках на месте битвы, не было никакого обоснования выбора места для памятника, но тульское дворянство уже выразило готовность «почтить память сынов Отечества достойным памятником». И 9 июля 1820 года губернатор Васильев обратился к генерал-губернатору Тульской, Орловской и Рязанской губерний А.Д. Балашеву с просьбой получить согласие императора Александра I на возведение памятника и сбор добровольных пожертвований. «Соизволение» императора последовало довольно быстро, и уже в августе 1820 года А.Д. Балашов обратился к известному скульптору И.П. Мартосу, «русскому Фидию», с предложением разработать проект памятника.

Только через год, в 1821 году, в журнале «Вестник Европы» [ч. 118, № 14, с. 125–129] появилась статья С.Д. Нечаева, в которой пытливый любитель старины попытался обосновать свою точку зрения на место Куликовской битвы. «Куликово поле, — писал Нечаев, — по преданиям историческим, заключалось между реками Непрядвою, Доном и Мечею. (Мы с вами уже видели, что русская география XVII — начала XIX веков определяла Куликово поле более широко. — *Прим. авт.*). Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями древнее наименование». Далее Нечаев указывал на сохранившиеся «в сем краю» топонимы —

село Куликовка, селцо Куликово, овраг Куликовский и т.д. В этих местах, по словам Нечаева, «выпахивают наиболее древних оружий, бердышей, мечей, копий, стрел, также медных и серебряных крестов и складней. Прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие». Но «сильнейшим доказательством» (отметим это) своего мнения автор полагал «положение Зеленой дубравы, где скрывалась засада, «решившая кровопролитную Куликовскую битву». По мнению Нечаева, остатки дубравы и теперь существуют в дачах села Рожествена, или Монастырщины, лежащего на самом устье Непрядвы». Отталкиваясь от местоположения «Зеленой дубравы», Нечаев быстро реконструировал и все остальные топографические признаки Куликовской битвы, прибегая в основном к догадкам и общим рассуждениям. В частности, он указал на две «замечательные возвышенности, решительно господствующие над окрестностями», одна из которых, по его мнению, «не напрасно носит название Красного холма». Публикация сопровождалась рисунком находок, якобы сделанных им на Куликовом поле.

В 1823 году Нечаев опубликовал в «Вестнике Европы» другую заметку — «о найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях» [«Вестник Европы», 1823, ч.123, № 8, с. 307—311]. Читающую русскую публику первой половины 1820-х годов, а особенно «начальство», публикации Нечаева вполне удовлетворили, и ни тогда, ни до сих пор не появилось ни одного (!) критического разбора публикаций Нечаева.

Что ж, попробуем восполнить этот пробел. Во-первых, в глаза бросается заведомое сокращение границ Куликова поля до нынешних размеров, хотя Нечаев прекрасно знал, что границы Куликова поля распространяются гораздо дальше очерченных им, и об этом он случайно проговорился в своей второй публикации в «Вестнике Европы». Сообщая о своих находках, он пишет: «В 1819 году, весною при обрабатывании земли под сев, в Данковском уезде, на поле Куликовом...» В Данковском уезде Рязанской губернии — то есть километров на десять-пятнадцать южнее того

места, которое сам же Нечаев «назначил» местом Куликовской битвы!

«Сильнейшее доказательство» Нечаева о местоположении «Зеленой дубравы» вообще не выдерживает никакой критики. С чего Нечаев взял, что «Зеленая дубрава» — имя собственное? Да, в памятниках Куликовского цикла упоминается «дубрава» или «зеленая дубрава», скрывавшая засадный полк князя Владимира Серпуховского, ну и что? У нас в России летом все дубравы зеленые. Откуда следует, что «зеленая дубрава» — имя собственное?

Предметы, найденные Нечаевым на Куликовом поле (где именно? в каком месте?) и опубликованные им в «Вестнике Европы» в 1821 году, многократно воспроизводились и продолжают воспроизводиться в различных изданиях, посвященных Куликовской битве. Однако мы нигде не нашли никаких комментариев, интерпретирующих эти находки (кроме комментариев самого Нечаева, который все чохом датирует временем Куликовской битвы).

Мы обратились за помощью к известному археологу, члену-корреспонденту РАЕН, доктору исторических наук А.К. Станюковичу с просьбой прокомментировать находки Нечаева. Вот его интерпретация этих находок (рис. 5.5):

- 1 — стрелецкий бердыш, вторая половина XVI—XVII в.;
- 2 — наконечник татаро-монгольской стрелы («срезень»), XIII—XIV в.;
- 3 — крест нательный, середина XVII в.;
- 4 — крест нательный, XIV—XVI в.;
- 5 — крест нательный («вырожденный энколпион»), датированные находки относятся к XV в.;
- 6 — створка креста-энколпиона, конец XII — первая половина XIII в., южная Русь (Киев?);
- 7 — иконка-энколпий, XIV век, Новгород;
- 8 — нагрудный образок с изображением Святого Федора Стратилата, XII в.

Как видим, только два из восьми предметов можно с натяжкой считать относящимися ко временам Куликовской

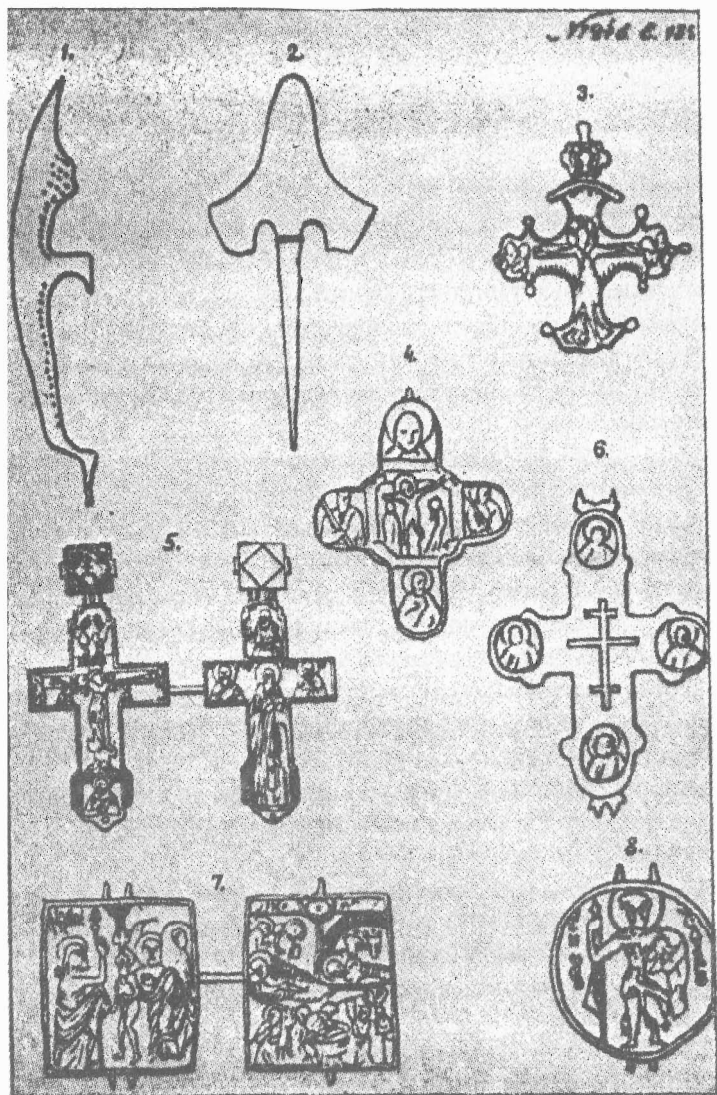

Рис. 5.5. Находки, сделанные С.Д. Нечаевым
на Куликовом поле

битвы. При этом новгородская иконка-энколпий вовсе не обязательно связана с событиями 1380 года — известно, что находящаяся на Куликовом поле деревня Пруды «тесно связана с селом Новгородским, бывшим когда-то собственностью Новгородских владык, и, в свою очередь, выселена из Новгородской земли» [Нечаева А.А. *Берега реки Непрядвы в их прошлом. «Тульский край»*, № 1–2 (8–9), февраль 1928 г., с. 47].

Что же касается утверждений Нечаева о каких-то массовых находках «старинных оружий» на облюбованном им месте Куликовской битвы, то этих находок никто, даже сам Нечаев, не видел, так что оставим это утверждение без комментариев.

Не знаем, кого как, но нас свидетельства Нечаева не убеждают. Зато гораздо любопытнее другой факт: помещик Нечаев был... владельцем той самой земли, на которой ныне возвышается сооруженный по его инициативе памятник Куликовской битве. Нечаеву принадлежало село Куликовка и 1358 десятин (около 1400 гектаров) земли в районе нынешнего Куликова поля. И именно свое землевладение ревнитель отеческой старины предложил «начальству» в качестве исторического места великой битвы. Несомненно, что самолюбию Нечаева весьма льстило, что историческое Куликово поле находится в пределах его земельных владений.

Между тем, выполняя монаршую волю и распоряжение начальства, в мае 1825 года на Куликовом поле побывал чиновник Михаил Макаров, который изложил свои впечатления в записке, адресованной генерал-губернатору А.Д. Балашеву [Опубликовано: *Село Рождествено-Монастыщина и поле Куликово*. Сочинение М.Н. Макарова. М., 1826]. В предисловии Макаров честно признавался, что описал «театр битв Дмитрия Донского с Мамаем», сообразуясь с местными преданиями, «может быть, для историка не заслуживающими особенного внимания, но зато для обыкновенных любителей старины довольно важными». То

есть грань между «историками» и «обыкновенными любителями старины» была четко обозначена. В дальнейшем точка зрения «обыкновенных любителей старины» на Куликовские события стала основополагающей, и все историки писали свои сочинения о Куликовской битве, строго основываясь на этом фундаменте.

«Человек самый холодный здесь носит себя воображением по кровавым следам Дмитрия, — делится своими впечатлениями от вида Куликова поля Макаров (да уж, множество народу с тех пор носилось своим воображением по этим следам! — *Прим. авт.*). — Я, как мечтатель, будучи, так сказать, внутри всех достопамятностей Куликовских, кажется, уже слышал и адский свист Татар, и ржание их коней диких». Кроме эмоций, рассказ Макарова содержит некоторые поверхностные наблюдения туриста и местные предания, которым, впрочем, он сам не верит («Красный холм не высок, и это не холм обыкновенный, а плоская возвышенность. Тут, говорят, были положены тела убиенных тысяч!.. Я сомневаюсь и не верю, чтобы он мог служить когда-нибудь местом могилы для убиенных»). Убежденность Макарова в том, что перед ним — истинное место Куликовской битвы, построена на пылких эмоциях и не очень убедительных догадках: «Вот и вся роща, прежде темная, дремучая, занимавшая от Непрядвы весь берег Дона... Разумею отрасли рощи, иначе где же быть сражению?» Действительно, если не здесь, то «где же иначе?»

Поездка Макарова на Куликово поле была, так сказать, рекогносцировкой — к тому времени «высочайше» уже было «соизволено» возводить памятник Куликовской битвы именно на этом, указанном Нечаевом месте и спорить с «высочайшим» мнением никто не мог и не пытался. То, что не определили историки, определила воля начальства и энтузиазм «обыкновенных любителей старины». А все новые и новые туристы из числа последних продолжали расцвечивать и украшать быстро складывающуюся легенду все новыми и новыми «подробностями». И к 1850 году, когда на Красном холме поднялся долгожданный памятник, ос-

новные положения легенды уже обрели статус канона, и памятник просто стал точкой в истории обретения «места Куликовской битвы». Этот памятник и являлся целью всей акции, а историческая истина в данном случае была просто задвинута в угол. И теперь, когда памятник возвышается на Красном холме, кто осмелится утверждать, что Куликовская битва была не здесь?

Что ж, попробуем поразмышлять на эту тему...

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

Прежде всего, поговорим об истории Куликова поля — на широком фоне истории и исторической географии всего Верхнего Подонья.

...В 1389 году по Дону в Царьград направлялось посольство митрополита Пимена. Один из участников составил «Хождение Пименово в Царьград», в котором так описывал путь по Верхнему Дону:

«Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точию пусто все...»

Сообщения в летописных источниках о «градах красных и нарочитых», расположенных в верховьях Дона, по Сосне и Воронежу, появились уже в конце XII века. Когда в 1177 году владимирский князь Всеволод Большое Гнездо разгромил и пленил рязанских князей, один из них, Ярополк Ростиславич, убежал на Воронеж и «тамо прехожаше из града в град». Всеволод в Рязань послал за Ярополком Ростиславичем. По его требованию, рязанцы «ехавши в Вороножь, яша его и приведоша его в Володимирь». [Никоновская летопись, II, 237, Тверская летопись, 263, Лаврентьевская летопись, 366, Ипатьевская летопись, 410].

Расположенный в Рязанской земле «Воронеж» неоднократно упоминается в летописной повести о нашествии Батыя. В.П. Загоровский [Загоровский В.П. *Исследования и заметки по исторической географии Черноземного центра России.* / В сб.: «Историческая география Черноземного центра России». Воронеж, 1989] отождествляет летописный Воронеж Ярополка Ростиславича с районом Романова городища («городище Ромня» по источникам XVI века). Культурный слой этого небольшого древнерусского городка полностью разрушен поздним кладбищем. [Винников А.З., Синюк А.Т. *Дорогами минувших столетий.* Воронеж, 1990, с 274–275].

Среди историков бытуют различные мнения о том, существовали ли русские поселения на Верхнем Дону и Воронеже в XII–XIII века. Ряд исследователей считает, что если распространение русского населения за Воронеж и на среднее течение Дона в этот период сомнительно, то Верхнее Подонье и верховья Воронежа, несомненно, входило в число земель, подчиненных уже в XII веке рязанскому князю. По своему территориальному положению и вятивическому населению эти земли «тянули» к Рязани [Монгайт А.Л. *Рязанская земля.* М., 1961, с. 144–145].

На западе вдоль верховьев Дона к устью реки Быстрой Сосны шла восточная граница Черниговской земли. [Зайцев А.К. *Черниговское княжество.* // В сб.: «Древнерусские княжества X–XIII вв.». М., 1975, с. 103.] На стыке Рязанского и Черниговского княжеств в XII–XV веках существовало небольшое Елецкое княжество, также «тянувшее» к Рязани (рис. 5.6).

Пока в бассейне верхнего Дона и Воронежа не велись археологические исследования, некоторые историки скептически относились к летописным сведениям, считая их недостоверными поздними вставками, а сам факт существования русских поселений на этой территории — «маловероятным». В последние годы, по мере изучения этой проблемы, факт их существования находит все большее подтверждение. Немалую лепту внесли в разрешение вопроса археологические изыскания, проведенные в этом районе в 1960–1980-х годах.

Рис. 5.6. Центально-Черноземная область в XI–XIII веках
(ист.: «Россия. Полное географическое описание
нашего отечества», т. 2)

Уже сейчас можно с уверенностью говорить, что Верхнее Подонье было заселено в XII–XIII веках даже плотнее, чем это представляли самые оптимистичные исследователи. Следы славянского населения — городища, селища, курганы XII–XIII веков — прослеживаются от реки Ранова до реки Битюг, уходя далеко в «Дикое Поле». «В XI — первой половине XIII века здесь проживали незначительные группы древнерусского населения. Это так называемые бродники... Это были также аланы, болгары, печенеги, половцы, но русское население преобладало. Поселения бродников обнаружены на Дону, в низовьях Воронежа (на левом низком берегу), на Битюге» [Винников, Синюк, с. 266]. Поселения бродников, как правило, были небольшими и неукрепленными.

Археологические исследования свидетельствуют, что довольно плотно в XII–XIV веках была заселена местность

по рекам Дон, Кочур, Красивая Меча, Воронеж, Матыра. Наличие крупных, в 20–30 домов поселков, с наземными жилищами и хорошо развитым ремесленным производством, вдобавок неукрепленных, позволяет сделать вывод, что местное население не чувствовало никакой постоянной военной опасности и жило вполне оседло и устойчиво. [Матвеева В.И. *Работы Верхнедонской экспедиции*. — «АО», 1971, с. 107–108; *Работы Верхнедонской экспедиции в Липецкой обл.* — «АО», 1973, с. 64–65; Она же. Работа Верхнедонской экспедиции в Липецкой обл. — «АО», 1978, с. 71–72].

В Лебедянском районе вдоль реки Красивая Меча археологами выявлено 12 древнерусских археологических памятников, относящихся к XII–XIV векам [Матвеева В.И. *Работы Верхнедонской экспедиции*. — «АО», 1972, с. 76; «АО», 1973, с. 64–65]. У села Яблоневое исследовано славянское поселение XII–XIII веков с мощностью культурного слоя 0,4–0,5 метра. Близ поселения находилось кладбище с погребениями по христианскому обряду, но с остатками языческой тризны [«АО», 1972, с. 76].

На верхнем Дону помимо известного Старо-Данковского городища археологами обнаружены и исследованы Долговское городище XIV–XV веков.

Таким образом, в XII–XIII веках земли по Красивой Мече, Сосне, верхнему Дону и Воронежу были весьма плотно населены и входили в состав Рязанской земли. Помимо неукрепленных селищ, здесь существовали древнерусские города — Елец, Дубок, Чур-Михайлов, летописный Воронеж, Романов («городище Ромня»), а также известная по «Повести о разорении Батыем Рязани» Онуза. Близость половецких кочевий, казалось, постоянно висела Дамокловым мечом — однако жизнь здесь, как свидетельствуют археологические данные, не прерывалась и во времена Батыева нашествия, что заставляет по-иному взглянуть на проблему взаимоотношений русских окраин со Степью (рис. 5.7).

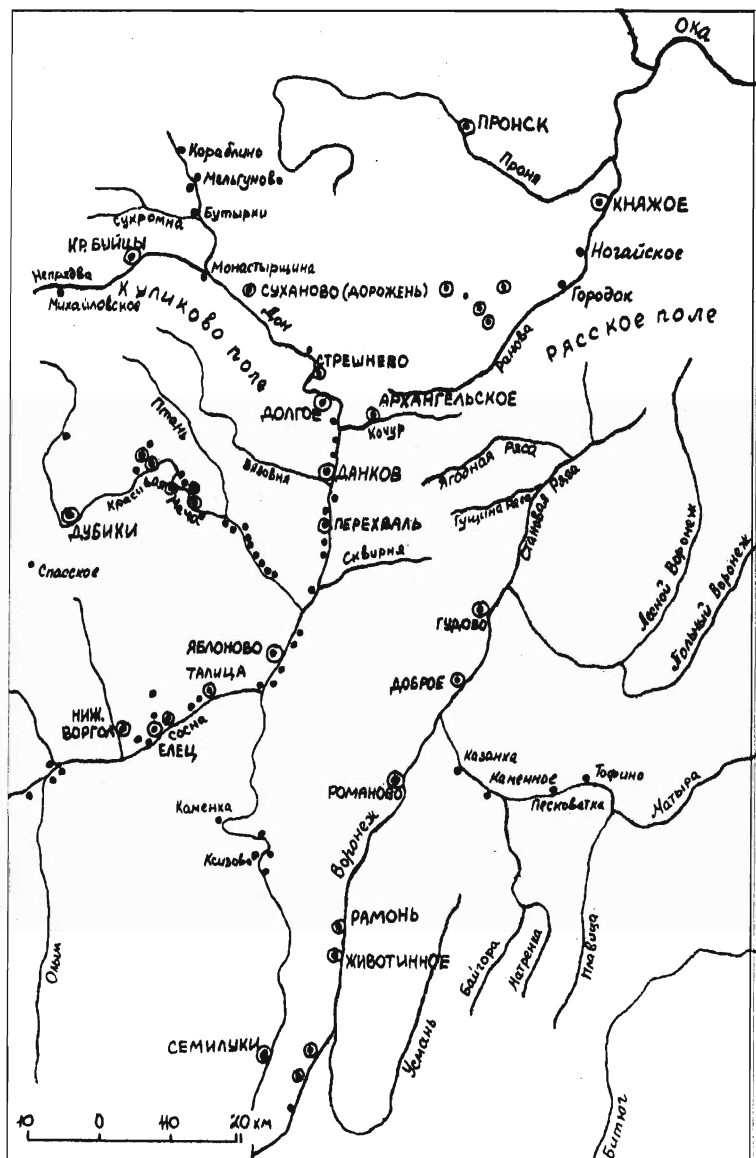

Рис. 5.7. Древнерусские поселения в бассейне Верхнего и Среднего Дона в X—XV веках

Рязанское княжество владело важным водоразделом между бассейнами Оки и верхнего Дона. К югу русские поселения простирались в сторону Воронежа, до тех пор пока лес давал им прикрытие от степной опасности. В XIV веке далеко выдвинувшиеся в степь границы Рязанского княжества захватывали верхнее и часть среднего течения Дона вплоть до устья Воронежа. На юго-западе Рязанское княжество граничило с Елецким. Рубеж между двумя княжествами проходил по Красивой Мече до устья и вниз по Дону приблизительно до устья реки Воронеж [Тропин Н.А. *Елецкая земля в XII–XVI веках.*//В сб.: «История и культура Ельца и Елецкого уезда». Елец, 1992, с. 34] (рис. 5.8).

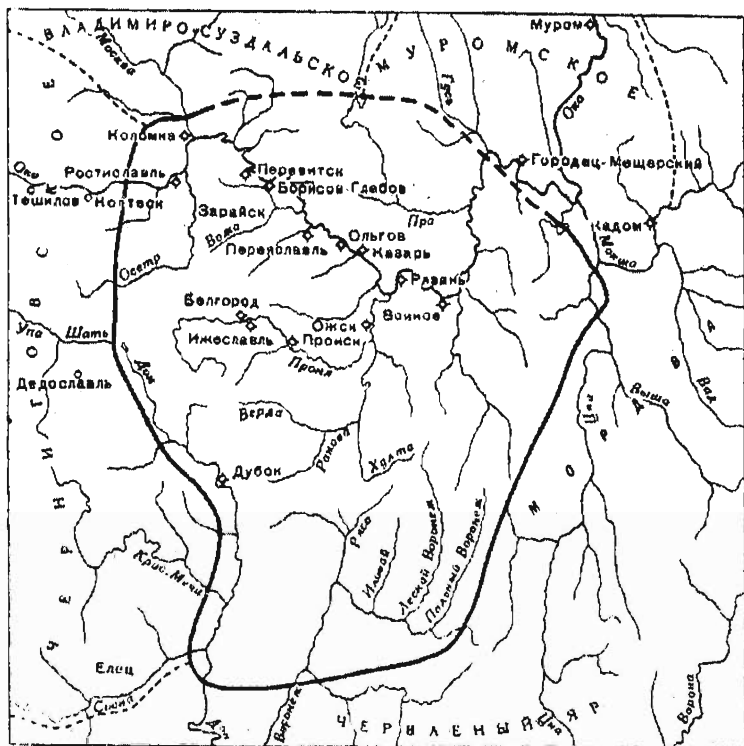

Рис. 5.8. Рязанское княжество в XIII–XIV веках
(по А.Л. Монгайту)

Вся часть степей по левую сторону Дона на восток известна была под общим названием Червленого Яра. Здесь существовала особая русская епархия, которую называли Сарайской (Сарской) и Подонской. Центром ее считался Сарай, столица Золотой Орды. Юрисдикция этой епархии распространялась на Дон и его верхние притоки. Христианское население Червленого Яра было настолько многочисленно и зажиточно, что за право собирать с Червленого Яра церковную десятину и ставить там попов и дьяконов на протяжении XIV века активно боролись Рязанская и Сарайская епископии: «многожды речи и мятеж были промежи двема владыкама, Рязанским и Сарайским, про передел той». Не менее четырех раз московские митрополиты (Максим, Петр, Феогност и Алексей) вмешивались в этот спор, неизменно решая его в пользу Рязанской епископии. Сохранились грамоты митрополитов Феогноста и Алексия на Червлёный Яр [опубликованы: Воздвиженский Т. *Историческое обозрение Рязанской иерархии*. М., 1820, с. 23—30; *Акты исторические*. СПб., 1841; *Иероним. Рязанские достопамятности*. Рязань, 1889]. Тексты этих грамот рисуют крайне интересную и, что характерно, вполне достоверную (напомним, что эти грамоты касаются святая святых — сбора доходов, а там, где начинаются финансы, всякая мифология кончается) картину состава населения Червленого Яра, его границ и спора вокруг него:

Из грамоты митрополита Феогноста на Червлёный Яр, баскакам, духовенству и мирянам (1334—1353):

«К баскакам, и к сотникам, и к игуменам, и к попам, и ко всем христианам Червленого Яру, и ко всем городам по Великую Ворону... А ведаете, дети, занеже многожды речи и мятеж были промежи двема владыкама, Рязанским и Сарайским, про передел той... Ныне же приехал ко мне владыка Рязанский... и привез грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту... Петра митрополита — и управливают владыку Рязанского и велят ему держати всего передела того по Великую Во-

рону; и явил ми и третью грамоту владыки Сарайского Софония, как то ся отступил того передела... и дал есми владыце Рязанскому Кириллу грамоту правую, а ведает передел той весь, по Великую Ворону».

Из грамоты митрополита Алексия на Червлёный Яр боярам, баскакам, духовенству и мирянам (1360):

«Ко всем мирянам, обретающимся в переделе Черленого Яру и по караулом возле Хопор, до Дону, попом и дияконом, и к баскакам, и к сотникам, и к боярам... Многажды и Феогност митрополит писал к вам, к детям своим, елико есть на пользу душам вашим... О том же переделе, по Великую Ворону, возле Хопор, до Дону по караулом, церкви, что тот передел, как то пишут грамоты... Максима, Петра и Феогноста, что Собором створили на Костроме... и вси ведают, что тот передел не Сарайский... Владыце Афанасью Сарайскому нет власти в том переделе, но власть Рязанская».

Как считает Шенников, посвятивший исследованию Червлёного Яра целую книгу [Шенников. *Червлёный Яр*. Л., 1987], население этой области было смешанным — здесь мирно бок о бок жили православные русские, православные татары, татары-мусульмане и даже татары-буддисты. Это было «объединение нескольких татарских и русских территориальных общин» [Шенников, с. 20]. Шенников называет это образование «протоказаками» и показывает, как население Червлёного Яра постепенно смещалось к югу, где впоследствии возникли казачьи поселения.

Рубеж XIV–XV столетий — время начала запустения земель Верхнего Подонья в результате серии разрушительных набегов татар. Не считая походов Мамай и Тохтамыша, с 1388 по 1402 год зафиксировано 7 нападений татар на рязанские «украины», из них 5 безнаказанных [Иловайский Д.И. *История Рязанского княжества*. М., 1858, с. 183]. В 1395 году край был razорен нашествием Тимура (рис. 5.9).

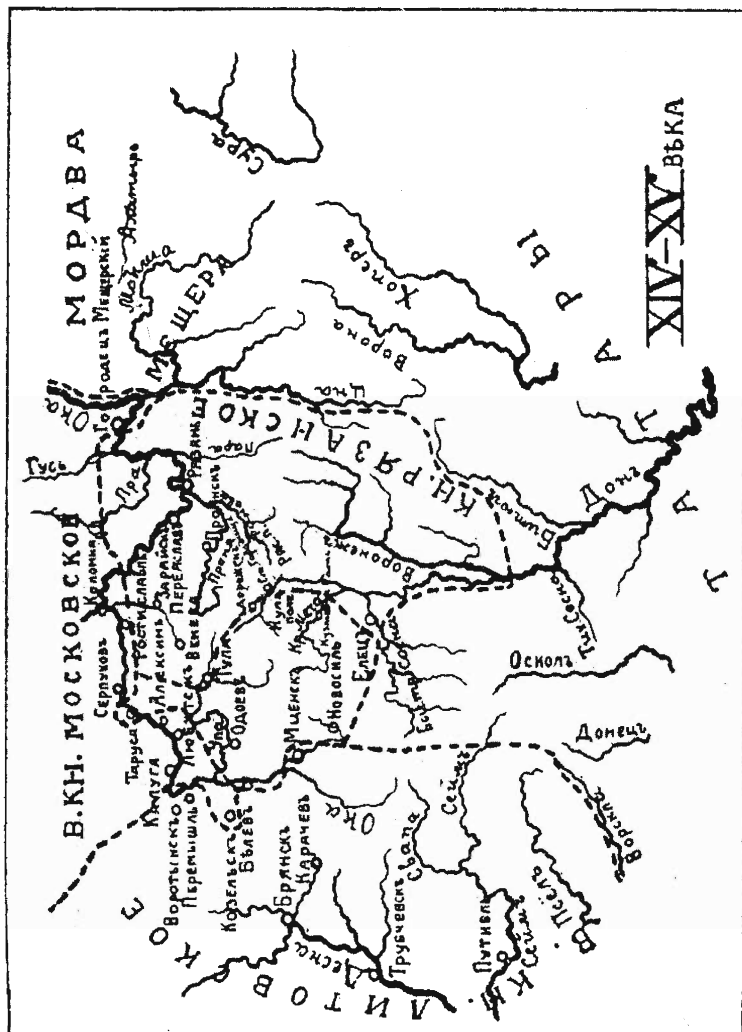

Рис. 5.9. Централь-но-Черноземная область в XIV—XV ввках
(ист.: «Россия. Полное географическое описание
нашего отечества», т. 2)

Видимо, последним ударом стал набег 1414 года, когда «приидоша Татарове мнози и воеваша по Задонью реки власти Рязаньския, и много зла сотвориша, и град Елец взяша, и Елецкого князя убиша, а инии в Рязань убежаша. И много воевавшие, Татарове возвратишася со многим полонем и богатством во свояси». [Никоновская летопись. — ПСРЛ, X, с. 225].

В результате этого набега прекратил свое существование Елец. По мнению В.П. Загоровского, тогда же погиб и древний Данков (Дубок) [Загоровский В.П. *Исследования и заметки по исторической географии Черноземного центра России.*//В сб.: «Историческая география Черноземного центра России». Воронеж, 1989, с. 14]. Но и после этого через земли Верхнего Подонья раз за разом прокатывалась волна татарских нашествий (с 1402 по 1514 год — только крупных 15 набегов) [Иловайский, с. 223].

В 1483 году ослабевшее Рязанское княжество было вынуждено отдать часть своих земель на Верхнем Дону Москве:

«А что за Доном твое, великого князя Иванова, Романцево с уездом и что к нему потягло, и нам, великим князем, в то не вступатися. А тебе не вступатися в нашу отчину, в Елец и во вся Елецкия места. А Меча нам ведати вопче».

[*Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.* М.—Л., 1950, с. 285, 289 (грамота № 76)].

После 1483 года границы Рязанского княжества шли по Осетру до устья реки Кудесны и до ее верховьев, оттуда к Табалам и по правому берегу Дона до устья Быстрой Сосны или Воронежа; на востоке по среднему течению Цны и Воронежу [Иловайский, с. 245].

Когда Москва и Рязань делили между собой земли Верхнего Подонья, там уже вряд ли существовали постоянные русские поселения. Остались лишь селища — места разоренных татарами сел и деревень, да, может быть, промысловые бортные и рыбные ухोजьи.

Остатки рязанских владений в Подонье в 1496 году были разделены между рязанскими князьями-братьями Иваном и Федором, при этом Романцево отошло к Ивану, а Тешев — к Федору:

«А что моя мордва деленая с водчинами во Цне, и в Корабугинском уезде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Бовыкине, и в Вороножи, и Дон... в моем великом княжении, а Романцев весь мой... А что наши села в Мордве на Цне и на Украине, и те села ведати нам по записем. А что твоя мордва деленая во Цне, и в Корабугинском уезде бортники с оброки, и в Бовыкине, и в Вороножи в Верхнем, и Тешев весь, и в Дону реце жеребеи».

[Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.—Л., 1950, с. 334,339 (грамота № 84).].

В 1503 году Федор Рязанский умер, завещав свои земли государю московскому Ивану III. А с присоединением в 1521 году Рязанского княжества к Москве подонские земли, остававшиеся под властью Рязани, вошли в состав Московского государства. Но это было только номинальное их закрепление: разоренные, опустошенные эти земли не контролировались ни Рязанью, ни Москвой, а реальная южная граница Московского государства проходила много севернее — через Тулу, Зарайск и Рязань. Южнее же лежали только развалины древних городов (Пронска, Данкова (Дубка), Ельца) — «там, где они были, сделались пустоши, пашни поросли лесами, народ разбрелся по чужим сторонам» [Пискарев П.И. *Лебедянь*. — «Тамбовские губернские ведомости», 1856, № 22, ч. неоф.]. Только со второй половины XVI века началось постепенное возвращение земель верхнего Подонья в состав Российского государства (рис. 5.10).

Историческая судьба Куликова поля неразрывно связана с судьбой юго-восточных окраин Русской земли, и рассматривать историю Куликова поля вне этой связи нельзя. Как во всем бассейне Верхнего и Среднего Дона, древне-

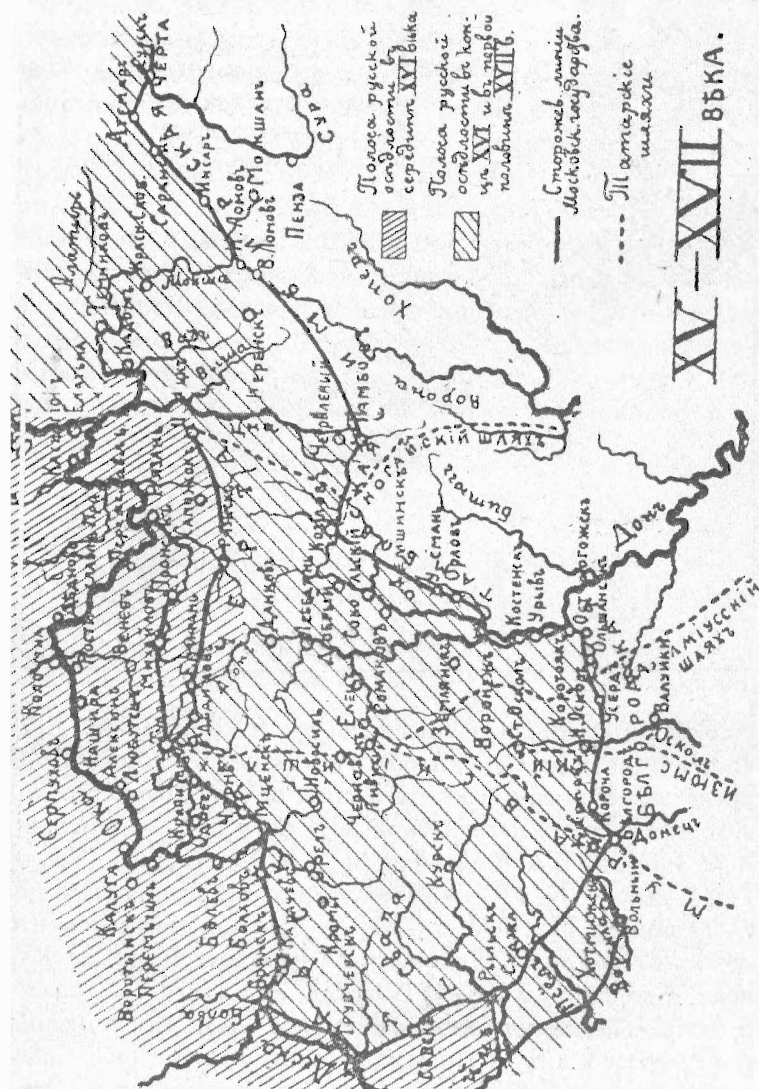

Рис. 5.10. Центрально-Черноземная область в XV—XVII веках
(ист.: «Россия. Полное географическое описание
нашего отечества», т. 2)

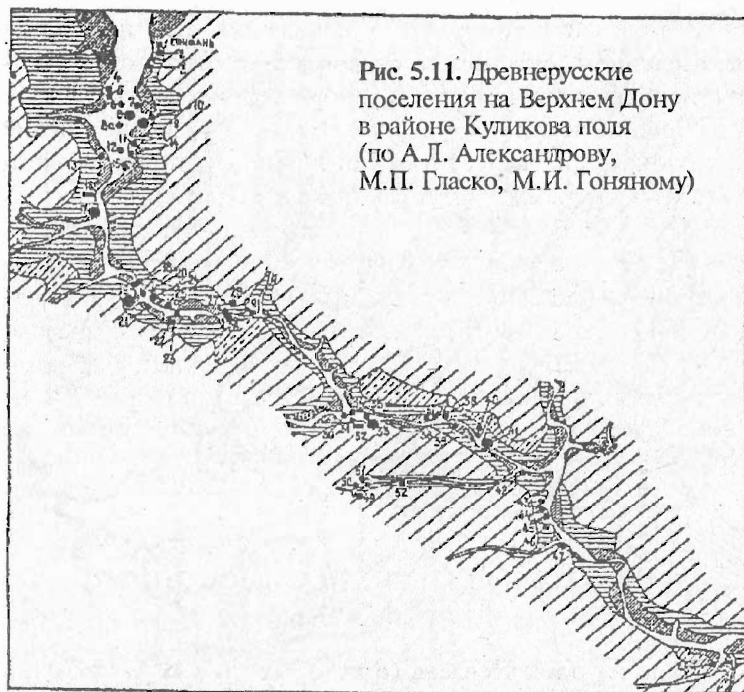

Рис. 5.11. Древнерусские поселения на Верхнем Дону в районе Куликова поля (по А.Л. Александрову, М.П. Гласко, М.И. Гоняному)

русские поселения появились здесь уже в XII веке (рис. 5.11). «Важнейшим итогом археологического изучения Поля представляется сам факт выявления на нем древнерусских археологических памятников XIII–XIV вв., — отмечают А.К. Зайцев, Б.А. Фоломеев и Н.А. Хотинский [Труды ГИМ, выпуск № 73 — «Куликово поле. Материалы и исследования». М., 1990, с. 7–8]. — Прежде считалось, что освоение района Куликова поля началось не ранее XVI века, а до этого, в XIII–XIV веках, оно считалось незаселенным «Подем половецким», причем это поле начиналось почти сразу к югу от Пронска. Новый факт позволил сделать важный в историческом отношении вывод о продвижении приблизительно с рубежа XII–XIII веков древнерусского земледельческого населения несколько к югу, в более плодородные, преимущественно черноземные облас-

ти. Возникшие в конце XII — начале XIII века на прежде ненаселенном, опасном со стороны степи участке юго-восточного пограничья Руси, в районе соприкосновения границ Черниговской и Рязанской земель, эти древнерусские памятники свидетельствуют об изменении политической обстановки в рассматриваемом регионе, о том, что эта территория стала безопасной для земледелия. Археологические свидетельства начала хозяйственного освоения плодородных почв рассматриваемой территории в конце XII или начале XIII века заставляют более внимательно, чем прежде, отнестись к тем немногим летописным свидетельствам о рязанской истории, которые в последней четверти XII — первой четверти XIII века несколько увеличиваются по сравнению с предшествующим периодом».

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛИКОВА ПОЛЯ

После находок Нечаева (о которых мы уже достаточно подробно рассказали) на Куликовом поле практически никаких археологических раскопок и разведок не проводилось. Да, собственно, и зачем, если все всем ясно, памятник сооружен — ради чего стараться?

«Дореволюционная археология, руководимая высокопоставленными дилетантами, мало интересовалась местом знаменитой Куликовской битвы, не ожидая здесь роскошных находок, способных украсить их дворцы и особняки; отдельные, случайно обнаруженные предметы часть пропадали для науки, и древностей с Куликова поля весьма немного в наших музеях», — писал в 1940 году В.Н. Ашурков [«Коммунар», 1940, 31 июля].

Дореволюционное изучение Куликова поля связано только с именем археолога Н.И. Троицкого, который впервые подошел к проблеме не как «любитель исторических воспоминаний», кои в изобилии приезжали на берега Непрядвы «скорее, для приятных прогулок, нежели для

научных наблюдений и разысканий» [Троицкий Н.И. *Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении*. Труды XV Археологического съезда, т. I. М., 1890, с. 80].

Троицкий первым обратил внимание на «многослойность» и одновременность куликовских находок: «Берега верхних притоков такой реки, как Дон, в историческом прошедшем и давнопрошедшем времени должны были оставлять и оставили следы происхождения, пребывания и столкновений разных племен» [там же]. Как мы помним, Нечасв и его последователи относили все найденное на Куликовом поле (а точнее, «на Куликовых полях» — поправляет Н.И. Троицкий) к событиям Куликовской битвы.

Исследования Троицкого привели к открытию на Куликовом поле следов самых разных эпох — от зубов и костей мамонтов и каменных орудий первобытного человека (мы же не станем утверждать, что Куликовская битва произошла в каменном веке?) до чугунных артиллерийских ядер. Люди жили на берегах Непрядвы с незапамятных времен. Троицкий отыскал на Куликовом поле несколько интересных памятников языческой эпохи, в том числе «на правом берегу суходольной лощины «Дубик», впадающей в реку Непрядву с юга... легендарный камень — жерновой песчаник, вросший в землю, значительного объема (в окружности 8 арш.); о камне этом сообщается не мало рассказов, проникнутых чувством безотчетного страха. В рассказах об этом камне часто сближаются два понятия — «камень» и «лошадь», вопрос интересный, потому что камней, носящих название «конь-камень», на пространстве Тульской губернии находятся несколько. Так, на берегу другого замечательного притока Дона — реки Красивой Мечи, верховье которой очень близко к верховью Непрядвы, есть «конь-камень» в селе Козьем, Ефремовского уезда...» [Троицкий, с. 82]. В одном из урочищ, где происходили языческие «игрища», местные крестьяне часто находили «разные предметы древнего быта», из которых Троицкому удалось приобрести серебряную серьгу (А.К. Жизневский датировал подобные серьги временем Бориса Годунова,

хотя Троицкий относит ее к домонгольскому времени. См. Троицкий, с. 84). В 1886 году Троицкому удалось отыскать и лезвие стрелецкого бердыша, аналогичное тому, который нашел и опубликовал Нечаев [Троицкий, с. 85]. Среди других находок Троицкого на Куликовом поле — золотоордынская монета хана Узбека (первая половина XIV века) и несколько нательных крестов и складней, один из которых сам Троицкий датирует XV веком [Троицкий, с. 86].

Те, кто писали о достопамятностях Куликова поля, идя по стопам Нечаева, особенно обращали внимание на деревянные царские врата в Рождественском храме села Монастырщина. Считалось, что они находились в первоначальной церкви, которая якобы была построена Дмитрием Донским над могилами павших воинов: «В приделе Св. Архангела Михаила помещен иконостас прежней небольшой церкви, и замечательные древние царские врата, резные из липовой коры, они замалеваны и расписаны образами Благовещения и четырех Евангелистов и сверх всего покрыты тончайшею, искусной работы, похожею на филигрань, медною сетчатою ризою... Врата эти, по древнему преданию, принесены сюда в дар святым преподобным Сергием Радонежским, еще при жизни великого князя Дмитрия Донского» [Афремов И.Ф., с. 62]. Характерно, что сам И. Афремов сомневался в древнем происхождении этих врат, а Н.С. Троицкий просто не оставил от этих утверждений камня на камне: «В виду документальных исторических свидетельств о том, что даже в конце XVI века при устье реки Непрядвы была только сторожевая дуброва, а в окрестностях — «дикое поле», необходимо признать временем сооружения царских врат села Монастырщины не XIV и не XV, а разве самый конец XVI или, вероятнее, даже начало XVII века... Этому не противоречат и вышеуказанные «признаки» древности царских врат» [подробнее см. Троицкий, с. 92–93]. Тем не менее нелепая сказка про «древние» царские врата вновь и вновь продолжает всплывать, мороча головы читателей: «Первым памятником павшим героям стала церковь на Куликовом поле, срубленная

из могучих дубов Зеленой дубравы. Время не пощадило ее, сохранились только резные деревянные врата иконостаса, покрытые искусным растительным орнаментом» [Каргалов, с. 119].

Несомненной заслугой Н.И. Троицкого является то, что он впервые поставил вопрос об истории заселения Куликова поля. Исследования Н.И. Троицкого показывают, что после относительного перерыва в XV—XVI веках оседлая жизнь здесь возобновилась со второй половины XVI столетия.

Одной из первых экспедиций советского времени на Куликово поле стала экспедиция Госмузея ЦПО и Тульского художественно-исторического музея, работавшая летом 1927 года в районе рек Непрядва и Дон. Результаты экспедиции практически ничего нового не прибавили, разве что развеяли некоторые старые воззрения:

«Результаты этих работ свелись к следующему:

1. Близ села Монастырщино-Рождествено, в лощине Рыбное, ею обследован курган и установлено, что он естественного происхождения (ранее считалось, что этот курган насыпан над могилами павших воинов Дмитрия Донского. — Прим. авт.)

2. Обследованы и взяты на учет кости животного ледникового периода, найденные 13 лет тому назад крестьянином села Монастырщино Н.Я. Зверинцевым в конце лощины Смолка, близ Рыбной, по пути к Куликову полю. Находка хранится у него же.

3. В селе Михайловском, в школе II ст., у преподавателя естествознания взяты на учет ископаемые того района, точное определение которых требует специалиста.

4. Установлено, что близ реки Дона, на земле Соковнинского о-ва (бывш. Писарева) 6 лет тому назад были найдены: клык мамонта, часть его челюсти и зуб. Находка не сохранилась. Сообщил учитель Краснопевцев.

5. В церкви села Куликова Поле произведен осмотр старинных шкафов и установлено, что они — новодел в стиле XVII века.

б. На Куликовом поле обследован и сфотографирован памятник Куликовской битвы».

[«Тульский край», № 4, октябрь 1927 году]

Как мы видим, после находок Нечаева и исследований Троицкого наука практически ничем не обогатилась. «Как ни странно, Куликово поле еще мало изучено, хотя в его окрестностях имеется много интересных исторических памятников, связанных с битвой 1380 года, — с полным правом писала в 1939 году в тульской газете «Коммунар» группа местных археологов и краеведов. — Экспедиция Тульского краеведческого музея собрала интересные сведения о памятниках древности и различных находках на Куликовом поле. Здесь часто находят остатки кольчуг, обломки мечей и другого вооружения. Часть этих находок выставлена в Тульском и Епифанском музеях» [«Коммунар», 1939, 11 июля]. Впрочем, ссылки авторов «Коммунара» на частые находки не подтверждаются самими находками.

«Юбилейные», приуроченные к 600-летию со дня Куликовской битвы, работы на Куликовом поле также не принесли никаких результатов, несмотря на то что они проводились с использованием металлоискателей. «Пройдены маршруты с металлоискателями по полям и оврагам близ деревень Хворостянка, Куликовка, Ивановка, Монастырщина, в районе «Зеленой дубравы», а также между деревнями Березовка и Милославское на левом берегу Непрядвы. По берегам Непрядвы близ села Монастырщина и по дну бывшей реки Смолки производился поиск с приборами более глубокого действия, но всюду обнаружены лишь современные металлические изделия. Заложена траншея близ церкви в селе Монастырщина на берегу Непрядвы (напомним: эта церковь, по традиционным верованиям — древний погост, куда после победы над Мамаем в течение нескольких дней свозили убитых и хоронили по правому берегу Непрядвы. — *Прим. авт.*). В траншее обнаружены разрозненные части скелетов, относящихся к позднему кладбищу, существовавшему вокруг церкви до недавнего

времени» [Тухтина Н.В. *Работы на Куликовом поле. — «Археологические открытия», 1985, с. 85*] (рис. 5.12).

Проблема могил погибших воинов является, бесспорно, ключевой при определении места Куликовской битвы. Обнаружь их — и все сомнения отпадут сами собой. Но на «нечаевском» Куликовом поле нет этих могил! Нет, вопреки многочисленным уверениям. Вот, например, как И.Ф. Афремов живописует сцену погребения русских воинов: «По древнему преданию, избрано было Дмитрием место на правом берегу Непрядвы, между большим оврагом и впадением ее в Дон... Здесь-то изрыты были огромные могилы, восприявшие тела православных воинов, положивших живот свой за веру и отечество. Во главе же священных могил этих на восток поставлена была... деревянная церковь Рождества Богородицы». [Афремов, с. 42–43, прим.]. Но тот же Афремов искренне недоумевает, почему спустя сто пятьдесят лет об этих могилах не было ни слуху ни духу: говоря о Куликовской битве 1542 года, он отмечает: «К удивлению, летописи не упоминают при этом ни о знаменитой «родительской» церкви Донского, ни о могилах стольких тысяч отцов и братьев наших, положивших здесь живот свой за спасение отечества. Нельзя быть, чтобы чрез 162 года могли уже решительно изгладиться все памятники страшного побоища этого?» [Афремов, с. 57]. Увы, могилы павших на Куликовом поле не найдены до сих пор, и замечание С. Нечаева о том, что прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие, нельзя воспринимать как свидетельство в пользу того, что эти кости — останки павших в битве с Мамаем воинов. «Поиски этих погребений, начатые в 1979 году и ведущиеся по настоящее время, пока не дали положительных результатов. (Сведения о находках человеческих костей чаще всего связаны со следами прицерковного кладбища или древнерусского могильника в слободе Грызловке)» [Зайцев, Фоломеев, Хотинский, с. 6, прим. 14 на с. 9].

В центре предполагаемого сражения находится большой курган. О его происхождении много спорили. Полагали, что

Рис. 5.12. Схема обследования местности в районе Куликова поля в 1979 году

он насыпан над могилами русских воинов, павших в Куликовской битве. Увы, это не подтвердилось: «Понятно, что мы не могли пройти мимо этого кургана и, чтобы, наконец, решить спор, его раскопали. Конечно, все время с волнением ждали: вот-вот откроются останки воинов. И потому, когда однажды лопата у одного из рабочих наткнулась на что-то твердое, все окружили место находки. Но это был лишь кремневый скребок. И в дальнейшем нам попадались только кремневые предметы. Подобные находки зачастую и раньше находили при раскопках памятников конца каменного — бронзового веков. Стало ясно: курган насыпан... в третьем тысячелетии до нашей эры. Вот так разрешилась еще одна тайна Куликова поля». [Мошинский А., сотрудник музея, «Известия», 28.08. 1984].

Пока же в окрестностях Куликова поля найдено, насколько нам известно, только одно древнерусское воинское захоронение — далеко к югу от места битвы, в Ефремовском районе Тульской области в 1959 году были обнаружены остатки захоронения русского воина, которое датируется XII—XV веками [Из отчета о работе Тульского краеведческого музея за 1959 г. — «Куликово поле», Тула, 1982, с. 80—81].

С 1979 года исследования Куликова поля ведет экспедиция Государственного исторического музея. Ее работа внесла существенный вклад в изучение истории самого поля и его ближайших окрестностей. Главный вывод, который можно сделать в результате этих исследований: вопреки бытующему в литературе мнению, сегодня убедительно доказано, что в XIV веке эта местность была плотно заселена. Более того, район Куликова поля был плотно населен уже накануне нашествия Батыя!

На сегодняшний день в районе Куликова поля открыто более ста древнерусских памятников XII—XIV веков. Местное население занималось хлебопашеством, ремеслами (открыты остатки железоделательной мастерской), возможно, здесь жили какие-то представители княжеской администрации (об этом говорит находка золотого перстня домон-

гольской поры). На поселении Монастырщина-V (XII–XIV века) были обнаружены даже остатки сооружения с полом из белого камня [Гоняный М.И., Мошинский А.П. *Разведки и раскопки в районе Куликова поля.* — «АО», 1983, с. 47].

В культурных слоях некоторых поселений обнаружены монеты Золотой Орды времен ханов Узбека, Джанибека, Бердибека, Навруза, наконечники стрел, обрывки кольчуг, железные и бронзовые накладки на ремень и др. Часть поселений (Татинка 4а, Грязновка 23), судя по всему, прекратила свое существование на рубеже 1350–1360-х годы [М.И. Гоняный. Междисциплинарные исследования в районе Куликова поля. — «Археологические открытия — 1995», М., 1996, с. 114–116], причем следы пожаров не оставляют сомнений в том, что эти поселения перестали существовать в результате какой-то катастрофы (татарского набега?), случившейся за 20 лет до Куликовской битвы.

Серьезного внимания заслуживают предметы, найденные экспедицией Государственного исторического музея в 1995 году. Тогда, по свидетельству участника работ, доктора исторических наук А.К. Станюковича, в результате сплошного обследования с применением металлоискателей на участке к северу от деревни Хворостянка (площадь обследованного участка — 44 гектара), на месте «зеленой дубравы», были обнаружены два наконечника стрел, калачевидное кресало, фрагмент лезвия сабли, ножи, детали конской упряжи и подковы, а самое главное — множество металлических бляшек, которые, возможно, вшивались в войлочный доспех-тегилей. Но вот к какому из множества сражений на Куликовом поле относятся эти находки?

Подводя итоги, можно сказать, что в целом предметов на Куликовом поле найдено удивительно мало. Несмотря на уверения, что якобы «Куликово поле служит неиссякаемым рудником древностей» [Вестник Археологии и истории, 1885, вып. III, с. 63], эти древности либо бесследно исчезают, либо на проверку оказываются не имеющими ни какого отношения к Куликовской битве (рис. 5.13).

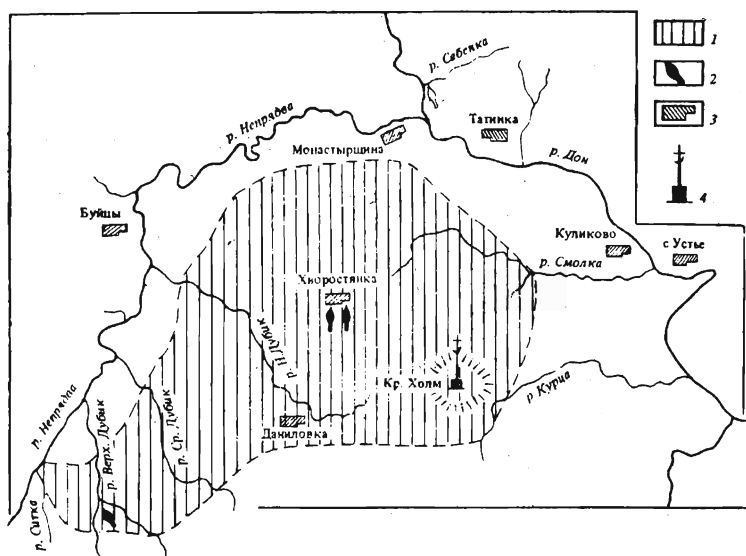

Рис. 5.13. Схема находок на Куликовом поле (по М.В. Фехнер)

Все находки на Куликовом поле, как правило, были случайны. Утверждают, что в 20–30-х годах XIX века на пространстве от села Монастырщина близ устья Непрядвы до Красного Холма на юге, до реки Ситки, притока Непрядвы, на западе и востоке до рек Смолки и Курцы, впадающих в Дон, постоянно выпаживались копыя, пики, мечи, наконечники стрел, остатки брони, медные и серебряные нательные кресты, металлические нагрудные образки, амулеты-змеевики, перстни. Но практически ничего из этого не сохранилось, а то, что сохранилось, с большой натяжкой можно отнести к временам Куликовской битвы. А такие предметы, как нательные кресты и нагрудные образки, вообще не являются аргументом в пользу того, что Куликовская битва произошла именно на этом месте: христианское население жило на Куликовом поле с XII века, и кресты могли принадлежать как крестьянам, так и воинам. И потом, нательные кресты можно найти практически на любом пахотном поле, если оно распахивалось на протяжении нескольких столетий. Причем тут Куликовская битва? (Рис. 5.14).

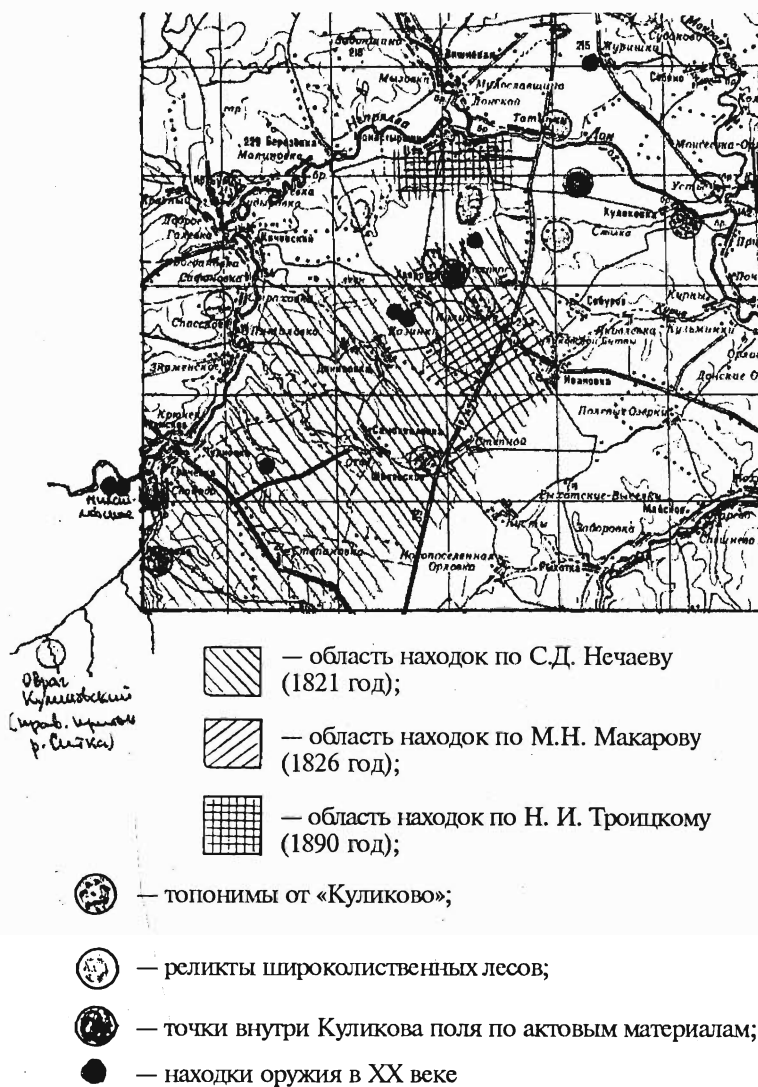

Рис. 5.14. Области находок в районе Куликова поля (по А.К. Станюковичу)

В 1880-х годах некто А.А. Ивинский при неизвестных обстоятельствах отыскал, по его словам — на Куликовом поле (где именно — неизвестно) татарский шлем — так называемую «мисюрку», с неразборчивой надписью по-арабски (предположительно — имя Джелал-ад-дин). Аналогичная мисюрка была найдена в начале XIX века близ Тамбова.

Какие-то татарская секира (что за «секира»? почему именно «татарская?»), найденная на Куликовом поле, кольчуга и шлем, найденные около села Михайловского на реке Непрядве, хранились в Епифанском музее [«Тульский край», № 1, апрель 1926 года].

Когда, где и при каких обстоятельствах была найдена хранящаяся в Государственном историческом музее (ГИМ) кольчуга — также неясно. Кто сказал, что она найдена на Куликовом поле? И потом, находки кольчуг широко известны на всем лесостепном рубеже. Например, в Тамбовском уезде у села Дмитриевка в 1840-х годах была выпажана кольчуга, железная кольчуга весом в пуд в 1879 году была найдена в городе Козлове (Мичуринске). [См. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии — ИТУАК, вып. 50, 1905.]

В ГИМ хранится еще одна находка с Куликова поля — лицевая створка бронзового энколпиона. Крест вставлен в серебряную оправу, которая снабжена надписью на французском языке: «Крест найден на Куликовом поле, где московский князь Дмитрий разбил татар в 1380 году.» М.В. Фехнер почему-то датирует этот крест XIV веком [Фехнер М.В. *Находки на Куликовом поле.* — Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990, с. 74–75], хотя период бытования подобных энколпионов гораздо шире — XIV–XVI века. И потом, как мы уже говорили — что доказывает находка креста, пусть даже и XIV века? Только то, что в этом месте в XIV веке побывал христианин, и ничего больше.

Еще одна находка на Куликовом поле — золотой перстень с изображением архангела Михаила — сразу был датирован домонгольским временем [Щепкин В., *Золотой*

перстень, найденный на Куликовом поле. — «Археологические известия и заметки», т. V. М., 1897, с. 374–378]. Позднее эта датировка подтвердилась: известен еще только один экземпляр подобного золотого перстня с изображением архангела Михаила — покровителя воинов из клада, зарытого в Киеве в конце XII — начале XIII века [Фехнер, с. 75–76].

О немногочисленных находках наконечников копий и сулиц, найденных в разное время на Куликовом поле (М.В. Фехнер опубликованы четыре наконечника) можно только сказать, что они средневековые. Датировать их XIV веком можно — точно так же, как и XII, XIII, XV.... И потом, к каким военным событиям, имевшим место на Куликовом поле с XII по XVII столетие, они относятся?

И последнее. Начиная с С.Д. Нечаева бытует мнение, что все найденное на Куликовом поле относится к временам Куликовской битвы. Что можно тогда сказать о частых находках на Куликовом поле огнестрельного оружия и ядер?

Огнестрельное оружие на Руси, как считается, действительно появилось около 1380 года. Во всяком случае, в 1382 году, когда Тохтамыш подступил к Москве, со стен

Кремля по нему уже стреляли из пушек — «тюфяков» (рис. 5.15). Но эти пушки не отличались совершенством и могли поражать неприятеля только с близкого расстояния. Кроме того, это была крепостная, а не полевая артиллерия. Что же касается ручного огнестрельного

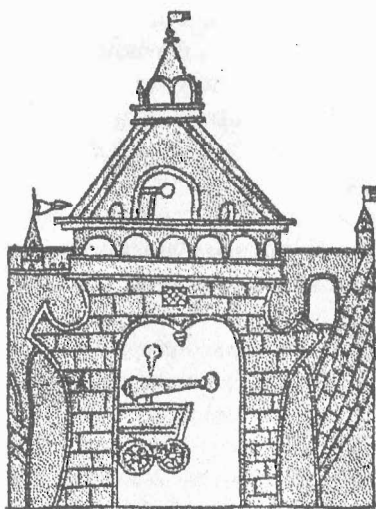

Рис. 5.15. Артиллерийское орудие на стенах Москвы в конце XIV века (миниатюра середины XVI века)

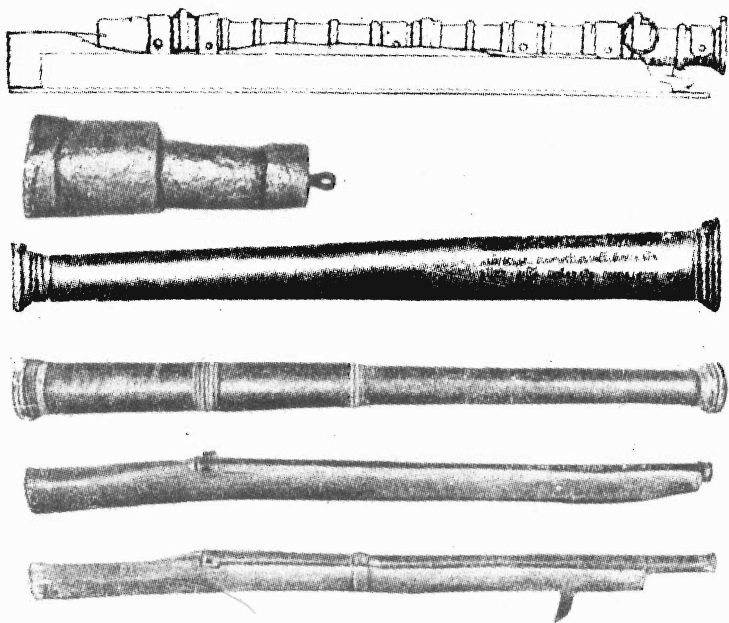

Рис. 5.16. Огнестрельное оружие конца XIV — середины XVI века

оружия, то первые фитильные ружья — пищали — появились на Руси, как и в Европе, в XV веке и широкого распространения не имели (рис. 5.16). Во время «стояния на Угре» в 1480 году в рядах русских войск были подразделения пищальников и полевая артиллерия, но в небольшом количестве (рис. 5.17, 5.18, 5.19).

Тем не менее археологические находки и старинные миниатюры свидетельствуют, что на Куликовом поле чуть ли не в 1380 году активно применялось огнестрельное оружие:

«При верховье Непрядвы и на левом берега сей речки нередко выпихивают разной величины чугунные ядра, которые должны быть почтены остатками сражений, бывших после Куликовской битвы».

[Нечаев С. Д. *Некоторые замечания о месте Мамаева побоища*. — «Вестник «Европы», 1821, ч. 118, № 14, с. 129.]

Рис. 5.17. Воин с пищалью (?) охраняет раненого Дмитрия Донского. Миниатюра «Сказания о Мамаевом побоище»

«В селе Никитском, также на левом берегу Непрядвы, есть отлогий холм, поросший лесом, который доселе носит исключительное название «городища»... Против описываемого холма-городища, на противоположном берегу реки, нередко вымываются водою оружие и военные снаряды (между прочим, куски свинца)»

[Троицкий, с. 88]

«Мне удалось приобрести для Тульского Епархиального Древлехранилища три чугунных литых артиллерийских ядра, одно с отверстием, остальные два массивные; первое выпахано на огороде в Заречной слободе, в приходе с. Никитского. Все подобные снаряды находятся только на левом, то есть северном берегу Непрядвы».

[Троицкий, с. 89]

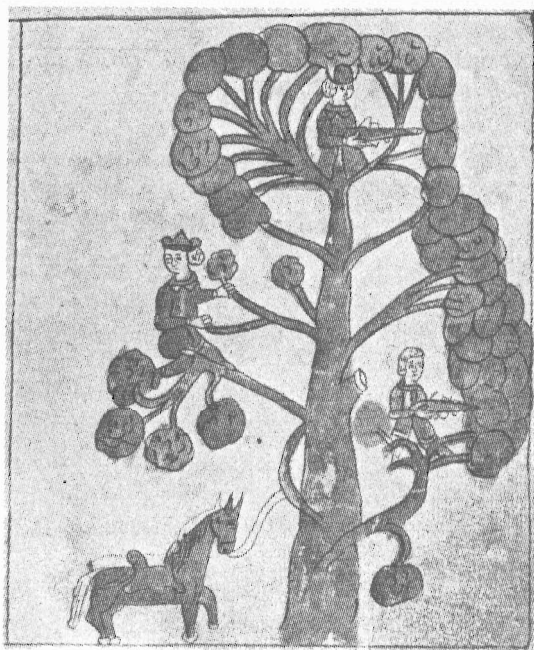

Рис. 5.18. Русские воины с ручным огнестрельным оружием наблюдают с дерева за татарами. Миниатюра «Сказания о Мамаевом побоище»

Рис. 5.19. А так советский художник в 1957 году представлял себе русских воинов с «ручницами»

«На левом берегу Непрядвы были найдены и два каменных ядра, датируемых XVI в.».

[Фехнер, с. 77].

«В 1819 году, весною при обрабатывании земли под сев, в Данковском уезде, на поле Куликовом, выпаханы два старинные оружия, именно бердыш и пистолет необыкновенного устройства», — пишет С.Д. Нечаев. [Нечаев С.Д. *О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях.* — «Вестник Европы», 1823, ч. 123, N8, с. 307–311]. Этот «странного вида и устройства» пистолет, по описанию Нечаева, «весь железной, и сложен из четырех главных частей (рис. 5.20). Величина его 8 вершков и с дулом или стволом, составляющим особливую часть в 4 вершка длиною». Нечаев постеснялся прямо приписать пистолет к оружию времен Дмитрия Донского, но все же робко предположил, что «хотя по времени изобретения пороха и огнестрельных орудий и мог бы сей пистолет достаться кому-либо из знаменитых особ Российских от торгующих иностранных купцов: и таким образом быть в сражении с Мамаем», но все же оговорился, что, вероятно, «сей пистолет попал в землю гораздо после, уже во время позднейших набегов Татарских, кои обыкновенно приходили чрез Куликово поле к Туле и Кашире». Странно, почему Нечаеву не пришло в голову, что и другие найденные им предметы могут относиться ко временам «позднейших набегов Татарских», которых в XV — первой половине XVII века было несчитано?

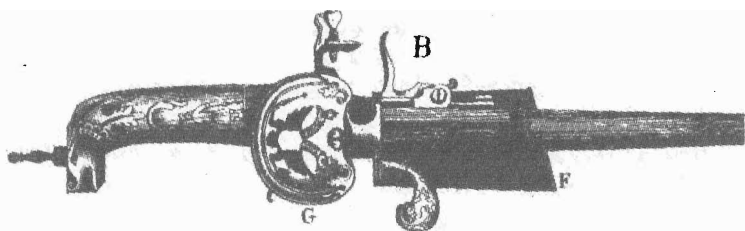

Рис. 5.20. Пистолет «странного вида и устройства», найденный С.Д. Нечаевым на Куликовом поле

Сегодня можно с уверенностью сказать, что ни один из предметов, найденных за двести лет на Куликовом поле, не является неопровержимым доказательством того, что знаменитая битва 1380 года происходила на правом берегу Непрядвы при впадении ее в Дон. Состав находок ни в количественном, ни в качественном отношении не выделяется из общего корпуса археологических данных, полученных в разное время в лесостепной зоне — там, где в XII—XVII веках проходила граница русских земель. Состав «куликовского» археологического материала удивительно равномерен: на всем периоде от каменного века до XVII века нет каких-то «пиков» находок, говорящих о том, что на Куликовом поле (Куликовом поле «в узком» смысле) в XIV веке произошло некое из ряда вон выходящее событие.

Единственными ясными свидетельствами о том, где произошла Куликовская битва, явились бы обнаруженные захоронения павших воинов, либо находка комплекса оружия, предметов снаряжения коня и всадника, которые можно было бы уверенно датировать второй половиной XIV века. Поиски, которые ведутся в этом направлении (искать, на наш взгляд, надо не только на «нечаевском» Куликовом поле), являются поистине патриотическим поступком, несравнимым с тем однообразным пережевыванием набившей оскомину жвачки, которое предлагают нам авторы «популярной» литературы о Куликовской битве.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ КУЛИКОВА ПОЛЯ

Палеогеография (палеогеография — дисциплина, позволяющая методами геоморфологии и геохимического анализа почв выявить черты древней природы и ландшафта) Куликова поля до самого последнего времени оставалась неизученной, и только с 1981 года началось комплексное исследование района великой битвы [подробнее см. Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гу-

ман М.А. *Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет.* — «Природа», 1985, № 12, с. 30–38].

Особое внимание было уделено пойме реки Непрядвы. Дело в том, что пойма рек постоянно нарастает за счет ежегодного отложения приносимых паводками осадков, которые образуют своеобразную пойменную летопись (это похоже на нарастание годичных колец у дерева). В пойменных отложениях Непрядвы были найдены фрагменты керамики эпохи неолита (возраст — около 6350 лет), керамика конца IV–III тысячелетий до н. э., кости диких и домашних животных. По древней пылице и спорам растений, извлеченных из пойменных отложений, удалось реконструировать растительный покров Куликова поля в III тысячелетии до н. э. — оказалось, в частности, что в то время дубрав на Куликовом поле почти не было.

В пойменных отложениях левого берега Непрядвы был обнаружен и археолого-палеогеографический срез, соответствующий эпохе Куликовской битвы.

Было установлено, что древнерусские поселения появились на Куликовом поле в конце XII века. На рубеже XII–XIII веков древнерусское население активно начало осваивать район Куликова поля. «В это время на большей части Куликова поля существовали остепненные луга влаголюбивого характера... Резко возрастает количество растений, расселение которых связано с выпасом скота, таких как василек (луговой, шероховатый, фригийский), щавель (малый и кислый), короставник полевой, мак, и других видов, не поедаемых животными. Наибольшее значение имеют находки пылицы культурных злаков, которые начинают встречаться в пойменных отложениях Непрядвы ниже средневекового культурного слоя, то есть несколько раньше времени Куликовской битвы. Здесь была обнаружена пылица ржи, пшеницы и ячменя, а также пылица сорной растительности, сопутствующей пашенному земледелию... Вся эта «пашенная» пылица появляется как бы внезапно и довольно в большом количестве. Это указывает на то, что земледелие здесь не развивалось постепенно на местной ос-

нове, а было принесено русским населением, уже хорошо владевшим навыками сельскохозяйственной обработки земли» [там же, с. 33–35].

При раскопках одного из селищ были обнаружены железные наконечники стрел-срезней — до монгольского нашествия стрелы этого типа на Руси не были известны и археологи традиционно связывают их появление с Батысовым нашествием. Очевидно, это древнерусское поселение было уничтожено во времена Батыя, хотя не исключено, что это селище существовало вплоть до Куликовской битвы.

Неожиданными оказались данные палеогеографии относительно древних лесов на Куликовом поле. Выяснилось, что левый берег Непрядвы почти полностью был покрыт лесами. Но и на правом берегу ширина полностью безлесных участков, где могла происходить битва, не превышала 2–3 километров. Иными словами, Куликово поле не было «чисто и велико зело», как это утверждают письменные источники! Кроме того, почвовед А.Л. Александровский установил: «Берега рек и склоны оврагов накануне битвы густо поросли деревьями и кустарниками. Это очень важный научный факт. Он позволяет уточнить многие детали сражения, по-иному представить расстановку войск, ход и даже масштабы битвы. И вот почему: густой кустарник вдоль рек и оврагов был непреодолимым препятствием не только для конницы, но и для пеших воинов. Ранее при научной реконструкции хода побоища этот факт ученые не учитывали. Вот и в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится, «...было то поле чистое и велико очень». Но ведь пересеченная местность с залесенными оврагами сильно бы стесняла и лишала маневра огромную массу войск. А ратников, по свидетельству «Задонщины», было по 300 тысяч с каждой стороны. Выходит — эти цифры явно завышены. Мы думаем, что сражавшихся было меньше, по крайней мере, в несколько раз» [Александровский А.Л. *Тайны открывает Куликово поле* — «Известия», 28 августа 1984 года].

А в другой своей публикации А.Л. Александровский делает такие выводы:

«1. В связи с почти сплошным облесением водоразделов левобережья Непрядвы предпочтительнее искать место проведения битвы на противоположном правом ее берегу, где на водоразделах преобладала безлесная степная растительность.

*2. Водоразделы и в право- и в левобережье Непрядвы рас-
сечены густой сетью балок, которые скорее всего были облесены. Поэтому участки водоразделов, которые могли служить местом проведения битвы, оказываются небольшими по площади (ширина 2–3 километра). Это может служить основанием для корректировки масштабов самой битвы. По большинству существующих реконструкций битвы действия разворачивались на фронте протяженностью 8–10 километров, что следует признать преувеличенным. И Русь, и Орда вряд ли могли выставить такое количество войск, чтобы их плотным построением занять весь этот фронт, да еще и обеспечить развертывание войск в глубину исходной позиции каждой из противоборствующих сторон».*

[Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле.//В сб.: Труды ГИМ, выпуск № 73 — «Куликово поле. Материалы и исследования». М., 1990, с. 70.] (рис. 5.21)

Между тем, по летописным сведениям, фронт противостоявших друг другу войск имел длину от 9 до 13 верст (см., например, Ермолинскую летопись: «соидошася обе силы великия, покрыша поле яко на 13 верст»). Но получается, что реальные условия реального Куликова поля позволяют развернуть фронт всего на 2–3 километра! По мнению авторов публикации «Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет» в журнале «Природа» (1985, № 12), это «хорошо согласуется с многочисленными летописными свидетельствами о том, что сражающиеся «задыхались от великой тесноты». И что же: большие потери с

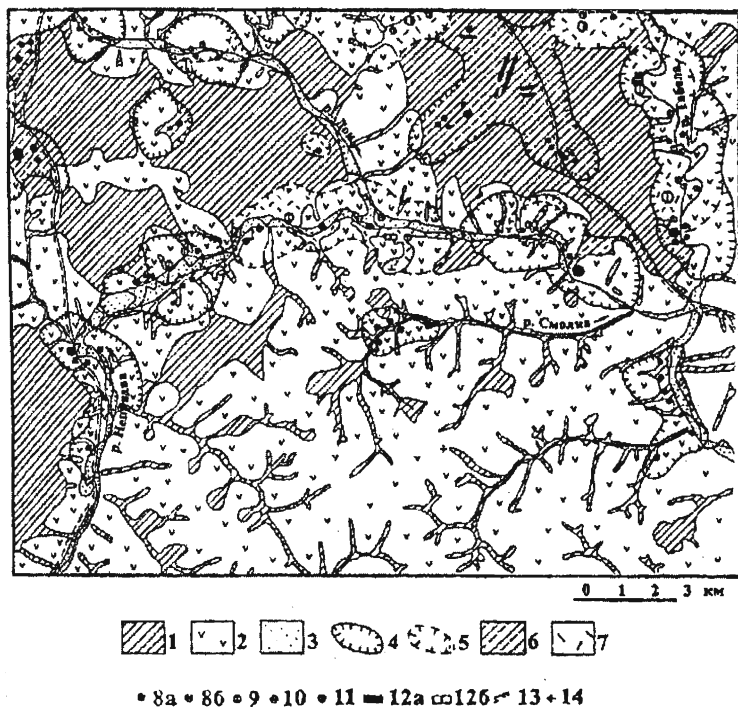

Рис. 5.21. Исторический ландшафт Куликова поля в 1380 году (по А.Л. Александровскому, М.И. Гоняному, М.П. Гласко):

- 1 — леса; 2 — степь, в том числе на месте пашни XIII—XIV веков; 3 — пойма, местами облесенная; 4 — ареалы воздействия человека с конца XII по середину XIII века; 5 — ареалы воздействия человека с конца XII по середину XIV века; 6 — ареалы восстановившихся лесов на месте распахки и вырубки конца XII — середины XIII века; 7 — ареалы, на которых леса не успели восстановиться после освоения в конце XII — середине XIV века; 8 — древнерусские поселения: а — поселения конца XII — середины XIII века; б — летники; 9 — поселения конца XII — середины XIV века; 10 — поселения XIII — середины XIV века; 11 — поселения XIV века; 12а — городища конца XII — середины XIII века, 126 — могильники конца XII — середины XIV века; 13 — старые дороги; 14 — Красный холм

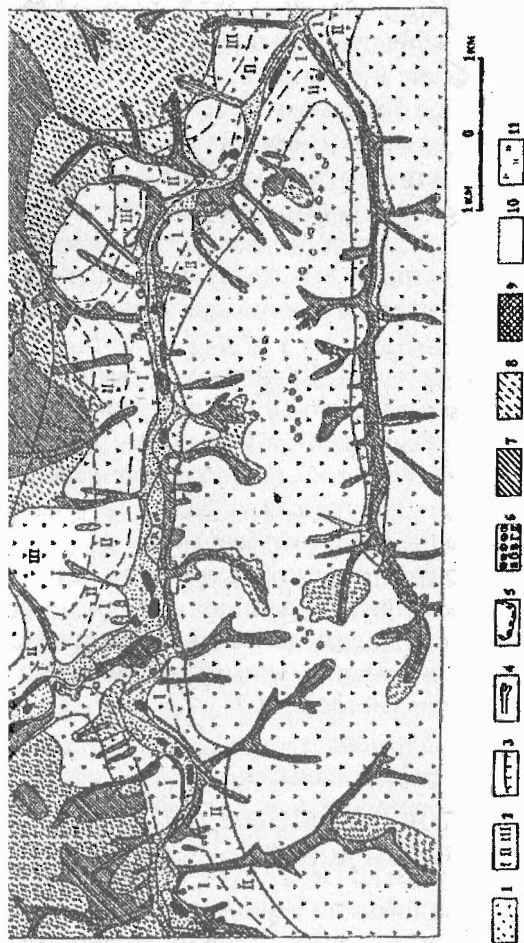

Рис. 5.22. Ландшафт ключевого участка Куликова поля в 1380 году (по А.Л. Александровскому, М.И. Гоняному, М.П. Гласко)

1 — пойма; 2 — надпойменные террасы; 3 — границы речных долин; 4 — балки; 5 — современные леса; 6 — археологические памятники: а — XII—XIII, б — XII—XIV, в — XIII—XIV, г — XIV века
Палеоландшафты: 7 — исходные леса, реконструированные по серым лесным почвам; 8 — то же, по черноземам оподзоленным и темно-серым лесным оподзоленным; 9 — то же в поймах, по серым лесным пойменным, часть погребенным, почвам; 10 — исходная степь, реконструированная по черноземам;

11 — пойменные остепненные луга, реконструированные по черноземным и луговым почвам, нередко погребенным под молодым аллювием

обеих сторон надо теперь объяснять давкой и теснотой? Да помилуйте, друзья, ведь это же Куликовская битва, а не Ходынка!

Почвоведческие анализы показали, что в районе урочища Зеленая дубрава, где обнаружен крупный участок серых лесных почв, действительно в старину находился крупный лесной массив. Дубравы на Куликовом поле были редкими, а не дремучими, но по окраинам, опушкам дубрав росли липовая поросль, орешник и кустарник. Эти кустарники могли хорошо маскировать засадный полк, если бы он стоял в дубраве, но вместе с тем они представляли весьма существенную для него преграду: выходя из леса, всадники неизбежно нарушили бы строй и могли бы атаковать только навалом (рис. 5.22).

Уровень речных вод во время Куликовской битвы был низкий. «Представление о том, что во время Куликовской битвы эти реки были судоходными, а Смолка и Дубик — полноводными, не соответствует ни палеогеографическим, ни историческим данным» [«Природа», 1985, № 12, с. 36].

Данные палеогеографии вносят серьезные уточнения в картину Куликовской битвы. Эти уточнения, как мы видим, существенно корректируют традиционные представления о ходе битвы. И снова возникают многочисленные вопросы, среди которых самый главный: правильно ли С.Д. Нечаевым определено место битвы?

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

События Куликовской битвы неоднократно привлекали внимание наших военных историков. Первым из них стал генерал-лейтенант князь Н.С. Голицын, посвятивший в своей книге «Русская военная история» [ч.1, 1877] отдельную главу Куликовской битве. Впоследствии на эту тему писали известный военный историк Д.Ф. Масловский [«Военный сборник, 1881, № 8–9], в советское время —

профессор, полковник А.А. Строков [«История военного искусства», т.1. М., 1955] и профессор, генерал-майор Е.А. Разин [«История военного искусства», т. II. М. 1957], а также советский военный историк Л.Г. Бескровный.

Эти историки рассматривали главным образом военные аспекты Куликовской битвы — стратегию и тактику сторон, оперативное искусство полководцев, организацию войск и способы ведения боя. Попутно им удалось сделать множество чрезвычайно любопытных наблюдений. Добавим, что Д.Ф. Масловский лично побывал на Куликовом поле и посмотрел на него глазом военного человека. Отметив, что историки «расходятся в изложении даже фактов, нужных для выводов, в особенности по отношению к ходу битвы», Масловский особо подчеркивает, что «нельзя не обратить внимания, что осмотр полей сражений, в особенности классических, для каждого из военных крайне интересен не только в смысле удовлетворения любознательности, но и для совершенно ясного представления себе всего хода дела» [Масловский, с. 207].

На что же обратили внимание военные?

Определенные сомнения вызвали мотивы действий обеих сторон. Не говоря об этом прямо, это, тем не менее, ясно дает понять Д. Масловской: «Сила и цель действий Мамай произвели сначала сильное впечатление, в особенности на духовенство. Дело представлялось в том виде, что в состав войск Мамай входили, кроме всех татарских и половецких сил, еще наемные дружины закаспийских мусульман, алан, черкес и крымских фрягов (генуэзцев); наконец, было известно, что Мамай заключил союз с Ягайло Ольгердовичем Литовским. Целью действий Мамай, по слухам, было полное порабощение России, совершенное истребление русских князей и замена их ханскими баскаками. В заключение татары грозились истребить и веру православную, заменив ее магометанством». Трудно не заметить в этом отрывке некоторой доли иронии.

Резкое неприятие военных историков вызвали безумные цифры, показывающие количество участвовавших в

битве с обеих сторон войск, которые приводятся в памятниках Куликовского цикла: четыреста тысяч, семьсот тысяч, миллион двести тысяч! Эти цифры вызывали сомнение даже у неспециалистов, а уж военные просто высмеяли эту астрономическую цифирь. «Хотя всеобщий характер ополчения очевиден, однако численность русской рати источники, безусловно, преувеличивают, — отмечает генерал-майор Е.А. Разин. — Великое Московское княжество даже в союзе со всеми русскими княжествами не могло выставить такой рати» [Разин, с. 217]. «Численность войск явно завышена, — считает полковник А.А. Строков. — Русское войско имело не более 100 тысяч человек. Но и эта цифра для тех времен была исключительно велика. В тот период ни одна западноевропейская страна не могла выставить на поле сражения такого громадного войска» [Строков, с. 287].

Генерал-майор Е.А. Разин, чтобы опровергнуть эту явно несуразную арифметику, произвел собственный расчет возможной численности рати Дмитрия Донского, исходя из численности населения Северо-восточной Руси во второй половине XIV века, и вот что у него получилось:

«Для приблизительного подсчета населения Русского государства, позволяющего определить возможную численность войска, можно воспользоваться данными, относящимися к XVI веку, с поправкой в меньшую сторону для XIV века. Подсчитано, что в границах того времени, включая Сибирь, было 220 городов. Самые крупные города — Новгород, Псков и Москва — имели до 20 тысяч каждый... Если предположить, что в 50 городах насчитывалось по 3 тысячи, а в 166 городах по 1 тысячи жителей, то получится, что во всех городах, включая и крупные, жило 341 тысяча человек.

Имеются также данные о сельском населении... В среднем можно считать около 300 деревень в уезде, что в 220 уездах составит 66 тыс. деревень. Селения до 100 дворов были исключением, преобладали деревни в 2—3

двора. В каждой деревне в среднем можно считать по 5 дворов. В таком случае окажется 330 тыс. дворов, а в каждом дворе — один мужчина 15 лет и старше. Для определения общей численности населения Руси в XVI веке историк Чечулин предложил коэффициент — 3,266, введя который получим 1078 тысяч жителей деревни.

Следовательно, в городах и деревнях в XVI веке на всей территории Русского государства в границах того времени насчитывалось 1420 тысяч жителей, из них мужчин от 15 лет и старше — 435 тысяч. Духовенство и монахи составляли не менее 10 процентов, старики свыше 60 лет — около 5 процентов (их мы исключаем из мобилизационных расчетов). Остается всего 360 тысяч, из которых вряд ли можно было привлечь в войско свыше 10—15 процентов, что составит 36—54 тысяч воинов. Но ведь эти данные относятся к XVI веку.

В обстановке непрерывных войн XIV в. плотность населения не могла быть высокой, вряд ли более 5 человек на один квадратный километр, что даёт 250—300 тысяч жителей в Великом Московском княжестве. При высоком мобилизационном напряжении в 10 процентов, что мало вероятно по тому времени, могло быть собрано 25—30 тысяч воинов, из которых не менее 5 тысяч человек было оставлено в Москве, в качестве стратегического резерва. Следовательно, в поход выступило 20—25 тысяч воинов. Все другие княжества могли дать 25—30 тысяч воинов.

Общая численность русской рати, вероятно, не превышала 50—60 тысяч человек, то есть она была во много раз меньше цифр, имеющихсся в летописях».

[Разин, с. 271—272.]

Генерал-майор Е.А. Разин так объясняет несоответствие между сообщениями источников и реальными мобилизационными возможностями Московского княжества: «Тысяча» была административной единицей, которую выставляли город или его часть во главе с тысяцким воеводой. В таком

случае «тысяча» насчитывала столько воинов, сколько мог выставить данный город, а это всегда было значительно меньше арифметической тысячи. «Тысяча» могла иметь несколько сотен воинов. Сотня также являлась административной, а не арифметической единицей и, как правило, имела меньше ста воинов. В таком случае, под командованием 23 русских князей и воевод могло быть свыше 200 «тысяч», насчитывающих в четыре раза меньше воинов. При учете этих предположений сообщения летописцев становятся правдоподобными» [с. 273]. Кстати, еще В.Н. Татищев полагал, что число русской рати было не более чем в 40 тысяч [Татищев, История Российская, т. 5, М.-Л., 1965, с. 144, прим. 281].

Что касается численности Мамаева войска, то Л.Г. Бескровный определяет его в 50–60 тысяч человек [Бескровный Л.Г. *Куликовская битва*.//В сб.: *Куликовская битва*. М., с. 224].

Говоря о составе русской рати, военные историки отмечают, что «преобладающим родом оружия была конница. Пехота предназначалась преимущественно для обороны городов, но в числе героев Куликовской победы, достоверно, была и пехота, хотя и в незначительном числе» [Масловский, с. 215]. Е.А. Разин считает, что у Дмитрия Донского было 30 тысяч конницы и 20 тысяч пехоты. В войске имелось не менее 5 тысяч заводных лошадей и до 5 тысяч пароконных подвод.

Следует помнить, что значительная часть опытных воинов уже погибла в боях с Арапшой и Бегичем. В побоище на Пьяне были разбиты дружины переславская, юрьевская, муромская, ярославская и нижегородская. Отсюда — низкое профессиональное качество Куликовской рати. В бой, по сообщениям летописцев, пошло много «небывальцев» — новобранцев. Кстати, и Мамай набирал наемников по этой же причине.

Что же касается состава русского и татарского войск, то вот мнение нашего известного специалиста-оружиеведа, сотрудника ГИМ М. Горелика: «У князя Дмитрия в войсках,

кроме русских воинов, находились литовские дружинники князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, численность которых неустановима — в пределах 1—3 тысяч. Более пестрым, но далеко не настолько, как любят это представлять, был состав Мамаева войска. Не стоит забывать, что правил он далеко не всей Золотой Ордой, а только ее западной частью (столицей ее был отнюдь не Сарай, а город с забытым ныне названием, от коего осталось огромное, нераскопанное и погибающее Запорожское городище). Большинство войска составляла конница из кочевых потомков половцев и монголов. Немалыми могли быть и конные соединения черкесов, кабардинцев и других адыгских народов (черкасов), конница осетин (ясов) была малочисленной. Более или менее серьезные силы и в конницу, и в пехоту могли выставить подвластные Мамаю мордовские и буртасские князья. В пределах нескольких тысяч были отряды конных и пеших «бесермен» — мусульманских жителей золотоордынских городов: они вообще воевать не очень любили (хотя, по отзывам иноземцев-современников, храбрости им было не занимать), да и основное число городов Золотой Орды, причем наиболее многолюдных, находилось не в Мамаевой власти. Еще меньше в войске было умелых и стойких воинов — «армен», то есть крымских армян, а что касается «фрязей» — итальянцев, то столь излюбленная авторами «черная (?) генуэзская пехота», идущая густой фалангой, является плодом, по меньшей мере, недоразумения. С генуэзцами Крыма у Мамаю в момент войны с московской коалицией была вражда — оставались лишь венецианцы Таны-Азака (Азова). Но там их было — с женами и детьми — лишь несколько сотен, так что эти купцы могли лишь дать деньги на наем воинов. А если учесть, что наемники в Европе стоили очень дорого и любая из Крымских колоний могла содержать лишь несколько десятков итальянских или вообще европейских воинов, число «фрязей» на Куликовом поле, если они туда и добрались, далеко не доставало до тысячи» [Горелик, с. 6]. Кстати, наличие в войске Мамаю «фрязов» вызвало удивление и у писателя С.Н. Маркова: «Где смог-

ли достать консулы Кафы и Судака отряд генуэзской пехоты? Гарнизоны крепостей в Крыму состояли из двух десятков солдат, барабанщика и трубача, да еще нескольких конных полицейских». [Марков С.Н. *Земной круг*. М., 1976, с. 129].

Сколько дней продолжался марш русской рати к Куликову полю, а равно и по каким путям, в точности неизвестно [Масловский, с. 220]. «Числа посещения Дмитрием Троицкого монастыря и игумена Сергия, возвращения его в Москву, выступления и нес и прибытия к Дону означены у наших историков и в «Древнем сказании о победе Дмитрия над Мамаем» (издано Снегиревым в 1829 году) различно и, по расчету времени и расстояний, отчасти не совсем кажется вероятным» [Голицын, с. 186, примеч.]. Д.Ф. Масловский полагает, что марш от Москвы до Коломны (приблизительно 90—100 верст) войска сделали за четыре дня. «От Коломны — к устью Лопасни, откуда к Непрядве около 190 верст (прямо по карте), пройдено в 11 дней, но, не считая: а) остановки у Лопасни, б) переправы за Оку и в) не приняв в расчет, когда в действительности прибыли последние части к Непрядве» [Масловский, с. 226]. Генерал-майор Е.А. Разин считает, что «за 7 суток русская рать прошла около 125 километров (средняя скорость похода — около 18 километров в сутки» [Разин, с. 276]) (рис. 5.23).

У А.А. Строкова недоумение вызвала цель марша русской рати от Коломны к переправе у Лопасни: «Почему Дмитрий отказался от переправы через Оку около Коломны и предпочел совершить круговое движение примерно на 60 километров в сторону от Коломны, вблизи устья реки Лопасни, где и переправились войска на другой берег Оки? На этот вопрос источники не дают прямых объяснений» [Строков, с. 285]. Можно лишь предполагать, считает Строков, что Дмитрий Донской хотел избежать марша по наиболее населенной части Рязанской земли и, может быть, предотвратить военное столкновение с рязанским князем Олегом, перешедшим на сторону Мама. Но это

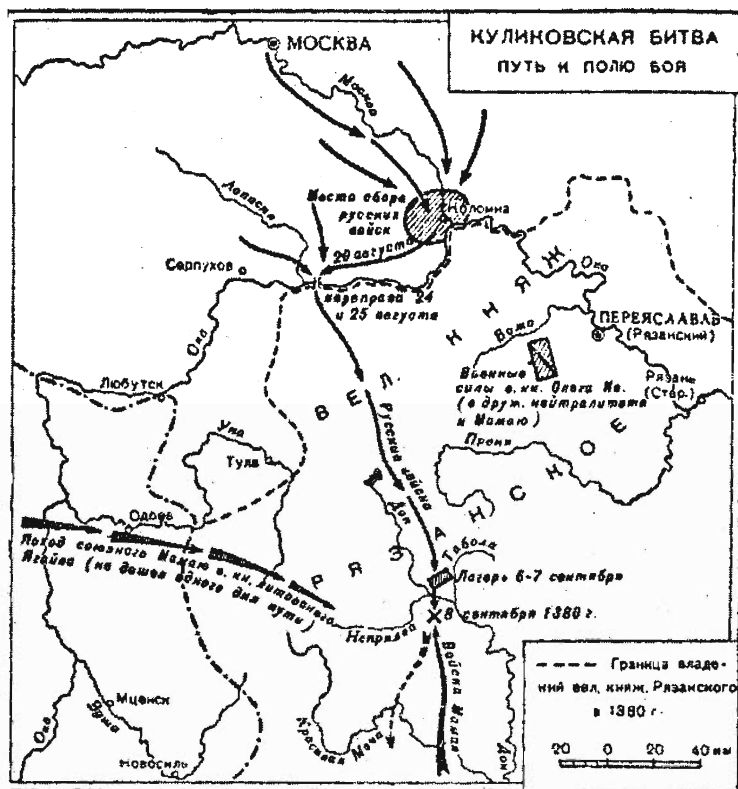

Рис. 5.23. Движение войск к Куликову полю (по П. Карышовскому)

бьяснение совершенно неудовлетворительное. Во-первых, для по населенной местности, легче снабжать войско провормольствием. А во-вторых, Дмитрий Донской шел не на хоту, а на войну, если верить источникам — с Мамаем и го союзниками, Олегом Рязанским и Ягайло. Зачем же му надо было уклоняться от столкновений с ними? Да и амо понятие «предотвратить столкновение» относится, корее, к водителю автомобиля, когда он летит прямо на юнарный столб. Но Олег Рязанский — отнюдь не фонарьый столб, стоящий на месте, он так же был свободен в

передвижениях, как и Дмитрий Донской, и встреча противников могла произойти где угодно. Так что смысл маневра к устью Лопасни по-прежнему совершенно неясен. Единственным отчасти вразумительным объяснением может быть предположение генерала Е.А. Разина, что «для организации похода против татар большое значение имел выпас лошадей, так как зерновой фураж у русских всадников был весьма ограничен и обычно сберегался ко дню боя. Этот вопрос, безусловно, оказал влияние на выбор маршрута похода, который мог проходить лишь по долинам рек с заливными лугами» [Разин, с. 273—274].

Особый интерес у военных историков вызвала топография места, где, как считается, состоялась Куликовская битва. «Берега рек Дона и Непрядвы очень круты и во многих местах представляются в виде обрывов. Если бы армии пришлось отступать после проигранного дела, то положение ее было бы критическим... Вообще операции на обширном Куликовском поле, в положении русской рати 1380 г., имеют все невыгоды действия в мешке» [Масловский, с. 229]. При этом фронт русских войск рассекался оврагами: «Рыбный и Большой овраги разъединяют боевой порядок, построенный тылом к точке соединения рек Непрядвы и Дона, но по мере удаления на юг это неудобство сглаживается и тогда только овраги эти опасны при отступлении» [Масловский, с. 283]. Вместе с тем военные историки отмечают, что фланги русского войска могли быть надежно прикрыты мелкими речками и оврагами, которые, впрочем, затрудняли и действия русских: «Южная граница... пространства только с первого взгляда кажется открытою; овраги бывших рр. Курцы и Смолки, впадавших в Дон, и таковые же овраги Среднего и Нижнего Дубяка, впадавших в р. Непрядву, сходясь между собою в вершинах, замыкали эту, по-видимому, открытую, южную границу поля битвы. В настоящее время помянутые речки пересохли, но берега оврагов и ныне свидетельствуют о бывшей оборонительной их силе. У верховьев речек, между нынешними селениями Хворостянка (Дубики), Калешево

и между дд. Даниловкой и Ивановкой скаты оврагов в настоящее время представляются в виде небольших складок местности, но по мере приближения от центрального пункта (Красный Холм) к помянутым деревням и далее к стороне Непрядвы и Дона (то есть от Хворостянки, Дубики и Даниловки на запад, а от Ивановки, Калешево и Загорья на восток), крутизна скатов оврагов увеличивается, и у главных рек этого района (Непрядва и Дон) берега оврагов бывших речек делаются настолько круты, что и в настоящее время, при отсутствии лесов, они окажут влияние на действия кавалерии, а именно: конница, наступающая на Монастырщину (или обратно), свободно может действовать в центре, в окрестностях, где ныне стоит памятник. Маневрирование же кавалерии (наступающей с юга на север) вправо или влево от помянутой центральной местности и в настоящее время будет затруднительно и в некоторых случаях совершенно невозможно. Если же принять в расчет свидетельства исторических документов, что овраги эти были покрыты лесом, то само собою следует, что в то время они были совершенно недоступны для конницы, по крайней мере, около устьев этих речек... При наступлении неприятеля с юга охват правого фланга войск, занимающих помянутое пространство, прикрывался лесистыми оврагами речек Н. Дубяк и Непрядвы, а охват левого фланга реки Курцею, а за ней — Смолкою и Доном». [Масловский, с. 229—230]. Не имея возможности охватить фланги, татары, считает Масловский, просто «продавливали центр и левый полк массою, от которой и дышать трудно было, давили на пространстве каких-нибудь 4—4,5 версты».

Эти наблюдения Масловского совершенно не были учтены последующими историками, и на любой схеме Куликовской битвы можно видеть, как татарская конница лихо чешет через непроходимые для кавалерии овраги...

Е.А. Разин уточняет дату переправы русского войска через Дон: «Некоторые историки (Голицын, Масловский и другие) считают, что русские войска форсировали Дон в ночь с 7 на 8 сентября, что мало вероятно и не соответ-

ствуется изложению этого факта в «Сказании о Мамаевом побоище» и в Никоновской летописи. Вряд ли в тумане, утром, сразу после переправы можно было выстроить для боя многочисленное войско на большом поле. В такой обстановке полки перемешались бы и русская рать не сумела бы своевременно изготавиться к бою» [Разин, с. 277]. По мнению Разина, переправа началась 6 сентября и закончилась в ночь на 7 сентября. 7 сентября состоялись первые схватки передовых частей.

Д.Ф. Масловский отмечает пассивность Мамаю непосредственно перед самой битвой: «Бросается в глаза: почему татары дозволили совершиться спокойно движению нашей армии утром 8-го сентября, когда они с вечера уже почти что занимали овраг Н.-Дубика, а следовательно, легко могли занять верховье р. Смолки раньше русских? Если шатер Мамаю был уже на «Красном холме» к вечеру 7-го сентября, то, конечно, впереди были части татарских войск, которые могли предупредить занятие русскими позиции, столь невыгодной для татар... От почина действий татары отказались с начала кампании», — еще раз подчеркивает Масловский [Масловский, № 9, с. 25]. Но стоило ли тогда Мамаю огород городить — начинать поход на Москву, если он, по существу, добровольно отдал инициативу Дмитрию, пассивно ожидая своей участи? Могло ли быть такое?

Неясен и тактический замысел Мамаю. А.А. Строков считал, что Мамаю стремился разбить, прежде всего, левое крыло боевого порядка русских, чтобы отрезать их от переправы и прижать к Непрядве, а Дмитрий Донской разгадал этот замысел и поставил за левым крылом засадный полк. Но на том Куликовом поле, которое отыскал Нечасев, это, по существу, единственный вариант боевых действий, способный привести к успеху для наступающей с юга армии. При этом ключевой левый фланг обороняющегося войска прикрыт труднопроходимой речкой Смолка, что создает дополнительные проблемы для наступающих и фактически заранее сводит весь бой к тупому фронтально-

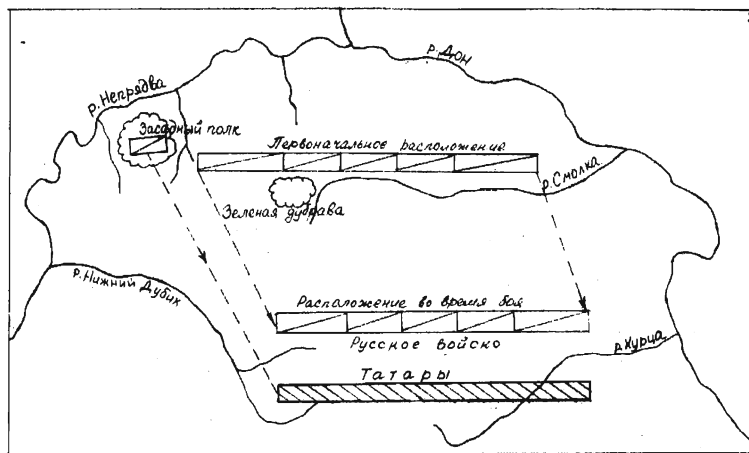
му столкновению — именно тому способу боя, которого так не любили и всегда стремились избегать татары! «Татары сразу, после схватки передовых частей приняли фронтальное сражение, хотя и стремились всегда избегать его: оно противоречило их установившимся традициям» [Строков, с. 291]. И снова мы наблюдаем парадокс: Мамай, начавший войну, во всем подчиняется действиям Дмитрия Донского... Он что, заранее был согласен на поражение? (рис. 5.24—5.31).

Е.А. Разин отмечает, что в тех условиях, в которых оказался Мамай, помимо возможности маневра, было потеряно и второе преимущество татар — численное превосходство: «Противник не мог использовать свое численное превосходство, так как фронт развертывания был ограничен. Поэтому войско татар имело глубокое, но не расчлененное построение» [Разин, с. 282].

Вслед за Д.И. Иловайским, Д.Ф. Масловский отмечает, что, согласно сообщениям источников, «великий князь отпустил брата своего Владимира вверх по Дону, в дубраву». Иловайский считал, что здесь явная ошибка в летописи: если бы полк пошел вверх по Дону, то есть на север, то он уходил бы совсем с поля сражения. Да, это можно считать ошибкой, если полагать, что сражение произошло на «нечасевском» Куликовом поле. Но мы уже показали, что топоним «Куликово поле» гораздо шире, чем принято считать, и в каком месте Куликова поля произошла битва, по существу, неизвестно. Так что сообщения источников, тем более что они все едины в этом, здесь надо понимать буквально.

Существеннейшим вопросом Д.Ф. Масловский полагал вопрос о местоположении засадного полка: «Место расположения общего резерва и теперь составляет вопрос особой важности. Полагаю, ни одного голоса не может быть против того, что вовсе не безразлично, поставит ли общий резерв за центром, за правым или левым флангом. В решении этого вопроса — половина задачи начальника отряда и в настоящее время, а в эпоху Дмитрия Донского, когда

423

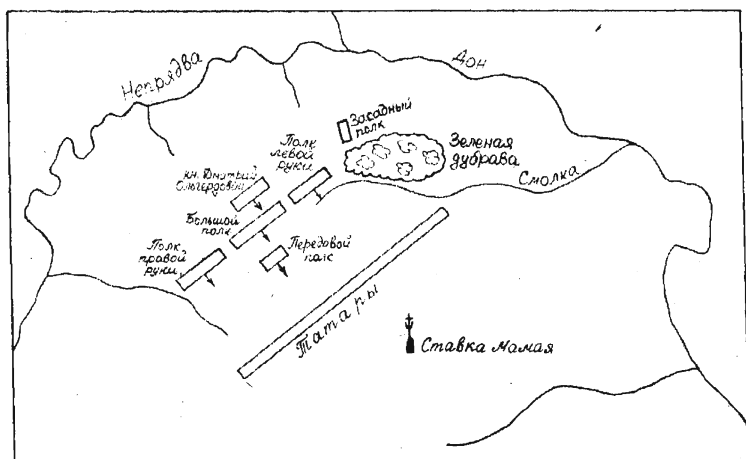

Рис. 5.26. Куликовская битва по Д.Ф. Масловскому (1881)

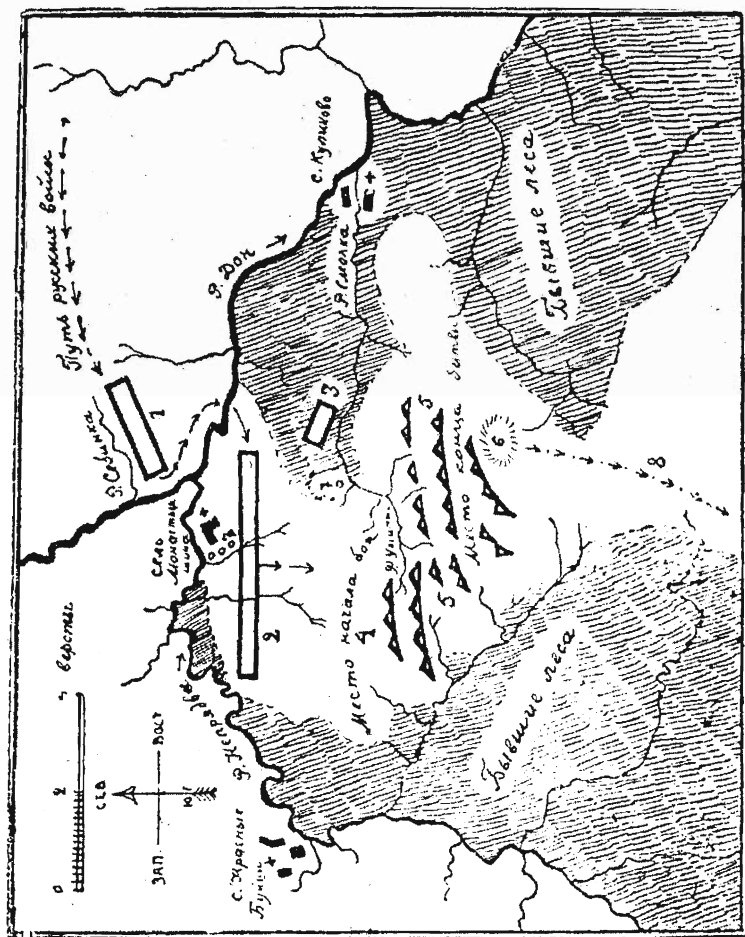

Рис. 5.27. Куликовская битва по А.А. Нечаевой (1928)

- 1 — расположение московских войск 7 сентября 1380 года;
 2 — расположение московских войск 8 сентября — перед битвой;
 3 — место засадного полка; 4—5 — перемещения московских и татарских войск во время боя; 6 — Красный холм; 7 — курганы;
 8 — отступление татар

Topographic map of the Moscow region, showing the area around the city of Moscow and the surrounding hills. The map includes labels for various locations such as Moscow (Москва), Serpukhov (Серпухов), and the surrounding hills (Холмы). It also shows the Moskva River (река Москва) and the surrounding landscape with contour lines. The map is oriented with North at the top.

Рис. 5.28. Куликовская битва по А.А. Строкову

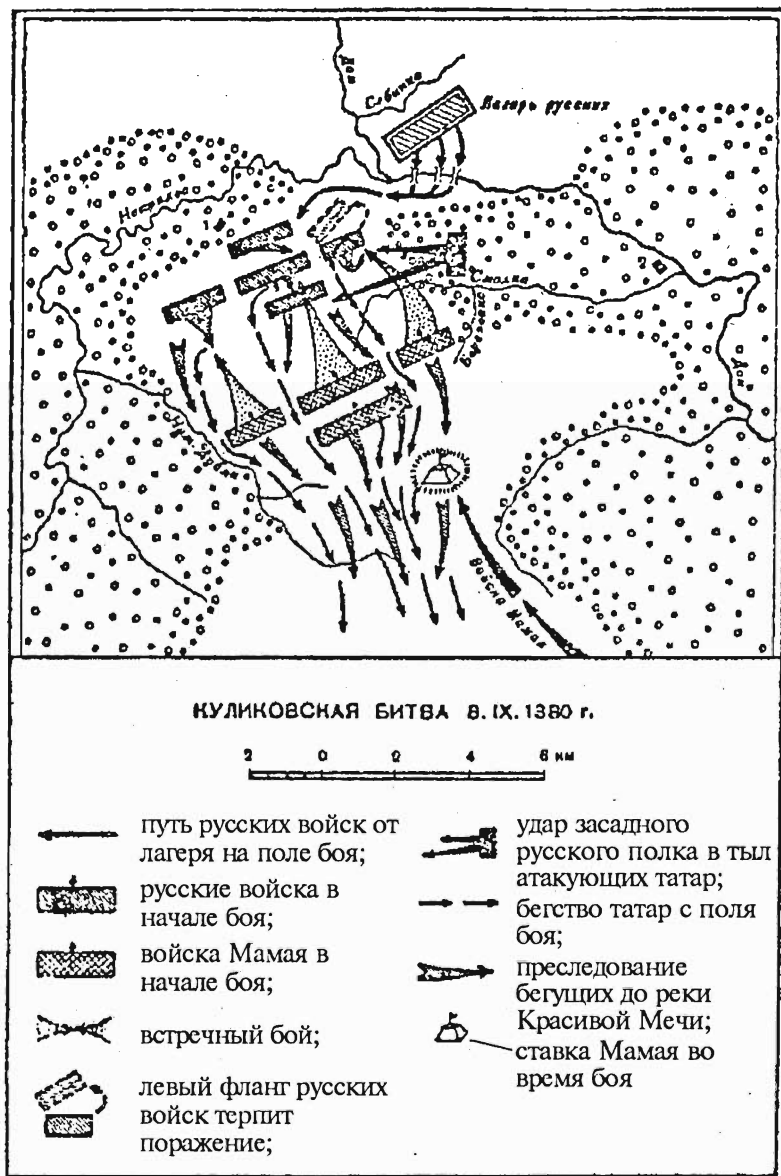

Рис. 5.29. Куликовская битва по П. Карышевскому (1955)
 Цифрами обозначены: 1 — место позднейшего села Рождествена (Монастырщины); 2 — тоже село Куликова

ЗАГАДКИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

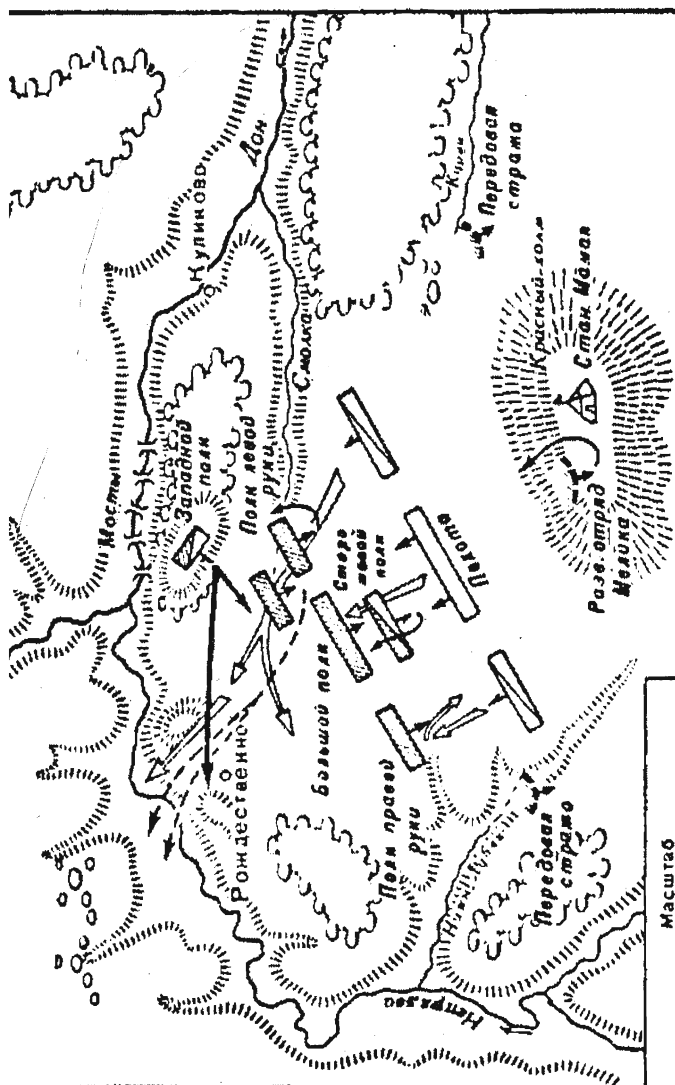

Рис. 5.30. Куликовская битва по Е.А. Разину (1957)

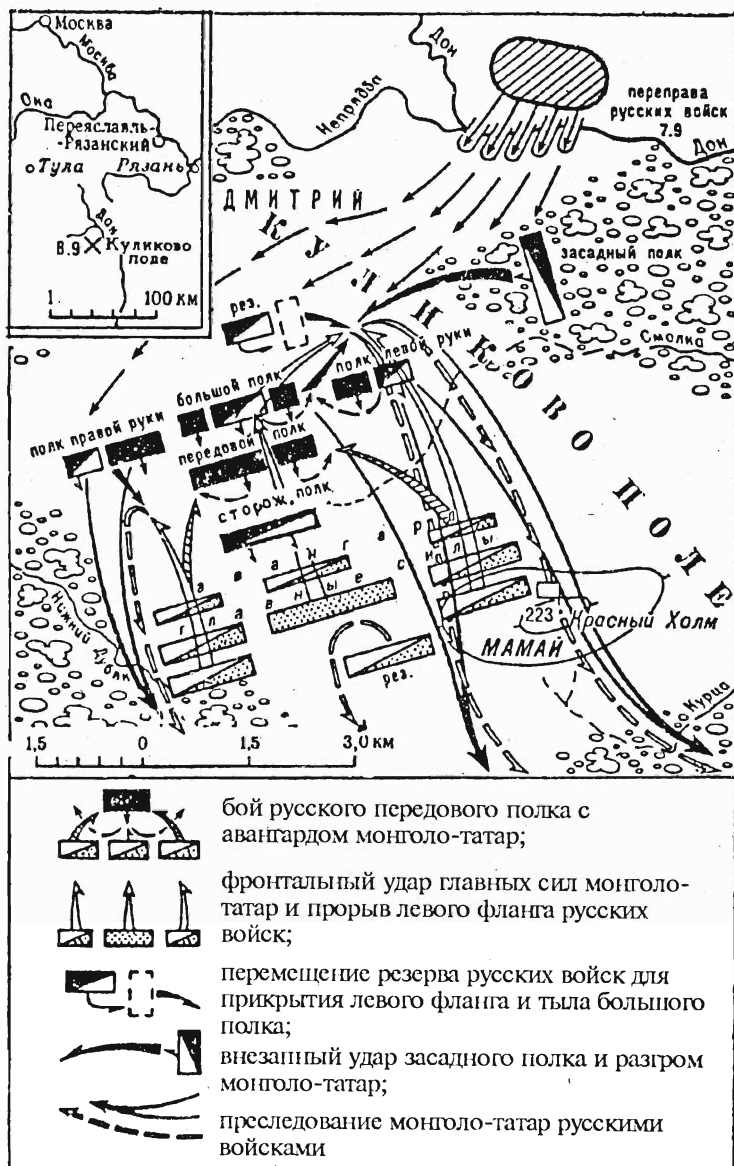

Рис. 5.31. Куликовская битва по В.В. Каргалову (1980)

нормальный боевой порядок только и видоизменялся, что расположением резерва, место засадного полка составляло единственную почти его задачу; в ней и мог проявиться главным образом талант полководца» [Масловский, с. 238]. Н.С. Голицын помещал засадный полк на правом фланге русского боевого порядка, основываясь на свидетельстве «Задонщины»: «И нукнув князь Володимер Андреевич с правыя руки на поганого Мамая» [«Задонщина», реконструкция В.П. Андриановой-Перетц, ТОДРЛ, т. V. т. VI, М.—Л., 1948]. Подвергнув критике воззрения Н.С. Голицына, Масловский помещает засадный полк не на правом, а на левом фланге русской рати, с одной, однако, существенной оговоркой: «Так как дружина князя Владимира Андреевича состояла исключительно из конницы, которая в лесу действовать не может, а равно и при самом выходе из леса она должна расстроиться, то не правильнее ли считать, что засадный полк был за рощей, а не в роще» [Масловский, с. 231, прим. 2].

Замечание очень глубокое и важное, но для большинства читателей, вероятно, не совсем понятное. Поясним. Дело в том, что тактика кавалерийского боя предусматривает действия масс кавалерии (а особенно тяжеловооруженной) в сомкнутом строю. Это только в плохих кинофильмах всадники несутся нестройной кучей, размахивая саблями. Сомкнутый строй позволяет нанести (или, наоборот, выдержать) самый первый удар, который способен решить исход кавалерийского боя (а так и случилось в Куликовской битве — исход сражения решил удар засадного полка). Расстроиться, потерять строй означает, как правило, поражение. Поэтому удар дружины Владимира Серпуховского, решивший исход Куликовской битвы, принес успех только потому, что плотный строй московских дружинников врезался в рыхлую, уже потерявшую строй (ведь они уже давно были в бою!) массу ордынских всадников. Если бы засадный полк находился в дубраве, то, выезжая из леса и продираясь через кустарник, он обязательно смешал бы строй и на опушке леса всадникам пришлось бы

выстраиваться заново, уже на виду у неприятеля, и тут, разумеется, ни о какой внезапности уже и речи быть не могло.

Это наблюдение Масловского также не было учтено в последующих реконструкциях Куликовской битвы.

Весьма любопытны обстоятельства, связанные с вступлением в бой засадного полка. Письменные источники повествуют о том, как опытный Д. Боброк-Волынский сдерживал пылкого князя Владимира Серпуховского, рвавшегося в битву. Видя, что ветер дует прямо в лицо русскому воинству, Боброк запретил засадному полку вступать в дело, сказав, что «нет на то воли Божией». Но вдруг ветер переменился и подул в лицо татарам. Этой переменной ветра и определился якобы момент для атаки засадного полка. Откуда Боброк знал, что ветер переменится? А если бы он вообще не переменился — что, засадный полк так бы и простоял до конца битвы? Во всяком случае, Д. Масловский считает, что это «факт невозможный уже по одному тому, что заранее нельзя знать о перемене ветра».

Интересно, что при этом южный ветер дул... в спину воинам засадного полка («внезапно потяну ветер создаи их», «духу южну потянувшу сзади них», «и приспе же час осмый, абие дух южный потягну сзади их»)! Получается, что полк стоял фронтом на север? Но на всех схемах-реконструкциях Куликовской битвы засадный полк стоит либо фронтом на запад, либо на юго-запад, и это понятно — на «нечаевском» Куликовом поле его иначе и не поставишь: приходится привязываться к реальной местности, а прямые указания летописей либо игнорировать, либо объявлять ошибками.

«Летописная повесть о побоище на Дону» [См. сб. *Повести о Куликовской битве*, М., 1959] вообще не упоминает ни о каком засадном полку. По версии авторов «Летописной повести», русские одержали победу после упорного трехчасового боя на «чистом и великом зело» поле. При этом разгромленные в битве татары, убегая, частью погибли в какой-то реке («И в погони той ови татарове от крес-

тьян язвени оружием падоша, а друзии в реце истопоша» — Повести, с. 36), а уцелевших гнали «до реки до Мечи».

У В.Н. Татищева, который, как известно, пользовался недошедшими до нас источниками, изложение хода Куликовской битвы существенно отличается от привычного нам: «И бывшу уже часу шестому, о самый полдень, снидошася и се внезапно сила велика татарская нападе на передовой его полк. Князь же великий иде сам в той передовой полк, и бысть им сражение надолзе, но не можаше никто кого одолети. И о часе седьмом соступишась обоюду крепце всеми силами и надолзе бишась. Руским же тяжке бе, зане солнце бе во очи и ветр... Во первых же избрашась на чело мужи храбрейшии, междо теми инок Пересвет, иже прежде иночестве вельми прославися в воинстве; той уби великого татарского наездника, и сам убиен бысть, (то есть Пересвет пал в бою, а не на поединке. — *Прим. авт.*) Таже и инии храбрии мужие, побеждая нечестивыя, сами падоша... И бысть тяшчайший бой у реки Мечи. Тогда убиша под великим князем коня, он же пересяде на другой конь, и того воскорее убиша, и самого великого князя тяжело раниша, он же едва с побоища избеже. Бывшии же около его вси падаша или язвеннии уклонишась на страну, а сам князь великий, отшед в дуброву, ляже под древом многолиственным. Большой полк владимирский и суздальский, бияся на едином месте, не можаше одолети татар, зане многие побиении пред ними лежаху; ни татаре могуще я сломити (то есть татарам не удалось прорвать строй большого полка. — *Прим. авт.*)... На правой стране князь Андрей Ольгердович не единою татар нападши и многих избил, но не смеяше вдаль гнаться, видя большой полк недвижущийся и яко вся сила татарская паде на средину и лежи, хотяху разорвати (то есть главный удар татары наносили в центре, а не по левому флангу русских. — *Прим. авт.*) Егда же татарове начаша левую руку князей белозерских одолевати, и минуша дуброву, иде же стояше князь Володимер Андреевич и воевода литовский Дмитрий

Волынец с засадою, ии, видевшие сие, удариша со стороны и в тыл татарам. (то есть засадный полк пропустил татар и ударил им во фланг и тыл. — *Прим. авт.*). А князь Дмитрий Ольгердович создади большого полку вступи на то место, где оторвася левый полк, и нападе с северяны и псковичи на большой полк татарский. (то есть Дмитрий Ольгердович, стоявший с резервами в тылу большого полка, ударил по прорвавшимся на стыке большого полка и полка левой руки татарам, в образовавшийся разрыв между большим полком и полком левой руки, который к тому времени был оттеснен главными силами татар. — *Прим. авт.*). Тогда же и князь Глеб брянский (воевода большого полка. — *Прим. авт.*) с полком владимирским и суздальским поступи чрез трупы мертвых, и ту бысть бой тяжкий. Бывшу же яко девяти часом, и бысть такая смятня, яко не можаху разбирати своих... И егда ветер потянул руским в тыл, и солнце создади ста, а татарам в очи, начаша татарове помыкаться, а Мамай помогаше и укрепляше создади. И не возможе болсе утерпети, абие побеже сам и сусчие с ним, рустии же полцы погнаша во след их; и догнавше станов, ту паки татарове опрешися, обаче и ту вскоре сломише и вся таборы их взявше, богатства их разнесоша, и гнаша до реки Мечи» [Татищев с. 146—147].

Обратим внимание, что версия Татищева имеет очень мало общего со всеми имеющимися реконструкциями битвы, сделанными на основании памятников Куликовского цикла. Главное разночтение: по Татищеву, бой продолжался и еще долгое время спустя после вступления в дело засадного полка; только после жестокой сечи татары заколебались, хотя Мамай постоянно подкреплял их свежими силами; наконец, сопротивление татар было сломлено, и они начали отступление, но попытались еще раз организовать отпор, опираясь на свои обозы, но и здесь их сопротивление было сломлено, и тогда началось бегство. При этом Татищев ничего не говорит ни о «Зеленой дубраве», ни о «Красном холме».

Насколько нам известно, «татищевская» версия нигде и никем не учитывалась при описании Куликовской битвы.

Одержав после четырехчасового боя победу, русские бросились преследовать разгромленного противника. Все, кто писал о Куликовской битве, вслед за сообщениями памятников Куликовского цикла, слепо повторяют, что преследование велось до реки Красивая Меча: «Преследование ордынцев было всеобщим, за ними устремились все русские воины, еще имевшие силы сражаться (и пешие тоже? — *Прим. авт*). Так, по словам автора «Сказания», в засадном полку «ни один человек не остался под знаменами, все гнались за татарами». «Преследование продолжалось почти 50 км и закончилось уничтожением главных сил ордынского войска, — утверждает современный автор, — Лишь немногим, в том числе самому Мамаю, удалось спастись — кони «сынов русских» были утомлены тяжелой и продолжительной битвой. Только к вечеру закончилась погоня. Усталые герои возвращались на поле битвы, где над телами павших гордо веяли победные русские знамена. «Уже и день кончился, солнце заходило, затрубили во всех полках русских в трубы, — повествует автор «Сказания». [Каргалов В.В. *Куликовская битва*. М., 1980].

Каким образом возможно после изнурительного четырехчасового боя за один вечер проскакать в полном вооружении пятьдесят километров в один конец, пятьдесят километров обратно и после этого приступить к объезду поля сражения и погребению убитых? Существует же элементарный предел человеческих и конских возможностей! Если бы преследование продолжалось сто верст, то «кони сынов русских» пали бы уже на тридцатой-сороковой версте, если не раньше.

Но может быть, у каждого русского воина было по заводному коню? Может быть. Может быть, они даже скакали на захваченных в лагере Мамаю верблюдах, стреляя вслед убегавшим татарам из пистолетов. Но на ком проделали этот же путь татары? У них тоже были заводные кони, с которыми они не расставались даже в кровавой сече? Или Дмитрий Донской любезно дал им время перекусить на свежих лошадях? Правда, те же памятники Кули-

ковского цикла свидетельствуют, что весь обоз Мамая был захвачен русскими, вместе с конями и верблюдами («И мнози вои его возрадовашася, яко обретаючи корысть многу: погна бо с собою многа стада, кони и вельблуды, и волы, им же несть числа, и доспехы, и порты, и товар». — Симеоновская летопись, ПСРЛ, т. XVIII, с. 129–131), а генерал Е.А. Разин определяет число заводных лошадей у русских в пять тысяч (см. выше). Но вот что говорит о способах и возможностях конной езды академик Б.А. Рыбаков, сделавший расчеты для почтовой гоньбы в Древней Руси: «Расстояние между двумя почтовыми станциями определялось семью-восемью часами быстрой езды всадника-гонца, сменявшего коней (основного и «поводного», когда он ехал «о дву конь») на следующей станции. В таких условиях гонец мог весь путь проделать рысью, делая по 10–11 км в час, что составит за день его путь в 7–8 часов движения 70–80 км» [Рыбаков Б.А. *Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982, с. 181].

Итак, 70–80 километров — это день конного пути «о дву конь». А воины Дмитрия Донского после четырехчасового боя проскакали 100 километров за один вечер! Может ли такое быть?

Отсюда вывод: либо преследование татар до Красивой Мечи длилось не один вечер, а, по крайней мере, сутки, либо поле боя на самом деле находилось километров на 40–50 южнее.

Сомнения у военных историков вызывают и приводимые в памятниках Куликовского цикла цифры потерь. «Этим преданиям верить нельзя, — считает генерал-лейтенант Н.С. Голицын. — Несомненно только то, что урон русского войска был громадный» [Голицын, с. 190]. Е.А. Разин так оценивает потери русских: с учетом умерших от ран — 25–30 тыс. чел, при этом из числа уцелевших (до 40 тыс. чел.) было немало раненых [Разин, с. 287–288]. Кстати, ганзейские купцы, бывшие в 1380 году в Новгороде, писали, что, по слухам, общие потери русских и татар составили 40 тысяч человек [Полевой, с. 565, прим. 130].

Иногда можно встретить утверждения (основанные на сообщениях памятников Куликовского цикла), что в Куликовской битве пало «12 князей и 483 боярина» [Каргалов В.В. *Куликовская битва*. М., 1980]. В Московской патриаршей библиотеке, в синодике под № 165 сказано: «Глашати вечную память: князю Федору Белозерскому, и сыну его Ивану, и Константину Ивановичу, убиенных от безбожного царя Мамай, вечная память! И в той же брани избиенным: Симеону Михайловичу, Микуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу Волуеву, Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Льву Ивановичу, Симеону Мелику, и всей дружине их по благочестию скончавшихся за святые Божие церкви и за всех православных христиан, вечная память!» [Афремов, с. 35–36, прим.]. Практически те же имена перечисляет Симеоновская летопись, которую считают одним из наиболее ранних свидетельств о Куликовской битве. О других павших на Куликовом поле русских военачальниках неизвестно. Если они и существовали, то, вероятно, они были не христианского вероисповедания, иначе их имена попали бы в синодики.

Любопытно вот еще что: если Мамай действительно был разгромлен, то как объяснить странные события, о которых упоминает Н.М. Карамзин со ссылкой на немецкого писателя конца XV в. Кранца: русские захватили после битвы на Куликовом поле много скота, но на обратном пути на них напали татары и литовцы, в результате чего большое количество скота было отнято и много русских воинов погибло? [Карамзин Н.М. *История Государства Российского*. т. V. СПб., 1817, с. 428, прим. 81.]

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что ни одну из существующих реконструкций Куликовской битвы нельзя признать научной. Фактически авторы этих реконструкций попытались привязать сообщения памятников Куликовского цикла (а насколько они достоверны?) к реальной топографии «нечаевского» Куликова поля (а вы уверены, что битва произошла именно на нем?). В результа-

те появилось столько явных несообразностей, что в нашей исторической литературе их попросту предпочли не обсуждать. Но вопросы, увы, остаются...

ЗАГАДКИ КУЛИКОВСКОЙ ТОПОНИМИКИ

В памятниках Куликовского цикла содержится много географических названий, по которым, казалось бы, можно легко привязать описываемые события к какому-то определенному пункту.

Да если бы!

Обилие разночтений, плохое знакомство авторов летописных повестей с реальной местной топонимикой и, наконец, многочисленные повторяющиеся названия, относящиеся к совершенно различным местностям, приводят к тому, то надежные; казалось бы, топонимические ориентиры, «расплываются».

Вот, к примеру, река Непрядва. В разных источниках она именуется по-разному: Непр, Непредна, Нерова (в XVI веке так называли реку Нарову, вытекающую из Чудского озера и впадающую в Финский залив, см. «Книгу Большому Чертежу»), Непрятва, Непрява, Направда. Характерно, что абсолютно все известные списки «Задонщины» искажают название Непрядвы.

Неясна и указание «Задонщины» на то, что Непрядва лежит «между Доном и Непром», «меж Дона и Непра» [«Задонщина», реконструкция Л.А. Дмитриева на основе Ундольского списка — *Поле Куликово. Сказания о битве на Дону*. М., 1980, с. 27, 47]. Что хотел сказать автор, упоминая о «Непре» (Днестре?).

О «Непре» упоминает и «Сказание о Мамаевом побоище»: «Сужено место лежит между Доном и Непром на поле Куликове на речке Непрядве» [*Куликово поле. Сказания о битве на Дону*. М., 1980, с. 215]. А у Татищева [Татищев, с. 145] имеется весьма любопытная оговорка: «Князь же

Дмитрий Иванович вседе на конь и созва все воеводы, нача вопрошати, что творити... Инии реша подвинутися и стати о Днепре, не перепускати в землю Резанскую». То есть Куликовская битва произошла на Днепре?

Кстати, сообщения летописей о том, что Куликовская битва произошла «на усть Непрядвы», возможно, не следует понимать буквально — ведь в степи с ориентирами плохо, а для москвичей, писавших о Куликовской битве, местная топография вообще была почти незнакома. Не исключено, что битва произошла близ устья Непрядвы, но не у самого устья.

Еще один топоним, связанный с Куликовской битвой — Меча. Река Меча часто упоминается на страницах памятников Куликовского цикла. Обычно ее связывают с рекой Красивая Меча, отстоящей в 40–50 км от места битвы. Все источники в один голос утверждают, что русские весь вечер преследовали отступающих татар до реки Меча, но мы уже показали, что обернуться с преследованием за один вечер было невозможно.

Между тем имеются упоминания, что Куликовская битва произошла не на Непрядве, а на берегах Мечи. В.Н. Татищев оговаривается, что битва произошла между Непрядвой и Мечей: «И бысть тяшчайший бой у реки Мечи» [Татищев, с. 146]. О том же упоминает один из вариантов «Сказания о Мамаевом побоище»: «Немощно бе вместилися на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечью» [«Сказание о Мамаевом побоище», вариант «О» Основной редакции. Цит по изданию: *Поле Куликово. Сказания о битве на Дону*. М., 1980, с. 199].

Является ли река Меча, упоминаемая в памятниках Куликовского цикла, рекой Красивая Меча? Ведь известен левый приток Непрядвы — река Мечевка, впадающая в Непрядву в 20 километрах от ее устья. Не это ли та самая Меча, на берегах которой шел бой и до которой русские преследовали разбитых татар?

Еще один «расплывающийся топоним» — Кузьмина Гать, где стоял накануне Куликовской битвы Мамай:

«Ныне убо Мамай есть на Кузьмине гати; не спешит же убо... По трех же днех имат быти на Дону» [Татищев, с. 144].

В Центрально-Черноземной области, в бассейнах рек Дон, Воронеж и Цна, известны, по крайней мере, три урочища с таким названием. Весьма характерно, что вблизи каждой из них, в 30–35 километрах, находится свое Куликово поле (см. рис. 5.3).

Первая Кузьмина Гать расположена на реке Цне, в 20 км к югу от Тамбова (с. Кузьмино-Гать, ранее с. Кузьмина Гать Тамбовского уезда). В XVII веке от этой Кузьминой Гати начиналась сторожевая Тамбовская черта [Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (ИТУАК), вып. 50, 1905 г. с. 79], прикрывавшая Московское государство от прихода «воинских людей татар» по древней Ногайской дороге — той самой дороге, по которой шел некогда Батый: «Перешод реку Волгу, а Дону реки не дошод, промеж рек Хопра и Суры, через реки Лесной и Польной Воронеж на Рясские, и на Рязанские и на Шацкие места, которою сакмою и Батый в войну на Русь шел» [ИТУАК, вып. 44, 1899 г., с. 135]. Этим же путем шел на Вожу в 1379 году Мамаев мурза Бегич.

Эта дорога выводила прямо на Рясское поле — «братаблизнеца» Куликова поля, на такую же степную поляну посреди лесостепи (об этом см. выше), на которой также произошло немало битв в разные времена. Отсюда дальнейший путь вел прямо на Ряжск, Пронск и Рязань — «на Рясские и на Рязанские места». Если же от цнинской Кузьминой Гати повернуть на север — «на Шацкие места», то приблизительно в 35 км лежит обширное степное пространство с селами Большие и Малые Кулики — еще одно «Куликово поле»?

Вторая Кузьмина Гать располагается на реке Воронеж в 15 км от Липецка [ИТУАК, вып. 44, 1899 г., с. 163]. Километрах в 30 от нее, в нынешнем Усманском районе Липецкой области, находится урочище Куликова поляна, на которой расположено старинное село Куликово, известное

еще с XVI века, а то и ранее [Прохоров В.А. *Липецкая топонимия*. Воронеж, 1981, с. 81]. Как известно, Мамай более трех недель кочевал на устье Воронежа. От этой Кузьминой Гати берет свое начало так называемый Татарский вал — одно из сооружений Засечной черты XVII века.

Третья Кузьмина Гать находится на реке Красивая Меча, в 20 километрах от Лебедяни и в 30 километрах от Куликова поля, у села Кузьминское. Кузьминское известно в документах с 1670 года [Прохоров В.А. *Липецкая топонимия*. Воронеж, 1981].

Любопытно, что в окрестностях всех трех перечисленных мест известны многочисленные находки оружия и доспехов, кладов татарских и рязанских монет XIV–XV веков. В Тамбовском уезде у села Дмитриевка в 1840-х годах была выпажана кольчуга, а у деревни Каверинка в начале XIX века — татарский шлем-мисюрка, близкий к тому, который найден где-то на Куликовом поле. В городе Козлове (Мичуринске), стоящем на пути от Кузьминой Гати к Рясскому полю, в 1879 году была найдена в земле «железная кольчуга весом в пуд», а поблизости, в селе Жидиловка — старинная сабля и «длинные ножи». Много находок попало и в окрестностях Лебедяни: серебряные и медные монеты, в основном восточные, золотоордынские и Великого княжества Рязанского. Здесь же был найден резной по кости образок с серебряным басменным ободком с надписью TPOUZA, датируемый XIV веком. Клад рязанских монет XV века весом более фунта был найден в селе Черепянь на Дону, а другой, в котором обнаружены медные и серебряные кресты, восточные монеты и монеты рязанского князя Ивана Федоровича (1409–1458) — в Покрово-Казачьей слободе. При корчевании пней близ д. Большой Верх около города, была найдена татарская кривая сабля. В самой Лебедяни, при строительстве моста через Дон в начале XX века на берегу в Пушкарской слободе были найдены татарское оружие, человеческие кости [*Путешествие по Липецкой области*. Воронеж, 1971, с. 80].

Вообще же надо отметить, что находки старинного ору-

жия — вещь самая обычная на всем протяжении от Куликова поля до Тамбова, и ничего необычного в тех находках, которые были сделаны на «нечаевском» Куликовом поле, нет — ни в количественном, ни в качественном отношении.

Еще одним ориентиром в поисках Куликова поля служит топоним Чур-Михайлов. Известно, что 7–8 сентября все русские силы были сосредоточены севернее устья реки Непрядвы. По показаниям взятых в плен языков, Мамай в это время находился «у Дона, на Чур-Михайлове».

В повестях о Куликовской битве эта местность упоминается дважды — в «Задонщине» («У Дона стоят татары поганые, Мамай царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти») и в «Сказании о Мамаевом побоище» («В ту же ночь некий муж именем Фома Кацибей, разбойник, поставлен бысть стражем от великого князя на рече на Чур-Михайлове (вариант — «на Чурове»), мужества его ради, на крепце стороже от поганых»). Из приведенных фрагментов видно, что наименование Чур-Михайлова относится не только к городу, но и к окрестной местности, и к реке [ПСРЛ, т. XI, с. 58, 95, 96; Кудряшов К.В. *Половецкая степь*. М., 1948, с. 20].

О древнерусском городе Чур-Михайлове («Чюр-Михайлов»), находившемся на верхнем Дону и к концу XIV в. разрушенном, пишет автор «Хождения Пименова в Царьград» (1389 г.): «В четверток же приидохом к рече к Дону и спустихом суды на реку на Дон. И в второй день приидохом до Чюр Михайловых, сие бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был бяше».

Факт существования Чур-Михайлова никем не оспаривается. Поиску его уделялось внимание многими историками. Д. И. Иловайский и ряд исследователей попытались сблизить название Чур-Михайлова с именем пронского князя Кир-Михаила Всеволодовича (ум. 1218), в летописях именуемого иногда «Кюр-Михайло», произвольно именуя город Кир-Михайловым. Между тем, никакого города Кир-Михайлова в летописях нет, и на это справедливо указы-

вал А.Л. Монгайт [Монгайт А.Л. *Рязанская земля*. М., 1961, с. 230], как нет и никакой летописной традиции именовать пронского князя «не только Кир-Михаилом, но и Чур-Михаилом», как это утверждает О.А. Шватченко [Шватченко, с. 98–99]. Прочтение «Чур-Михаил» известно только по Н.М. Карамзину, и его точность весьма сомнительна.

Вместе с тем вполне вероятно, что город мог быть основан Кир-Михаилом Пронским и назван его именем. В этом случае Чур-Михайлов означает «граница владений Михаила» (от «чур» — черта, рубеж). Это же название носила река, на которой стоял город.

Существуют различные гипотезы о местонахождении Чур-Михайлова. Его локализация определяется следующими ориентирами: город стоял на реке, впадающей в Дон, непосредственно при устье этой реки или на некотором отдалении, в дне пути от места начала в XIV веке судоходства по Дону.

К.В. Кудряшов связывал Чур-Михайлов с нынешним селом Кочуровское, иначе называемое Городище [Кудряшов, с. 20]. А.Л. Монгайт не считал это мнение достаточно доказательным [Монгайт, с. 230–231].

В 1984 году был проведен археологический поиск в районе с. Архангельское (Кочуровское, именуемое также Городищем), стоящим на р. Кочур — левом притоке Дона — в 6 километрах от ее устья. На правом высоком берегу р. Кочур было обнаружено городище треугольной формы площадью 1200 квадратных метров. Культурный слой на городище достигает 0,3 метра. Были собраны многочисленные фрагменты древнерусской керамики, найден обломок стеклянного браслета. За валом городища находятся два обширных селища, где раскопками обнаружены керамика, хрустальная бусина. Все находки датируются XII–XIII веками. Это городище, видимо, можно отождествить с Чур-Михайловым [Гоняный М.И., Мошинский А.П. *Разведки и раскопки в районе Куликова поля*. — АО, 1983, с. 47].

Однако в этой связи противоречием выглядят сообще-

ния памятников Куликовского цикла. Посмотрим на карту (рис. 5.32): русские войска стоят на Непрядве, татары — на Красивой Мече, в урочище Кузьмина Гать (в 18 верстах от Лебедяни, в районе нынешнего села Сергиевского). А «крепкая сторожа» Фомы Кащибея располагается... в 35 километрах к востоку от ожидающегося направления движения Мамай, вдобавок — на другой стороне Дона! Кого они там караулят?

Непонятна в этой связи и фраза в «Задонщине»: «стоят... Мамай царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти». То, что московский автор, незнакомый с местной топонимикой, разделяет «Чуров» и «Михайлов», очевидно, но, тем не менее, фраза указывает на близость Чур-Михайлова к Красивой Мече. А от места

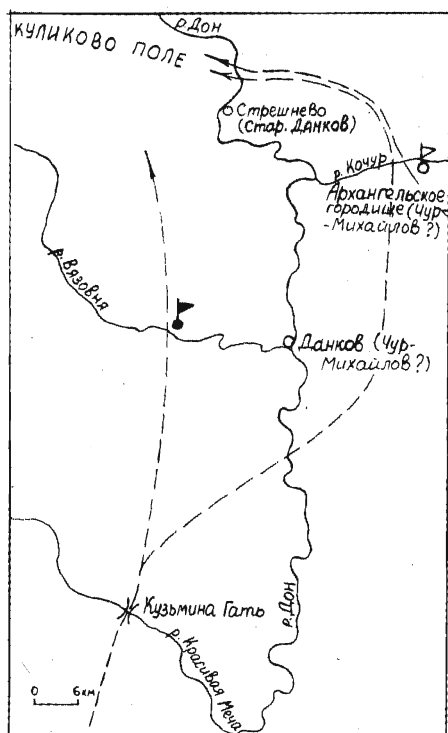

Рис. 5.32.

Местоположение
Чур-Михайлова

○ — место сторожи
Фомы Кащибея по
О.А. Шватченко;

● — место сторожи
Фомы Кащибея по
версии авторов;

--- — предполагаемые
пути движения Мамай

стоянки Мамаю до Кочура — 50 километров, день конного пути, и вдобавок далеко в сторону от Непрядвы. Но, может быть, Мамай двинулся с Красивой Мечи не сразу на север, к Непрядве, а сделал крюк, пойдя на северо-восток, к Кочуру, и только оттуда выступил на Куликово поле? Зачем? Делал попытку обхода? Пытался соединиться с Олегом Рязанским? Странный маневр, да вдобавок с необходимостью дважды форсировать Дон.

О.А. Шватченко [Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла. — Труды ГИМ, вып.73. *Куликово поле. Материалы и исследования*. М., 1990, с. 97–100] помещает Чур-Михайлов на левом берегу Дона, отождествляя его с городищем Архангельское (Чуровское, Кочуровское) на реке Кочуровке: «Тексты «Хождения митрополита Пимена в Царьград», «Сказания о Мамасвом побоище» и «Задонщины» с полной очевидностью показывают на определенный отрезок левобережья Дона, примыкающий к территории Куликова поля» [Шватченко, с. 98]. Помилуйте, да почему же именно левобережья? Откуда это следует? И потом, текст «Хождения Пименова», кажется, не оставляет сомнения в том, что Чур-Михайлов стоял непосредственно на Дону. Вывод О.А. Шватченко о том, что единственным аналогом Чур-Михайлова может быть только Архангельское городище, нам кажется слишком категоричным. Гипотеза автора о том, что «Фома Кацибей, покинув место переправы русских войск, ночью с 7 на 8 сентября 1380 г. двинулся по левобережью Дона к реке Чур-Михайловой, остановился на Чур Михайловом городище, откуда известил о передвижении татарских войск по правому берегу Дона», извините, кажется нам совершенно несостоятельной из-за множества содержащихся в этой короткой цитате недоразумений. Чтобы убедиться в этом, достаточно произвести простой расчет расстояний и времени движения русских и татар. А фразу «двинулся по левобережью Дона... откуда известил о передвижении татар по правому берегу Дона» мы вообще не смогли расшифровать.

Точные ориентиры местонахождения Чур-Михайлова указывает «Хождение Пименово в Царьград». Путешественники спустили суда на Дон в районе Старого Данкова (Стрешневское городище). «И во второй день приидохом до Чюр Михайловых». Таким образом, от окрестностей Старого Данкова до Чур-Михайлова день пути (около 40 километров, что подтверждается выкладками самого автора «Хождения»: путь от Чур-Михайлова до устья Воронежа в 240 километрах они прошли за 6 дней, то есть 40 километров в день). При этом Чур-Михайлов попадает на место современного Данкова, стоящего в устье речки Вязовни, правого притока Дона. Если предположить, что Данков — это город Чур-Михайлов, то Вязовня — это река Чур-Михайлов. Тогда и Фома Кацибей со своей сторожей оказывается на месте: река Вязовня лежит как раз на полпути от Кузьминой Гати к Куликову полю.

В центре современного Данкова существует древнее городище длиной 39, шириной 33 сажени. Городище окружено рвом — с запада шириной 4 сажени, а с востока 11 сажен. [Любомудров Н.В. *Местногеографические древности в Рязанской губернии*. — Прибавление к Рязанским спархимальным ведомостям, 1874, № 16].

Впрочем, застава Фомы Кацибей действительно могла стоять на реке Кочур — но только в том случае, если Мамай двигался от цининской Кузьминой Гати через Рясское поле Ногайским шляхом, то есть практически повторяя путь Батыя. Тогда застава на реке Кочур, действительно, имела смысл. Кстати, местное предание связывает топоним Кочур с именем некоего татарского князя Кочура [Баранович М. *Рязанская губерния*. Материалы для географии и статистики. СПб., 1860, с. 548]

Вопрос о том, где находился Чур-Михайлов, все же следует считать открытым. Будем надеяться, что дальнейшие исследования помогут, наконец, разрешить загадку Чур-Михайлова.

ОЛЕГ И ЯГАЙЛО: В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Мы уже показали, как и когда на страницах русских летописей появился миф о предательстве рязанского князя Олега. Уже князь М.М. Щербатов, известный историк XVIII века, высказал сомнение в достоверности этой легенды.

С.М. Соловьев рассматривал позицию рязанского князя не как предательство, а как следствие недавнего страшного опустошения, постигшего Рязанское княжество в результате набега Мама в 1379 году. Но наиболее глубоко к этому вопросу подошел Д.И. Иловайский, в своей известной работе «История Рязанского княжества» (1858), досконально разобравший «по косточкам» миф о предательстве Олега.

Д.И. Иловайский считал, что князь Олег не выступал активно на стороне Мама против русской рати, поэтому проклятия, высказанные в ряде летописей, напрасны:

«Описывая эпоху Куликовской битвы, некоторые летописцы не находят слов, чтобы выразить всю гнусность его поведения, и не могут упомянуть имени Олега без того, чтобы не прибавить к нему: велеречивый и худой (умом), отступник, советник дьявола, душегубивый, и тому подобные эпитеты... Еще в XVIII веке князь Щербатов не увлекся ожесточением некоторых летописцев и, не касаясь личного характера Олегова, спокойно старается объяснить его поведение обстоятельствами того времени... Теперь постараемся определить, какую роль действительно разыграл Рязанский князь в последующих событиях. Но в этом-то определении и заключается главная трудность для исследователя. «Обстоятельства этой войны, — справедливо заметил Арцыбашев, — так искажены витийством и разноречием летописцев, что во множестве прибавок и персиначек, весьма трудно усмотреть настоящее»... Олег... на деле испытал, чего стоит ему дружба с сильным Московским

князем. Восемь лет он был верным союзником Дмитрия, и какие результаты? Четыре раза Татары большими массами приходили опустошать Рязанскую землю; собственными силами Рязанцы не могли защитить себя от подобных нашествий, всегда более или менее неожиданных; а Москвитяне подавали помощь слишком поздно. Борьба Орды с Москвою во всяком случае была невыгодна для Рязанцев, потому что на их полях происходили кровавые встречи соперников; самая победа союзников влекла за собою только новые бедствия, как, например, Вожинская битва, между тем как жители Московских волостей спокойно предавались мирным занятиям, в уверенности, что дальше берегов Оки не ступят копыта татарских лошадей. Понятно, почему Олег очутился в большом затруднении, когда услышал о новой Татарской рати, которая придвигалась к южным границам...» [Иловайский Д.И. *Рязанское княжество*. М., 1997, с. 89].

Олег, по мнению Иловайского, занял максимально осторожную, двойственную позицию, стараясь оградить свое многострадальное княжество от разорения. «Предательской» позиция Олега и быть не могла, хотя бы потому, что он был таким же владельцем независимого княжества, как и Дмитрий Донской, как Михаил Тверской и другие русские князья, и был абсолютно независим в своей внешней и внутренней политике.

Прямой ложью летописцев Иловайский считает сообщения о том, что Олег якобы посылал свою силу на помощь Мамаю, а сам «переметал на реках мосты», когда войско Дмитрия Донского возвращалось с Куликова поля. «С какой стати вздумал бы Олег нарочно ломать мосты и перехватывать Москвитян уже после знаменитой победы? Чтобы затруднить им обратный поход? Но такое намерение не имело никакого смысла и могло только навлечь беду на собственное княжество? По другому летописному известию, также невероятному, напротив, Рязанский князь, услышав о возвращении победителей, совершенно растерялся и побежал на Литовскую границу. Каким образом Дмитрию уже

в Москве начали доносить на Олега, что он приказывал нападать на его людей; а главное, что он посылал войска на помощь Мамаю? Разве Димитрий не мог узнать о том гораздо прежде и, воспользовавшись соединенными силами, отомстить вероломному князю? И если Рязанцы изъявили покорность Димитрию, а он послал к ним своих наместников, то каким образом в том же году мы находим Олега в Рязани, спокойно договаривающегося с Димитрием? Нет сомнения, что истина сильно искажена в приведенных известиях летописи» [Иловайский, с. 92–93].

В пользу Олега говорит и тот факт, что в Рязанской земле на протяжении столетий он почитался как местночтимый святой. «Рязанские богомольцы, посещая обитель эту, прикладываются к кольчуге Олега и кланяются костям бывшего своего великого князя» [Афремов, с. 48, прим.]. «Князя и княгиню почитают святыми, и страждущие недугами надевают на себя кольчугу Олега в надежде получить исцеление» [Воздвиженский Т. *Историческое обозрение рязанской иерархии*. М., 1820, с. 31, прим. 283].

Кстати говоря, и другой современник и противник Дмитрия Донского — великий князь Тверской Михаил Александрович, неоднократно оплеванный нашей историографией, также является местночтимым тверским святым [см. *Тверской патерик. Краткие сведения о Тверских местночтимых святых*. Казань, 1907, с. 173–181. Репринт. Тверь, 1991]. И ничего удивительного в этом нет — напомним, что в XIV — первой половине XV века выражение «постоять за Русь» вовсе не означало «постоять за Москву»!

Памятники Куликовского цикла сообщают и о другом союзнике Мамаю: великом князе Литовском Ягайло. Будто бы именно в ожидании своего литовского союзника Мамай проболтался в степи почти два месяца, и в результате так и не дождался: в день Куликовской битвы Ягайло будто бы находился в 30–40 верстах от Куликова поля и, узнав о поражении Мамаю, в страхе бежал назад.

Поведение Ягайло вызывает естественный вопрос: а чего, собственно говоря, он испугался?

Чтобы ответить на этот вопрос, припомним обстоятельства появления Ягайло в числе «союзников» Мамаю. Великое княжество Литовское во второй половине XIV века являлось крупнейшим государством Восточной Европы. Его границы простирались от Балтийского моря до Днестра и от Бреста до Оки, Протвы и верховьев Волги в районе озера Селигер. Еще при великом князе Гедимине (1316–1341) часть литовцев приняла крещение в православную веру. Сам Гедимин остался язычником. Пятерых из семи своих сыновей (у него было семь сыновей и пять дочерей) он крестил в православие, а двоих оставил язычниками. Православными были сыновья Гедимины Ольгерд, во святом крещении Александр (по другим данным — Андрей), Наримунт-Глеб, Явнут-Иван, Кориат-Михаил, Любарт-Дмитрий. Последний прославился как защитник православия на Волыни, где он всю жизнь провел в борьбе с поляками [Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*, т. 3]. Дочь Гедимины Мария была женой великого князя Тверского Дмитрия Михайловича Грозные Очи, другая дочь, Анастасия-Августа, была просватана за великого князя Московского.

Великое княжество Литовское отличалось исключительной веротерпимостью. Девизом Гедимины было: «старины не рушаем, новины не вводим». «Король литовцев и многих русских», как именовал себя Гедимин, неоднократно заявлял, что не запрещает подвластному населению исповедовать свою веру. В столице Великого княжества Литовского, Вильно, бок о бок мирно существовали языческие капища, православные и католические храмы.

Политику Гедимины продолжил его сын Ольгерд-Александр. При нем в состав Литвы вошли Брянск, Чернигов, Новгород-Северский, Новосиль, Киев, Переяславль-Русский. В 1363 году Ольгерд-Александр разбил татар на Синих Водах, после чего границы Великого княжества Литовского распространились до Подолья — до Днестра. При этом литовские князья шли на земли бывшей Киевской Руси не как оккупанты, а как освободители от татарского ига: «По-

чали боронити Подольскую землю, а баскакам дань давать перестали» [цит. по Полонська-Василенко Н. Історія України. Київ, 1995, с. 311]. И нет ничего удивительного, что местное боярство охотно вступало в литовское войско, на службу к литовским князьям. Одновременно литовцы перенимали многое из уцелевших от татарского погрома достижений Киевской Руси. Так, «Русская правда» Ярослава Мудрого легла в основу правовой системы Великого княжества Литовского. Русский язык был фактически государственным языком, документы на нем составлялись даже в коренных литовских землях.

Господствующей религией на землях Великого княжества Литовского было православие. Сам Ольгерд-Александр был женат на дочери великого князя Тверского Юлиании. Все его 12 сыновей и 6 дочерей были крещены в православие. Православным был и Ягайло-Яков — сын Ольгерда и Марии Тверской [подробнее см.: *Князь литовский Яков Андреевич, так названный Ягайла*. — «Вестник Западной России», 1869, № 3, с. 75–81].

Тесные династические связи Великого княжества Литовского с Тверью делали Литву естественным союзником Тверского княжества. Литовские войска несколько раз выступали на помощь своему тверскому союзнику в его борьбе против Москвы. В 1368 году Ольгерд внезапно напал на Москву. О его приближении узнали, когда он уже находился на реке Гжать (в 150 километрах от Москвы). Князь Дмитрий Иванович приказал «рассылати грамоты по всем городам своим, веля быти к себе воем своим». Но было уже поздно, разбив на реке Тростна сторожевой полк москвичей, Ольгерд подошел к стенам Москвы.

Ольгерд-Александр скончался в 1377 году, приняв перед смертью православный монашеский чин под именем Алексея. После его смерти Литва вступила в период смуты. Преемник Ольгерда, Ягайло-Яков, стал наследником по воле отца, в обход старших братьев, что вызвало у тех возмущение. Первым восстал против брата Вингольт-Андрей

Ольгердович, князь Полоцкий, который в 1377 году бежал из Литвы в Псков, а оттуда в Москву. В 1380 году мы видим его на Куликовом поле, в числе полководцев Дмитрия Донского, вместе с братом — Дмитрием Ольгердовичем, князем Брянским, перешедшем на сторону Москвы в 1379 году.

К 1380 году положение Ягайло-Якова было тяжелым. С запада Литве угрожали католические Польша и Тевтонский орден, с востока — Москва, соперник за влияние на русские княжества. В день Куликовской битвы Ягайло-Яков находился, если верить русским свидетельствам о Куликовской битве, в одном-двух-трех (сведения разнятся) переходах от места сражения. В жестокой сече русское войско, как утверждают источники, понесло тяжелейшие потери. «Куликовская битва была из числа тех побед, которые близко граничат с тяжким поражением, — пишет С.М. Соловьев. — Когда, говорит предание, великий князь велел счесть, сколько осталось в живых после битвы, то боярин Михайла Александрович донес ему, что осталось всего сорок тысяч человек, тогда как в битву вступило больше четырёхсот тысяч человек. Если историк и не имеет обязанности принимать буквально последнего показания, то для него важно выставленное здесь отношение живых к убитым». Иными словами, потери русского войска были чрезвычайно велики, даже катастрофичны: «оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами и слугами и всеми воиньствы и о сем великий страх бысть на всей земле Русской» (ПСРЛ, т. XI, с. 69).

Перед свежими силами Ягайло стояло изможденное, обескровленное соединенное войско всех северо-восточных русских земель. Одним ударом Ягайло мог уничтожить всю вооруженную силу Северо-восточной Руси и окончательно решить спор между Москвой и Литвой в пользу Литвы и ее союзника — великого княжества Тверского, тем самым определив судьбы Восточной Европы на столетия вперед. И Ягайло... панически бежал! «Литва с Ягайлом побегоша назад с многою скоростию ни кем же гоними: не видеша бо

тогда князя великого, ни рати его, ни оружия его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху» [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 312].

Чего так испугался Ягайло?

Поведение Ягайло-Якова — одна из загадок Куликовской битвы. Чего он вообще хотел? Куда шел? Чего искал в верховьях Дона? Почему, если уж он союзник Мамаю, не пошел прямо на Москву, совершенно оголенную от воинских сил и беззащитную? И, наконец, имел ли место сам факт союза Ягайло с Мамаем и его поход к Куликову полю?

Между тем отказ Ягайло от нападения на остатки московской рати после Куликовской битвы и его бегство (если оно было) имело самые тяжелые последствия. Братья Ягайло — Вингольт-Андрей и Дмитрий, герои Куликовской битвы, продолжали интриговать против него. В поисках союзников Вингольт-Андрей заключил союз с католическим Тевтонским орденом против Ягайло-Якова. За восемь лет своего правления Ягайло не получил поддержки ни внутри страны, ни за ее пределами. Союзников не было. И перед лицом явно обозначившегося альянса внутренней оппозиции (герой Куликовской битвы Вингольт-Андрей Ольгердович и его сторонники) с внешними врагами (Тевтонский орден) Ягайло, как за соломинку, ухватился за предложение польских панов взять в жены польскую королеву Ядвигу и возглавить польско-литовскую унию.

Подписание условий унии состоялось летом 1385 года в замке Крево (поэтому уния получила название Кревской). Первым пунктом договора между Великим княжеством Литовским и Польшей был: великий князь Ягайло, его братья, бояре, и весь народ литовский и русский переходят в католичество [подробнее о крещении Литвы см., например, Полевой Н.А. *История русского народа*. М., 1997, т. 3, с. 85–87].

Так было положено начало распространению «латинства» в Литве, Белоруссии и на Украине. Условия Крев-

ского договора вызвали широкие протесты в Великом княжестве Литовском, и борьба против них продолжалась очень долго, но в результате Великое княжество Литовское утратило свою независимость, став частью Польши, а границы католического мира приблизились вплотную к Москве. И много трудов понадобилось последующим поколениям, чтобы эту границу отодвинуть.

Понимал ли Ягайло последствия своего шага, убегая от призрака рати Дмитрия Донского? И мог ли реальный политик и воин, реальный князь Ягайло — а не тот кукольный персонаж, который изображен в памятниках Куликовского цикла — добровольно отказаться от исторического шанса — фактически возглавить Восточную Европу?

Кстати, какие обстоятельства толкнули Ягайло на союз с Мамаем? «Князь Ольгерд передал трон младшему сыну Ягайле. Недовольный этим старший сын Андрей бежал на Русь и просил помощи у Дмитрия Ивановича. В исходе 1379 года князь Андрей вместе с полками Боброка Волынского вступил в пределы Литвы. На его сторону перешел Дмитрий Ольгердович с дружиной. Наступление не достигло цели. Братья Андрей и Дмитрий ушли в Москву и вскоре приняли участие в Куликовской битве вместе со своими литовско-русскими дружинами. Ягайло сохранил трон и заключил военный союз с Мамаем» [Скрынников, с. 12]. Но что мог дать Ягайло военный союз с Мамаем? Ведь, если верить памятникам Куликовского цикла, сам Мамай презрительно говорил своим «союзникам»: я, мол, и без вас управлюсь, но раз вы мои улусники, то уж и вы идите в поход... Но улусником Мамай Ягайло не был!

А может быть, события Куликовской битвы вызваны борьбой за трон в Великом княжестве Литовском? Тогда, по крайней мере, становится ясным союз Ягайло с Мамаем: оба они выступают против Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, за которых стоит московский князь Дмитрий, и против самого Дмитрия. Чтобы объединить силы, Мамай идет на встречу с Ягайло, но стремительным маневром Дмитрий Донской и литовские князья упреждают действия

противника, разбивают Мамая, а оставшийся ни с чем Ягайло уходит восвояси. Подобная версия, по крайней мере, объясняет цели и смысл военного союза Ягайло с Мамаем, но не объясняет причину отступления великого князя литовского. Как мы говорили выше, ему оставалось только воспользоваться плачевным состоянием русского войска после столь тяжелой битвы — и его цель была бы достигнута.

Так, может быть, дело было в другом: у Ягайло собственных сил было слишком мало? Это Московский летописный свод 1479 года утверждает, что Ягайло шел «со всею силою Литовскою и Лятьскою» (ляхскою, то есть польской) [ПСРЛ, т. XXV, с. 201]. Но подобное было бы возможно только после литовско-польской унии 1385 года, но не в реальной политической ситуации 1380 года. Не было у него на тот момент «всей силы», тем паче, что часть собственно литовских сил ушла с его же братьями-соперниками на Куликовскую битву. Отсюда вывод, который сводится к трем «либо».

Либо Ягайло в одиночку не на что было рассчитывать даже после битвы и огромных потерь войск Дмитрия: собственное войско его было слишком слабо.

Либо потери русского войска были «эпически» преувеличены авторами памятников Куликовского цикла, как, впрочем, и сами масштабы битвы, о чем мы говорили выше. А у Ягайло не было возможности оценить эти потери, и узнал он только одно — Дмитрий победил! И это подействовало на него деморализующе, что психологически понятно.

Либо, наконец, рассказ о походе Ягайло к Куликову полю выдуман гораздо позднее — скорее всего, в 1480-е годы, с вполне объяснимыми политическими целями, о которых мы говорили в начале этой главы. Последнее представляется нам наиболее правдоподобным: никакого похода Ягайло к Куликову полю не было вообще, тем более что об этом известно только из памятников Куликовского цикла. Западнорусские летописи по этому поводу молчат.

Весьма характерно, что Основная и Распространенная редакции «Сказания о Мамаевом побоище» никакого Ягайло не знают. Врагом Дмитрия Донского в Куликовской битве 1380 года в них выведен великий литовский князь Ольгерд, умерший в 1377 году. Исследователи всячески пытаются объяснить этот парадокс, но, между прочим, еще А.А. Шахматов считал, что в первоначальном виде «Сказания о Мамаевом побоище» фигурировало имя «Ольгерд», которое затем заменили на исторически более верное «Ягайло». На наш же взгляд, московским авторам второй половины XV века, по большому счету, было глубоко безразлично, кто противостоит Дмитрию Донскому — Ольгерд или Ягайло, главное — надо было показать, что Литва является «историческим» врагом Москвы.

КУДА ШЕЛ ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ?

Поход Дмитрия Донского за Дон, несомненно, является событием чрезвычайным, из ряда вон выходящим. Сам факт такого глубокого проникновения русской рати в глубь степей может сравниться разве что с походом князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Никогда еще со времен Батыя русские не уходили так далеко в степь.

Как считает В. В. Каргалов, «Дмитрий Иванович намеревался встретить Мамаю где-то на Муравском шляхе, обычной дороге ордынских набегов» [Каргалов, с. 80]. Но что случилось? Почему Дмитрий Донской не остановился ждать Мамаю на водных рубежах — на Оке или ее притоках, как, например, на Воже в 1378 году, а двинулся в самое сердце степей, рискуя попасть в мешок: ведь с запада, если верить памятникам Куликовского цикла, шел Ягайло, с востока — Олег Рязанский, а с юга — Мамай?

Куда шел Дмитрий Донской? И чего вообще хотел Мамай?

«Целью действия Мамаю, по слухам, было полное поражение России, совершенное истребление русских князей и замена их ханскими баскаками. В заключение татары

грозили истребить и веру православную, заменив ее магометанством», — с плохо скрытой усмешкой пишет Д.Ф. Масловский [Масловский, с. 212]. Впрочем, разные летописные источники по-разному объясняют цели Мамаева похода: Мамай хотел отомстить Дмитрию за разгром в битве на Воже отряда мурзы Бегича; Мамай хотел добиться возобновления выплаты дани («вѣхода»), которую Дмитрий отказался платить, воспользовавшись «замятней» в Орде; Мамай, возгордись, захотел повторить Батыево нашествие и разорить Северо-Восточную Русь дотла. Позднейшие историографы добавили к этим летописным сообщениям свои собственные «глубокие», как им кажется, соображения: прозорливый, дальновидный и политически грамотный Мамай «надеялся разрушить те объективные экономические и политические условия, которые вообще делали возможным свержение ордынского ига... Речь шла, таким образом... о большой войне, предпринимавшейся ордой с далеко идущими политическими целями» (как писал автор одной из «юбилейных» книжек 1980 года). Впрочем, это не «потолок» буйного полета фантазии — по страницам популярных изданий бродят версии о том, что Мамаем руководил римский папа (*без комментариев. — Прим. авт.*); о том, что Дмитрий Донской, верный друг татар, шел на Мамаю защищать исконные права Джучидов (в лице Тохтамыша) на сарайский престол... Вероятно, только слабое знание источников и отсутствие политического заказа не позволило авторам подобного рода версий сочинить гипотезу о том, что Мамай являлся полководцем Александра Македонского (*Это, кстати, делается элементарно, надо только знать, откуда черпать сведения об этом. — Прим. авт.*).

Какое дело Дмитрию было до наследственных прав Джучидов? Какая такая трогательная дружба могла связывать Дмитрия Донского с Тохтамышем? И откуда это следует? Два-три туманных летописных сообщения (в том числе Симеоновской летописи), на которые пытаются ссылаться сторонники этой «евразийской» версии, не позволяя-

ют однозначно говорить о том, что Дмитрий желал восстановления единства Орды под властью Тохтамыша. Какая ему разница, кому платить дань — Мамаю или Тохтамышу? Да, Мамай требовал выплаты дани в большем размере, но если бы Тохтамыш потребовал того же — пошел бы Дмитрий рубиться с ним на Куликово поле? Ответ на этот вопрос исчерпывающе дали события 1382 года, когда Тохтамыш сжег Москву и принудил Дмитрия выплачивать дань — подробности смотри в учебнике истории.

Кстати, вопрос о том, кто был узурпатором власти в Орде — Мамай или Тохтамыш — однозначно не решается. И.Б Греков [Греков, 1970] отмечает противоречие между «Летописной повестью о Куликовской битве» и «Сказанием о Мамаевом побоище» в оценке деятельности Тохтамыша и генуэзских «фрязов»: «Летописная повесть» пространной редакции, как мы знаем, обрушилась на «фрязов» как союзников Ордынской державы в 1380 году, изображая Тохтамыша узурпатором ханской власти в Золотой Орде. В «Сказании» «фрязы» как союзники Ордынской державы уже не выступали. Мамай изображался как главный противник русской земли, который и после Куликовского поражения готовил новый поход на Русь. Что же касалось Тохтамыша, то он оказывался в роли такого хана, который, во-первых, содействовал предотвращению нового вторжения Мамаю в русские земли, во-вторых, выступал не в качестве узурпатора ордынского престола, а в качестве «добровольно» признанного местными феодалами правителя Золотой Орды» [Греков И.Б. *О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»*. «Советское славяноведение», 1970, № 6]. Иными словами, в русском летописании существовали две трактовки событий в Орде — «промамаевская» и «протохтамышевская».

Устоявшееся в нашей научно-популярной литературе мнение однозначно рассматривает события 1380 года как кульминационный момент в борьбе Москвы за объединение русских земель и освобождение от татарского ига. Но являлся ли поход Дмитрия Донского на Куликово поле

«решительной схваткой с Ордой», результатом многолетней последовательной антиордынской политики московских князей? Действительно ли накануне «Москва окончательно встала во главе общенародной борьбы за свержение ненавистного иноземного ига» [Каргалов, с. 27]

Если это и произошло, то только в силу объективной логики развития исторических процессов, но никак не в результате целенаправленной политики Москвы. И вообще — «А вынашивались ли в Москве планы скорейшего освобождения Руси от ордынского ига?» — ставит вопрос современный исследователь А.В. Чернышев [Чернышев А.В. *Очерки по истории Тверского княжества XIII–XIV вв.* Тверь, 1996, с. 120]. По мнению А.В. Чернышева, битва на реке Воже, Куликовская битва и ряд других событий, стоящих в этом же ряду, свидетельствуют только о нарастающей способности и желании Москвы сопротивляться Орде. *Из этого вовсе не следует, что Москва стремилась к скорейшему свержению ордынского ига.* «Москва, по всей видимости, исходила в своей восточной политике из гораздо более тонких и точных расчетов — важно было не просто смести ордынцев с политической сцены, но как бы «заместить собою» Орду, осуществив эту подстановку плавно и, по возможности, незаметно. Условием выполнения этого плана было предварительное подчинение Москве всех основных политических центров Руси. Похоже, что правители Московского княжества чересчур буквально восприняли обозначение татарами всех русских земель в качестве «улуса» (то есть наследственного владения) московского государя: ордынская власть гарантировала сохранение этого «улуса», и «удар милосердия» умирающему противнику Москва нанесла лишь тогда, когда смогла самостоятельно контролировать огромную территорию от Новгорода до Рязани» [Чернышев, 122]. Иными словами, *Москва до поры была объективно заинтересована в сохранении монголо-татарского ига* и, используя авторитет ханской власти, осуществляла политику территориальной экспансии. Такой способ освобождения от монголо-татарского ига, делает

вывод А.В. Чернышев, неизбежно приводил к трагическому финалу все независимые политические образования, находившиеся в пределах московской досягаемости.

Таким образом, ни о какой общерусской программе борьбы с монголо-татарским игом говорить не приходится, и «Донской поход Дмитрия Ивановича 1380 года, объединивший из-за крайней опасности со стороны Мамай отряды почти всех русских княжеств, так и остался в этом смысле блестящим исключением» [там же, с. 124]. Отказавшись сгоряча от уплаты дани Орде, Москва «уже через несколько лет после набега Тохтамыша (с 1384 года) вновь приняла на себя денежные обязательства перед Ордой, явно посчитав свои действия неосторожными и преждевременными» [там же, с. 121–122].

Но может быть, война Дмитрия с Мамаем носила религиозный характер? Ведь на Верхнем и Среднем Дону и в Воронеже, как мы писали выше, лежала обширная область, населенная христианами — Червлёный Яр, а Мамай летом 1380 года кочевал именно в тех местах. Может быть, он грабил и разорял там православное население, а Дмитрий выступил на защиту единоверцев? Или одной из целей Мамай действительно было искоренение православия и насаждение на Руси «магометанства»?

Что касается населения Червлёного Яра, то оно к 1380 году скорее всего уже было ограблено и разорено дотла татарскими набегами 1376–1378 годов, и вряд ли Мамаева орда могла бы там еще хоть чем-нибудь поживиться. А что касается намерений искоренить православие, то никаких фактов, говорящих об объявлении Мамаем джихада (священной войны против неверных), у нас нет (кроме эмоциональных сообщений поздних русских литературных памятников конца XV века). Практически отсутствует (хотя полностью не исключена) вероятность того, что в конце XIV века в Орде могли появиться какие-то влиятельные силы, способные поднять на джихад многонациональное и веротерпимое население западного крыла улуса Джучи и Причерноморья, которое исповедывало около десятка раз-

ных религий — от всевозможных языческих верований до буддизма.

Неизвестно нам и вероисповедание самого Мамай: он мог быть мусульманином, мог быть язычником (во многих редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» Мамай молится русским языческим богам — Перуну и др.), а мог быть и... христианином. Более того! Известно, что победитель «безбожного» Мамай, благоверный князь Дмитрий Донской, канонизирован Русской православной церковью, правда, довольно поздно, в XX веке — в 1989 году. Зато «безбожный» Мамай удостоился этой чести на несколько веков раньше. Кто не верит — может убедиться сам (рис. 5.33). На серебряном диске из православного монастыря Гелати (Грузия) изображен Св. Мамай с крестом в руке... Или было два Мамай?

Впрочем, даже будучи язычником, Мамай в вопросах веры вряд ли отличался от прочей ордынской знати, которая, как нам известно по многим историческим источникам, умела хорошо ладить с русской православной церковью. Об этом свидетельствуют не какие-то там полуисторические-полулiterатурные сочинения, а реальные документы — целый корпус грамот (ярлыков), в разное время

Рис. 5.33. Святой Мамай

выданных золотоордынскими ханами русским митрополитам. Коллекция этих ярлыков была опубликована М.Д. Приселковым в 1916 году [*Ханские ярлыки русским митрополитам*. Пг., 1916] и содержащиеся в этих документах данные рисуют чрезвычайно любопытную картину отношений золотоор-

дынских ханов и православной церкви, православной церкви и русской княжеской власти...

«Золотоордынские ханы, — пишет М.Д. Приселков, — мало вмешивались во внутренние порядки покоренной Руси... Как за время золотоордынского владычества на Руси складывались отношения церкви и княжеской власти, мы имеем общее представление... Данные эти не оставляют сомнения в том, что за все время золотоордынского владычества шла борьба светской и духовной власти на Руси, и уставная грамота великого князя Василия и митрополита Киприана вводит нас с совершенною ясностью и в результаты этого состязания за власть над церковным имуществом, и в основные пункты спора... Борьба церкви и царства не выходила у нас из каких-либо принципиальных соображений со стороны светской власти, а вызывалась действительною нуждою государства, которая ставила московских князей в двойственную позу — покровителя церкви, ее «благочестивейших» сынов — с одной стороны, и «наступающих утеснителей» и секуляризаторов церковного имущества — с другой. В то же время «золотоордынские ханы брали на себя заботу ограждения церковного имущества от посягательств со стороны всех, не только своих чиновников» [Приселков, с. 34–35]. То есть, для православной церкви союз с золотоордынскими ханами обеспечивал немалые выгоды, так как гарантировал неприкосновенность церковного имущества от покушений со стороны московских князей.

В XV веке, пишет далее М.Д. Приселков, духовные власти составили выжимку из ханских ярлыков — «Пространную коллекцию», которая «не собиралась только колоть глаза сравнением двух властей — неверных ханов и православных государей, но попыталась доказывать то, чего не существовало: полной неприкосновенности церковного имущества от князей по прямой на то воле хана, выражаемой и повторяемой в ярлыках с настойчивостью» [Приселков, с. 36].

Видя в золотоордынских ханах гарантов неприкосновен-

ности церковного имущества (которое по воле ханов было освобождено от всех видов поборов в ханскую казну), русская православная церковь молилась за их здоровье, и этот факт постоянно подчеркивается в ханских ярлыках:

«Из давних из добрых времен и доселе что молятся бого-мольцы и весь поповский чин, и те никаких не ведают пошлин, самому Богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают. Так молвя, Феогноста митрополита царь пожаловал, с алою тамгою ярлык дал...»

[Из грамоты ханши Тайдулы митрополиту Феогносту — Приселков, с. 59.]

«А попове от нас пожалованы по первой грамоте, Бога моляще и благословляюще нас, стойте; а иже имете не правым сердцем молитися о нас Богу, тот грех на вас будет... Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от чернецов ни дани, ни иного чего ни хотят, ни возмут баскаки, князи, писцы, таможенники; а возмут, и они по великой Ясе извинятся и умрут».

[Грамота хана Менгу-Темира митрополиту Петру. — Приселков, с. 58–59.]

Из всего сказанного следует, что конфликт Дмитрия Донского и Мамаю вряд ли мог носить религиозную окраску.

Между тем любая, даже религиозная, война всегда имеет под собой экономические причины. Какие экономические причины могли побудить Дмитрия Донского выступить в дальний и опасный поход в степь против Мамаю? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, кроется в скромном, мельком упоминаемом в памятниках Куликовского цикла факте: русскую рать сопровождали купцы из Крыма, а точнее, из Судака (Сурожа) — «гости-сурожане»:

«Поят же тогда князь великий с собою десять мужей сурожан гостей видения ради: аще что бог случит, имут поведати в дальних землях, яко сходницы суть из земли в

землю и знаеми всеми во ордах и в фрязах; и другая вещь: аще прилучится недостаток в коей потребе, и си куплю сотворяют по обычаю их. Сии же суть имена их: Василий Капица, Сидор Елферьев, Костянтин, Козьма Коверя, Семион Онтонов, Михайло Саларев, Иван Ших».

[Татищев, с. 143.]

Сурожанами в Москве называли купцов, торговавших с купцами Константинополя и итальянских колоний в Крыму, в первую очередь Сурожа (современный Судак). Эти колонии, по словам М.Н. Тихомирова, «стремились поддерживать спокойствие на донских и волжских путях, которые находились в руках золотоордынских ханов» [Тихомиров, с. 351.]

Наличие «сурожан» в войске Дмитрия Донского в нашей популярной литературе принято либо опускать совсем, либо упоминать только в связи с желанием Дмитрия иметь при войске независимых свидетелей, которые расскажут всему миру о... О чем? Летописец уклончиво отвечает: «что бог случит». Поразительна смелость этих торговых людей — пойти на смертельную битву, поглазеть «что бог случит»!

М.Н. Тихомиров, неясно почему, считал, что «сурожане московские гости» должны были рассказывать о победе в дальних странах» [Тихомиров, с. 376]. То есть, Дмитрий заранее был уверен, что победит Мамай?

Впрочем, вторая часть летописного сообщения гораздо более существенна: купцы-сурожане, оказывается, имели задачу обеспечивать русское войско «всякой потребой». «Свидетельство, что 10 купцов имели также обязанностью способствовать продовольствию войск, весьма существенно, — отмечает Д.Ф. Масловский, — как указывающее на некоторого рода компанию, которая заведывала подвозом продовольствия или покупкою его на месте; больше мы ничего не знаем» [Масловский, с. 228, прим. 1].

Генерал-майор Е.А. Разин обращает внимание и на еще одну службу, которую могли сослужить купцы-сурожане: они «ездили торговать в город Сурож (Судак) в Крыму и

хорошо знали дороги в придонских степях, а также зимовья и кочевья татар» [Разин, с. 275]. Все правильно, но вот, по крайней мере до Ельца (а это на 100 километров южнее Куликова поля) никакой нужды в услугах купцов-сурожан не было: как мы показали выше, эти земли были густо населены славянским и неславянским христианским населением, которое гораздо лучше купцов-сурожан знало дороги на Верхнем Дону. А вот ближе к устью Воронежа — а именно там и кочевал Мамай — и далее, действительно, знания купцов-сурожан могли ох, как пригодиться.

Что же получается? Князь Дмитрий со всей вооруженной силой Москвы и мелких северо-восточных княжеств собирается идти так далеко в степь, аж до зимовий и кочевий татар, увлекаемый некоей сурожской торговой компанией «Василий Капица и К^о»?

А Мамай?

А Мамай ждал...

«Переходя к татарам, невольно является вопрос: что было причиной их медлительности и бездействия? Почему те же самые татары, которые имели столь замечательное военное устройство и правила ведения войны, сохранившиеся от великого военного человека (Чингисхана), домашняя жизнь которых в мирное время была постоянною подготовкою к бою — почему эти татары отличаются такою пассивностью в своих действиях? Они дают возможность Дмитрию окончить формирование рати, подойти незамеченным, с первого шага выхватить из рук их вождей инициативу действий и заставить принять бой при условиях, невыгодных для себя... Татарские полководцы решительно отступили от святых для них предписаний законов войны. По принципам «Ясы» (законы Чингисхана, имевшие для татар такое же значение, как и Коран для магометан), раз если война уже была решена и неприятель не хотел покориться, то следовало немедленно открывать войну вторжением в неприятельскую страну с нескольких сторон и приводить таким образом противника в недоумение, где сосредоточить свои главные силы против наступающего и, вслед-

ствие того, заставить его раздробляться. За два дня вперед принимались серьезные меры к охранению. Между тем в настоящем случае татары, имея и без союзников вдвое превосходные силы, действуют до поразительности вяло; замстно пренебрежение разведывательной службой и рекогносцировками. Главное — Мамай теряет инициативу, а этим именно и дорожил великий Чингисхан» [Масловский, с 234–235].

Если верить памятникам Куликовского цикла, Мамай добровольно избрал на себя роль мальчика для битья. Между тем в 1377 году, за три года до Куликовской битвы, царевич Арапша действует в полном соответствии с заветами Чингисхана, стремительным и внезапным ударом разгромив на Пьяне нижегородско-московскую рать. А в 1380 году Мамай ждет...

«От почина действий татары отказались с начала кампании», — подчеркивает русский военный историк Д.Ф. Масловский [Масловский, 9, с. 25]. В чем был тогда для Мамая смысл затевать войну? Чтобы с бараньей покорностью ждать, когда его разобьют? Можно не сомневаться, что если бы Мамай захотел идти на Москву, он бы пошел на нее с той же стремительностью и скрытностью, с какими совершали свои нападения Ольгерд в 1368 году, Арапша в 1377 году, Тохтамыш в 1382 году.

Объяснение всем этим странностям может быть одно: *летом 1380 года Мамай со своей ордой перекрыл Черноморско-Донской торговый путь и тем самым полностью «перекрыв кислород» торговле Сурожя с Москвой.* Чтобы разблокировать этот путь, купцы-сурожане подняли на Мамай рать московского князя Дмитрия Донского — ведь от прекращения торговли с Крымом страдала и казна московского князя, и население Москвы, и все княжества Северо-Восточной Руси — кроме Новгорода и тех экономически и политически самостоятельных крупных княжеств (Тверское, Нижегородское), которые имеют возможности торговать через Балтийское море, через Литву или через волжский торговый путь. Кстати, все эти княжества — по-

литические противники Москвы. И Мамай «перекрыл кислород» не только Сурожу, но и Москве.

«Конфликт Золотой Орды с Московским княжеством затрагивал торговые интересы международного порядка», — отмечает М.Н. Тихомиров.

[Тихомиров, с. 350.]

Итак, за Дмитрием Донским стоят купцы-сурожане, купцы из Крыма, — из Судака (Сурожа)... А за Мамаем? О, у Мамаи были давние и прочные связи с итальянскими купеческими факториями в Причерноморье — там, где скрестились торговые интересы Венеции, Генуи, русских и мусульманских купцов, издавна торговавших в Суроже... И одним из главных «нервов» причерноморской торговли был Черноморско-Донской путь.

Это был очень древний путь. Как торговая магистраль он существовал, по крайней мере, с X века. Путь от Оки вниз по Дону особенно оживился с тех пор, как по Черным и Азовским морям прошло главное направление европейско-азиатской торговли и приазовская Тана (Танаис) стала в конце XII — начале XIII века перевалочным пунктом этой торговли. Для Рязанского княжества Дон был главной дорогой, выводящей на черноморские рынки и в Византию. Путь по Волге не имел для Рязани такой важности, как путь по Дону.

Между Окою и Доном существовали две главные дороги: западная сухопутная и восточная водная. Попастъ с Оки на Дон можно было тремя путями. Первый из них описан в наказе Ивана III к рязанской княгине Агриппине: «А ехать... от Старой Рязани вверх Пронею, а от той реки Прони по Рановой, а и Рановой Хуптою вверх до Переволоки, до Рясского поля». Переехав сушей небольшое пространство по Рясскому полю, путники снова садились на суда и по рекам Рясе и Воронежу спускались на Дон.

Другая дорога от Оки до Дона описывается в «Хожении Пименовом в Царьград» и у С. Герберштейна: сухим путем

от Рязани со спуском на воду в верхнем течении Дона, по Герберштейну — у Данкова: «На расстоянии почти двадцати четырех немецких миль течет Танаис по местности, которая зовется Донко; здесь купцы, отправляющиеся в Азов, Каффу и Константинополь, грузят свои корабли, что по большей части происходит осенью, в дождливую пору года, поскольку Танаис в том месте не настолько полноводен, чтобы по нему с удобством могли ходить груженные корабли. От Донка... едва через двадцать дней плавания можно добраться до Азова». В 1389 году этой дорогой прошли Пимен и его спутники, а в 1523 году — русский посол И.С. Морозов и турецкий посол Скиндер. Сопровождавшие их рязанские казаки «клялись на суды в Донкове».

Третьим путем был путь от Оки к Красивой Мече по суше и по воде — по Красивой Мече в Дон. Этим путем использовался в связи с начавшимся обмелением верхнего Дона в 1499 году русский посол в Турцию А. Голохвастов, и с ним несколько купцов «клялись в судно на Мече, у Каменова Коня». Спустя год, в 1500 году, этим путем шли русский посол А. Кутузов и посол «кафинского государя» Садык. Иван III им «дал подводы до Мечи, и послал с ними людей проводить их до Дону, а на Дону дал им суда».

Существовал и сухопутный путь в Азов: «Те, кто едет из Москвы в Азов сухим путем, переправившись через Танаис около Донка (древнего и разрушенного города), несколько сворачивают от южного направления к востоку» [Герберштейн С. *Записки о Московии*].

На рубеже XV–XVI веков Черноморско-Донской путь активно использовался для дипломатических сношений Москвы с Бахчисараем и Стамбулом. Помимо уже упоминавшихся случаев, известны и другие посольские миссии, проходившие этим путем. В 1501 году «Алакозь кафинский посол» из Рязани возвращался по Дону в Крым, а в 1515 году турецкий посол Камал-бей с русским послом Василием Коробовым пошли по Дону в Стамбул.

Путь по запустелым, безлюдным местам был небезопа-

сен. Еще Пимен писал в 1388-х годах о разбойниках на Верхнем Дону. А с середины XV века на Верхнем Дону появляются «казаки». С одной стороны, это — лихая вольница, пошедшая «на Дон самодурью в молодечество», с другой — суровые степные воины, жители Червленого Яра, привыкшие к лишениям пограничной службы. Рязанские казаки действуют в 1444 году при обороне Рязани от войск царевича Мустафы. Они вооружены копьями, рогатинами и саблями, пользуются по причине глубокого снега лыжами и представляют собой род легкого войска. О рязанских казаках как о служилых людях говорит Иван III в уже упоминавшемся наказе княгине Агриппине. По мнению Д.И. Иловайского, на Рязанской «Украине» в это время идут два процесса: образуется особый класс служилых людей из передовой «украинской» стражи, а в степях собирается вольница беглецов-разбойников.

Донской водный путь сохранял свое значение вплоть до конца XVII века, в зависимости от военно-политической обстановки то оживляясь, то надолго пустея. Наиболее интенсивное движение по Дону осуществлялось в XVII веке — когда русские границы продвинулись далеко на юг и Верхний Дон стал внутренней магистралью Московского государства.

Но это все еще впереди, а пока идет 1380 год, и Мамай стоит в устье Воронежа, перекрыв донскую водную магистраль, и вот уже несколько месяцев как по Дону нельзя пройти в Тану (Танаис, татары называли этот город Азаком). Кто-то из купцов подсчитывает прибыли, а кто-то — убытки. И тогда московский князь Дмитрий Иванович, ополчась, идет вниз по Дону Муравским шляхом... Зачем? Свергать золотоордынское иго? Защищать в донских степях православие, защищать христиан Червленого Яра от Мамаева погрома? Или все гораздо проще и причины этого похода надо искать в Крыму?

«Крым являлся торговыми воротами Золотой Орды, чему немало способствовали генуэзские города-колонии. Именно сюда вели многие сухопутные караванные дороги,

и здесь начинался морской путь в страны Ближнего Востока, Египет и Италию. Крупнейшая торговая артерия средневекового мира соединяла Крым с Дальним Востоком, откуда поставлялись многочисленные предметы роскоши. Сюда же стекались товары из Руси и Приуралья. Сухопутный торговый путь из Львова соединял Крым с Центральной Европой. Благодаря торговле быстро расцвел и центр улуса город Крым. Однако в XIV веке его роль транзитного и таможенного центра значительно падает в связи с появлением в устье Дона города Азака. В нем обосновалась генуэзская фактория Тана, откуда по Азовскому морю можно было значительно быстрее попасть в Кафу» [*Крым: прошлое и настоящее*. М., 1988, с. 20].

В 1266 году монголы разрешили генуэзцам основать в Кафе (Феодосии) торговую колонию. Другим независимым от ордынских властей городом был Судак (Сурож). До расцвета Кафы он был одним из крупнейших центров международной торговли, где видную роль наряду с греческими играли и русские купцы. В 1365 году генуэзцы захватили Судак, ликвидировав таким образом торгового конкурента [подробнее об этом см. *Крым: прошлое и настоящее*. М., 1988].

Известно, что Мамай появился в 1350-х годах в татарских войсках, размещенных в Крыму. Вероятно, за время своей жизни в Крыму он установил контакты с генуэзскими купцами. Мамай получил Крым в качестве улуса при хане Бердибеке (после 1357 года). В этот же период началось его возвышение, около 1357–1359 годов Мамай становится гурге́ном — ханским зятем. Именно Бердибек разрешил венецианцам (при участии Мамая? Вряд ли крымские дела велись без него) посещать Судак и дал им торговые льготы.

В 1359 году хан Бердибек был убит заговорщиками. Мамай ушел в низовья Дона, где захватил Тану (Танаис), или, как его называли татары, Азак — будущий Азов. Ханский наместник в Тане Секиз (Сёркиз)-бей бежал в 1361 году в Москву. Известный еще под именем Черкиз,

он принял православную веру и стал служить московскому князю Дмитрию. Его сыну, боярину Андрею Серкизовичу, суждено пасть на Куликовом поле. «Лучшего знатока венецианских и генуэзских дел, чем Секиз-бей, было трудно найти», — полагает С.Н. Марков [Марков С.Н. *Земной круг*. М., 1976, с. 124]. Мы не знаем, насколько прав С.Н. Марков, но само приближение беглеца из Таны — ключевого города на Черноморско-Донском пути — ко двору московского князя весьма многозначительно.

А что представляла собой Золотая Орда времен Мамай?

Через всю борьбу ханов за престол в 1360–1370-х годах проходит разделение улуса Бату на две части: Поволжье контролируется сарайскими ханами, западные степи, Причерноморье — Мамаем, который действует от лица подставных ханов-марионеток.

К 1370-м годам в Золотой Орде сформировалось несколько политических группировок, боровшихся за власть. В оседлых периферийных районах среди местной знати господствовали сепаратистские настроения. Политические устремления этой прослойки были направлены на достижение автономии этих улусов.

Кочевая аристократия, в том числе Джучиды, опирались на поддержку поволжских городов. Центром их устремлений был Сарай, за который велась ожесточенная междоусобная война.

Третья группа — столичная знать, олигархия, связанная с управлением государством и службой при дворе хана. Эта могущественная прослойка часто определяла смену ханов [подробнее об этом см. Федоров-Давыдов Г.А. *Общественный строй Золотой Орды*. М., 1973]

В начале 1370-х годов четко наметились контуры политического распада Золотой Орды. Произошло обособление ее западных районов (включая Крым и причерноморские степи) во главе с Мамаем [Федоров-Давыдов Г.А. *Золотоордынские города Поволжья*. М., 1994, с. 12]. К концу 1370-х годов Мамай контролировал почти все земли к западу от Волги. За ним стояла западная золотоордынская сепарати-

стская аристократия, которую Мамай еще держит в руках силой, но которая в любой момент готова разорвать в клочки его объединение [Федоров-Давыдов, 1973, с. 152]. «Столица» Мамаея, как считают, находилась на территории нынешнего Кучугуровского (Запорожского) городища на Днепре [Федоров-Давыдов, 1994, с. 40]. Отсюда, с Днепра, он мог контролировать сухопутный водный путь, который соединял Крым с Центральной Европой.

Все потрясения («замятни») в Орде самым чувствительным образом сказывались на итальянских колониях в Причерноморье и Приазовье. Нестабильность в Орде отрицательно сказалась на причерноморской торговле и одновременно подтолкнула русские княжества к борьбе за обладание двумя главнейшими торговыми путями Восточной Европы: волжским и донским. «Длительная «замятня» расшатала власть золотоордынских ханов, потерявших господство над важнейшей торговой дорогой Восточной Европы — «волжским путем». Об этом, по мнению М.Н. Тихомирова, говорят события 1376 года, когда новгородские ушкуйники беспрепятственно прошли по Волге, ограбив Кострому и Нижний Новгород, продали в Великих Болгарах русских пленников, а затем пошли к Астрахани, грабя и убивая встречных купцов. «Это событие показало, что «волжский путь» остался без охраны, и послужило поводом для похода московских войск на Великие Болгары. Русский поход на Великие Болгары в 1376 году надо рассматривать как один из этапов борьбы за великий волжский путь, имевший громадное торговое значение» [Тихомиров М.Н. *Куликовская битва 1380 года*. — «Повести о Куликовской битве». М., 1959, с. 342].

Ответный ход Мамаея — серия набегов на пограничные русские земли. А затем, летом 1380 года, Мамай берет под контроль черноморско-донской путь, и это событие производит переполох в Москве, Суроже и Кафе

Кто подсчитывает убытки от действий Мамаея? Ясно кто: московские купцы, торгующие с Крымом и итальянские купцы (генуэзцы из Сурожа), имеющие тесные связи с

Москвой. Мамай перекрыл им торговую артерию! А кто в барышах? Тоже ясно кто: венецианцы из Таны-Азака. Во-первых, донской путь парализован, главный конкурент — Сурож — терпит убытки. Во-вторых, резко возросла роль волжского торгового пути — ведь только через него можно теперь осуществлять связь с Поволжьем и севером Восточной Европы. И теперь вся причерноморская торговля идет через Тану — Тану, где фактически правят Мамай и венецианцы!

«Итальянцы (фряги в наших летописях) были тесно связаны торговыми отношениями с Поволжьем. [Тихомиров М. Н. *Куликовская битва 1380 года*. «Повести о Куликовской битве». М., 1959, с. 348]. Для генуэзских колоний в Крыму такой поворот событий грозил катастрофой. И тогда купцы-сурожане повели рать Дмитрия Донского из Москвы в степь — туда, где на Черноморско-Донском торговом пути кочевал Мамай.

ВЕРСИИ

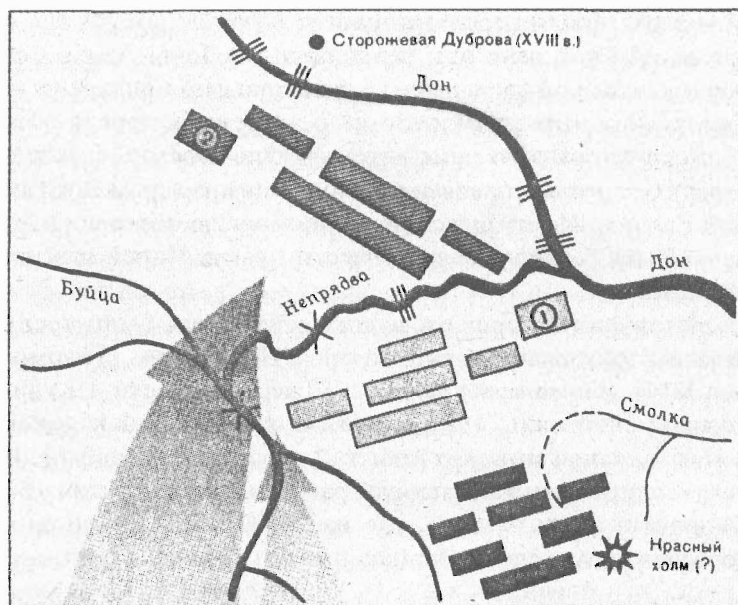
Первые критические голоса по поводу многих деталей «официальной» версии Куликовской битвы стали раздаваться уже во второй половине XIX века. Само место битвы сомнению еще не подвергалось, но часть положений сочиненной «обыкновенными любителями» легенды была пересмотрена. А дальнейшие исследования привели к тому, что под сомнение были поставлены не только «канонические» обстоятельства Куликовской битвы, но и само местоположение ее, фактически произвольно избранное исключительно для установки памятника.

Так стали появляться версии...

Версия 1 (К.П. Флоренский и В.А. Кучкин): у Непрядвы, но на другом берегу (рис. 5.34).

Гипотезу о том, что знаменитая битва произошла не на правом, а на левом берегу Непрядвы, выдвинули на ру-

- — расположение русских войск;
- — расположение засадного полка;
- — расположение ордынских войск;
- — расположение русских войск;
- — расположение засадного полка;
- — направление войск Мамай

Рис. 5.34. Реконструкция Куликовской битвы по версии
В.А. Кучкина и К.П. Флоренского

беже 1970–80-х годов кандидат геолого-минералогических наук К.П. Флоренский и доктор исторических наук В.А. Кучкин [«Природа», 1984, № 8, с. 40–53].

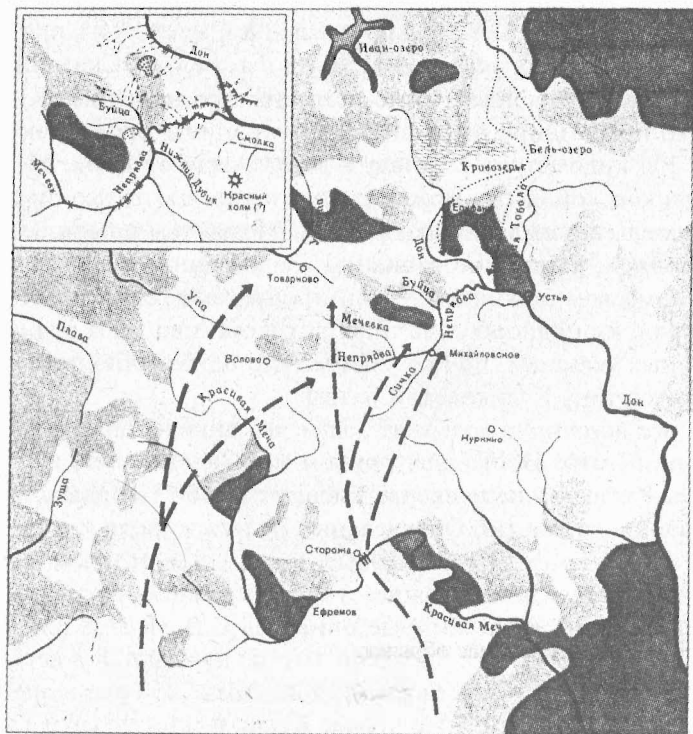
Вот вкратце их аргументация.

Достоверно известно, что Мамаево побоище произошло на Куликовом поле за Доном близ устья Непрядвы. Более конкретных прямых указаний в источниках нет. Версия С.Д. Нечаева о местонахождении Куликова поля на правом берегу Непрядвы основана на сомнительных археологических находках и на названиях поселений, возникших через несколько сот лет после знаменитой битвы. Следует также учитывать, что в 1542 году русские полки «ходили по Дону и дошли до татарских сторожей на Куликовом поле», а затем преследовали их до реки Красивая Меча, то есть в пределах той же местности, что и битва 1380 года. Поэтому вопрос датировки археологических находок имеет особенно важное значение. Сегодня же местоположение Куликовской битвы принимается по традиции, и вся тактика боя описывается применительно к заданной местности, причем налицо очевидные несовпадения с текстом «Сказания о Мамаевом побоище». Само историческое название «Куликово поле» шире нынешнего, его границы простираются на 100 километров к западу и юго-западу от Дона. Место Куликовской битвы может быть установлено только исследовательско-аналитическим путем. Между тем источники — летописи, различные варианты «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» — или пропускают географические детали, или однообразно и непротиворечиво дают ряд косвенных указаний, по которым можно однозначно истолковать картину Куликовской битвы.

Все источники содержат общес указание на правый берег Дона и устье Непрядвы, причем по «Задонщине», например, Куликово поле скорее вмещает в себя Непрядву, а не ограничивается ею. Определение Куликова поля как места между Доном и Мечей впервые появилось в позднем «Сказании о Мамаевом побоище» и было неточным. Поэтому исходные данные, на которые опирался С.Д. Нечаев при определении места Куликовской битвы, нуждаются в серьезных уточнениях. В частности, те топонимы, которыми оперировал Нечаев (село Куликовка, Куликовский овраг и т.д.),

как теперь выяснилось, имеют позднее происхождение. Поэтому локализация места битвы, предложенная Нечаевым, теряет основание, и весь вопрос должен быть подвергнут изучению заново. Между тем имеются прямые данные, относящиеся к первой трети XVII века, что в то время Куликовым полем называли левобережье Непрядвы. С течением времени, когда русские стали заселять пространство к югу от Непрядвы, название Куликово поле было перенесено и на это пространство, но первоначально Куликовым полем называли район севернее Непрядвы (рис. 5.35).

Кстати, некоторые источники свидетельствуют, что битва кипела по обоим берегам Непрядвы: «Трупия же

мертвых обапол реки Непрядни, идеже была непроходна, сиречь глубока, наполнися трупы поганых» [*Сказание о Мамаевом побоище*. Лицевая рукопись, л. 80]. То есть трупы убитых татар лежали «обапол» — по обе стороны от Непрядвы!

Далее, анализируя сведения «Сказания о Мамаевом побоище», авторы гипотезы приходят к выводу о том, что битва происходила не на правом, а на левом берегу Непрядвы, правда, оговариваясь, что к данным «Сказания» следует относиться осторожно и проверять их достоверность из-за возможности искажения или даже придумывания фактов источником. Ясным же критерием для установ-

Рис. 5.35. Театр военных действий и ландшафт Куликова поля (реконструкция К.П. Флоренского). Показано движение войск к месту битвы. Это место ограничивается треугольником, северо-восточной стороной которого является Дон, юго-восточной — нижнее течение Непрядвы и западной — граница древнего леса, которая, начинаясь на юге чуть ниже устья реки Буйцы, направляется на север к Дону.

Вверху: по степени оподзоленности почв можно восстановить распределение лесов, типичное для данного района задолго до их вырубки в XVII—XVIII веках

- — чернозем оподзоленный (бывшие леса);
- — серые и темно-серые лесные почвы;
- — глеевые почвы (бывшие болота);
- — черноземы выщелоченные, среднегумусные (степные);
- — возможные места расположения засадного полка;
- — предполагаемые пути подхода русского войска;
- — предполагаемые пути подхода ордынского войска;
- — наиболее вероятные места переправы через Непрядву во время бегства ордынцев;
- — места возможных бродов;
- — холм, береговые обрывы;
- — овраги

ления истины авторы полагают многие детали действий засадного полка, отправленного вверх по Дону в дубраву.

Как показывает почвенная карта, почвы к югу от Непрядвы однородны, они степные, лес там не рос. А между правым берегом Дона и левым берегом Непрядвы леса имелись. Таким образом, если верно известие о сокрытии засады в дубраве, то речь должна идти только о левом берегу Непрядвы. Этот вывод авторы подкрепляют картой Епифанского уезда 1785 года, на которой изображен район Непрядвы. Никакого леса на правом берегу Дона до устья реки Смолки нет, зато выше устья Непрядвы в 6 километров на правом берегу Дона показан единственный в округе лесной участок площадью 0,3 гектара, а напротив, на противоположном берегу Дона — село с характерным названием Сторожевая Дубрава. И хотя возводить название Сторожевая Дубрава к временам Куликовской битвы, как считает В.А. Кучкин, нет оснований, само название свидетельствует об использовании рощи как военного укрытия и ее уникальности в местном ландшафте.

Версия 2 (А.Т. Фоменко и его коллеги, создатели так называемой «Новой хронологии»): не на Куликовом поле, а под Москвой.

Излагать версию А.Т. Фоменко мы не будем — ее достаточно красноречиво излагает прилагаемая карта. А вот несколько дополнительных соображений «в догонку» этой гипотезе мы выскажем (не знаем, в курсе А.Т. Фоменко этих фактов или нет).

«Много рождественских храмов воздвигнуто было потом, в память незабвенного для бессмертной Куликовской битвы... В Москве — церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове (слободе); другая — на Солянке, где вся окрестность именуется в память Куликовской битвы «Кулишками» [Афремов, с. 43–44, прим]. Из этого текста прямо следует, что сначала состоялась Куликовская битва — там, где она состоялась — а потом в честь ее в Москве и других местах было воздвигнуто множество рождественских храмов и

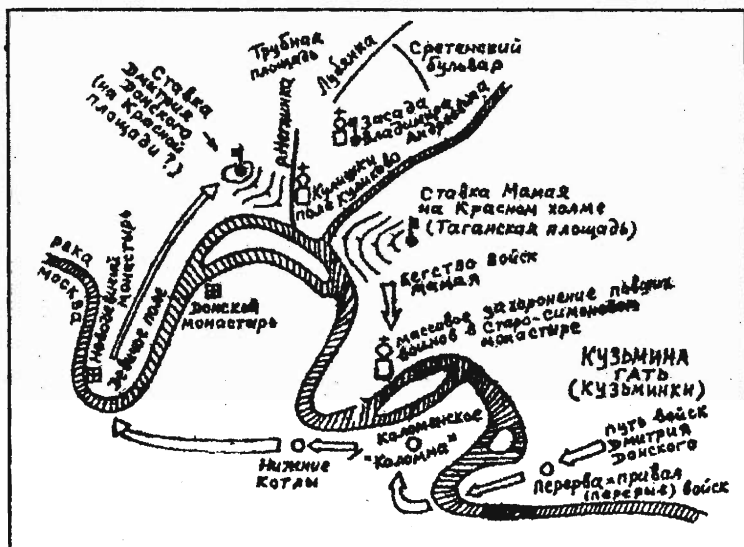

Рис. 5.36. Реконструкция Куликовской битвы по версии А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского

даже определенное место в Москве было названо в память о битве Кулишками. Авторы же «Новой хронологии» решили, что именно на этих местах в Москве и произошла битва, то есть приняли следствие за причину.

Авторы версии указывают, что многие из героев Куликовской битвы были погребены в Симоновом монастыре и его окрестностях, где при раскопках и земляных работах извлекают груды человеческих костей. Действительно, «Пересвет, Ослябий и многие из героев Донских погребены в монастыре Симонове, монастыре, которого имя с победою Донского нераздельно. (Другие говорят, на кладбище у Симонова (не в далеке), а иные (воины) и на Крутицах (синописис Мажарова.) При сем, вот что еще замечательно: и на старом Симонове (под Москвою) есть церковь во имя же Рождества Богородицы» [Макаров М.Н. *Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово*. М., 1826, с. 29]. Напомним, что в Москве было два Симонова монастыря: старый, основанный в XIV веке и впоследствии упраздненный —

ныне церковь Рождества в Старом Симонове, где находятся могилы Пересвета и Осляби, и новый Симонов монастырь — в двух километрах от старого. Русские монастыри издавна служили местами погребения, и любой из них — где ни копни — буквально набит костями, лежащими в несколько слоев. Можно ли считать эти кости останками погибших в Куликовской битве воинов?

Версия 3 (одного из авторов этой книги, А.А. Бычкова) (рис. 5.37).

Автор этой гипотезы отмечает прежде всего, что сам топоним «Куликово поле» и производное от него — «Кулишки» (так называется хорошо известная местность в Москве, с которой, в частности, связана гипотеза А.Т. Фоменко), имеет и другое толкование: «кулига», «кулички» означает отдаленное место. Вспомним, например, такую известную поговорку: «Где ты был?» — «У черта на куличках!», то есть очень далеко. Поэтому возможно и такое чтение — не Куликово, а Кулигово, то есть дальнее, не примыкающее непосредственно к поселению.

А река Дон? И тут однозначности нет. В одной из редакций «Задонщины» говорится: «...заплакали княгини и боярыни и воеводские жены об убитых. Микулина жена Марья рано плакала у Москвы-города на стенах, приговаривая: «Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты горы каменные, течешь в землю Половецкую, принеси волнами моего государя ко мне, Микулу Васильевича». То есть Дон — это река, текущая мимо города Москвы, текущая в Волгу и несущая на своих волнах трупы павших на поле Куликовом.

В другой редакции «Задонщины» читаем: «...расплакались жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем ты у нас мужей наших угнала волнами в землю половецкую?»

Получается, что Дон и Москва синонимы? Первое название — русского происхождения, второе — финского. Финские племена, как известно, были коренными обита-

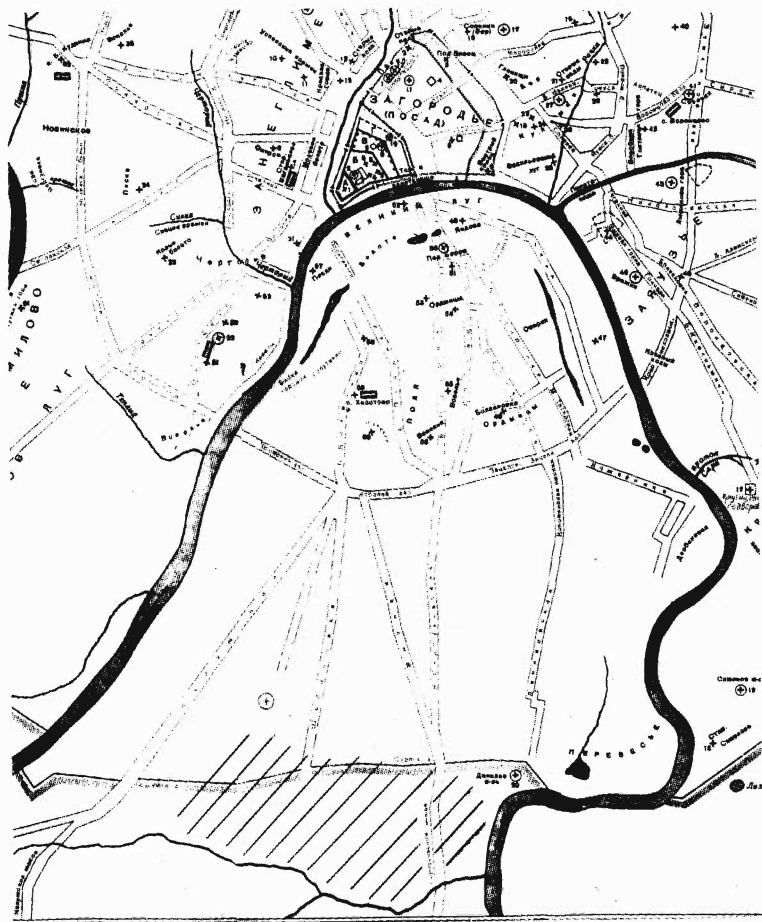

Рис. 5.37. Топография Куликовской битвы по версии А.А. Бычкова

//// — предполагаемое место Куликовской битвы

телями Московского края, и топоним «Москва» в этой связке (Дон-Москва) более древний. Впрочем, на территории современной Москвы протекал и ручей Подон (Дон), впадавший в Москву-реку к югу от Крутиц — возвышенности к юго-востоку от Кремля. Не Крутицы ли и есть те

самые «горы», которые «прорыл» Дон-ручей? (Кстати, село Монастырщина-Рождествено на Непрядве принадлежало в XVII—XVIII веках митрополитам Сарским и Подонским (Крутицкому подворью) [Подробнее см. Троицкий, с. 94—95]. Как этот факт относится к теме о месте битвы? Мы не знаем, и просто приводим его в качестве любопытного наблюдения.)

Но раз так, то и Куликово поле должно находиться где-то в Москве!

Если Москва-река — это Дон, то где тогда другие реки — Меча и Непрядва?

На территории Москвы известна река Чура, протекающая к югу от Шаболовки (ныне заключена в трубу) — там, где стоит основанный в 1590-х годах Донской монастырь. «Чура» по-славянски — «черта», «межа», «рубеж», «граница». Точно такой же смысл заключен и в топониме «Меча» — «Межа» («Медьжа»).

Следовательно, Чура и Межа/Меча — синонимы. А Непрядва — река, на которой шел самый кровопролитный бой, оба ее берега завалены были трупами павших. Три дня она текла кровью, и после этого ее прозвали Кровяницей (Кровянкой). Эта речка также протекала к югу от Донского монастыря, на «Кулиговом» поле. Кровянка впадала в Чуру, которая втекала в Дон/Москву неподалеку от Автозаводского моста.

Тогда ход Куликовской битвы можно реконструировать таким образом: пришли татары, остановились на речке Чура, на правом берегу Москвы-реки. Русские из Кремля вышли, переправились в Замоскворечье и пошли к речке Кровянице/Непрядве. Татары перешли речку Чуру/Межу/Мечу, вступили в бой и были разбиты.

Засадный полк князя Владимира Андреевича вполне мог стоять в околomosковной дубраве: их в то время к югу от Москвы было сколько угодно, они вплотную подступали к городу. «Дубравы в свое время подходили непосредственно к городу Москве, и даже сама территория города Москвы во многих частях была, по-видимому, под дубовым лесом»

[Алехин В.В. *Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей*. М., 1947, с. 16].

Разбитые на Куликовом поле татары должны были бежать, форсировав Оку, через Рязанскую Землю. Отголоски этого эпизода можно найти в летописной повести «О побоище на Дону и о том, как великий князь бился с Ордою»: «Олег Рязанский... на реке мост разломал; а кто поехал с Донского побоища домой через его вотчину, Рязанскую землю, вояре или слуги, тех велел он задерживать, грабить и отпускать нагими». Получается, что грабил Олег Рязанский татар, разгромленных на Куликовом (Кулиговом) поле.

Во всех этих построениях имеется один любопытный момент: дело в том, что именно на берегах рек Чуры и Кровяницы (Кровянки) произошла битва русских с крымскими татарами в 1591 году. Нет ли какой-либо связи между событиями 1591 года и сообщениями памятников Куликовского цикла, напомним — памятников очень поздних и многослойных, редактировавшихся на протяжении двух-трех столетий?

На месте битвы 1591 года был основан Донской-Богородицкий мужской монастырь в честь победы над крымским ханом Казы-Гиреем. Эта победа традиционно связывается с заступничеством иконы Донской Божьей Матери, якобы подаренной донскими казаками Дмитрию Донскому перед боем с Мамаем (впрочем, доказано, что эта икона написана Феофаном Греком или мастером из его круга не ранее конца XIV века).

Что же — Донской монастырь назван так потому, что стоит на месте Донского Куликовского сражения?

Попутно — о том, кому все же принадлежит почетное прозвание «Донской». Князь Дмитрий Иванович Московский, победитель Мамай, судя по известным нам документам, впервые получает это наименование не ранее середины XVI столетия. Зато хорошо известен Владимир Андреевич, князь серпуховский и боровский (1353–1410), внук Ивана Калиты и двоюродный брат Дмитрия Ивановича.

Владимиру Андреевичу принадлежало треть Москвы. Судя по всем редакциям «Сказания о Мамаевом побоище», именно он — истинный предводитель русских войск в Куликовской битве и победитель Мамай (ведь князь Дмитрий Иванович выбыл из боя в самом его начале). По свидетельствам ранних источников, это он носит названия «Донской» и «Храбрый». Но, увы, не Серпухов стал столицей России, а Москва. Серпуховский удельный «стол» был ликвидирован в первой трети XV века, а вместе с Серпуховым Москва «приватизировала» для своего князя и прозвание «Донской».

...В 1992 году на устье Яузы был установлен крест с надписью: «На сем месте будет воздвигнут памятник святому благоверному князю Дмитрию Донскому, защитнику земли русской». Правильно, куда же еще переносить место боя, как не в центр Москвы. Только вот почему на Яузе, а не на Шаболовке? Да очень просто: на Шаболовке и так тесно, а на Яузе тоже Кулишки есть, да и церковь поблизости в честь павших на Куликовом поле стоит. Здесь оно и находится, «Кулигово» поле...

Тут хочется сделать одно попутное замечание. Совершенно очевидно, что последние две версии в первую очередь порождены поразительным совпадением в разных географических пунктах некоего устойчивого набора топонимов. Если бы не это обстоятельство — наличие в Москве «Куликовских» топонимов — никому бы не пришло в голову перемещать битву в центр современной Москвы, причем в два разных ее района! Не многовато ли для одного города, даже такого большого, как Москва?

У нас есть только одна гипотеза, представляющаяся нам правдоподобной. Некий «топонимический комплекс», типа загадочной связки «Кузьмина гать — Куликово поле», или более сложный — типа той совокупности топонимов, которую мы отметили для Москвы и для района Куликовской битвы — может перемещаться с места на место при передвижке населения. В этой гипотезе нет ничего заумного или крамольного. Напомним читателю: еще в первых

главах этой книги мы не раз говорили о том, что изучение топонимики является одним из интереснейших и плодотворных направлений в исторических исследованиях по выявлению территорий прежнего обитания различных этносов на разных стадиях их сложения и существования. Мы даже называли исследования такого рода «лингвистической археологией», так как они выявляют разные по древности напластования на одних и тех же территориях следов обитания там разных народов (точнее — языков).

Так вот, к сказанному ранее остается добавить следующие соображения. Во-первых, то, что мы называли «топонимическим комплексом», складывается, наверное, тогда, когда народ, мигрирующий на новое место, застаёт там ландшафт, напоминающий свой «родной», тот, что был почему-то покинут. Ведь понятно, что Куликовым полем не назовут, скажем, лес, а Кузьминой гатью — водораздел. В любом случае это должно быть *поле* и наезженная дорога через болотистое место — *гать*. Почему они на старом месте обитания назывались именно так, мы понятия не имеем. Не исключено, что в основе этих названий, сейчас привычно звучащих по-русски, лежали когда-то вообще не славянские слова — ведь вся эта территория до прихода славян была угро-финской.

Но сейчас это неважно. Интереснее другое. Сама связка «Кузьмина гать — Куликово поле» *повторяется* в разных местах потому, что в том исходном месте, где она первоначально сложилась, вероятнее всего, устойчивая, существующая много поколений дорога через *эту* гать вела на *это* поле. И если на новом месте обитания повторяется эта же топографическая (ландшафтная) ситуация, то и поле, и гать просто в силу привычки назовут теми же именами! Психологически это понятно: так уютней жить на новом месте.

Во-вторых, если в последующие времена, то есть и через несколько веков после миграции какого-то населения, мы видим сохранение некоей «топонимической связки» на нескольких территориях, то это говорит скорее всего о

том, что имело место не полное перемещение населения на новое место — например, под давлением пришельцев или военной угрозы — а просто расширение местообитания этого населения из-за роста его численности. Ему становится тесно на старой территории, и оно «расползается» в доступных ему направлениях.

Поясним эту мысль. Если бы население переместилось в другой регион целиком, а на его место вселился бы другой народ, и уж подавно — носитель другого языка, то старая топонимика была бы если и не сразу, то через некоторое время попросту забыта. Раз этого не случилось — значит, население осталось старым.

Наконец, в-третьих. В данном конкретном случае мы не имеем ни малейшего представления о том, в каком именно из мест первоначально сложилась эта связка «Кузьмина гать — Куликово поле». И потому не собираемся говорить о том, о какой именно подвижке населения — откуда и куда — говорит «расползание» данной связки по всем тем местам, на которых она зафиксирована. Без углубленных дополнительных исследований как собственно истории заселения этих мест, так и истории сложения местной топонимики, рассуждения на эту тему бессмысленны. Наши же соображения приведены здесь только для того, чтобы показать читателю: *топонимические загадки* существуют, и они не менее интересны, чем любые другие загадки истории.

Версия 4 (двух других авторов этой книги — А.Ю. Низовского и П.Ю. Черносвитова): на Куликовом поле, но в другом месте (рис. 5.38).

Внимательно проанализировав маршрут движения Мамая и Дмитрия Донского к Куликову полю, мы пришли к выводу, что Куликовская битва действительно произошла на Куликовом поле — но не на «нечаевском», а на «историческом», на том самом Куликовом поле, о границах которого говорит «Книга Большому Чертежу» и другие источники.

Взгляните на карту: 5–6, а может быть, и 7 сентября

А где в это время находится Дмитрий Донской? А Дмитрий в это время собрал в деревне Чернава военный совет: переправляться через Дон или нет? [Разин, с. 276; Каргалов, с. 83]. Посмотрите на карту: где находится село Чернава?

Противники начинают сближаться. Дмитрий Донской переправляется через Дон и занимает позицию на его высоком правом берегу. Между тем Мамай подступает к стенам Старого Данкова — древнерусского города, хорошо известного по летописным и другим источникам (ныне — Старо-Данковское городище на Дону, у села Стрешнева Данковского района Липецкой области). Времени у Мамай нет, и осадить город он не собирается. Однако данковцы попытались все же задержать движение татарских войск. Известно местное предание об обороне Старого Данкова от войск Мамай: когда татары поднимались на крутой берег Дона, жители Данкова сбрасывали на них бревна и камни, чтобы помешать движению неприятеля. [Баранович М. *Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики*. СПб, 1860, с. 547].

Оба маршрута пересекаются в одной точке: на правом берегу Дона, на восточной окраине Куликова поля, неподалеку от устья Непрядвы, — то есть на пространстве между современными селами Бегичево и Нелядино Данковского района Липецкой области.

«Грозно и жалостно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские у Дона Великого на берегу, как стоги сена, и Дон-река три дня кровью текла» («Задонщина»). Подобная картина была бы возможна только, если битва произошла бы на берегу Дона. «Задонщина», самый ранний памятник Куликовского цикла, неоднократно подчеркивает, что битва состоялась непосредственно на берегу Дона: «Не тури возрыкали у Дону великаго на поле Куликове. То ти не тури побеждени у Дону великого, но посечены князи руские... а иные лежат посечены у Дону великого на брези». [«Задонщина», реконструкция Дмитриева Л.А. на основе Ундольского списка — «Поле Куликово.

Сказания о битве на Дону. М., 1980, с. 39]; «Нечто гораздо упились у быстрого Дону на поле Куликове на траве ковыле» [«Задонщина», с. 47].

О том, что Дмитрий Донской встретил Мамай «в татарских полях, на Дону на реке» свидетельствует и «Слово о житии и преставлении Великого Князя Дмитрия Ивановича, царя русского» [Софийская I летопись, ПСРЛ, т. VI, СПб, 1853].

Псковская летопись вообще ничего не говорит о Непрядве, и только упоминает, что князь великий Дмитрий «и вси князи русскыя бишася с татары за Доном».

А «Синодик Лебедянского Троицкого монастыря» — источник, практически неизвестный широкому кругу историков — отмечает даже, что бои с Мамаем шли на обоих берегах Дона: «Помяни Господи души... и на Дону на Нерове и за Доном от безбожного царя Момай... побиенных на великом побоищи» [Текст Синодика опубликован: Пискарев П.И. *Лебедянь*. — «Тамбовские губернские ведомости», 1856; «Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 г.»; Архим. Порфирий. *Лебедянский Свято-Троицкий монастырь*. Тамбов, 1895; Черненский П.Н. *Город Лебедянь и его уезд в XVII веке*. СПб, 1913].

Поле битвы явилась узкая лощина между двумя холмами: «Великая сила татарская борзо с шоломяни грядуще, и ту... стаща, ибо несть места где им расступитися... А князь великий такоже с великою своею силою русскою с другого шоломяни поиди противо им».

Во втором томе «Полного географического описания нашего Отечества» [*Россия. Полное географическое описание нашего Отечества*. Под ред. П.П. Семенова-Тянь-Шаньского. М., 1902] имеются на этот счет дополнительные сведения. Отмечая, что юго-западная часть Скопинского уезда отличается повышенной концентрацией крупных селений с древними названиями — Секирино, Кремлево, Велемья (Велья), Князево Займище, Кельцы, Черные Курганы, Чернава и др. — авторы объясняют этот факт тем, что это была «населенная полоса, соединявшая Рязань через

Пронск и Кир-Михайлов с ее первой Донской колонией — Дубком (основанной в XII веке)... На эту группу селений, составлявшую, так сказать, «Слободскую Украину» Рязанского княжества, опирался Дмитрий Донской при своем движении между Рясским и Куликовым полями, причем держал военный совет около с. Чернавы относительно перехода через Дон и оставил по себе воспоминание в виде села Дмитриевского на реке Верде с возникшим здесь потом Дмитриевским монастырем, а также села Победного недалеко от него» [Россия, т. 2, с. 163, прим. 1].

Разбитые татары бежали вниз по Дону. Местное предание рассказывает, что попутно они разграбили Лебедянский Троицкий монастырь [Пискарев].

А победитель татар Дмитрий Донской возвращается домой через Рязанскую землю (с этим движением связывают название села Победное Скопинского уезда) и в память великой победы основывает Дмитриев Рязский монастырь.

Дмитриев Рязский монастырь располагается приблизительно в 7 километрах от города Скопин, в 45 километрах к востоку от Куликова поля, на высокой горе близ села Дмитриевского. Предание связывает его основание с событиями Куликовской битвы.

Рассказывают, что, отправляясь на битву с Мамаем, Пересвет и Ослябя остановились со своими дружинами на отдых на месте, где ныне стоит село Вослебо (название произошло от «Ослябя»). Между богатырями отчего-то «произошло несогласие», и далее они пошли разными дорогами. Пересвет пришел к Дмитриевской горе, на которой ныне стоит Дмитриев Рязский монастырь, а тогда жил отшельник. В его келье Пересвет облачился в воинские доспехи, а отшельнику подарил на память свой дорожный посох («костыль»). Этот посох хранился в Дмитриевом монастыре по крайней мере до 1917 года. Он был «сделан из довольно толстой яблоневой поросли, вырванной с корнем; верхушка его, в виде буквы Т, образовалась от отраслей корня... В прежнее время богомольцы отгрызали от него ча-

стицы как предохранительное средство от зубной боли, отчего верхушка костыля сильно попорчена» [Иероним. *Рязанские достопамятности*. Рязань, 1889, с. 27, прим.246].

Основал Дмитриев Рязский монастырь, по преданию, Дмитрий Донской, возвращаясь после Куликовской победы в Москву. Правда, для чего ему и его усталому войску, в котором было множество раненых, понадобился 50-километровый крюк, неясно. Не на Олега ли Рязанского он шел? Известно ведь, что после Куликовской битвы Дмитрий «восхоте на Олега послати рать свою», да прибывшая к нему депутация рязанских бояр била Дмитрию челом и «рядишася у него в ряд», после чего Донской «рати на них не посылал, а сам поиде в свою землю».

На обширной равнине на правом берегу реки Верды московское войско расположилось на отдых, князь разбил свой шатер на Дмитриевской горе. Здесь он праздновал победу над Мамаем и с хлебом-солью принимал депутацию рязанских бояр, прибывших для переговоров. Здесь же, на горе, князь заложил Дмитриев монастырь в честь своего небесного патрона, святого Дмитрия Солунского. Тогда же, по преданию, была сооружена каменная монастырская церковь во имя святого Дмитрия Солунского, которая «благодаря массивности своих стен, сохранилась доселе в первоначальном своем виде» [Иероним. *Рязанские достопамятности*, с. 27–28]. Позднее в монастыре была сооружена вторая церковь, во имя преподобного Сергия Радонежского...

Еще одним косвенным доказательством нашей гипотезы могут служить находки С.Д. Нечаева. Мы уже говорили о том, что практически неизвестно, где именно они были сделаны. Только в одном случае Нечаев проговаривается: «в Данковском уезде, на поле Куликовом» [Нечаев С.Д. *О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях*. — «Вестник Европы», 1823, ч. 123, N8, с. 307–311]. Это только подтверждает нашу гипотезу.

Немаловажен и тот факт, что имение С.Д. Нечаева, село Полибино (Сторожево), находится в 5–6 километрах

к югу от предложенного нами места Куликовской битвы. В Полибино до сих пор сохраняется усадебный дом С.Д. Нечаева в котором он сумел «устроить художественный оазис» [Вагнер Г.К., Чугунов С.В. *Окраинными землями Рязанскими*. М., 1995, с. 76–78].

Может быть, Нечаев прибегнул к сознательной мистификации? Может быть, желая, чтобы именно его землевладение явилось местом легендарной Куликовской битвы, он выдал находки, сделанные им к северу от Полибино (где были чужие землевладения), за находки, сделанные им в дачах принадлежавшего ему сельца Куликовки (в прошлом известного как пустошь Куликово поле), отстоящего от Полибина на 15 километров.

Некоторые авторы отмечают, что тщеславию Нечаева явно льстило, что битва произошла именно на его земле. «Историческое Куликово поле, по его мнению, находилось на правом берегу реки в пределах бывших его земельных владений, чем он мог по справедливости гордиться» [Флоренский К.П. *Где произошло Мамеево побоище?* — «Природа», 1984, № 8, с. 41]. Да и дальнейшая судьба С.Д. Нечаева — он стал сенатором и тайным советником — говорит о том, что он не был лишен честолюбия.

Мы прекрасно видим слабые места нашей версии. Но, на наш взгляд, она ничем не хуже других — как уже существующих, так и тех, которые еще появятся. А в том, что новые версии еще будут, у нас сомнений нет, и будет это продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не даст, наконец, вразумительный ответ на многие и многие вопросы, связанные с загадками Куликовской битвы.

ЗАГАДКИ, ЗАГАДКИ, ЗАГАДКИ...

Обстоятельства Куликовской битвы связаны и со множеством других загадок (ну, например, какого цвета было великокняжеское знамя: черное или белое? Разные источники утверждают разное, но, во всяком случае, оно не

было красным, как это пытались одно время представить. Лик Спаса на красном знамени — это уже изобретение наших современных национал-коммунистов). Рассказывать обо всех загадках Куликовской битвы мы не будем, но некоторых из них коснемся.

Какова, к примеру, судьба Троице-Сергиева монаха Осляби, соратника Пересвета? Ведь он не погиб в Куликовской битве! Причем лиц с таким прозвищем было, по крайней мере, два, и оба они остались живы после Куликовской битвы и благополучно дожили до конца XIV века. Один из них, Андрей Ослябя, по сообщению ряда летописей, в 1397–1398 годах ездил в Царьград, к императору и патриарху. С.К. Шамбинаго установил, что Андрей Ослябя упоминается как боярин митрополита Киприана в 1390–1393 годах в «Лаврском обиходнике» [Шамбинаго С.К. *Повести о Мамаевом побоище*. СПб., 1906]. «Эти данные подтверждают полную историчность упомянутого иерарха, по происхождению — западнорусского феодала, потом участника Куликовской битвы и митрополичьего боярина, видного дипломата Киприановской школы» [Греков И.Б. *О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»*. — «Советское славяноведение», 1970, № 6]. Сведений о том, что Андрей Ослябя был монахом Троице-Сергиевого монастыря, мы не нашли. Впрочем, был еще и Родион Ослябя, о котором в Большой энциклопедии С.Н. Южакова [т. XIV, с. 512] имеется коротенькая справка: «Ослябя, Роман, в монашестве Родион, один из двух иноков, присоединенных Сергием Радонежским к войску Дмитрия Донского и погибших там в битве Куликовской». Но и этот Ослябя на Куликовом поле не погиб, а, по сообщению Софийской I летописи, в том же 1397–1398 году ездил в Царьград к императору и патриарху: «Тогда же князь великий Дмитри Иванович и с братьею послаша в Царьград много милостыни, оскудения их ради, с чернцом Родионом Ослябятем, еже был боярин Любутский, такоже и князь Михайло Тферский с протопопом Даниилом; царь же и патриарх благодариша их повелику...» Мы не будем

выяснять, кто именно из Ослябь ездил в 1397—1398 годах в Царьград — Андрей или Родион, и каким образом Дмитрий Донской, умерший в 1389 году, сумел послать в 1397—1398 годах Родиона Ослябю в Царьград — вероятно, как-то управился, но то, что эти Осляби — два разных лица, несомненно. Один из них был, как мы видели, западнорусский феодал, сотрудник митрополита Киприана, похороненный, скорее всего, в Киево-Печерской лавре, другой — боярин из рязанского городка Любутска на Оке. Вероятно, ему принадлежало село Ослебятевское в Коломенском уезде, многократно упоминаемое в духовных грамотах XIV века [см. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.* М.—Л., 1950]. В этих же грамотах упоминается и землевладение Пересвета — Перессветова купля. Видимо, это он похоронен в Москве, в Старом Симонове.

Некоторые источники упоминают еще и об Ослябе-сыне — Якове Ослябе, который также был на Куликовом поле и о котором Ослябя-старший сказал накануне битвы Перессвету: «Брате Пересвет, уже вижу... чаду моему Якову на ковыле зелене лежати на поле Куликови».

Еще одно загадочное лицо — князь Даниил Пронский. В 1378 году в битве на Воже мы встречаем его во главе полка левой руки объединенной московско-рязанской рати. Наряду с московским тысяцким Тимофеем Вельяминовым (будущим героем Куликовской битвы) Даниил Пронский стал героем этой битвы. А потом исчез. Впрочем, откуда он взялся — тоже неизвестно, ибо упоминается в источниках он только один раз — в связи с битвой на Воже, и ни одно из родословий Рязанских князей (а Пронские князья — их ответвление) не берется указать, чей он был сын и кто были его дети. У исторического пронского же князя — Владимира Дмитриевича, умершего в 1372 году, были два сына — Иван и Федор, но никакого Даниила летописи не знают.

Между тем вопрос о пронских князьях в связи с Куликовской битвой далеко не праздный. Пронск, второй по

значению город Рязанского княжества, еще в начале XII века выделился в самостоятельный удел, князья которого нередко пытались вести самостоятельную политику в обход своих сюзеренов — Рязанских князей. Пронск был важным пограничным пунктом Рязанской земли, и именно он первым принимал на себя все удары татар, так что события 1380 года его не могли не затронуть просто в силу географических обстоятельств. В середине XIV века пронские князья неоднократно пытались заключить союз с Москвой. В 1378 году некий князь Даниил Пронский, как мы видели, был одним из предводителей русской рати на Воже. По Татищеву, на него был очень сердит Мамай: «Гневаше ж съ и на Великаго князя Дмитрия Ивановича, и на брата его князя Владимира Ондреевича, и на князя Данила Пронскаго» [Татищев, с. 139]. А в 1380 году... о Пронске, пронских князьях и пронской дружине не упоминается вообще. Может быть, князя Даниила к 1380 году уже не было в живых? Или на Воже в 1378 году был все-таки не Даниил, а какой-то другой пронский князь, например, Иван или Федор?

Ходили ли прончане на Куликово поле? Или они, как считал Д.И. Иловайский, «признали себя подручниками Олега»? Мы не знаем. Хотя возможно, что летописцы второй половины XV века, писавшие о Куликовской битве, просто повыкидывали все упоминания о прончанах — ведь к тому времени пронские князья уже давно стали «подручниками» Москвы, московскими служилыми князьями, и писать о подвигах их предков (если таковые были) было бы политической ошибкой — ведь главным героем Куликовской битвы надо было изобразить Дмитрия Донского, руководимого Сергием Радонежским. Причем тут какие-то второстепенные князья, чьи потомки бегают у московского государя на побегушках! И Даниил Пронский исчез... Впрочем, это только версия.

Итак, как мы видим, события Куликовской битвы ставят больше вопросов, чем дают ответов. Обозначив эти вопросы, мы сознательно прибегли к некоторым спекуля-

циям, и мы прекрасно понимаем, под какой огонь критики мы себя подставляем. Что ж, если нас будут оспаривать — значит мы достигли своей цели! Может быть, в этих спорах и родится тот самый долгожданный научный труд по Куликовской битве, который снимет многие вопросы и расставит, наконец, точки над «і». А пока, как мы показали, существует жирная почва для самых разнообразных спекуляций. И это неудивительно: ведь все наши повести и сказания о Куликовской битве — это национальный эпос Великого княжества Московского, эпос, еще не трансформировавшийся в миф, но уже в значительной степени утративший черты реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Акты исторические. — СПб, 1841.

Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле. // Труды ГИМ, выпуск № 73. Куликово поле. Материалы и исследования. — М., 1990.

Александровский А.Л. Тайны открывает Куликово поле. // «Известия», 28 августа, 1984.

Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. — Новосибирск, 1991.

Алехин В.В. Растительность и геоботанические районы Московской и сопредельных областей. — М., 1947.

Афремов И. Куликово поле. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849.

Баранович М. Рязанская губерния. Материалы для географии и статистики. — СПб, 1860.

Бескровный Л.Г. Историография Куликовской битвы. // «Куликовская битва» — М., 1980.

Большая энциклопедия С. Н. Южакова, т. XIV, с. 512.

Вагнер Г.К., Чугунов С.В. Окраинными землями Рязанскими. — М., 1995.

Марков А. Татарский шлем, найденный на Куликовом поле, принесенный в дар музею Археологического института И.А. Ивинским.

Вестник Археологии и истории, 1885, вып. III.

- Винников А.З., Синюк А.Т.* Дорогами минувших столетий. — Воронеж, 1990.
- Витовтов И.Т.* Топографическое известие о Куликовом Поле. // «Журнал Министерства внутренних дел», 1838, ч. 28.
- Воздвиженский Т.* Историческое обозрение Рязанской иерархии. — М., 1820.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Голицын Н.С.* Русская военная история, ч. 1. СПб, 1877.
- Гоняный М.И.* Междисциплинарные исследования в районе Куликова поля. // АО — М., 1996.
- Гоняный М.И., Мошинский А.П.* Разведки и раскопки в районе Куликова поля. // АО — М., 1983.
- Горелик М.* Куликовская битва 1380. Русский и золотоордынский воины «Цейхгауз», №1, 1991, с. 2.
- Греков И.Б.* О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище»// «Советское славяноведение», 1970, № 6.
- Долгова С.Р.* К истории некоторых населенных пунктов на Куликовом поле. // Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. — М., 1990.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — М.—Л., 1950.
- Загоревский В.П.* Исследования и заметки по исторической географии Черноземного центра России. // Историческая география Черноземного центра России. — Воронеж, 1989.
- «Задонщина» — реконструкция В.П. Андриановой-Перетц, ТОДРЛ, т. V, т. VI. — М.—Л., 1948.
- «Задонщина» — реконструкция Л. А. Дмитриева на основе Ундольского списка — «Поле Куликово. Сказания о битве на Дону». — М., 1980.
- Зайцев А.К.* Черниговское княжество. // Древнерусские княжества X—XIII вв. — М., 1975.
- Зайцев А. К., Фоломеев Б.А., Хотинский Н.А.* Проблемы междисциплинарного изучения Куликова поля. // Труды ГИМ, вып.73. Куликово поле. Материалы и исследования. — М., 1990.
- Иероним.* Рязанские достопамятности. — Рязань, 1889.
- Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (ИТУАК). Вып. 44, 1899. Вып. 50, 1905.

- Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. — М., 1858.
Историко-археологическая карта Тамбовской губернии. — ИТУАК, вып. 50, 1905.
- Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. V. — СПб, 1817.
- Каргалов В.В.* Куликовская битва. — М., 1980.
- Карышковский П.* Куликовская битва. — М., 1955.
- «Книга Большому Чертежу». — М.—Л., 1950.
- Князь литовский Яков Андреевич, так названный Ягайла. // «Вестник Западной России», 1869, № 3.
- Крым: прошлое и настоящее. — М., 1988.
- Кудряшов К.В.* Половецкая степь. — М., 1948.
- Куликово поле.* Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. — Тула, 1982.
- Курнаев С.Ф.* Куликово поле в прошлом и настоящем. // «Природа», 1980, № 9.
- Любомудров Н.В.* Местногеографические древности. // Прибавление к Рязанским епархиальным ведомостям, 1874, № 16.
- Макаров М.Н.* Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. — М., 1826.
- Маркина Е.Д.* Возникновение села Куликовки. // Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. М. 1990,
- Марков С.Н.* Земной круг. — М., 1976.
- Масловский Д.Ф.* Из истории военного искусства в России. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 года до Куликовской битвы включительно. «Военный сборник», 1881, № 8–9.
- Матвеева В.И.* Работы Верхнедонской экспедиции в Липецкой обл. // АО. — М., 1973; АО, 1978.
- Матвеева В. И.* Работы Верхнедонской экспедиции. // АО (Археологические открытия). — М., 1971; АО, 1972.
- Монгайт А.Л.* Рязанская земля. — М., 1961.
- Нечаев С.Д.* О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях // «Вестник Европы», 1823, ч.123, № 8.
- Нечаев С.Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. // «Вестник Европы», 1821, ч. 118, № 14.
- Нечаева А.А.* Берега реки Непрядвы в их прошлом. // «Тульский край», № 1–2 (8–9), февраль 1928.

Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. X.

Отчет о работе Тульского краеведческого музея за 1959 г. // «Куликово поле». — Тула, 1982.

Пискарёв П.И. Лебедянь. // «Тамбовские губернские ведомости», 1856, № 2, ч. неоф.

Писцовые книги Московского государства. — СПб, 1877.

Повести о Куликовской битве. — М., 1959.

Полевой Н.А. История русского народа. Т.3. — М., 1997.

Полонська-Василенко Н. Історія України. — Київ, 1995.

Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Прохоров В.А. Липецкая топонимия. — Воронеж, 1981.

Псковские летописи. — М.—Л., 1941, вып. 1.

ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), т. XXIX.

ПСРЛ, т. IV, ч.1, вып.1.

ПСРЛ, т. XI (Никоновская летопись).

ПСРЛ, т. XXV.

Путешествие по Липецкой области. — Воронеж, 1971.

Разин Е.А. «История военного искусства», т. II. — М., 1957.

Роспись 1571 г. сторожам из украинских городов от польские украины по Сосне, по Мече и по иным речкам // Акты Московского государства. Т.1, акт № 8.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. — М., 1982.

Село Рождествено-Монастырщина и поле Куликово. Сочинение М.Н. Макарова. — М., 1826.

Семенов-Тянь-Шаньский П.П. (ред.) «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Т.2. 1902.

Симеоновская летопись, ПСРЛ, т. XVIII.

«Сказание о Мамаевом побоище», вариант «О» основной редакции. // «Поле Куликово. Сказания о битве на Дону». — М., 1980.

«Сказание о Мамаевом побоище». Лицевая рукопись, л. 80.

Скрынников Р.Г. На страже рубежей Московских. — М., 1986.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.3.

Софийская I летопись, ПСРЛ, т. VI. — СПб, 1853.

Строков А.А. «История военного искусства», т.1. — М., 1955.

Татищев В.Н. История Российская, т. 5. — М.—Л., 1965.

- Тверской патерик. Краткие сведения о Тверских местно чтимых святых. — Казань, 1907 (репринт — Тверь, 1991).
- Тихомиров М.Н.* Куликовская битва 1380 года. // «Повести о Куликовской битве». — М., 1959.
- Троицкий Н.И.* Берега реки Непрядвы в историко-археологическом отношении. // Труды XV Археологического съезда, т. I. — М., 1890.
- Тропин Н.А.* Елецкая земля в XII-XVI веках. // История и культура Ельца и Елецкого уезда. — Елец, 1992.
- Тухтина Н.В.* Работы на Куликовом поле. // АО — М., 1985.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. — М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973.
- Фехнер М.В.* Находки на Куликовом поле. // Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. — М., 1990.
- Флоренский К.П.* Где произошло Мамаево побоище? // «Природа», 1984, № 8.
- Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гуман М.А.* Куликово поле: природа и история последних 6 тысяч лет. // «Природа», 1985, № 12.
- Хюбнер Курт.* Истина мифа. — М., 1996.
- Чернышев А.В.* Очерки по истории Тверского княжества XIII-XIV вв. Тверь, 1996.
- Шамбинаго С.К.* «Повести о Мамаевом побоище». — СПб., 1906.
- Шватченко О.А.* Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла. // Труды ГИМ, вып. 73. Куликово поле. Материалы и исследования. — М., 1990.
- Шенников.* Червлёный Яр. — Л., 1987.
- Щекатов А.* Словарь Географический Российского государства. Ч. 3 (К-М). — М., 1804.
- Щепкин В.* Золотой перстень, найденный на Куликовом поле. // «Археологические известия и заметки», т. V. — М., 1897.

Заключение

Пора подвести итоги всему, что сказано в этой книге. Надеемся, читатель убедился, что мы не зря назвали ее «Загадки древней Руси». Этих загадок оказалось более чем достаточно. И, разумеется, мы рассказали далеко не обо всех, а только о наиболее фундаментальных. Надеемся также, что нам удалось убедить читателя в том, что историк как исследователь — человек несчастный, и чем он добросовестней — тем несчастнее. Ибо он точно знает, что его попытки дописать историю чего бы то ни было «до конца» *никогда* не увенчаются успехом. И теперь, «под занавес», нам хотелось бы вернуться к тому, о чем мы достаточно подробно говорили во «Введении» и начале первой главы: о тех, на наш взгляд, *главных* причинах, которые мешают нам получить полную и объективную картину истории прошедших времен.

Напомним: первая и в полном смысле слова *объективная* причина — естественная неполнота всех видов исторических источников. Эта причина неустранима, и все историки считают колоссальной удачей, когда вдруг находится некий исторический памятник — письменный или археологический, — который неожиданно заполняет имевшуюся до этого момента лакуну в истории какого-то времени или места. Это бывает очень редко, и особенно надеяться на такой оборот событий не приходится.

Но гораздо хуже вторая причина. Она тоже по-своему объективна и неустранима. И, как это ни парадоксально звучит, заключается она в *субъективности* письменных исторических источников. Вот на этом мы считаем необходимым остановиться подробнее, поскольку касается оно и того, как сам читатель воспримет в итоге данную книгу.

КАК ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ

Зародившись в первые века русского летописания, древнерусская историография прошла путь от эпоса к историческому повествованию. При этом на всех этапах истории русское летописание и исторические знания были неразрывно связаны с религиозными, политическими, географическими и иными представлениями. Именно этим объясняется огромное количество противоречий, содержащихся в летописях.

Существовало множество факторов, искажавших содержание летописных текстов: ошибки переписчиков, сознательные фальсификации, недостоверные слухи, неправильно понятые известия. Летописи составлялись то при великокняжеских, то при митрополичьих дворах. Поэтому события освещаются под определенным углом зрения. По мере отдаления событий в сказаниях наслаивается все новый материал, нередко искажающий историческую правду.

В разные времена менялись и идейные установки авторов летописей. Летопись, как политический документ, была призвана, например, обосновать легитимность той или иной правящей династии или отдельного князя, создать идеальный образ мудрого вождя или, наоборот, очернить противников власти. Летописание рубежа XV–XVI веков пронизано провиденциалистскими православно-мессианскими и династическими идеями в духе теории «Москва — третий Рим».

В древнерусском летописании нашло свое отражение и соперничество различных княжеских центров, что выразилось в различных политических тенденциях летописей и летописных сводов, созданных в разных княжеских городах.

Только к XVII веку наметился переход от житийно-иконописного изображения исторических лиц и событий (в «двуцветной», полярной гамме — «черное — белое») к размышлениям о смысле и политической оценке царей, государственных деятелей и деятелей церкви. Тогда же начали появляться первые исторические произведения, созданные вне правительственных и церковных кругов, например «Повесть об Азовском сидении» (1637–1642).

Что пером летописца движут политические страсти, доказал великий русский ученый, создатель научного летописеведения А.А. Шахматов (1864—1920), и с этим согласно большинство современных серьезных исследователей. «Летопись не адекватна самой жизни, — отмечает академик Б.А. Рыбаков [Рыбаков, 1982, с. 110—111], — во-первых, потому, что знакомит читателя далеко не со всеми разделами жизни русского общества, а во-вторых, потому, что каждый из летописцев воспринимал и отображал события неизбежно субъективно. Субъективизм летописцев заставляет нас рассматривать летописи как источник лишь после того, как будет выяснена классовая и политическая позиция каждого летописца, его историческая концепция... Старые летописи перedelывались, дополнялись или сокращались, редактировались; их приноравливали в позднейшее время к своим вкусам и политическим симпатиям. Из нескольких летописей средневековые историки делали «летописный свод», своеобразную хрестоматию разных исторических сочинений. Летописи-хроники, летописные своды, повести, включенные в летописи, вплетались друг в друга, перedelывались, переписывались в разных комбинациях и сплетениях. Дошедшие до нас поздние списки представляют собой причудливое переплетение разных эпох, разных мыслей, разных тенденций, разных литературных стилей. Безвозвратно прошло то время, когда историки черпали из летописной сокровищницы и, пренебрегая этими различиями, цитировали без разбора отдельные фразы: «летопись говорит...», «летописец сказал...». Такого общего котла летописных сведений нет, летописью можно пользоваться только после того, как будет со всей доступной нам четкостью определено происхождение нужного нам отрывка, когда в результате анализа проступят хотя бы контурные очертания воззрений и убеждений автора. Мы можем сейчас использовать летопись как исторический источник лишь потому, что многие десятки русских ученых на протяжении двух веков тщательно и осторожно распутывали сложный клубок летописных переплетений».

История — наука политическая. Она была такой во все времена. Во все времена власть предрежащие проявляли по-

вышенный интерес к тому, как освещается их деятельность на страницах летописей и хроник: ведь в историю, как известно, можно *попасть*, а можно и *влипнуть*. Этим объясняется то стремление к контролю за историографическими сочинениями, которое присуще любой авторитарной власти, и, естественно, не только в России и не только в древние времена.

В XVI веке текст «Летописца начала царствования» подвергался редактированию под личным наблюдением царя Ивана Грозного. Текст «Нового летописца» (1630), посвященного событиям Смутного времени и воцарению Романовых, составлялся при царском дворе, а по указанию патриарха Никона он был затем отредактирован, получив название «Летопись о многих мятежах». Многие взгляды на историю России в XVIII столетии сформировались под влиянием политических оценок, сделанных Екатериной II в ее «Записках». Можно вспомнить и о том, как писался «Краткий курс истории партии» при Сталине и после него.

Поэтому совершенно несостоятельными являются появившиеся в последние годы утверждения (их уже стали повторять даже не очень глупые люди), что источники по русской истории якобы искажены какими-то *тайными* злопыхателями. Да, историческая истина в летописях искажена, иногда до неузнаваемости искажена, но причин этому, как всегда, было две. С одной стороны — это естественная информационная энтропия (потеря, рассеяние информации со временем), с другой — нарочитые поправки, делавшиеся всегда с ведома и благословения великих князей, царей, митрополитов, патриархов и других политических деятелей. «Политика — грязное дело» — эта фраза сегодня стала расхожей. Но кто вам сказал, что она была когда-то «чистым» делом?

Сообразуясь с политическими или иными целями, составители летописей часто шли на откровенные фальсификации. Гораздо позднее, в XVIII–XX веках, широкое распространение получили фальсификации исторических источников (одна из самых известных фальшивок — пресловутая «Велесова книга»). Эти фальсификации, как правило, имели

политические (к примеру, династические) или иные идейные мотивы (например, пропаганда язычества в противовес христианству — весьма популярная тема у русских масонов), но иногда объяснялись и просто чьим-либо желанием прославиться и т.п. [подробнее об этом см.: Козлов В.П., *Тайны фальсификации*. М., 1994, 1996].

В результате позднейших искажений летописное сообщение теряет значение достоверного источника, превращаясь в сложный многослойный текст, вычленив из которого истину бывает порой довольно трудно. Воспринимать текст источника в том виде, в котором он дошел до нас в результате многократного переписывания, нельзя без специального анализа. Этим занимается специальная историческая дисциплина — текстология. Но и на этом пути лежат многие подводные камни, так как при тенденциозном подходе к тем или иным историческим событиям возникает соблазн объявить то или иное сообщение летописи недостоверным, если оно не работает на взгляды и установки историка, особенно если эти взгляды и установки лежат в русле господствующей идеологии или иной тенденции. В результате вместо широкого исторического анализа возникает тенденциозно подобранная и соответствующим образом оформленная выборка фактов, служащая обоснованием позиции автора. Но и противники этого поступают аналогично, нередко в том же самом источнике ища доводы в свою пользу и выстраивая свою собственную выборку фактов.

Таким образом, любое историческое исследование, любая историческая работа — это *практически всегда выборка*, при которой многие факты остаются «за бортом». Увы, это неустранимо, и мы специально хотим обратить внимание читателя на это обстоятельство. И, конечно, было бы несправедливым считать, что оно обусловлено только политической ангажированностью исследователей. Историк, как и любой исследователь, может просто быть уверенным в том, что какие-то исследовательские методы непродуктивны, и отвергать получаемые ими результаты, а вместе с ними и ту группу фактов, которая этими методами выявляется.

Скажем, некоторые лингвисты считают, что материаль-

ная культура какого-либо социума, выявляемая археологически, никак не связана с его этнической принадлежностью, то есть не является этническим маркером. И для них археологические поиски предков тех же славян и исходной территории их формирования — занятие совершенно бесплодное, а факты, добытые таким путем, ни о чем не говорят. Но есть и археологи, и историки, которые уверены, что язык в определенных исторических условиях может быть навязан совершенно «постороннему» этносу, и в довольно короткие сроки, а потому он зачастую никак не связан с его этническим самосознанием и многовековой этнической культурой. Поэтому сводить историю какого-либо народа к истории его языка — вещь совершенно бессмысленная.

Подобные же разногласия существуют и среди тех историков, которые изучают письменные источники. И здесь формирование *выборки* предпочтительных документов неизбежно. Скажем, большинство современных исследователей уверено, что всевозможные генеалогические легенды о происхождении какого-то народа от первопредка, носящего имя этого народа (Эллин, Скиф, Славен, Чех, Лех, Рус и т.д.) — типичные примеры сугубо мифологического мышления. А, как мы не раз говорили выше, такими легендами буквально переполнены средневековые «Истории» самых разных авторов! И, естественно, факты подобного рода всегда останутся «за бортом» у исследователей такой ориентации. Зато, если считать генеалогические легенды действительно *историческими фактами*, то история любого народа поразительным образом либо упрощается, либо расплывется как во времени, так и в пространстве. Это мы пытались показать, рассказав вкратце об Иоакимовой летописи и о «панславянской» истории Мауро Орбини. Истории разных народов вдруг оказываются историей одного народа, она может охватить огромную территорию и опуститься на тысячелетия в глубь времен и т.п.

Нечто подобное происходит в таком случае и с историческими личностями. Они становятся иногда невероятно долгоживущими, или «стяжными» — когда к одному исто-

рическому персонажу «стягиваются» события, на самом деле происходившие с несколькими. Подобные примеры, приведенные нами выше, читатель, наверное, помнит. Так что иногда выборочное использование историком только определенных документов может быть обусловлено вполне рациональной тягой к устранению такой расплывчатости, к стремлению конкретизировать «действующих лиц и исполнителей» важных исторических событий.

Однако из всего сказанного следует иногда и такое: когда кто-то вдруг «подбирает» эти, отброшенные другими исследователями, факты и логически увязывает их, у него получается совершенно, казалось бы, непривычная историческая картина, которую или по причине слабой осведомленности, или в рекламных целях авторы тут же спешат называть «новым взглядом на историю». Так возникает тема «переписывания истории».

КАК ПЕРЕПИСЫВАЕТСЯ ИСТОРИЯ

«Надо знать историю своей страны!» — еще одна расхожая фраза. Хорошо бы, конечно, знать, да только вот беда: знать историю невозможно, как невозможно знать математику, молекулярную биологию или геофизику. Процесс накопления исторических знаний, их осмысления, совершенствования методов исторического исследования непрерывный и динамичный. Еще в XIX веке казалось, что можно написать всеобъемлющий труд по истории России, и Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский и другие пытались создать такой труд. В XX веке стало вполне ясно, что написать «Историю России» невозможно — прежде всего, в силу огромного количества новых выявленных исторических данных, существенно, а иногда и кардинально меняющих привычную картину. С позиций сегодняшнего дня и «История Государства Российского» Карамзина, и «История России с древнейших времен» Соловьева во многом безнадежно устарели.

Поэтому обычно призыв «знать историю» означает —

знать основные положения господствующего *исторического мифа* и уметь ориентироваться в пространстве этого мифа.

Напомним читателю: еще во второй главе этой книги мы говорили о том, что человеческое историческое мышление «устроено» специфическим образом. По мере отдаления исторических событий от сегодняшнего момента в глубину времен события истории складываются в эпос, а затем плавно переходят в миф. И это — нормальный процесс осмысления человеческого опыта, сведения его к главным типологическим персонажам и главным жизненным сюжетам, с помощью которых вырабатываются наиболее универсальные «стратегии поведения». Сейчас же мы говорим о другом. Даже в современном, казалось бы, насквозь рационализированном обществе, можно *создать исторический миф* о совсем недавних событиях. И не так уж и много для этого надо: достаточно составить некое их описание и *канонизировать* его, объявив во всеуслышание и с высоких трибун «истиной в конечной инстанции»! А поскольку из этой «истины» власть предержащими делаются определенные выводы относительно того, какой должна быть современная политика «в свете событий нашей истории», то рядовому человеку приходится в целях выживания правильно ориентироваться в пространстве этого мифа, то есть вести себя так, как если бы он *верил* в его истинность. Именно поэтому мы говорим здесь не об *исторических сказках*, а об *исторических мифах*: о сказке знают, что она — ложь, и так ее и воспринимают, а миф — это принятая обществом «картина мира», то есть вещь вполне серьезная.

А как же быть с историей? Конечно, раз невозможно до конца «знать историю», то невозможно и «переписывать» ее, можно лишь продолжать изучать ее и уточнять. Зато можно сколько угодно переписывать исторический миф, господствующий в общественном сознании. Именно эта регулярно повторяющаяся в соответствии с текущими политическими потребностями процедура вызывает такую болезненную реакцию у тех, кто «знает историю своей страны». Тогда начинают звучать громкие вопли об «очернении», «оплевывании» истории Отечества, о недопустимости «переписывания

истории» и т.п., хотя, повторяем, речь идет не об истории, а об историческом мифе.

Конечно, со всех здравых точек зрения желательно, чтобы гражданин России имел ясное представление об истории своей страны — у нас великая история, и нам есть чем гордиться и без всяких культовых мифов. Но это, увы, вряд ли возможно. Во-первых, мало найдется желающих вникать и добросовестно разбираться в том нагромождении проблем, с которыми приходится иметь дело ученым-историкам, гораздо проще освоить школьную программу, а потом время от времени утолять свою жажду познания чтением исторических романов либо насквозь тенденциозных исторических реконструкций в духе Л.Н. Гумилева. Во-вторых — и это самое важное — никто, по большому счету, и не заинтересован в том, чтобы гражданин России «свое суждение имел»: напомним, история — наука политическая, и ее политическая ангажированность проявляется, в частности, в том, что разные политические силы используют разные исторические мифы как важный инструмент политической пропаганды. В зависимости от целей и задач политики эти мифы могут меняться, но цель — политическая пропаганда идей данного режима или данной партии — всегда неизменна. Добавим к этому и межнациональные споры, когда в ход идут аргументы об «исконности» тех или иных земель того или иного народа.

Сама подобная постановка вопроса неправомерна, ибо ни у кого ничего «исконного» в реальной истории нет. Как мы пытались показать еще в первой главе, археологической в основном, нет такого народа на Земле (в том числе и на территории России), который мог бы считать себя в полном смысле слова *аборигеном* там, где он живет. Любой народ, любой этнос — всегда *метис*, и метис «многослойный», многокомпонентный. И не все компоненты, его составляющие, могут быть выявлены даже в «письменную» эпоху, а ведь большинство из них уходит, естественно, в эпоху «дописьменную» и теряется в «допотопных» глубинах истории. Тем не менее на почве доказательств «исконности» вырастают откровенно политизированные научные теории и их ан-

титезы (например, «норманизм» — «антинорманизм»). В этом случае историческая наука призывается обслуживать современные (на данный момент) политические концепции и опровергать «враждебные» теории.

Спрос рождает предложение: раз существует политический спрос на историю, то, к сожалению, находятся и ученые-историки, готовые обслуживать этот спрос. Можно вспомнить, например, что М.П. Погодин и ряд солидарных с ним ученых рассматривали историческую науку как «охранительницу и блюстительницу общественного спокойствия». Точно так же относились к исторической науке и коммунистические правители, считавшие, что она должна обслуживать правящий режим, не столько занимаясь поисками истины, сколько культивируя и обслуживая господствующий исторический миф.

Падение коммунистического режима вызвало и разрушение официального исторического мифа. Общественное сознание откликнулось на это событие стонами об «очернении» и «оплевывании» отечественной истории. Одновременно, адекватно отражая возникший в обществе политический плюрализм, началось формирование сразу нескольких исторических мифов (обычно под заголовками «Правда против мифов»): некоммунистического, либерально-западнического, фашистского, евразийского, языческого (антихристианского), церковного... История, как никогда ранее, становится средством для обоснования политических программ различных партий и течений. Примером может служить набирающая в последние годы силу кампания по мифологизации образа Николая II. Любопытно, что для создания мифа вовсе не играет роли наличие или отсутствие исторических документов и «темные» времена IX–X веков мифологизируются так же успешно, как и отлично документированное время Николая II — ведь при создании мифа историческая истина отвергается напрочь, если она не укладывается в русло политической тенденции мифа.

Параллельное существование в современном российском обществе нескольких исторических мифов (надолго ли?) имеет и свое обратное воздействие — оно ведет к раздроб-

ленности исторической науки, к расхождению среди ученых не по научным вопросам, а по партийной, социальной, национальной ориентации.

В этих условиях, как никогда ранее, появилось огромное количество «исторических» книг, не имеющих ничего общего ни с историей, ни со здравым смыслом, авторы которых преследуют только одну цель: создание исторического мифа, соответствующего либо их убеждениям, либо политическому заказу. Мы не будем здесь перечислять все имена, «прославившиеся» на почве современного исторического мифотворчества, чтобы не делать рекламу этим авторам. Отметим только, что среди них почти нет историков, зато есть доктора физико-математических, психологических и философских наук, давно забытые и никому не интересные литературные критики, партийные и комсомольские пропагандисты, летчики, митрополиты, драматурги — нет, кажется, пока только слесарей-сантехников. Невольно вспоминаются не столь далекие времена, когда все были «специалистами» по сельскому хозяйству; потом вдруг все кинулись в экономику; теперь стало модным рассуждать на исторические темы...

К сожалению, наша историческая наука проспала этот бум. Сегодня выходит очень мало по-настоящему профессионально, интересно написанных книг по истории. Безумные псевдоисторические мифы продолжают плодиться и забивать мозги читателям, и в этом, увы, вина не только авторов этих сочинений. На них есть спрос, а причина спроса — в привычке жить в пространстве исторического мифа, в привычке глотать кем-то уже пережеванную пищу. Напрасно наши историки пытаются отмолчаться по поводу этого явления — практика XX века наглядно показала, что это «молчание ягнят» оканчивается тем, что «ягнят» отправляют на заклание — либо в распыл, либо в места не столь отдаленные, а уцелевшие начинают ревностно обслуживать господствующий исторический миф. И где гарантия, что завтра «новая хронология» или какой-нибудь бред про арктическую арийскую цивилизацию не станут историческим каноном?

В глазах обывателя миф важнее исторической правды.

Миф формирует общественное сознание, стереотипы мышления и поведения, поэтому он так удобен с точки зрения управления поведением человеческой массы — ведь именно для этого он и сочиняется! Как тут снова не вспомнить знаменитого Снорри Стурлуссона и его «Младшую Эдду», о которой мы говорили в конце второй главы. Снорри, наверное, был первым в мире историком, который в приключениях потомка Асов Гюльви показал, как правящие людьми Асы — тоже люди, хотя и *маги* — *придумывают мифы о себе*, а потом «внедряют» их в сознание людей! Что у Снорри они *маги* — это простительно для человека XIII века. Но в понимании того, как и зачем *создается миф*, он, несомненно, опередил историческую мысль на много веков. Поистине, гениальный был историк!

Поэтому современный человек и подавно должен понимать, что миф, в том числе и исторический, во все времена был надежным и важным инструментом политики. Миф питает чувства: гордость, злобу, любовь, ненависть. Миф возбуждает эмоции, создавая комфортную для каждого психологическую атмосферу. Таким образом, миф востребован обществом в гораздо большей степени, чем наука и, по большому счету, нужнее общественному сознанию. Поэтому так болезненны периоды ломки мифов, хотя полностью выбить устаревшие мифологемы из общественного сознания практически невозможно. Сколько бы вы не приводили разумных доводов в пользу того или иного положения, ответ всегда будет один: «не верю!». Что поделаешь, мифологическое сознание живет исключительно верой и эмоциями. Но реальность всегда разбивала и будет разбивать любые иллюзии.

ЛИТЕРАТУРА

- Козлов. В.П. Тайны фальсификации, 1-е издание. — М., 1994; 2-е издание — М., 1996.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и древнерусские княжества. — М., 1982.

Содержание

Введение	5
Глава 1	
СЛАВЯНЕ, КТО ВЫ И ОТКУДА?	40
Глава 2	
РУСЬ, ГДЕ ТЫ?	122
Глава 3	
КТО ВЫ, РУССКИЕ КНЯЗЬЯ?	201
Глава 4	
КОМУ ТЫ МОЛИШЬСЯ, РУСЬ?	285
Глава 5	
ЗАГАДКИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ	339
Заключение	499

Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю.
Б 95 Загадки Древней Руси. — М.: Вече, 2000. — 512 с.

ISBN 5-7838-0687-0

Новая книга хорошо известной серии «Великие тайны» — о загадках Древней Руси, которых более чем достаточно: кто такие славяне, где в древние времена проходила граница Руси и «откуда есть пошла Русская земля», кто были первые русские князья, как устанавливалось христианство на Руси и, наконец, какие неразгаданные тайны хранит всем известная Куликовская битва?

**А.А. Бычков, А.Ю. Низовский,
П.Ю. Черносвитов**

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Генеральный директор *Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В. Еленский*

Главный редактор *С. Дмитриев*

Редактор *И. Никифорова*

Корректор *Н. Киселева*

Художественное оформление — «Вече-графика» *О. Фирсов*

Верстка *Н. Ищук*

ЛР № 064614 от 03.06.96

Издательство «Вече», 129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.

Наши электронные адреса:

www.VECHE.RU

E-mail: veche@mail.sitek.net

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
307продукции ОК-ОО-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01757.Т.98 от 07.09.98

Подписано в печать 20.07.2000. Формат 84х 108^{1/32}.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 16,0. Тираж 10 000 экз. Заказ 2101

отпечатано в Тульской типографии

300600, г. Тула, пр. Ленина 109

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Загадок, которые и по сей день хранит древняя Русь, более чем достаточно. Славяне, кто они и откуда? Кто были самые далекие предки современных европейских народов, в том числе славян? Что означает слово рус или рос? Какими в действительности были первые русские князья? Когда и как произошло крещение Руси? Все ли мы знаем о знаменитой Куликовской битве? Авторы книги предлагают свои версии ответов на загадки древней Руси.

ISBN 5-7838-0687-0

9 785783 806872